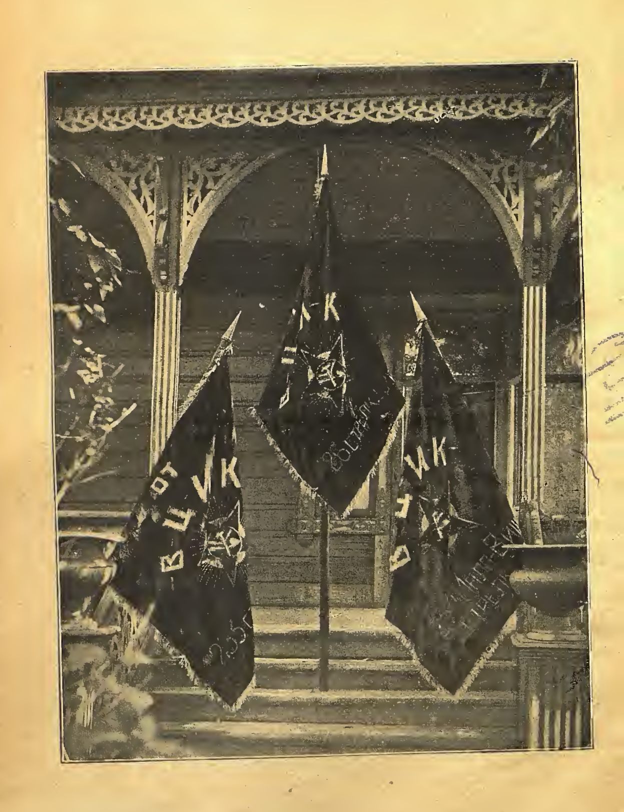

ВЦИК

ВОСПОМИНАНИЯ

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (БОЛЬШЕВИКОВ)

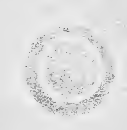
БОРЬБА ЗА УРАЛ И СИБИРЬ

ВОСПОМИНАНИЯ И СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ БОРЬБЫ С УЧРЕДИЛОВСКОЙ И КОЛЧАКОВСКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

И. Н. СМИРНОВА, И. П. ФЛЕРОВСКОГО и Я. Я. ГРУНТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД



Напечатано в типографии Госиздата
„Красный Пролетарий", Москва,
Пименовская улица, д. 16,
в количестве 5.000 экз.
Главлит № 56772.
Гиз № 15823.

☆ ☆
☆

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Этот сборник был задуман около двух лет тому назад группой участников гражданской войны на Восточном фронте.

Распыленность товарищей по всему СССР, загруженность советской работой, на которой большинство их находится, и... непривычка к литературному труду надолго задержали выпуск сборника. Были и сомнения: стоит ли издавать, не поздно ли, ведь уж и пятая Армия расформирована.

Но пусть, хоть и с большим запозданием, будет записано, запечатлено то, что̀ и ка̀к было сделано на восточном участке фронта в эту неповторяемую эпоху. Она уже отходит в историю; ее отдельные деятели один за другим сходят со сцены; из памяти стираются отдельные моменты пережитого.

Надо было бы дать историю пятой Армии с момента ее зарождения под Казанью до ликвидации Колчака и атамана Семенова, осветить ее роль в организации Советской власти в Сибири и участие в хозяйственной работе.

Но наших сил на это сейчас нехватило.

Пусть читатель не ждет чего-либо художественного, даже просто литературного от нашего сборника, ибо он составлен людьми, никогда литературой не занимавшимися, но в воспоминаниях его участников он найдет верное отражение минувшей эпохи.

Быть может, этот сборник пригодится как материал будущему историку Октябрьской революции,—на большее мы не претендуем.

Редакционная группа.

ПРИВЕТСТВИЕ ТОВ. ЛЕНИНА ПЯТОЙ АРМИИ.

В день первой годовщины пятой Армии от В. И. Ленина была получена следующая телеграмма:

„В годовщину создания пятой Армии, которая за один год из небольшой группы стала армией, сильной революционным порывом, сплоченной в победоносных боях при защите Волги и разгроме колчаковских отрядов, — Совет Рабочей и Крестьянской Обороны шлет красным героям товарищеский привет и выражает благодарность за все труды и лишения, вынесенные Армией при защите Социалистической Революции. В возмещение материальных лишений, выпавших на долю Армии в тяжелой боевой работе, выдать всем красноармейцам и командному составу пятой Армии месячный оклад жалованья“.

Председатель Совета Обороны ЛЕНИН.

8 августа 1919 г.
Кремль.

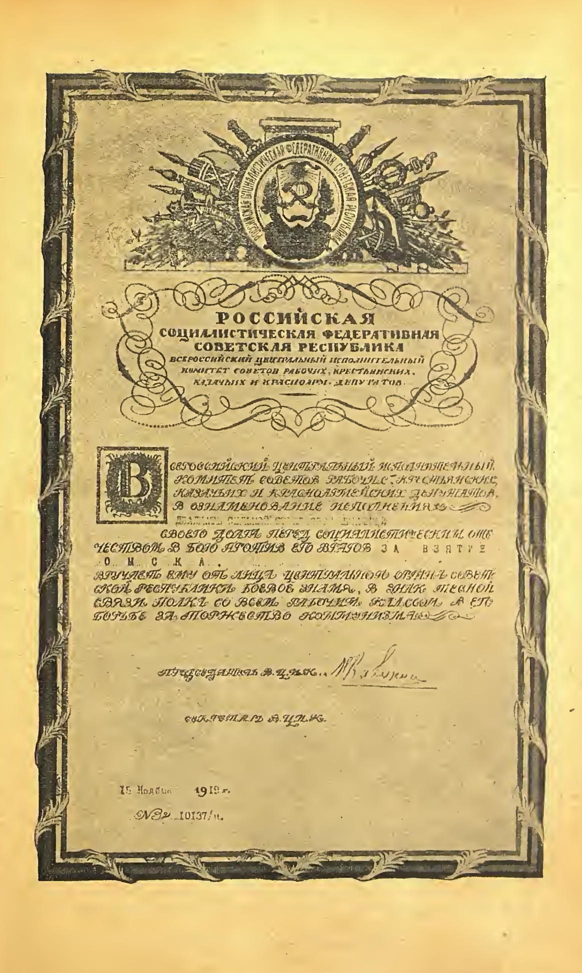
ПЯТОЙ АРМИИ ОТ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ.

5 августа 1918 года возникла под стенами захваченной белыми Казани небольшая группа красных войск. Эта группа была приказом названа „пятой Армией“. Лучшие работники Москвы и Петрограда и всей страны помогли небольшому отряду тут же превратиться в крепкую, сплоченную, победоносную армию. В борьбе с чехо-словаками, как и в борьбе с Колчаком, пятая Армия занимала и занимает одно из первых мест.

Приветствуя пятую Армию в годовщину ее рождения, считаю долгом вручить Армии почетное знамя, полученное мною из рук Московского Совета для доблестной части. На знамени укреплен орден Красного Знамени, которое отныне будет отличать пятую Армию в целом.

При расформировании пятой Армии, после окончательной победы над врагом, почетное знамя займет место в музее Красной Армии в качестве священной революционной реликвии.

Председатель Революционного Военного Совета Республики, Народный Комиссар по Военным и Морским Делам Л. ТРОЦКИЙ.



РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ,
КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМ. ДЕПУТАТОВ.

Всероссийский Центральный Исполнительный
Комитет Советов Рабочих, Крестьянских,
Казачьих и Красноармейских Депутатов,
в ознаменование исполнения
[illegible]
своего долга перед социалистическим оте
чеством в бою против его врагов ЗА ВЗЯТИЕ
О. М. С. К. А.,
вручает ему от лица Центральной власти Совет
ской Республики боевое знамя, в знак тесной
связи полка со всем рабочим классом в его
борьбе за торжество коммунизма.

Председатель В.Ц.И.К.

Секретарь В.Ц.И.К.

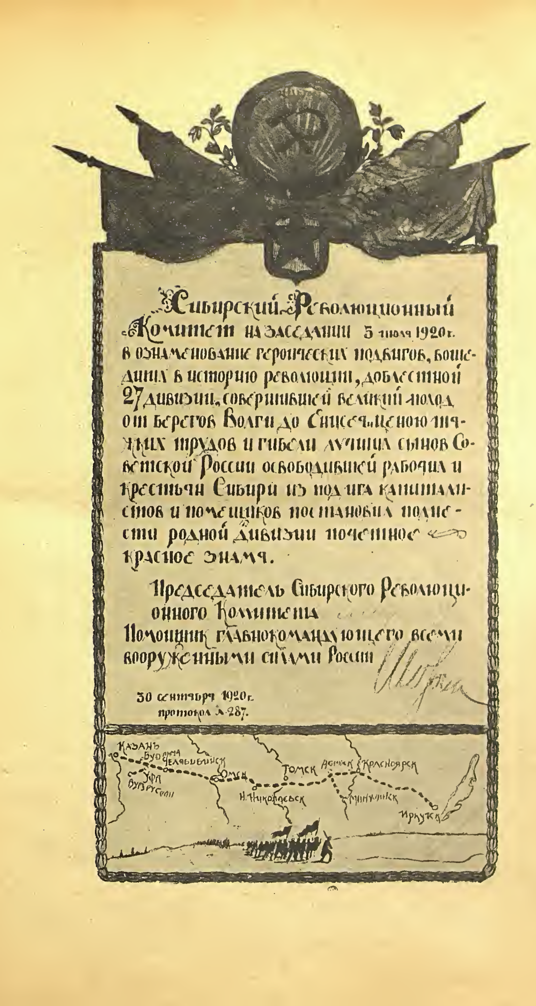
15 Ноября 1919 г.

№ 10137/н.

О ЗАСЛУГАХ ПОБЕДОНОСНОЙ ПЯТОЙ АРМИИ.

В день годовщины пятой Армии Революционный Военный Совет Республики постановил: занести имя пятой Армии на почетную доску в зале Красного Знамени Реввоенсовета Республики и наградить командующего пятой Армии тов. Тухачевского за блестящее руководство победоносной Армией орденом Красного Знамени.

Революционный Военный Совет Республики.



Сибирский Революционный Комитет на заседании 5 июля 1920 г. в ознаменование героических подвигов, вошедших в историю революции, доблестной 27 дивизии, совершившей великий поход от берегов Волги до Енисея, ценою тяжких трудов и гибели лучших сынов Советской России освободившей рабочих и крестьян Сибири из под ига капиталистов и помещиков постановил поднести родной дивизии почетное красное знамя.

Председатель Сибирского Революционного Комитета
Помощник главнокомандующего всеми вооруженными силами России

30 сентября 1920 г.
протокол № 287.

„ПРИВЕТ ТОВАРИЩАМ РОССИИ“.

(Освобожденный Алтай—пятой Армии.)

От имени сибирского пролетариата и всех трудящихся масс края, мы, в лице Алтайского Краевого Совета, выражаем неограниченную радость по поводу победоносного освобождения трудового народа от угнетателей-капиталистов и самозванца Колчака.

Товарищи освободители, ваши имена история не позабудет!

Великих борцов за освобождение мира от вечных неправд — мы не можем отблагодарить вас за услуги, принесенные человечеству, ибо это выше всяких похвал и благодарностей; но благодарим всей силой нашего чувства и нашей души за ваш великий подвиг и самоотверженность в борьбе за дело свободы.

Пройденный вами путь обагрен вашей кровью — кровью самоотверженных борцов. С вашим приходом в мрачные степи Сибири прекратились потоки невинной крови тружеников, смолкли стоны истязуемых от произвола пошлых тиранов.

Кто может сказать о страшных драмах смерти и пережитых ужасах? Сибирское небо и необъятные степи Сибири были свидетелями страшных оргий смерти: они наблюдали, когда бились в предсмертных агониях тела; они слышали страшные стоны мучеников за свободу, пред чем бледнеет средневековье. Делали это варвары нашего времени: капиталисты, цивилизованные деспоты XX века.

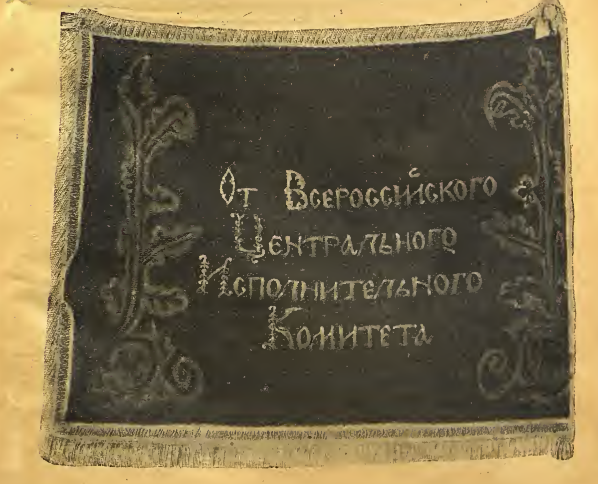
И вы, товарищи, — освободители тружеников и угнетенных от цепей векового рабства, унижений и пыток! Вы порвали вечные оковы порабощения, зажгли мировой факел свободы.

Привет вам, освободители!

Алтайский Краевой Совет Крестьянских, Рабочих и Красноармейских Депутатов.

25 декабря 1919 г.

СЛАВА
КРАСНЫМ ГЕРОЯМ
ОСВОБОДИВШИМ
РАБОЧИХ и КРЕСТЬЯН
ОТ
ВОЛГИ ДО БАЙКАЛА



СЛАВА ГЕРОЯМ.

(Из приказа по Армии.)

В жестоких боях под Верхне-Уральском N стр. полк, будучи брошен в помощь N дивизии, удачным маневром противника был окружен, и лишь незначительному числу красноармейцев этого полка удалось пробиться сквозь кольцо белогвардейцев и соединиться со своими. Вся же остальная часть полка со всем командным комиссарским составом была разоружена и уведена в плен, кроме комиссара полка тов. Петрова, который, не желая сдаться в плен, застрелился (вечная память тебе, верный товарищ!).

Теперь же, по прошествии почти 2-х месяцев, когда всех товарищей, попавших в плен, считали погибшими, получено известие, что из плена возвратилось до 1.300 чел. этого полка во главе со своим командиром и прочим командным составом. Вернулись они не с голыми руками, а с трофеями. Трофеи эти таковы: 46 пулеметов, до 300 повозок, много орудий и винтовок столько, что каждый из возвратившихся принес по две винтовки запасных.

Но, главным образом, необходимо отметить то, что несмотря на все лишения, которые вернувшимся товарищам приходилось претерпевать в белогвардейском плену, эти товарищи и там не забывали, что они являются членами Великой Красной Армии, несущей на своих знаменах лозунг раскрепощения трудящихся из-под ига капитала; они и там продолжали вести революционную работу, пропагандируя идеи классовой борьбы.

Результатом этой пропаганды было разложение в некоторых неприятельских частях, благодаря чему на нашу сторону перешли части 5-й белогвардейской дивизии во главе со своими офицерами.

Признавая за вернувшимися из плена товарищами глубокую заслугу перед Революцией и Красной Армией, Революционный Военный Совет N Армии выражает им свою искреннюю благодарность и надежду, что и в дальнейшем эти товарищи будут так же твердо стоять на страже Пролетарской Революции и высоко держать в своих могучих руках Красное Знамя борьбы за интересы Рабочих и Крестьян всего мира.

Реввоенсовет N Армии: ТУХАЧЕВСКИЙ, СМИРНОВ.

9 октября 1919 г.

С. КАНАТЧИКОВ.

ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕДИЛИ?

„Марксист не признает героев, — пишет мне один молодой поэт-уралец,—и вообще у нас герои не в чести, но как же назвать ту численно небольшую группу людей, которые ныне творят историю и легендарны гораздо более, чем все герои легенд истории старой.

И по тяжелым условиям неутомимой их работы, и по удивительным успехам ее, люди эти—для меня—остаются тем, чем всегда были—именно героями".

Из письма М. Горького к С. Канатчикову.

Молодому поколению весьма трудно представить себе, через какое горнило невероятно тяжелых испытаний прошли первые этапы борьбы за Советскую власть. На разоренную, истощенную четырехлетней империалистической войной нашу страну со всех сторон надвигались враги: с юга наступал ген. Деникин, с севера от Сибири двигался Колчак и на Петроград наступали войска Юденича.

Все эти армии белых генералов при поддержке западно-европейских капиталистов хорошо снабжались снарядами, обмундированием, съестными припасами и были руководимы хорошо обученным кадровым офицерским составом.

Что мы могли противопоставить напиравшим на нас этим белогвардейским полчищам?

Хлебные районы—Урал, Сибирь, Юг, Закавказье—от нас были отрезаны. Промышленность была разрушена. В стране свирепствовал голод. Петроградские рабочие — передовой отряд революции—получали по $1/8$ хлеба с мякиной.

Широкая обывательская масса роптала. То там, то здесь в городах вспыхивали заговоры. Кулацкие элементы в селах и деревнях, недовольные советским режимом, поднимали голову и устраивали восстания.

Наша Красная Армия в то время находилась еще только в зародышевом состоянии.

Ей приходилось строить свои ряды, производить обучение и формирование — буквально под огнем врага. Отряды Красной Гвардии хотя и дрались с большим энтузиазмом, но они не могли отразить хорошо организованные, дисциплинированные полки белых армий. Единственно, что мы могли противопоставить нашим врагам—белогвардейским бандам, это—воодушевление и энтузиазм рабочих и крестьянских масс, жгучей ненавистью ненавидевших капиталистов и помещиков, хотевших лучше умереть, но не пойти снова в рабство.

Это воодушевление рабоче-крестьянских масс в борьбе за свое освобождение сыграло решающую роль.

Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собою живое свидетельство героических подвигов и борьбы одного из участков нашего Восточного фронта, вынесшего на своих плечах тяжелое бремя борьбы за завоевание Сибири.

Участники этого сборника являются живыми свидетелями и руководителями пятой Армии, сражавшейся против колчаковских белогвардейских банд.

Пятая Армия формировалась, росла и крепла, в полном смысле этого слова, под огнем и непрерывным обстрелом наступавшего врага. Она проделала долгий, изнурительный, мучительно-трудный путь от Казани до Байкала, свыше 3.000 верст. Приходится удивляться, как эти незаметные рядовые герои—рабочие и крестьяне, составлявшие ряды Красной Армии, в зной, холод, при недостаточных питании и одежде могли проделать этот тяжелый поход.

Первоначальное основное ядро пятой Армии составилось из отрядов и полков питерских, московских, брянских, владимирских, курских, казанских, минских и др. рабочих. К ним постепенно вливались вначале крестьяне наиболее голодных губерний, Белоруссии, Аршанска, Гомеля, Калуги и др. Это была по преимуществу крестьянская беднота, проделавшая с нами всю гражданскую войну. Это основное ядро вскоре начало обрастать широкими массами середняцкого крестьянства.

Таким образом, наш лозунг — гегемонии пролетариата над крестьянством — осуществлялся и в этой гражданской войне с вооруженным до зубов врагом.

Нашей Красной Армии приходилось сражаться при чрезвычайно трудных и тяжелых условиях. Постоянно чувствовался недостаток в обмундировании, съестных припасах и в особенности в военном снаряжении. Чуждый нам по духу, командный состав нередко переходил к нашим врагам. Тут же на поле борьбы при-

ходилось готовить своих военных специалистов, выбирать наиболее честных и преданных специалистов старой, царской армии, приходилось заставлять их обучать военному делу рабочие и крестьянские массы, вначале плохо владевшие оружием. Однако объективная обстановка борьбы с капиталистами и помещиками благоприятствовала нам.

Когда чехо-словацкие отряды в 1918 г. впервые свергли Советскую власть в Сибири, сибирское крестьянство отнеслось к этому свержению почти безразлично.

По мере того как усиливалась и укреплялась в Сибири власть помещиков и капиталистов, возглавляемая Колчаком, туда стали стягиваться беженцы со всех концов центральной России, сохранившие навыки старого буржуазно-помещичьего режима. После этого колчаковская власть начала заводить те же самые порядки в Сибири, где не было крепостного права, какие были в центральной России. Она стала облагать крестьян непосильными налогами, производить мобилизации, вводить различные военные повинности и т. д. Сибирское крестьянство на опыте сразу же почувствовало различие между Советской властью и властью Колчака. Начался глухой ропот среди крестьянства, а затем последовали отдельные вспышки и восстания, главным образом в городах. Но эти восстания быстро подавлялись организованной военной силой и их участники расстреливались.

Одно из первых восстаний было в Томске, где восстало несколько батальонов мобилизованных солдат. Чувствуя свою беспомощность, солдаты стали искать руководителей движения; они бросились к тюрьме, предполагая найти там сидевших большевиков, которые, по их мнению, могли бы руководить восстанием. Однако, к своему удивлению, кроме обывателей, они там почти никого не нашли. Восстание быстро было подавлено юнкерской школой. Эти же восстания происходили и в других наиболее промышленных городах, где концентрировались рабочие, но, также будучи одинокими, изолированными, эти восстания быстро ликвидировались вооруженной силой. Кое-где начали возникать партизанские движения. В этом отношении история партизанских движений являет собою чрезвычайно интересные картины борьбы крестьянства с колчаковщиной. Центром партизанщины были Алтайская и Енисейская губернии и низовья реки Ангары, как раз те места, где всего больше было маломощного бедняцкого крестьянства.

За последние два десятилетия царское правительство навод-

нило Сибирь переселенцами. Эти сибирские новоселы оседали в вышеуказанных районах, не имея почти никаких средств для развития своего хозяйства: они бились в тисках нужды и являлись наиболее революционным элементом Сибири. Из них-то в первую очередь и главным образом формировались партизанские отряды. Но по мере того как колчаковская власть все более и более свирепствовала, больно ударяя по интересам старожильческого сибирского крестьянства, это последнее также стало примыкать к партизанам и шло вместе с ними сражаться против колчаковских регулярных войск. Правда, эта борьба почти нигде не имела успеха, и партизанам не удавалось даже перерезать Сибирскую магистраль для того, чтобы воспрепятствовать подвозу колчаковских войск и снаряжения. Но также и Колчаку нигде не удалось окончательно подавить партизанское движение. Эти обстоятельства в значительной мере облегчали задачу Красной Армии в борьбе с колчаковскими войсками. Как только пятая Армия подошла к Уралу, к ней стали присоединяться восставшие уральские рабочие, которые и пополняли ряды наших красных войск.

По мере продвижения пятой Армии в глубь Сибири, на ее сторону стали быстро переходить сначала отдельные отряды насильственно мобилизованных Колчаком крестьян, а затем мало-помалу и целые полки колчаковских войск. Впоследствии, незадолго до своего падения, в одной из своих речей сам Колчак в общем и целом довольно верно объяснил причину разгрома своей армии.

«Противнику удалось быстро перебросить в Сибирь новые резервы,—говорил Колчак,—и он быстро пополнял свои ряды местными силами, скорее, чем мы могли произвести мобилизацию, и армия наша отходит исключительно под давлением численно превосходящего нас врага. В чем причина этого явления?—спрашивает Колчак и отвечает:—Здесь целая совокупность различных условий, но суть сводится к одному положению: противник сумел скорее нас пополнить свои ряды новыми силами. Каким образом это произошло? Предшествующий опыт перехода на сторону красных наших частей, созданных из мобилизованных в прифронтовой полосе большевистски настроенных элементов, породил к новым пополнениям недоверие как начальствующих, так и старых бойцов. Посылали пополнения, но начальники отрядов отказывались разбавлять свои части этими пополнениями. Нам приходилось пополняться с большим разбором, а между тем наш противник свободно пользовался местной живой силой, как благоприятной для него. Опыт войны в Англии показал, — продолжает объяснять Колчак

причины своих неудач, — что для подготовки хорошего пополнения необходимо потратить не менее шести месяцев. У нас для такого длительного обучения не было времени. Противник же заполнял свои ряды без всякой подготовки».

И это было в действительности так: Колчаку, прежде чем бросать мобилизованные части на фронт, приходилось их в течение шести месяцев держать в казармах, муштровать, запугивать, забивать, дабы превратить мобилизованного крестьянина в бездушную машину. Для этого, естественно, требовалось много времени. У нас дело обстояло иначе, Красная Армия пополнялась рабочими и крестьянами прифронтовой полосы, дружески к нам настроенными, ненавидевшими Колчака, и поэтому нам нечего было опасаться с их стороны перебежек и измен. Для превращения крестьянина или рабочего в солдата нам требовалось немного времени, остальное дополнялось энтузиазмом и воодушевлением.

Вот, например, что рассказывает один из авторов настоящего сборника по этому поводу.

Под Челябинском, где у нас шли кровопролитные бои с колчаковщиной, «Революционный Совет пятой Армии принял решение произвести мобилизацию в Челябинской губернии. Не было никакой организованной власти в селах, никакого государственного принудительного аппарата, мобилизация могла удасться лишь как добровольная явка крестьян. И она была объявлена. Результат мобилизации превзошел все наши ожидания: в течение двух недель явилось 24.000 человек. Даже в тех волостях, которые покидала отступающая Красная Армия, крестьяне шли в армию. Мобилизация прошла самотеком. Особенно удачно произошла мобилизация в Кустанае. Там было незадолго до нашего прихода крестьянское восстание. Белые жестоко расправились с восставшими. Всех вооруженных убивали, а руководителя восстания повесили на площади».

К концу 1919 года армия Колчака была разбита. Омск, бывш. столица Колчака, где стоял тридцатитысячный гарнизон, был взят без выстрела, ибо армия Колчака была уже небоеспособной. А дальше идет быстрое наступление пятой Армии вдоль Сибирской магистрали. Штабы Колчака и он сам в панике бегут на восток, но Красная Армия настигает их по дороге, так как забитые железнодорожные линии не давали возможности им делать более 50 верст в сутки. Наконец, последний бой около Томска у ст. Тайга, где происходит столкновение с первоначальным ядром колчаковской армии — польскими легионерами. Пятая Ар-

мия быстро расправилась с ними, в трескучий мороз, оставив их на месте свыше 4.000. Дальше следовали небольшие стычки с чехо-словацкими отрядами и, наконец, захват и расстрел самого верховного правителя главнокомандующего Колчака. Так кончилась эта героическая борьба за овладение Волгой, Уралом и Сибирью. Однако тяжесть и страдания пятой Армии на этом не закончились. Страшный бич голодной и оборванной пятой Армии—тиф—стал косить ее бойцов огромными массами. Чуть ли не половина армии лежала в тифу. Почти все ответственные руководители пятой Армии переболели тифом, а некоторые из них умерли. Последним отрядом опоры колчаковщины были те самые чужеземные войска Чехо-Словакии, которые начали свергать Советы и первые вступили с нами в бой. С ними пришлось вступить в мирные переговоры. Не желая дальнейших разрешений, которые неизбежно влекли за собой дальнейшие военные действия, Советское правительство обеспечило пропуск чехо-словакам на Дальний Восток. После ликвидации этой ожесточенной войны перед Советской властью в Сибири во весь рост встали другие трудности, это — справиться с самовольными партизанскими отрядами, оторванными от своих разрушенных пепелищ и оставшимися почти без крова. Нужно было приняться за восстановление разрушенной Сибирской магистрали, жел.-дор. мостов и вообще хозяйственного строительства Сибири. И во всем этом пятая Армия также принимала самое деятельное участие и проявляла чудеса героизма и самоотверженности. Вот что писал тов. Ленин, с напряженным вниманием следивший за борьбой Красной Армии в Сибири, в письме, обращенном к рабочим и крестьянам по поводу первых побед над Колчаком:

«Товарищи! Красные войска освободили от Колчака весь Урал и начали освобождение Сибири. Рабочие и крестьяне Урала и Сибири с восторгом встречают Советскую власть, ибо она выметает железной метлой всю помещичью и капиталистическую сволочь, которая замучила народ поборами, издевательствами, поркой, восстановлением царского угнетения».

Далее тов. Ленин в этом письме дает ряд указаний, как нужно вести войну с белогвардейцами, как нужно соблюдать дисциплину, а также предостерегает от агитации меньшевиков и эсеров, взрастивших Колчака и помогавших ему в борьбе с Советской властью.

Таковы героические страницы борьбы и подвиги недалекого прошлого.

ПУТНА.

ПЯТАЯ АРМИЯ В БОРЬБЕ ЗА УРАЛ И СИБИРЬ.

Выступление чехо-словацкого корпуса против Советов, в конце мая 1918 года, захватившего почти одновременно все крупные города по Сибирской дороге и в Приуральи, совершенное по плану и под влиянием «союзников», послужило сигналом всем внутренним контр-революционным силам к свержению Советской власти. От Пензы до Иркутска озорничали чехи, к которым стали присоединяться разные белогвардейские банды и казачьи отряды. Незначительные красные отряды Сибири, Урала и Поволжья были быстро истреблены хорошо вооруженным, слаженным и обученным чехо-словацким корпусом, насчитывавшим от 40 до 50 тысяч бойцов. Только на Дальнем Востоке в Забайкальи и у Хабаровска части красных отрядов удалось не только оградить себя от истребления, но и долгое время поддерживать неустанную борьбу с белыми. Под защитой чехов в Омске образовалось «временное Сибирское правительство», а в Поволжьи в Самаре меньшевики и эсеры воскресили учредилку под фирмой «комитета учредительного собрания». Эти организации немедля стали формировать силы для борьбы с Советской властью. Чехо-словацкое командование, прикрывавшее контр-революционную деятельность в Самаре и Омске, получило задание от Антанты образовать в Поволжьи фронт, который, продвинутый через остаток Советской России, мог бы образовать новый противонемецкий фронт на востоке. По пути выполнения этого задания чехи и пошли, когда стали распространяться вверх по Волге. Малочисленные, слабо сорганизованные и невооруженные, отряды Красной Армии тогда еще не могли оказать должного сопротивления чехам и белогвардейцам.

6 августа 1918 года разрозненные остатки и без того слабых наших отрядов бежали на северо-запад из Казани, павшей под ударом чехов и белогвардейцев.

Бежали так, как бегут после поражения, кажущегося последним и непоправимым; ...но небольшая кучка красных, упорно

цепляясь за каждую складку местности, к тому же вначале не столь сильно преследуемая белыми, торжествовавшими свою победу в Казани, осела в предмостных окопах на левом берегу Волги и у Свияжска—на правом.

Осела с решимостью драться до конца. Или дать отпор белым, или погибнуть, хоть задержав темп их продвижения к сердцу Советской земли — Москве.

Через пару дней после падения Казани к Свияжску приехал тов. Троцкий, потекли эшелоны подкреплений. К этому времени по всему жидкому и прерывчатому фронту стали обнаруживаться попытки белых теснить нас дальше. Неруководимые, неорганизованные для планомерного взаимодействия, отдельные отряды решили драться... Дрались жестоко, свою тактическую неопытность расточительно возмещая мужеством, подчас лихостью, нередко кровью...

Напор белых усиливался. В их действиях чувствовалась большая планомерность. Это был период их предельных успехов на Волге. Они на протяжении от Хвалынска до Казани переправились на правый берег Волги и обнаруживали склонность распространяться дальше на запад. Угрожающее положение, создавшееся на Волге, заставило Советское правительство принять чрезвычайные меры защиты. В район Свияжска, на Симбирское и Сызранское направления было переброшено множество красных отрядов из тыла и с других фронтов, был объявлен первый призыв в Красную Армию бывших унтер-офицеров, а затем и офицеров, усилен подвоз питания и огнеприпасов.

Наши силы, подпираемые эшелонами из тыла, росли, но разрозненные действия не давали эффекта. Для планомерного руководства действиями советских войск под Казанью приказом тов. Троцкого 12 августа, в час дня, был образован военный совет Казанского участка Восточного фронта с объединением войск, действующих в двух группах по правому и левому берегам Волги, в одну армию, наименованную пятой. С этого дня медленно, но неуклонно начинает налаживаться и организационное строительство и согласованность боевых действий пятой Армии.

Она крепнет; и когда белые затевают дьявольски наглый, глубокий обход на станцию Тюрлема, перехватывают сообщения, пятая Армия, окруженная все сжимающимся кольцом белых, уже находит в себе силы и решимость драться со стойкостью, сломившей наступательный порыв белых.

Свияжск, в мглистую осеннюю ночь, пронизываемый насквозь

пулями белых, сумел отстоять себя от ударной группы белых, и с этой ночи боевая инициатива уже бесповоротно переходит от белых к нам.

10 сентября взята обратно Казань. Не легко пятой Армии далась эта первая победа. В болезненных муках вспышек паники, беспощадной кары за малодушие в ответственные минуты, в отчаянных атаках и свирепой обороне ковались спайка и стойкость пятой Армии, чтобы обеспечить ей закал, впоследствии сохранившийся на всем протяжении похода до берегов Тихого океана.

Объединенные силы чехов и белогвардейцев, потеряв Казань, не прекращают своих попыток прорваться на Москву. Главные силы их группируются в районе Симбирск — Сызрань — Самара, видимо, надеясь отсюда кратчайшим путем на Москву добиться развязки, но взятие Казани пятой Армией создало выгодное охватывающее положение для Красной Армии. Овладев Казанью, пятая Армия двумя группами: одной — левобережной, на Чистополь—Бугульму, другой — правобережной, переброшенной через Волгу на пароходах и высаженной у старой Майны на Мелекес—Бугульму, быстро шагает на восток, тем самым создавая угрозу южной Самарской группе белых. Белые отходят, 3 октября оставляя Сызрань, 7-го — Самару. Овладев 16 октября Бугульмой, армия продолжает дальнейшее движение на восток. В этот период начинает уже сказываться отсутствие пополнений для поредевших в боях частей, неорганизованность подвоза огнеприпасов и других видов снабжения. Особенно остро стал вопрос с обмундированием. В результате уже полученного опыта мы убедились в преимуществах стройной организации войск, и на походе пятая Армия свои отряды и группы реорганизовывает в две стрелковых дивизии — 26-ю и 27-ю. В состав этих дивизий вошли: 26-й — 6-й Петроградский (рабочий), 1-й народный Владимирский, Новгородский из рабочих и крестьян Порховского уезда, Старо-Русский, сводный, имени Областного исполкома Западной области (Облискомзапа), 1-й Казанский советский, а затем Карельский из рабочих Петрограда и Мало-Вишерский полки и несколько батарей, из которых помню лишь Ржевско-Новгородскую, Путиловскую, Смоленскую и Тверскую, и один эскадрон конницы Мазовецких улан; 27-й—1-й Невельский, составленный из добровольцев 35-й дивизии старой армии, Оршанский из двух местных красных партизанских отрядов, Минский революционный полк, созданный еще при существовании старой армии из политических заключенных в Минске [членов РСДРП (большевиков) и сочувствую-

щих], Брянский советский, Курский, Тверской, Волжский — соединенный из 1-го и 2-го Московских революционных полков, назвался Волжским потому, что около Симбирска на Волге на пароходах подвезли друг к другу оба Московских и объявили, что отныне будут одним полком, — стрелки решили зваться Волжским, Крестьянский (из гомельского крестьянского отряда) и 2-й Петроградский полки с батареями: Вяземской, Оршанской, Крестьянской, Ленинской и Гомельской и 2-й Петроградский кавалерийский полк.

Этот период нашей реорганизации был сопряжен с ослаблением фронта армии, так как организационная работа требовала временного последовательного отвода из передовой линии бригад.

В начале ноября уже восточнее р. Ик, когда две бригады 26-й дивизии были в отводе, белые (корпус Каппеля и бригада поляков) обрушились на 27-ю див. и, нанеся ей сильный урон, потеснили от Кандры-Кулева к самой Бугульме, но ввод в дело организационно окрепших бригад 26-й дивизии и отряда ВЦИК, тогда находившегося еще в составе армии, первоначальный успех белых превратил в поражение. После этого началось наше безостановочное движение на Уфу—Бирск. «Комитет учредительного собрания», после бесцеремонного обращения Колчака со всеми разновидностями эсеров и меньшевиков, входивших во «временное сибирское правительство», переехавший из Самары в Уфу, перед своей неминуемой смертью сделал еще попытку приостановить наше продвижение к Уралу. В двадцатых числах декабря разгорелись довольно упорные и кровопролитные бои в районе Чишмы и севернее, но бои закончились полным успехом для нас, и в ночь с 30-го на 31 декабря части пятой Армии уже без сопротивления со стороны деморализованных остатков «учредиловской» армии вступили в Уфу. Накануне этого «комитет учредительного собрания» объявил себя распущенным, а остатки и до того мало слушавших «комитет» подлинно белогвардейских войск, оставаясь на фронте, перешли в безраздельное ведение «верховного правителя» адмирала Колчака. С этого времени, укрывавшаяся до того за спиной чехов и учредилки, черная реакция колчаковии предстала пред Красной Армией без всяких перегородок. Для усиления фронта Колчак кинул несколько новых дивизий, сформированных и обученных им под прикрытием чехов и войск учредиловки, боровшихся с нами в поволжских степях. Сдерживая пятую Армию, наступавшую в направлении Уфа—Златоуст, и теснимый на Оренбургском направлении первой Армией, Колчак в конце

Реввоенсовет пятой Армии (1919—1920 г.г.).

Сидят (слева направо): 1) Грюнштейн — член Р. В. С., 2) Смирнов — тоже, 3) Тухачевский — командарм, 4) Гончаров — член Р. В. С. Стоят: 1) Файдыш — начполитотдела, 2) Гинзбург — управделами Р. В. С., 3) Розанов — комиссар штаба армии, 4) Шумкин — секретарь.

шли пробуждать эти силы. Было опасение, что вдоль по железной дороге на Аша—Балашевскую—Златоуст Колчак сможет задержать нас в горных проходах. Был еще другой путь, так называемый великий Сибирский тракт через Байки на Дуван—Сатку. По тому и другому белые несомненно ожидали нашего движения. Для главного удара и скрытности его было избрано почти непроходимое направление вверх по реке Юрезани. Двухдневные бои за переправы через р. Уфимку, несмотря на сравнительно старательное укрепление белыми своего берега, закончились оттеснением белых от реки на всем ее протяжении и обеспечили переправу главных сил левого фланга пятой Армии на левый берег. На форсирование Урала пятая Армия шла тремя колоннами. Правой, наиболее слабой — 3-я бригада 26-й дивизии и бригада конницы Каширина вдоль ж. д. Уфа — Златоуст, средней — в составе 1-й и 2-й бригад 26-й дивизии с Петроградским кавалер. полком вверх по р. Юрезани, с намерением войти в тыл Аша-Балашовской группе противника — корпусу Каппеля — выходом этой группы к станции Сулея, и левой — в составе 27-й стрелковой дивизии по тракту Байки—Дуван на Бердяуш. Наиболее трудная задача предстояла средней колонне, но зато выполнение ее задачи сумело дать наибольший боевой эффект. В авангарде этой колонны шел 228-й Карельский (питерских рабочих) полк. Кое-где бичевой, кое-где и руслом реки, без дорог, сквозь теснины, был осуществлен смелый по замыслу, тяжелый по выполнению, но успешный по результатам поход.

Колчак не ожидал, что мы сможем решиться на движение через этот, трудно доступный для движения, участок Урала. Выход нашего авангарда в район Нисибаш был настолько внезапным, что мы 12-ю дивизию Колчака, находившуюся будто бы в глубоком тылу, застали за шереножным обучением. Конечно эту дивизию смяли, но степень угрозы, созданная этим нашим выходом, заставила Колчака бросить сюда крупные силы. В долине между реками Юрезанью и Ай разыгрались жаркие и тяжелые для нас, ввиду численного превосходства белых, бои. Бои у Нисибаша, Айлина, под Кигами, пожалуй, решили участь Урала. Мы осилили белых. Еще два тяжелых боя у Кувашей перед Златоустом и у Мияса,—и пятая Армия вышла на просторы западно-сибирской равнины. Борьбу за Урал с красной стороны вели три армии: пятая, вторая и третья. С выходом в Западную Сибирь осталось два главных направления в глубь Сибири: на Омск и на Тобольск, поэтому на этом фронте в дальнейшем остаются

две армии: пятая на Омском и третья на Тобольском направлениях. Колчаковская армия вновь пытается опрокинуть вторгшуюся в Сибирь Красную Армию. С 24-го по 29 июля идут горячие бои за обладание Челябинском, исход которых решило вмешательство челябинских рабочих на стороне Красной Армии.

Разбитая под Челябинском белая армия отходит, слабо сдерживая нас на всем фронте, но приближающаяся угроза Омску заставляет Колчака лихорадочно готовиться к отпору на равнине между Тоболом и Ишимом, он в тылу у отходящих своих войск группирует все свои резервы. К концу августа пятая Армия заняла Курган и, перейдя Тобол, усиленная еще одной, 35-й стр. дивизией из состава бывшей второй Армии, преследует белых дальше на восток, но противник, оторвавшись своими главными силами от преследующих частей Красной Армии, отвел их за р. Ишим, привел в порядок, пополнил и, усилив резервами из тыла, в начале сентября перешел в контр-наступление, нанеся весьма чувствительный урон нам в районе станции Петухово, и кинул из степей с юга на тыл наших дивизий конный корпус. Несмотря на большую стойкость, проявленную дивизиями пятой Армии, насчитывавшими в общей сложности 10.000 бойцов, под давлением численного превосходства белых они стали отходить к Тоболу. Отход сопровождался таким упорством в отражении атак белых, что пятая Армия в оборонительных боях за сентябрь 1919 года взяла свыше 50 орудий у белых. К концу сентября обе борющиеся стороны ослабли настолько, что пятая Армия отошла на левый, западный, берег Тобола, с намерением привести в порядок измотанные неустанной и неравной борьбой в течение месяца войска, пополниться и отдохнуть, а белые, истратив всю свою наступательную способность, еле-еле дотянулись до Тобола, не в силах перешагнуть его. В половине октября красные войска, окрепнув, перешли в наступление и в семидневных боях уже окончательно и непоправимо разгромили колчаковцев. 2 ноября занят Петропавловск, а 14-го—Омск, столица колчаковии, Омск, уже бессильный оказать сопротивление. С этого дня, несмотря на жестокие морозы, колчаковия тает. Третья Армия, действовавшая в направлении Тобольска, по овладении им уткнулась в непроходимые пространства болот севера срединной Сибири. Продолжать борьбу за Сибирь дальше на восток остается одна пятая Армия, усиленная из состава третьей—30-й и 51-й стрелк. дивизиями. Теперь перед пятой Армией, на-ряду с боевыми задачами по ликвидации остатков колчаковской армии и вытеснению

иностранных отрядов, раскиданных по Сибири, с задачами успокоения крестьянства, стали более сложные задачи советского строительства и борьбы с разыгравшейся до невероятных размеров эпидемией тифа на всем пространстве Сибири. Последние бои, Новониколаевск, взятый 13 декабря, Томск, тайга с сотнями неподвижных эшелонов, десятками тысяч мечущихся в сыпняковом бреду людей, последние конвульсии сопротивления уже умирающей колчаковии у Красноярска и Иркутска—прошли для пятой Армии, как сон, в опьянении победой и в угаре охватывающей все эпидемии сыпняка. Эпидемия распространялась и в рядах армии, они таяли. Армия, пополняясь уже сибиряками, продолжает дальнейшее наступление на восток. Лихим скачком 27-я дивизия 28 декабря занимает Мариинск, обеспечивая за собой Судженский угольный район, 30-я дивизия 2 января берет Ачинск, 7-го—Красноярск, где сдаются остатки колчаковской армии.

В то время как пятая Армия двигается к Канску, красные партизаны, действовавшие в тылу у колчаковской армии и нанесшие ей немало вреда, после непродолжительного боя занимают последнюю резиденцию Колчака — Иркутск.

В январе 1920 года Колчак за свои преступления против республики и трудящихся по приговору трибунала расстрелян.

7 марта в Иркутск вступили войска пятой Армии.

Дальше на Востоке царствовал Семенов. Приморьем владели японцы. После недолгой передышки пятая Армия помогает революционным отрядам Дальнего Востока освободиться от ига белогвардейцев. В течение 1921 и начала 1922 годов пятая Армия ведет операции по ликвидации банд Бакича и Унгерна, свою боевую деятельность вынося далеко за пределы Советской Сибири. После ликвидации этой угрозы спокойствию СССР на Востоке и содействию народной армии Монголии по очищению своей страны от более мелких белых банд, пятая Армия все свое внимание сосредоточивает на восточном направлении и при активном содействии забайкальских и приамурских отрядов красных партизан вытесняет и белогвардейцев и японцев из Приморья и 25 октября 1922 г. доносит алое знамя к берегам Тихого океана—занимает Владивосток.

Далекий, тяжелый путь борьбы пройден пятой Армией в борьбе за Поволжье, Урал, Сибирь и Забайкалье. На этом пути много тяжелых испытаний пережито в годы борьбы. Но неослабная настойчивость привела к конечной победе. Не только к воинской победе. Пятая Армия, как ни одна другая, имела перед собой

сложную задачу советского строительства на Урале и в Сибири. Она во все время борьбы, еще до Урала, была связана с нашей партией, томившейся в подпольи Сибири. Армия, боевая работа которой была решающей в судьбе колчаковии, после победы облегчила партийное и советское строительство остатку истребленной Колчаком сибирской организации РКП. Ликвидацией Колчака пятая Армия с честью выполнила свой долг партийный, советский и воинский на востоке, но на других окраинах еще висела неослабная угроза революции. Панская Польша предприняла поход в глубь Украины, Врангель, засевший в Крыму под защитой неприступного Перекопа, вылез и протянул свою грязную лапу к Донбассу,—части пятой Армии мчатся туда, и мы видим, как в трагических для нас боях на Буге, под Варшавой детище пятой Армии—27-я Омская дивизия—проявляет в атаках стремительность, которая заставляет поляков ввести в дело против нее резервы армии и фронта, прорывает сильно укрепленное предмостное укрепление и в трагические для нас минуты разгрома сохраняет способность драться, и подчас не без ощутительного для врага успеха; 30-я и 51-я дивизия, сражающиеся против Врангеля, своей доблестью вписывают лучшие страницы в историю борьбы с белыми на юге и в решающие дни у Перекопа и Сиваша дают пример того, на что может быть способна пехота революции; затем беспримерный штурм Кронштадта, и дети пятой Армии опять там, они опять победны.

Части пятой Армии на других фронтах выделяются как ударные. В чем секрет их боевого закала?

Все качества пятой Армии и ее составных единиц обусловливались тем, что в качестве своей основы в тяжелые дни под Казанью пятая Армия впитала в себя наиболее революционную часть рабочих. В ее рядах слились для совместной борьбы рабочие всех промышленных районов. Три полка питерцев (ленинградцев), два московских, полк брянских рабочих, владимирских, курских, казанских, минских и много других,—все это состояло из наиболее обкуренных, стойких, с опытом борьбы на баррикадах рабочих и затем, в тысячеверстных походах дополняя себя рабочими заводов Урала, Уфы и Челябинска, соединилось с тысячными массами крестьянства районов, наиболее истерзанных игом колчаковии.

В рядах пятой Армии приняли участие крестьянская беднота и батрачество Белоруссии в Невельском, Оршанском, Крестьянском (Гомельском) полках, в ее рядах дрались за Советы куста-

найцы, акмолинцы, енисейцы и забайкальцы,—эти упорные борцы за Советы даже в периоды свирепейших карательных экспедиций Колчака.

Кроме того остовом пятой Армии была РКП (б). Ее членов в рядах армии в качестве бойцов был большой процент. Мне помнится, что в 27-й дивизии коммунаров было в среднем три с половиной тысячи. Разве могла быть не стойкой дивизия с таким числом членов партии? Этим объясняются все качества армии, ее внутренняя спайка, революционная сознательность и стойкость в тяжелые минуты испытаний.

А. РОЗЕНГОЛЬЦ.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О БОРЬБЕ ЗА КАЗАНЬ.

Летом 1918 г. ЦК нашей партии и Центральным Исполнительным Комитетом была образована комиссия для выяснения причин наших неудач на Восточном фронте. Она была составлена из представителя Комиссариата Юстиции Д. И. Курского, представителя военного ведомства Юренева и меня, в качестве представителя президиума ВЦИК.

Я с тов. Курским выехал сначала в Казань, где мы должны были выяснить причины столь быстрого падения Симбирска, туда же должен был приехать Юренев. По прошествии нескольких дней нашего пребывания в Казани она совершенно неожиданно как для нас, так и для военной власти (тогда Восточным фронтом командовал Вацетис) была взята противником.

Взятие это произошло чрезвычайно просто. Чехо-словацкие войска поднялись на пароходах из Симбирска к Казани, обстреляли город и, почти без всякого сопротивления с нашей стороны, заняли его в течение нескольких минут.

Нашей комиссии так и не пришлось закончить своих работ. Юренев не успел к ней подъехать, Курский уехал в Москву, я же приехал, или, вернее сказать, пришел к станции Свияжск для того, чтобы принять непосредственное участие в военной работе. Там я получил назначение члена Реввоенсовета пятой Армии.

Войска пятой Армии меньше всего представляли организованные части. Тут были разнообразные, мало оформленные, весьма мало между собой связанные и весьма слабо сплоченные отряды. Некоторые из них носили название групп, полков, отрядов и т. д. Ни бригад, ни дивизий не было, не было и сколько-нибудь организованных полков. Но эти отряды, эта первая организующаяся в России Красная Армия скоро стала сильна своей внутренней спайкой, своим коммунистическим духом.

Победоносное наступление чехо-словаков взбудоражило всю Советскую республику. После того как один за другим падали

крупнейшие пункты: Симбирск, Казань,—казалось, открыт был путь на Нижний-Новгород, и опасность угрожала со всех сторон. В пятую Армию начали стекаться коммунисты. Особенно существенную помощь оказал Петроград: прибыл почти целиком весь Исполнительный Комитет Выборгского и Новодеревенского районов. В числе их прибыли пролетарии, которые были членами нашей партии с самого ее основания. Это коммунистическое подкрепление преобразовало всю армию.

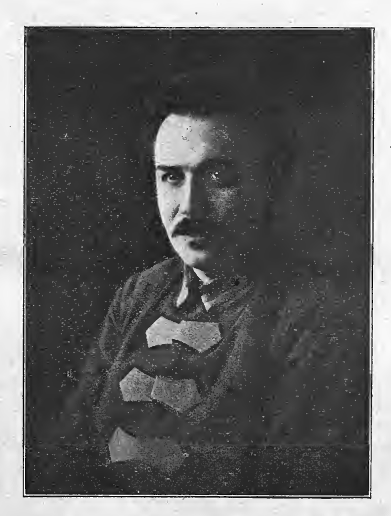
Впервые чехо-словацкие войска встретили серьезное сопротивление. Борьба происходила по обоим берегам Волги, и можно, не преувеличивая, сказать, что наши дрались ожесточенно за каждую деревушку, за каждую пядь земли.

Особенно ожесточенные бои происходили на левом берегу Волги. Здесь был убит начальник левобережной группы Юдин, и по имени его названа одна из станций возле Казани, где был расположен один из штабов этой группы. Вскоре после смерти Юдина начальником этой группы был назначен Смирнов, бывший секретарь нашей Следственной Комиссии (юрисконсульт Комиссариата Юстиции), остававшийся со мной после отъезда Курского в Москву. Смирнов через несколько дней после своего назначения был также тяжело ранен в одном из боев, при чем он пролежал раненым на поле сражения около суток. Московский полк бежал, оставив Смирнова, истекающего кровью. Смирнов не мог оправиться от ран и вскоре скончался. Таким образом один за другим были убиты два начальника дивизии.

Из эпизодов первого периода борьбы самым замечательным является нападение десантного отряда Каппеля на штаб пятой Армии. В штабе пятой Армии часто по вечерам, под председательством Л. Д. Троцкого, происходили оперативные совещания. Однажды во время совещания докладывают, что соседняя станция Тюрлема, находящаяся в 10 верстах в тылу штаба армии, взорвана и занята противником. Мы все чрезвычайно удивились и предположили, что это дело рук небольшой разведывательно-подрывной части, состоящей из нескольких человек. На утро же обнаружилось, что в Тюрлеме была не маленькая группа, а десантный отряд Каппеля, состоявший из отборных офицеров и солдат, имевший в своем составе даже артиллерию. А при нашем штабе, кроме ничтожной команды в несколько десятков человек, не было никакой защиты. Если бы Каппель ночью, не теряя времени, прошел бы эти 10 верст и двинулся бы в Свияжск, он без всякого труда мог бы взять в плен как весь штаб пятой Армии,

так и поезд Троцкого; но этого он не сделал, повидимому, не имея представления о силах штаба.

Успех Каппеля был бы гарантирован даже тогда, если бы он это нападение произвел с утра, но им допущена была ошибка: он хотел окружить станцию Свияжск со всех сторон,—для этого он разбил свои силы и направил их по разным дорогам для окружения. Часть своих сил Каппель направил для занятия гор. Сви-



А. Розенгольц.

яжска; его войска заняли окраину города, так что одну ночь наши и каппелевские войска провели мирно бок-о-бок, и лишь на утро наши прогнали оттуда части Каппеля.

Дороги со стороны гор. Свияжска были также перехвачены противником, так что, когда начальник правобережной группы Гайлит ехал ночью в автомобиле после совещания, автомобиль был обстрелян из пулемета, и Гайлиту с трудом удалось вернуться обратно и спастись. Гайлит затем был назначен начальником

наших войск по борьбе с десантом, но нужно оговориться, что войск-то у нас почти не было.

Командарм Славин считал невозможным отозвать какую-либо часть с правого берега Волги. Все операции по взятию Казани были рассчитаны на взятие высот правого берега Волги, господствующих над Казанью. С левобережной группы был снят лишь 2-й Петроградский Номерной полк и небольшая конная часть, в которой было до 60 сабель.

Второй Петроградский Номерной полк был поставлен на правый фланг. Он в первое же утро выставил свои части против Каппеля, но постыдно бежал, при чем даже не по направлению к штабу, а совершенно в противоположную сторону, где захватил пароход, для того чтобы погрузиться и уплыть в Нижний. Троцким был дан приказ выслать одно из судов нашей военной флотилии, остановить дезертиров, тут же на месте в Военно-Революционном трибунале разобрать дело и наказать виновных.

Результатом бегства 2-го Номерного полка (если не ошибаюсь, в нем было до 1.000 штыков) было то, что штаб оказался совершенно без всякого прикрытия. В этот момент кой у кого были колебания; поступили предложения: штаб снять и перевести его на пароход. Но нужно отметить твердость и мужество командарма Славина, который правильно решил вопрос, учитывая, что перенос штаба армии и оставление станции Свияжск в этот момент означает разрыв связи с правобережной группой и проигрыш всей кампании. Поэтому было принято решение всеми имеющимися силами защищать ст. Свияжск. Силы же эти были импровизированы. На станции находилось очень много всяких тыловых частей и в них значительное количество обозников, кашеваров и т. д. Всех их поставили под ружье, и исключительно героизму этих импровизированных бойцов мы были обязаны спасением.

Бои между тем приобретали угрожающий характер. Большинство сотрудников штаба и управлений армии тоже бежали. Бои начались непосредственно у самой станции. Я предложил тогда наркомвоену Троцкому оставить Свияжск, но он категорически отказался это выполнить. Все доводы, что его гибель или взятие в плен может иметь губительный результат для всего военного дела республики, им отвергались. Тогда мне пришлось, поскольку Троцкий находился в черте армии, дать ему письменное приказание от имени Реввоенсовета армии оставить Свияжск и перейти на пароход. С огромным трудом и внутренней борьбой Троцкий это предписание выполнил.

Впоследствии я узнал, что он выполнил это предписание довольно оригинально.

Ночью Л. Д. Троцкий на одном из миноносцев принял участие в прорыве по направлению к Казани. Военная флотилия, в том числе и миноносец, на котором был Троцкий, этот рискованный шаг проделала и, неожиданно появившись у Верхнего Услона, возле Казани, обстреляла и зажгла его. Очевидцы говорят, что картина была довольно причудливая. Чехо-словаки, занявшие Верхний Услон, с испугу начали метаться, прыгать с высот, ими овладела необычайная паника. Тут же надо отметить интересную деталь: неожиданно на миноносце, на котором был Троцкий, перестала работать машина и испортился руль как раз у самого Верхнего Услона, непосредственно под дулом неприятельских орудий. Достаточно было одного выстрела картечью из орудия по этой цели, которая была безусловно видна при ярком свете горевших зданий, чтобы миноносец, со всем находившимся на нем, был потоплен. Но паника у противника была так велика, что он не заметил этой попавшейся в его руки добычи. Миноносец минут через 10 был исправлен, и военная флотилия вернулась обратно, совершив с успехом свое славное дело.

Что касается непосредственно действий у ст. Свияжск, то, в конечном итоге, благодаря тому, что Каппель все свои силы разбросал по окружности станции, мы имели возможность, держа в кулаке наши импровизированные войска из кашеваров и обозников, высылать отряды в отдельные угрожающие пункты и бить Каппеля по частям. В результате Каппель был если не разбит, то отогнан.

Каппель двинулся обратно по Волге, думая напасть на тыл левобережной группы; но и здесь его постигла неудача, и он, наконец, вынужден был погрузить свой десант и вернуться обратно.

ЯН ГРУНТ.

„НА УРАЛ“.

I. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

Одиночным порядком я добровольно прибыл в пятую Армию в конце 1918 года, когда Казань и целый ряд других городов Поволжья уже находились в руках Красной Армии. Штаб пятой Армии находился в Казани и ожидал занятия Симбирска, чтобы переехать туда, что и произошло через два-три дня после моего приезда.

Штаб спешно решил перебраться в Симбирск и для этой цели занял несколько пароходов для перевозки сотрудников Политотдела, Революционного Совета, штабов и других высших организаций пятой Армии. Через сутки пароходы, нагруженные сотрудниками этих организаций, один за другим прибыли к пристани Симбирска, а там их стоящие пароходы приветствовали оглушительными гудками.

Наш пароход прибыл рано утром; все еще спали, когда раздались эти похожие на тревогу многочисленные гудки. Многие от неожиданности нервно протирали глаза и прощались с жизнью, полагая, что попали к белым.

Но все скоро выяснилось, и мы пришли в настоящий восторг от такой оригинальной встречи еще одного, освободившегося от белогвардейского ига города.

В Симбирске меня назначили чрезвычайным следователем при Военно-Революционном трибунале пятой Армии. В этой должности я чувствовал себя не на месте, по крайней мере я не мог сказать самому себе, что приношу тут какую-либо пользу нашей боевой армии. За исключением всяких мелочей, в этот период не приходилось иметь дело с серьезными проступками в нашей армии. Правда, одиночные серьезные преступления со стороны чуждого нам элемента были, но это было редкостью, по крайней мере в начале кампании на Восточном фронте, когда в рядах пятой Армии преобладали добровольцы, которые никогда не забывали, что на

них возложена чрезвычайно важная задача по обороне рабоче-крестьянской республики. Но борьба с этими единичными проступками была почти невозможна. Наша армия все время перестраивалась во время безудержного стремления вперед, и никогда никто в точности не мог сказать, что в данную минуту такая-то часть находится в определенном месте. Оперативный отдел мог ручаться за достоверность своих сведений только в течение нескольких минут, и то во время получения официальных рапортов. Указания оперативного отдела могли быть только верны в смысле направления, но не больше.

Помню случай, когда мне тов. Розенгольцем поручено было расследовать одно важное дело. По сведениям оперативного отдела необходимая мне боевая часть находилась в Мелекесе, куда я и направился в тот же день. По приезде в Мелекес выяснилось, что не только эта часть, но и штаб целой дивизии уже продвинулся верст на тридцать вперед. Пришлось нарядить подводу и догонять. Когда я к вечеру приехал в указанное место, то опять оказалось, что наши продвинулись еще на такое же расстояние. Только на пятый или шестой день мне удалось догнать штаб, а там мне сообщили, что два дня тому назад эта войсковая часть переброшена на другой участок фронта.

Ясно, что при таких условиях работы чрезвычайно трудно было обнаружить виновных, и самочувствие следователя ни в коем случае не могло быть названо удовлетворительным при бесполезных поисках одних только следов виновных.

Продвижение вперед нашей армии можно было назвать не наступлением, а бешеной атакой. Даже очевидцу верится с трудом, что армия ежедневно делала по тридцать и больше верст в сутки. И притом ни тени усталости или уныния. Всюду песни, звуки оркестров, шутки... Через деревни наши войска проходили твердым и бодрым шагом. Создавалось впечатление парада, а не войны. Крестьяне высыпали навстречу нашим красным войскам и заражались их воодушевлением и верой в победу.

В армии царила железная дисциплина, и почти не было при прохождении наших войск никаких инцидентов с мирным крестьянским населением. А это обстоятельство еще более укрепляло нас. Крестьяне быстро поняли Красную Армию и делали все возможное для нее. Мне приходилось беседовать с крестьянами, которые видели наши проходящие войска.

— Ой, и много же вас,—говорили они,—где белым с вами справиться. Да и тощие они больно, не то, что наши!..

Чувствовалось, что крестьяне, не мудрствуя лукаво, говорят сущую правду.

Удаль, геройство, мужество и веселье царили среди пятоармейцев. О подвигах отдельных частей сочинялись целые легенды; из уст в уста передавались действительные, но похожие на сказку боевые эпизоды.

К таким эпизодам можно отнести случай под Бугульмой.

Верстах в 10—12 от Бугульмы нашими войсками было занято какое-то село. Один из полков расположился в большом имении, где красноармейцы обнаружили огромный склад всякого барского тряпья. Пользуясь минутой отдыха, публика решила повеселиться и устроить своеобразный маскарад.

В несколько минут многие переоделись и свои боевые платья сменили на фраки, юбки, жакеты, дамские панталоны, шляпы, шляпки, цилиндры и всякую другую непривычную и невиданную «боевую» одежду. Наряжались самым фантастическим образом, и чем невероятнее был одет каждый из них, тем веселее становилось в дружной красноармейской семье. Командиры и комиссары на эту затею смотрели сквозь пальцы...

— Пусть потешатся,—говорили они,—нет смысла мешать этой невинной забаве. Кто знает, что с нами будет завтра!..

И вдруг, в разгаре маскарада, на горке появились наступающие отряды белых.

Поднялась тревога. Переодеваться было уже некогда, и все в чем и как попало бросились к оружию. Ряженое красное войско выступило навстречу неприятелю, который успел установить над самым селом несколько орудий. Бой был неравный, так как белые заняли очень удобные позиции: нашим пришлось наступать по крутой открытой горе. Но это обстоятельство не остановило наших солдат, и в одно мгновенье вся гора запестрела нашими. Это был невиданный еще бой, и крестьяне, несмотря на опасность от свистящих пуль и рвущихся снарядов, высыпали на улицы, чтобы посмотреть, что это значит и что из этого выйдет.

— Урра! У-у-ррра!..—гремели наши, и еще никто не успел как следует опомниться, как уже гора была занята нами, а белые обращены в паническое бегство...

С песнями, с радостными криками, пешком и сидя па вражеских орудиях, спускались ряженые красноармейцы вниз по занятой горе.

Вообще, армия любила всяческие комические приключения. Каждый смешной случай обсуждался во всякое время дня и ночи.

Как-то возвращаясь с фронта в Симбирск на грузовом автомобиле, мы по дороге влетели в громадную лужу, и машина там застряла.

Приключение не из приятных, так что даже всю дорогу спавший тов. Кизильштейн проснулся и присоединился к нам, чтобы обсудить вопрос об освобождении грузовика. Несмотря на то, что нас было свыше 10 человек, своими силами мы ничего сделать не могли. Пришлось обратиться с просьбой о помощи к крестьянам ближайшей деревни, которые не заставили себя долго просить. Но и они, несмотря на то, что набралось их до сотни, не в состоянии были пособить горю. Они выбились из сил и махнули рукой.

— Без запевалы ничего не сделаешь,—заявил один из крестьян,—надо позвать Гаврилу.

Остальные крестьяне присоединились к нему и бросили напрасные усилия.

Мы потеряли всякую надежду выручить машину. Но прошло часа два, явился запевала, и под дружное пение: «Эй, зеленая, сама пойдет»,—машина выскочила из лужи, как пробка из бутылки.

Особенно красноармейцы любили, когда впросак попадали белые. Одно время на устах всей армии был случай с отрядом Учредительного Собрания, который выбил наших из Белебея и укрепился там. За этим отрядом все время гонялся наш отряд имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, который, настигнув учредиловцев в Белебее, налетел на них и разбил на-голову.

— ВЦИК кончал Учредилку,—подделываясь на татарский лад, говорили по этому поводу красноармейцы.

II. ВСЕ ВПЕРЕД.

Всю осень и зиму 1918 года наши войска продолжали гнать противника. Ни проливные дожди, ни свирепые морозы не могли остановить наших. Поражений почти не было. Как редкость в этом отношении приходится указать на временное наше отступление под Бугульмой. Наши войска далеко ушли вперед от своих штабов и отделов снабжений, потеряли связь, а одна из двух дивизий забралась даже чуть ли не в тыл неприятеля. Этим воспользовались белые и, кажется, в течение трех дней теснили наших.

Многие, и в том числе армейская газета «Гражданская Война», растерялись и заговорили о том, что нашей армией овладело паническое настроение и т. д. На самом же деле произошла самая обыкновенная заминка, и через несколько дней наша армия снова выпрямилась и устремилась вперед с еще бо́льшим воодушевлением, чем до временного отступления. В момент отступления нашей армии я был вызван в Реввоенсовет пятой Армии тов. Розенгольцем, который вручил мне соответствующий мандат и приказал немедленно отправиться на фронт для следствия и ареста всех виновных в отступлении. Приказание было отдано таким тоном, что я на месте не должен был щадить ни одного хоть маломальски виновного. По дороге на фронт мне рисовалась картина, что на обратном пути мне придется возвращаться чуть ли не с целым поездом арестованных командиров и политкомов. В первую очередь я отправился в те части, где во главе стояли не наши товарищи-коммунисты, а военспецы, но найти там какие-либо следы предательства мне не удалось. Вспоминается одна из бригад, которой командовал, кажется, бывший штабс-капитан, тов. Спижарный. К моменту моего приезда отступление прекратилось. В штабе бригады (в бывшем поповском доме) день и ночь бодрствовали наши красные командиры. По восстановленной телефонной сети отдавались самые ясные и решительные приказания самим тов. Спижарным.

— Выбить эту сволочь из такой-то деревни.

— Чего долго не отвечаете? Спите, что ли? Вы где, на войне или дома?...

Бригада была на высоте положения. Подозревать в чем-либо тов. Спижарного[1]) было безумием. Пришлось отправиться дальше, и везде я встречал такое же бодрое боевое настроение и работу. Не измена, не преступление были причиной нашего временного отступления, а излишнее усердие, излишнее стремление вперед. Таким образом свое следственное дело я мог считать законченным. Преувеличение опасности положения и печатание в неточном виде материала в армейской газете нельзя было считать преступлением. А арестованные мною три-четыре деревенских кулака непосредственного отношения к армейским делам не имели. Не знаю, как отнесся к результатам моей поездки тов. Розенгольц, но лично я был доволен. Во всяком случае, пятая Армия продолжала оставаться в глазах рабочих и крестьян не только чистой

---

[1]) Впоследствии его заслуги были отмечены Реввоенсоветом и ВЦИК'ом.

и честной, но и боеспособной, мужественной и готовой на всякие жертвы.

В связи с поездкой—не могу утерпеть, чтобы не сообщить один случай фронтовой жизни, очевидцем которого я был. В какой-то бригаде один из политкомов (фамилию его и название бригады я забыл) решил пойти в баню. Парня заели вши, и он с удовольствием начал обмывать свое бренное тело. В этот момент в село ворвались белые, и нам пришлось отступить. Политкому некогда было одеваться, и он в буквальном смысле слова «в чем мать родила» бросился за своей частью. А на дворе трещал мороз. К счастью, он отделался легкой простудой. Тут же наши части перешли в контр-атаку и снова овладели баней, где оставалась одежда политкома.

По возвращении в Симбирск кончилась моя карьера чрезвычайного следователя, так как я был переброшен на работу в армейскую газету «Гражданская Война» в качестве члена редакционной коллегии.

III. УФА НАША.

С фронта приходили самые бодрые вести. Деревня за деревней, станция за станцией переходили в наши руки. А на воле свирепствовали мороз и бураны.

— Хороший хозяин в такую погоду собаку на улицу не выгонит,—поговаривали мы,—а вот наши красные войска ни на что внимания не обращают.

Приближался конец декабря, и все стали обсуждать возможность падения Уфы в ближайшие дни. Вскоре эта возможность стала очевидной, и 29 декабря я и покойный тов. Веденеев получили приказ Реввоенсовета и Политотдела пятой двинуться в Уфу для издания армейской газеты. С нами вместе в особом вагоне отправились еще несколько товарищей из Политотдела и из штаба пятой Армии.

В ночь на первое января мы прибыли на ст. Уфа, которая была занята красными войсками за несколько часов до нашего приезда. В ожидании подвод мы расположились в буфете первого класса и сорганизовали хоровое пение революционных песен. Нас послушать собрались из своих мастерских и депо железнодорожные рабочие. Их глаза ярко, радостно и светло блестели на грязных лицах. Чувствовалось, что нарушение нами ночной тишины

встречает в их сердцах горячий отклик, и от этого еще радостнее стало на душе, еще крупнее казалась победа нашей армии.

Поездка с вокзала до города была сплошным праздником для нас. Празднично настроенные жители встречали и провожали нас приветливыми взглядами, некоторые из них в виде приветствия махали платками, и раздавались даже крики «ура».

Остановились в какой-то гостинице, и, наскоро помывшись и напившись чаю, мы с Веденеевым отправились разыскивать штаб (клуб) красных печатников, чтобы тут же приступить к набору уже по дороге составленного нами номера «Гражданской Войны». Уфимские печатники не заставили себя долго просить и быстро сменили праздничные костюмы на рабочие блузы.

На следующий день вышел свежий номер нашей армейской газеты. Из редакции, кроме нас двоих, никто еще в Уфу не выехал, и нам самим пришлось подумать и о распространении газеты. Мы наняли извозчика и, взвалив на него несколько тысяч газет, поехали по городу. Вокруг наших саней происходили настоящие бои. Все хотели получить газету, и целые толпы народа окружали медленно продвигающиеся вперед сани. Получившие газету, тут же, читая ее, уходили, но на место их подходили десятки и сотни новых читателей.

IV. МАРТ 1919 ГОДА.

Красные бойцы устали. Ждали подкрепления, но не дождались. Тыл позабыл о своем красном фронте и не давал смену уставшим. В результате — прорыв фронта в нескольких местах.

Еще недели за две до отступления в воздухе повисло тяжелое предчувствие. Волновались и беспокоились рабочие, советские служащие. Более трусливые уже уезжали из Уфы. А за несколько дней до оставления города нашими войсками стали нагружаться подводы с военным и гражданским имуществом. Вопрос о сдаче города был решен, но этому никто еще не верил, не верили этому даже стоявшие во главе пятой Армии, которые больше всех надеялись на перемену военного счастья. И благодаря этому из наших главных военных учреждений в самые последние минуты получались самые утешительные сведения.

Пишущий эти строки редактировал в то время местную газету «Вперед». В связи с редакторской должностью мне часто приходилось бывать в штабе, чтобы, получив оттуда последние новости, оповещать через газету население о положении дел на фронте.

Как всегда во время отступления, штаб потерял всякую связь с действующими частями. Сведения получались лишь из тех частей, которые еще крепко оборонялись и наносили врагу смертельные удары. На основании этих отрывочных сообщений и составлялось в штабе впечатление о положении дел на фронте. В такую тревожную минуту настаивать и подробно расспрашивать было неудобно. Приходилось удовлетворяться отрывочными, неполными сведениями. Везде кипела лихорадочная работа: вестовые сбились с ног, телефонисты от проведенных бессонных ночей еле понимали то, что делают, а заседания Революционного Военного Совета пятой Армии происходили день и ночь.

Уже несколько ночей не только работники военных, но и гражданских учреждений не смыкали глаз. Ловили наспех новости, также наспех сообщали другим и торопливо шли дальше.

Вечер. Город опустел. Все почти организации выехали. Остались только Реввоенсовет пять, комендант города, Политотдел пятой Армии и редакции газет «Вперед» и «Наш Путь».

Захожу в штаб, спрашиваю о положении дел на фронте.

— Перелом, наши перешли в наступление,—отвечает мне один из работников оперативного отдела.

— Верно ли?—спрашиваю.

— Вне всяких сомнений,—отвечает мне тот же товарищ,—пишите передовую, успеете?

— Успеть-то успею, но в случае ошибки пусть ответственность падет на вас. Согласны?

— Согласен!

Беседа на этом кончается. Я сажусь за стол и пишу: через пятнадцать минут передовая готова и сдается в набор. Иду в Политотдел пятой Армии.

— Какие новости?

— Хорошие, и только хорошие,—отвечает мне заведующий Политотделом пятой Армии тов. Каюров;—иди спать, довольно намаялся без сна, до утра можешь спокойно дрыхнуть.

Голова кружится, спать хочется ужасно, и я очень доволен. Бегу и дома не снимаю, а срываю с себя одежду, чтобы скорее растянуться на жесткой постели.

Но не успел я еще потушить свет, как в окно раздался тревожный стук.

— Кто там?

— Я, Карпузи...

Входит мой хороший приятель, но я на него зол, как собака.

Еще бы, три ночи не спал, а он тут еще вздумал по гостям ходить.

— Чтоб тебе ни дна, ни покрышки,—мысленно ругаюсь я,—какого чорта до сих пор не дрыхнешь?

— Собирайся, через два часа все должны выехать. Наши отступают, белые вступят в Уфу через несколько часов.

— Черти окаянные, не могли подождать до утра!.. А впрочем нужно собираться.

Одеваюсь наспех, собираю самые необходимые вещи, остальные оставляю хозяйке. Выхожу. Снег мокрый, липкий. Приходится возвращаться и переменить валенки на сапоги.

Около здания Политотдела все наши в полном составе. Откуда-то сгоняют лошадей, нагружают подводы... Все готово, но ехать еще нельзя: ждем с железной дороги партию раненых. Где-то слышится хохот пулемета. Дерутся. Надо ехать, а раненых все нет и нет. Обозу дольше оставаться становится опасно.

Решаем отправить обоз, а я остаюсь с небольшим отрядом вооруженных железнодорожников поджидать раненых.

Начинает светать, и в утренних сумерках я присматриваюсь к обозу Политотдела. Подвод в обозе мало, и поэтому несколько сот сотрудников и беженцев, с трудом передвигая ноги по рыхлому снегу, тянутся пешком позади обоза; сзади семейства железнодорожников и водников на салазках тащут свой бедный домашний скарб.

Тяжело. Я ухожу в помещение... Наконец, показались первые подводы с ранеными. Раны их не перевязаны, и они истекают кровью, рваные шинелишки не согревают их, и они коченеют от холода. Медицинского персонала и аптечки у нас нет.

— Товарищи,—обращаюсь я к своему отряду,—нужно раздобыть врача и перевязочные средства.

Направляю в город два отряда человек по десять и приказываю:

— Один отряд пусть немедленно, если не добром, то силой, достанет из любой аптеки перевязочные средства, карболку и т. д., а другому предлагается найти врача и мобилизовать его несмотря ни на что.

Оставшиеся же приступают к переноске раненых в помещение, чтобы они могли согреться и чтобы промыть их раны.

Вернулся первый отряд с карболкой, бинтами и другими лекарствами и перевязочными материалами; приволокли целый воз. Врачей не нашли, все попрятались. Начинается бесхитростная

промывка и перевязка ран. Даем раненым чай, но они отказываются и требуют немедленной отправки. Боятся попасть в руки белых.

V. ОТСТУПЛЕНИЕ

Рано утром выезжаем из города. Пулеметы хохочут уже по всем направлениям, где-то совсем близко, близко... Раненые нервничают и беспокоятся.

А по улицам бегают газетчики со свежим номером газеты «Вперед» с передовицей о том, что красные перешли в наступление, что Уфа сдана белым не будет.

Отряд, оставленный со мною для сопровождения раненых, вырос чуть ли не в целый полк. Узнав об отступлении наших войск, присоединились к нам еще остатки мирно спавших железнодорожников и водников.

Моей лошади как будто передается тревога, и она рвется вперед. Я насилу сдерживаю благородное животное; мне стыдно уезжать вперед от обоза и от своего пехотного отряда.

Переезжаем через реку Белую. Из-за угла по Белой, без пути и дороги, постоянно увязая в снегу, тянется какой-то военный обоз. Насторожились. Винтовки наготове. Но оказывается, что это один из последних отступающий отряд наших пулеметчиков. Он замыкает нашу процессию, и таким образом наш тыл находится в безопасности.

Этот отряд тут же спас нас от столкновения с белыми. Мы только что перешли горку на берегу реки, как в этот момент налетела на него разведка белых казаков. Благодаря находчивости одного из пулеметчиков, который соскочил с саней и, выставив пулемет, стал стрелять в неприятеля, отряд был спасен. Все внимание казаков было занято героем-пулеметчиком, которого они окружили и изрубили на мелкие куски. Красный пулеметчик умер недаром: до своей геройской смерти он убил во время обороны до семи человек казаков. К сожалению, имя этого красного героя неизвестно, а следовало бы занести его фамилию золотыми буквами на страницы революционной истории.

Раненые просят есть. Но у меня нет хлеба и нет денег, чтобы его купить. Опасности нет, и мне предлагают догнать обоз Политотдела. Я отпускаю повода, и конь мой, почуяв свободу, несется стрелой мимо бесконечной и беспрерывной цепи обозов отступающих полков.

На подводах лежат или спят по два и по три унылых и уста-

лых красноармейца. Все чего-то стыдятся. Ни шуток, ни разговоров. Такой картины не бывает во время наступления.

Деревня. Отдых. Толпа красноармейцев у санитарного обоза Н-ского полка. Вспоминаю, что у раненых плохо перевязаны раны и они продолжают истекать кровью. Обращаюсь к командиру полка с просьбой о посылке к ним врача. Он указывает на толпу красноармейцев и говорит:

— Не могу, посмотрите сами, сколько больных, а у меня остался единственный врач. Остальной медицинский персонал перебит врагом. Впрочем, если больные согласятся, я ничего не имею против.

Я обращаюсь к красноармейцам:

— Там, сзади едет несколько десятков тяжело раненых ваших товарищей. Они истекают кровью, нужно перевязать их раны, а врача нет. Отпустите...—Мне не дают договорить и кричат:

— Довольно, пусть наш врач едет немедленно! Не умрем! Потерпим!..

Врача отправляют. Я догоняю обоз Политотдела, с которым едет член Реввоенсовета Иван Никитич Смирнов, который на закупку хлеба и фуража отпускает мне необходимую сумму денег.

На следующий день мой обоз догнал Политотдел, и мы соединились. Обоз еще вырос в несколько сот подвод и тянется бесконечной лентой по снежной равнине.

Наконец, снова деревня и желанный, необходимый отдых. Все устали и полегли спать. Пробую и я, но не могу. Нервы натянуты, и мне не сидится и не спится. Кстати заведующий Политотделом тов. Каюров предлагает мне быть начальником обоза, и я с удовольствием соглашаюсь. Обоз выстраивается и едет дальше. Еду вперед, чтобы приготовить обед, квартиры, фураж.

После двухдневного отступления попали в большое село. Все пообедали и полегли спать в теплых крестьянских избах.

Кончаю выдавать фураж и хлеб возчикам, собираюсь отдохнуть. В это время возвращается наша разведка и докладывает, что они столкнулись с неприятельским конным отрядом. Поднимаю тревогу, собираю обоз, выстраиваю спереди и сзади обоза пулеметчиков, вдоль обоза верховых для связи...

Тьма кромешная, ничего не видно впереди на два шага. Насилу находим дорогу из села. Вдруг остановка.

— В чем дело?

— Впереди что-то недоброе,—докладывает подъехавший верховой.

Еду вперед. Там наставляют пулемет.

— В чем дело?

— Вон у леса неприятельская разведка. Будем стрелять.

— Подождите.

Собираю верховых, и мы едем через рыхлый снег по направлению к лесу. Оказывается не белогвардейская, а разведка Н-ского красного полка.

VI. ПЕРВЫЕ НАДЕЖДЫ

Белая от снега, но непроглядная тьма. Далеко в поле растянулась черная лента, пожалуй, версты на две или даже на три. Это наш уныло отступающий обоз. Дует холодный северный ветер. С неба падают крупные, сырые пушинки снега и, упадая на лицо, на руки, одежду, замерзают. Все продрогли,—хочется тепла. А впереди бесконечная неизвестная дорога, холод, сырость, тоска...

Наконец, первая продолжительная остановка. Чувствуется подготовка к чему-то, у всех деловой вид. Замечается суета не только по добыванию ночлега и пищи, но и деловая, общая. Происходит сбор и сортировка смешавшихся во время хаотического отступления полков. Армия снова начинает принимать боевой вид.

Село далеко от железной дороги, и странное впечатление производят несколько тысяч выстроенных железнодорожников. Они как будто только что с работы. У многих за поясами торчат железнодорожные сигнальные рожки и флажки. Только винтовки, которые они сжимают в своих мозолистых и черных от копоти руках, говорят о том, что они уже солдаты не трудовой, а Красной военной армии.

Это первый и второй Уфимские железнодорожные красные полки, поклявшиеся освободить свой родной пролетарский город или умереть на полях битвы за его освобождение.

Свое слово красные железнодорожники сдержали: не многие из них вернулись с поля кровавой брани. Только небольшая часть их при освобождении Уфы вошла в город через трупы своих верных товарищей-победителей и через трупы побежденных врагов-колчаковцев.

Натиск колчаковцев был еще пока очень быстрым и сильным, красные войска не успели выстроиться как следует. Отдельные геройские подвиги пополненной рабочими Урала нашей пятой Армии пока еще не могли решить общего положения. И опять началось новое бесконечное отступление.

VII. ПОД БЕЛЕБЕЕМ

Уныло и однообразно шли дни. Почти без остановок наша армия докатилась до Белебея и там имела более или менее продолжительную остановку. Армия продолжала отступать с кровопролитными боями, которые причиняли неприятелю большой ущерб.

В первый раз за все время отступления мне только в Белебее удалось развернуть редакцию и выпустить два номера газеты: «Коммунист», орган уфгубкома РКП, и столько же приблизительно номеров армейской газеты: «Наш Путь», редактирование которой также было поручено мне. Там же в Белебее, по настоянию Ивана Никитича Смирнова, я чуть-было не был назначен политическим комиссаром 27-й дивизии и только благодаря просьбам уфимского губкома РКП я был оставлен на газетной работе. Не знаю, как бы я выполнял комиссарскую работу, но во всяком случае я боялся взять на себя ответственность почти за двадцать тысяч жизней, не имея ровным счетом никаких военных познаний.

А на фронте в это время происходили отчаянные попытки остановить белых. Раздетые и разутые полки не щадили своих сил. Кое-где уже наши били противника, но это являлось результатом геройства отдельных частей, и на этих фактах нельзя было строить убеждения, что вся армия пришла в должный порядок. Это подтвердилось через несколько дней. Верстах в тридцати от Белебея в Ивановском заводе произошла серьезная стычка. Белых необходимо было во что бы то ни стало остановить, в противном случае могла подвергнуться серьезной опасности почти вся армия. Я был снят с работы и направлен в Ивановский завод для воодушевления усталых полков. Вместе со мной отправилось еще человек десять политработников.

К моменту нашего приезда в Ивановский завод собралось три наших полка. На красноармейцев жалко было смотреть. Голодные, ободранные и многие полубосые. Тверской полк к Ивановскому заводу пробрался без дороги по лесам и полям, увязая по горло в снегу. Были моменты, когда красноармейцы не в состоянии были уходить от врага и засыпали по дороге. Трудно было представить, что есть какая-нибудь возможность убедить их после всего этого наступать и задержать врага. Так, очевидно, думал и штаб пятой Армии, который уже снялся с места и покидал Белебей. Однако в сердцах этих, с виду окончательно разбитых, людей был жив революционный огонь, и, когда им сказали, что от них зависит жизнь всей пятой Армии,—они молча повернулись

лицом к неприятелю и опять пошли без пути и дороги, увязая по горло в снегу. Первым двинулся только что пришедший Тверской, а за ним, кажется, Курский и др. полки. Благодаря этому еще лишнюю неделю Белебей оставался в наших руках и этим дал возможность отступать нашим частям в известном боевом порядке.

VIII. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОХОДНОЙ ТИПОГРАФИИ

Всю дорогу мне приходилось здорово мучиться с перевозкой и установкой нашей типографии. А наша типография с каждым днем росла. Начиная с Давлеканова, я увозил с собой все типографские машины и не оставлял для белых ни одного фунта даже попорченного шрифта. В Бугуруслане прибавилось к нашей типографии еще несколько машин, и, когда нам пришлось покинуть и этот город, я с большим трудом нашел достаточное количество подвод, чтобы все это отправить на вокзал. Работать пришлось день и ночь; с комендантом города из-за лошадей приходилось ругаться каждый час, а для того, чтобы все это погрузить в вагоны, пришлось выкидывать из вагонов имущество других учреждений. Вдобавок ко всему этому ломались машинные части, мокла под дождем бумага и т. д. Ввиду всего этого в голове зародилась мысль об организации нашей типографии в вагонах.

В Кротовке это диктовалось самой обстановкой. Там совершенно не было подходящего помещения, где бы можно было развернуть типографию, а армия требовала газету. В Реввоенсовете мое предложение, благодаря недостатку вагонов, не имело должного сочувствия, и я решил действовать на свой страх и риск. При известном содействии нескольких товарищей мне удалось раздобыть в полное свое распоряжение несколько пульмановских и простых товарных вагонов. При этом мне приходилось и хитрить, и обманывать, и обещать:

— Не беспокойтесь, товарищи, когда вам очень понадобятся вагоны,—я их вам верну.

В душе же полагал, что вагонов обратно никто не получит, так как вагоны необходимо было переделывать и приспосабливать под типографию. Для прямого своего назначения они уже пригодиться не могли. В прямом смысле этого слова вагоны надо было испортить, и я рискнул нарваться на здоровенную головомойку. Все же я решил во что бы то ни стало привести свой план в исполнение, и, чтобы мне никто в этом не помешал, я на-

нял железнодорожников, которые приступили к работам с вечера, с тем расчетом, чтобы к утру закончить основную работу.

Ночью, когда все были заняты в квартирах и вагонах, в будущей вагонной типографии застучали молотки, завизжали пилы... К утру вагоны были испорчены, и в них устанавливались типографские машины, кассы со шрифтом, стены оклеивались белой бумагой, промывались ночью сделанные большие светлые окна, а снаружи вагоны оклеивались революционными плакатами и вывешивались вывески новой типографии, которой дано было название «Красный Стрелок».

Это название было впоследствии утверждено Реввоенсоветом и для нашей армейской газеты.

Когда стало рассветать, и когда я увидел переделанные вагоны, я здорово струхнул и старался не попадаться никому на глаза, пока не заработает вся типография. Однако мои опасения оказались напрасными, так как никто и не подумал о том, что я порядочно превысил свои права. Через два-три дня после этого вышел первый номер армейской газеты «Красный Стрелок», и с тех пор она начала выходить без всяких перебоев. Всякие заботы о перевозке типографии, об установке ее отпали: она сама катилась по рельсам и всегда, как пионер, была готова к работе.

IX. ПЕРЕЛОМ

С каждым днем все больше и больше хмурятся лица наших красных солдат. Уже никто по-человечески не разговаривает. Слышится сплошная ругань; все огрызаются друг на друга. Устали отступать. Хочется перейти с новыми силами в наступление или отказаться от борьбы. К счастью, эта тяжелая минута душевной слабости длилась не особенно долго. Пригрело весеннее солнышко, растаял снег, показалась молодая зелень. Обогрелись красные стрелки, ожила и снова зазеленела отступающая армия. Остановились, уперлись ногами о советскую землю и задержали врага. Проснулась с весной и остальная Россия.

Раздался громовой призыв тов. Троцкого:

— На Урал!

И этот клич подхватила вся Россия, и загудел по советской земле призывный набат:

— На Урал!

— На Урал!

На Восток потянулись с красными знаменами рабочие полки

из Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов. Золотом на красном блестели боевые лозунги:

«На Урал!»

«Долой Колчака!»

И снова раздались шутки, смех и песни в нашей армии, которая опять принялась за излюбленную привычку шутить над собою и противником.

Помнится похожий на анекдот случай из жизни одного полка, который решил посмеяться над белыми.

Недалеко от села, в котором находился этот полк, показались сильные отряды противников, во много раз превосходившие наши силы. Драться с ними было бы безумием. И наши решили выкинуть штуку:

— Давайте, пустим на них деревянную кавалерию, крикнул кто-то.

— Давайте, давайте!

Живо забрали обозных лошадей и, посадив на них кашеваров, писцов и всякой другой нестроевой публики, приказали им:

— Поезжайте обходным путем в тыл белым.

Отряд двинулся, а вслед им раздались шутки и насмешки:

— Ну-ка, посмотрим, как деревянная кавалерия справится с белыми.

А белые, увидев этот странный отряд всадников и приняв их за настоящий наш кавалерийский отряд, бросились бежать. Они, очевидно, подозревали, что на них хотят напасть и спереди, и сзади, и сбоков, не выдержали и дали нашим красноармейцам богатую пищу для бесконечных острот.

— Ну, раз белые кашеваров пугаются, то где уж им с нами справиться...

X. ПОБЕДА ЗА ПОБЕДОЙ

Еще задолго до занятия нашей армией Уфы в рядах Красной Армии и среди населения распространились слухи, что Уфа пала, что Красная Армия уже приближается к Златоусту.

Падение Уфы, разгром колчаковской армии был очевиден. Настроение местного населения, поголовно вставшего на защиту Советской власти, перебежчики, тянувшиеся ежедневно к нашим штабам целыми тысячами,—все говорило о том, что песня Колчака действительно спета, что ему нет возврата.

Причин для такого положения вещей было очень много. Колчаковские банды, побывавшие в Уфимской и Самарской губерниях,

сами подготовили почву для крестьянских восстаний за Советскую власть. Жестокие расправы с крестьянами и рабочими, дневной грабеж со стороны голодных и босых солдат белой армии не только восстановили против них мирное гражданское население, но и внесли яд разложения в колчаковские войска, особенно в те части, где было много рабочих и крестьян.

Эти солдаты, насильно мобилизованные, не могли не грабить, не могли не отбирать бесплатно у крестьян и рабочих хлеб, одежду, так как снабжение их армии было поставлено чрезвычайно скверно. Вечное недоедание, держимордовское обращение с солдатами со стороны офицерства, грабежи и насилия с их стороны по отношению к мирному населению надоели колчаковским солдатам, и они стали приходить к тому убеждению, что их может спасти только Советская Россия.

Колчаковские перебежчики не пожалели о своем переходе. Они сразу, без всяких оговорок, стали на нашу сторону; они стали бороться за Советскую власть рядом с нашей Красной Армией. Их переход воодушевил красноармейцев, а избитые и разоренные Колчаком крестьяне, встречаемые нашими войсками на пути, зажгли в них бесповоротное решение покончить раз и навсегда с этой контр-революционной гадиной, опустошающей наши поля и города, предающей огню, мечу и нагайкам наши села и деревни. Перебежчики первые разносили вести о наших колоссальных победах.

Еще задолго до занятия нашими войсками Уфы в редакцию газеты «Красный Стрелок» приходили ежедневно целыми толпами перебежчики, которые возмущались и требовали объяснений, почему до сих пор не сообщается в газете о взятии Уфы. Никакие доказательства, что Уфа еще нами не занята, не достигали цели. Они никак не могли понять, что Красная Армия при всей своей силе и героизме не может продвигаться быстрее человеческих возможностей. А наша армия действительно своими победами и мужеством заставляла думать о себе как о сказочных героях. С одной стороны—чудоподобные победы нашей армии, с другой—окончательное разложение противника являлись причиной тому, что малоразвитые бывшие колчаковские солдаты считали Красную Армию легендарной силой, не знающей никаких препятствий.

Это убеждение в конце концов оправдалось. Уфа была занята 9 июля 1919 г. Когда эта весть в экстренном выпуске «Красного Стрелка» была сообщена, то ее встретили всеобщими криками торжества и удовлетворения. Ликовала вся армия, ликовало на-

селение, ликовали перебежчики. С занятием Уфы над Колчаком повисла смерть.

В пятую Армию еще больше поверили; в силу этой веры Армия должна была победить все и вся, и она это сделала.

В Уфе я был назначен редактором губернской газеты, и, благодаря этому, мне пришлось расстаться с геройской пятой Армией.

Первое время после отъезда всех отделов пятой Армии из Уфы чувствовалась в душе пустота: нехватало Армии с ее победами, которая все дальше и дальше уходила вглубь сибирской тайги.

Слава пятой Армии, которая в сравнительно короткий срок с боем прошла от Свияжска до берегов Ледовитого океана, Охотского и Японского морей!

Слава красному знаменосцу революции!

Б. КАВРАЙСКИЙ.

УДАРНИКИ.

(Воспоминания участника боев 1919 года пятой Армии Востфронта.)

Памяти погибшего смертью храбрых, честного командира Красной Армии, товарища Сычева.

Белый сибирский царь Колчак недолго торжествовал свою победу. Отступавшая под натиском рвавшихся от Уфы к Волге белых полчищ пятая Красная Армия быстро оправлялась от нанесенных ей ударов.

Наш 239-й Курский полк, отступавший все время вдоль линии Волго-Бугульминской железной дороги, уже несколько раз переходил в успешное контр-наступление на наседавших колчаковцев. На этих пробных ударах у всех нас выковалась уверенность в победе, и, когда, вместе с приказом об общем наступлении, мы получили радостную весть о разгроме 4 мая белогвардейцев на правом фланге армии у Бугуруслана, сознание нашей силы, желание ринуться вперед удесятерилось.

К нашему несчастью, как мы быстро ни продвигались, как мы ни стремились нагнать белую волну, она, видимо, катилась много быстрее нас. Изредка лишь удавалось видеть мелькавшие папахи удиравших казачьих разъездов, а руки, так чесавшиеся по белогвардейцам, недоуменно почесывали собственные затылки:

— Да их на ероплане не догонишь,— и сыпалась отборная, красноармейская ругань.

— Врешь, догоним. Уж и всыпем...

Май близился к концу. Красная Армия на правом фланге была уже недалеко от Уфы; на левом фланге, где действовал наш полк, верстах в 60-ти от г. Бирска, мы вышли на реку Белую.

На войне все неожиданно. И на этот раз неожиданность дала богатую пищу накопившейся в красноармейской гуще энергии.

Белые, видимо отчаявшись разбить нас на фронте, сделали попытку ударом по тылу армии остановить катящуюся красную лавину. Река Кама до устья Белой была в их руках. Быстро и скрытно высадился ударный корпус имени генерала Гайды верстах в 10-ти ниже устья Белой и верстах в 80-ти в тылу нашей линии фронта. Окрыленные первыми успехами благополучной высадки, ударники весело и беспечно двинулись в глубь территории, очевидно, намереваясь нанести главный удар в сердце армии—Бугульму. Уже на другой день они прошли верст 25 от берега реки и, по рассказам, дошедшим до нас, передовой разведкой чуть не захватили в плен ехавшего на автомобиле, вновь назначенного начдива 27-й, тов. Павлова.

Положение создавалось серьезное. Медлить было некогда. На внезапность надо было отвечать внезапностью.

Решительный, находчивый и энергичный, начдив тов. Павлов сам взялся непосредственно руководить операцией. Мы вместе с двумя соседними полками получили его личное приказание сняться с занимаемых участков и не позднее 12 часов следующего дня прибыть в штаб дивизии—Байрамгулово за получением дальнейших указаний. Поздно вечером полк, разбросанный на большом участке, не успев собрать конных, пеших разведчиков и одной роты, выступил в поход и к назначенному сроку, сделав около 60 верст, прибыл в штаб дивизии.

О появлении белых нам было известно в самых общих чертах, и, естественно, что предположениям, догадкам не было конца.

Но вот штаб дивизии,— сейчас все выяснится.

Я, будучи помощником командира полка, отправился вместе с командиром тов. Пышкало к начальнику дивизии.

Собственно, самого штаба дивизии в Байрамгулове не было. В татарской избе, именуемой штабом, мы застали одного начдива с разостланной на столе десятиверсткой. Сразу приступили к делу.

Тов. Павлов нам сообщил общий замысел операции и дал задание нашему полку. В заключение он добавил, что мы имеем дело с отборными, вымуштрованными, великолепно вооруженными и снабженными войсками, значительно превосходящими нас численно, но еще не обстрелянными.

Сквозь холодную рассудительность этого огромного, как бы железного командира я инстинктивно почувствовал его скрытое внутреннее волнение. Да и как было не волноваться: слишком

много зависело от исхода операции, слишком не в нашу пользу было численное соотношение сторон; в то время как наши три полка насчитывали не более 2.000 штыков, противник, по грубым подсчетам, располагал силами в 12—15 тысяч свежих войск.

— Решительным ударом вы должны столкнуть их в Белую,— категорически закончил начдив.

Байрамгулово охранялось одной лишь комендантской командой дивизии. Каждую минуту можно было ожидать наступления ударников. Лучше наступать самим, только в этом может быть наш выигрыш,—с такими мыслями мы вышли на двор. Коротко посоветовавшись, мы выступили навстречу противнику.

Красноармейцы деловито, сосредоточенно молчат, утомленные ночным переходом. В Байрамгулове они не успели выпить и по глотку чая.

Трудно определить их настроение.

До деревни Усы, на которую нам предстоит наступать,— 18 верст. Надо спешить, чтобы закончить операцию к вечеру. Сейчас уже $13\frac{1}{2}$ часов.

За деревней длинной лентой подвод наш полк, как змея, пополз по направлению к противнику. Впереди, верстах в полутора, только три конных разведчика, остальная часть конной разведки где-то еще позади.

Надо действовать и действовать энергично. На полдороге, в укрытом месте, полк остановился передохнуть. Мы уже по карте обдумали общий план наступления и, пользуясь остановкой, собрали к себе не только батальонных, но и ротных командиров: личное общение всегда полезно. Каждый командир заранее ознакомился с предстоящей полку операцией, заранее продумал, как ему действовать.

План наступления сводился к тому, чтобы быстро развернуться на широком фронте, не давая противнику опомниться, всеми силами полка, не оставляя ничего в резерве, обрушиться, смять его; в то же время действуя ударным кулаком в обход левого фланга, сразу же вынудить к отступлению.

Мы отлично понимали, что, если противник заранее приготовится к бою или, что еще хуже, перейдет во встречное наступление, нам с шестьюстами штыков не одолеть его.

С замиранием сердца двигаемся все дальше и дальше. Вдали показались черные пятна.

— Что там? Не конные ли разведчики противника?

— Нет, это, должно быть, крестьяне возвращаются с поля.

Волнение, азарт игрока, чувство ответственности за трудную задачу незаметно прокрадываются к каждому из нас, приятно взвинчивают нервы, поднимают дух и сосредоточивают все внимание на стремлении вперед.

Вот впереди наши разведчики остановились, прячась за деревья, что-то внимательно разглядывают, один отделился и быстро поскакал назад. Мы с командиром полка пришпорили лошадей и поехали навстречу.

— Ну, что?

— Противник—в деревне, нас не замечает, охранения его не видно.

Верстах в трех вправо от тракта, на овраге, прилепилась своими мечетями д. Усы.

Всматриваемся. Деревня полна войск. За деревней что-то везут.

Да это артиллерия! Раз, два, три, четыре... восемь орудий. Налево, под горой, тоже деревня, и в ней битком набиты войска.

Ясно, что нас не замечают.

Перед д. Усы—бугор, за которым можно удобно и незаметно развернуть полк. Тов. Пышкало быстро отдает приказания: «Командиру батареи немедленно занять позицию для обстрела деревни Усы и артиллерии противника. Полуроте с двумя пулеметами оставаться здесь на горе для заслона со стороны вон той деревни. Остальным частям развернуться, как было указано раньше. Повозкам отъехать верст на пять назад по тракту». Мигом все вокруг закопошилось; быстро, но бесшумно, как на экране в кинематографе, поскакали ординарцы, посыльные; весело развертываются роты, телефонисты тянут провода, пулеметчики любовно волочат своих «максимок». Вот в артиллерийскую трубу Цейса, как на ладони, деревня Усы. На каждом дворе, на улицах—везде солдаты, повозки; беззаботно ходят, пощипывая траву, артиллерийские лошади.

Радостно бьется сердце... Вот когда мы вам отомстим!.. Вскакиваю на лошадь, несусь по цепи развернувшегося полка к правому флангу, чтобы поторопить его с обходным движением.

Все готово.

Бб... у... х—раздается первый орудийный выстрел; шрапнель разорвалась над самой деревней. Ободренные первой удачей, артиллеристы осыпали муравейник белогвардейцев целым градом шрапнели. С первыми выстрелами проснулся заглохший в красноармейцах энтузиазм. Как будто электрический ток прошел

по цепям. Неистовое, могучее «ура!»— и полк, не дожидаясь команды, ринулся бегом вперед.

В деревне творится что-то невероятное: бешено несутся лошади, опрокидывая повозки, давя людей; тысячи солдат, объятые паникой, вышли из повиновения начальникам и беспорядочно стреляют, частью разбегаясь куда попало, частью нестройными, густыми толпами бегут нам навстречу.

Тра...та...та...та...—заработали режущим свистом пулеметы по нашим цепям. Кое-где отстали, ткнулись носом раненые, убитые, но теперь уже никакая сила не остановит красную волну. Красноармейцы, не сгибаясь под огнем противника, с несмолкаемыми криками «ура!» бегут вперед, не отставая от наших двигающихся рысью лошадей. Вот уже правый фланг переходит овраг и окружает деревню. Наступает решительная минута боя. Одна воля должна сломить другую, одна цепь должна уступить дорогу другой.

Беспорядочный огонь противника достигает наибольшей силы и вдруг разом обрывается. Их цепь заколебалась... опрометью бросилась в деревню.

— Бегут, бегут!— торжествующе понеслось по нашей цепи. И с новой, удвоенной силой красная волна покатилась вперед.

Я с двумя ординарцами влетаю в деревню. Там уже расправляется с белогвардейцами неизменно оказывающийся впереди, всеми любимый за храбрость, начальник связи полка тов. Сыченко. Он успел уже померяться силами с белым офицером, командиром одного из ударных полков, и закончил выстрелом из револьвера «славную карьеру штаб-офицера». Все вместе мы отправляемся по улице забирать пленных, которые в ужасе снуют по задворкам, стараясь спасти свою жизнь.

Вдруг навстречу нам, без шапки, с бьющейся на боку полевой сумкой и револьвером в руке, бежит командир полка тов. Пышкало. За ним несколько колчаковцев. Мы кинулись вперед... «Ура!»... Белогвардейцы бегут, сдаются. Тов. Пышкало, запыхавшись, сообщает, что его окружили; он спрыгнул с лошади и, прикрываясь ею от выстрелов, едва убежал.

Но теперь уже деревня прочно занята. На улицах—горы солдатских шинелей, мешков, ящики с патронами, кухни с дымящейся кашей, целые бочки сахарного песку, масла и т. п. Красноармейцы равнодушно пробегают мимо заманчивых трофеев, наскоро жадно глотают ковш воды и бегут дальше.

Комендантская команда уже собрала откуда-то толпы пленных, а впереди деревни победно отбивают дробь наши пулеметы.

Прискакал весь сияющий ординарец и, захлебываясь, докладывает:

— Тов. командир, взяли трехдюймовку, пулеметы.

Трофеи считать некогда, надо до конца развивать успех. Бегущие, слабо сопротивляясь под нашим напором, начинают десятками, сотнями бросать винтовки. По дороге сплошной вереницей валяются сумки, фляги, погоны, вещевые мешки, английские штиблеты. Все поле покрыто брошенным имуществом, оружием, патронами и снарядами. Мы уже без всякого сопротивления гонимся за ними, забирая все больше и больше пленных.

Штаб 27-ой дивизии.

Слева направо: 1) Комбриг 1—Хаханьян, 2) Комбриг 2—Лапин, 3) Комдив 27—Путна, 4—Военком—Дрейцер, 5) Комбриг 3—Степанов и 6) Начальник штаба—Шарангович.

Вот и следующая деревня в наших руках. Здесь, по словам пленных, стоял штаб дивизии. Золотопогонники пробовали задержать солдат, но те, при виде наших цепей, в панике разбежались. Жители третьей занятой нами к вечеру деревни, смеясь, рассказывали, как ошалевшие от страха солдаты ловили в поле лошадей и садились на них по-двое. Другие, цепляясь за хвосты лошадей, старались тем самым облегчить свое позорное бегство. Смеркалось, когда мы стянули цепи в ближайшую деревню. Дальше преследовать не было возможности. Люди буквально валились от изнеможения. Смутно помню, как ночью

откуда-то все еще вели пленных. Вдалеке, за деревней, раздавались на передовых постах отдельные выстрелы, видимо, по бродившим в поле отставшим солдатам.

Упоенные победой, красноармейцы отдыхали.

С рассветом все, точно вспомнив, что дело не закончено, сразу встрепенулись, и горячка погони началась с новой энергией.

Вперед помчалась догнавшая вечером полк конная разведка; за ней на подводах, рысью, пешая разведка и сзади пешим порядком остальной полк. До реки Белой оставалось верст десять, и надо было торопиться, чтобы помешать погрузке белых на пароходы. Белые, видимо, за ночь успели уйти далеко от нас и о сопротивлении не помышляли. Бодро и весело шли красноармейцы вперед. Теперь только нашлось время обменяться боевыми впечатлениями и оценить общий успех.

Посыпались рассказы об отдельных стычках, остроты и расспросы. Пленных взяли человек 500, а может, и больше: считать было трудно; новеньких, американского производства, винтовок тысячи полторы, 4 пулемета, 1 орудие, тысячи две снарядов, миллионы патронов и т. д.

Почти весь полк получил «подарок от Колчака»—великолепные английские шинели, штиблеты и разные другие предметы. Красноармейцы успели уже нарядиться во все эти обновки, и только красные ленточки отличали их от пленных.

Мы досадовали на нашу батарею: удачно вступив в бой, она быстро потеряла не только цель, но и вообще свой полк, проплутала где-то всю ночь; несколько посланных за ней ординарцев не могли ее найти, и только под утро она подтянулась к полку. А ее работа могла на много увеличить наши трофеи и количество пленных. Батарея эта, недавно сформированная, впервые участвовала в бою. Это обстоятельство как бы извиняло ее.

Только теперь мы дали себе отчет, с кем пришлось помериться силами вчера. Из опроса пленных выяснилось, что в д. Усы стояло не менее 4-х ударных полков и батальон морской пехоты. Свежие полки насчитывали 2—2½ тысячи штыков. Словоохотливые пленные, в радости, что остались живы, рассказывали, как целую зиму их обучали в Екатеринбурге, считая их образцовыми частями. При торжественных многолюдных проводах на фронт один из «высоких» генералов, обращаясь к ним в своей речи, провозгласил, подобно Наполеону:

— Солдаты, на вас смотрит вся Европа. Вы должны решить участь нашей дорогой родины.

Среди пленных много солдат «Бессмертного полка» с серебряными нашивками на рукавах, изображающими череп и скрещенные под ним две кости.

Красноармейцы наперебой острят:

— Ударили, да прямо в Белую.

— Поезжайте теперь в Екатеринбург и расскажите, как вы ударили и покрыли себя бессмертным позором. Только шопотом рассказывайте, чтобы Европа не слыхала.

— Ха...ха...ха, вот так ударники. Веселые ребята.

* *
*

Радость победы омрачалась гибелью одного из лучших наших боевых товарищей—командира 2-го батальона Сычева.

Пылкий революционер, честный и преданный коммунист, бывший народный учитель, Павел Сычев с самого начала гражданской войны на Урале встал в ряды защитников пролетарской революции. В 1918 году он командовал коммунистическим отрядом в боях под Бугульмой. После того как красные части отошли к Сарапулю, он случайно был захвачен в плен ижевскими белогвардейскими повстанцами, несколько месяцев просидел в кошмарных условиях в импровизированной тюрьме-баркасе, откуда, воспользовавшись паникой при занятии нами Ижевска, бежал.

Пребывание в плену еще больше закалило его ненависть к белогвардейщине. В марте 1919 года он вступил в командование Курским полком, в период, когда Красная Армия отступала от Уфы. Все силы прилагал он, чтобы восстановить павшую дисциплину и бодрый дух полка, неоднократно лично показывая красноармейцам пример храбрости. Но его пылкость, нервность сыграли с ним злую шутку. Зачастую недовольный общей неразберихой, обычной при отступлениях, он грубо критиковал приказания, идущие сверху. С командиром бригады установились самые неприязненные отношения, начались обоюдные придирки, и кончилось дело тем, что тов. Сычев был предан Ревтрибуналу за неисполнение боевого приказа.

Трудно судить, был ли он виновен. Нам, конечно, казалось, что он ни в чем не виноват.

Мужественно перенес он суровый для его самолюбия приго-

вор: условный расстрел со смещением на должность не выше ротного командира, и по собственному желанию прибыл отбывать наказание в наш же полк.

Рота, которой он командовал, всегда видела его впереди. Он твердо решил—кровью смыть с себя позорное пятно—и слово свое сдержал.

Мне пришлось быть свидетелем славной его кончины в бою с ударниками, когда мы оба чуть не попали к ним в плен. Тов. Сычев тогда временно командовал батальоном.

В сумерках, когда наши цепи занимали третью деревню, покинутую белыми, в тылу за левым флангом полка послышалась сильная ружейная стрельба. Будучи на левом фланге и опасаясь, как бы противник не зашел нам в тыл, я приостановил лошадь и стал наблюдать в бинокль. Ко мне присоединился верхом тов. Сычев. Минут 15 мы всматривались в даль, стараясь определить, чтó там происходит. С трудом разглядели и опознали отступавшие цепи противника. Успокоившись, мы отправились догонять полк, без боя продвигавшийся вперед.

Верстах в полутора перед нами, в направлении, куда двигался полк, стояли, собравшись кучками, цепи. Ничего не подозревая, мы направились к ним. Впереди несколько отставших красноармейцев шло в том же направлении. Мы были уже шагах в двухстах, когда я обратил внимание на то, что одного из подошедших красноармейцев окружили и отобрали у него винтовку. Недоумевая, мы шагом поехали дальше и вдруг поняли: наши цепи, видимо, ушли в деревню, а это были подошедшие слева белогвардейцы.

Вот навстречу к нам вышла группа солдат и раздался оклик:

— Какого полка?

Чтобы оттянуть время и найти выход из затруднительного положения, мы начали с ними перекликаться.

— А вы какого полка?

— Курского,— раздался ответ. Но мы уже знали, что белые успели расспросить пленного красноармейца. Задав еще два-три подобных вопроса, мы круто повернули назад. Лошади, измученные длинным переходом предшествующей ночи и скачкой во время боя по пашням, несмотря на все удары шпорами, тащились вялой рысцой.

Позади раздалась отчетливая команда:

— Рота, становись!.. Первая шеренга с колена, вторая стоя... пли!

Целый рой пуль со свистом понесся вокруг нас. Двигаться под таким огнем дальше—безрассудно. Мы спрыгнули с лошадей, бросили их и открыли по стоящим в сомкнутом строю двум ротам огонь. Где-то рядом стреляли лежа несколько наших красноармейцев.

Противник, рассыпавшись в цепь, продолжал беспорядочно стрелять по нас, не продвигаясь вперед.

Вот лошадь тов. Сычева вздрогнула, зашаталась и рухнула на бок рядом с ним. Моя усталая лошадь понуро стояла около меня, не обращая внимания на огонь.

Время от времени я приподнимался, чтобы посмотреть, не приближается ли к нам противник, и снова стрелял. Патроны иссякали. Я стал окликать тов. Сычева и заметил, что он опустил винтовку, прижался к земле. У меня мелькнула мысль: «убит», но в это время сзади послышалось «ура» наших, откуда-то подоспевших на выручку. Я забыл про Сычева.

Быстро были смяты и обращены в бегство белогвардейцы.

Утомившись до того, что почти ничего не соображал, я взял под уздцы лошадь и медленно побрел в деревню, где, разыскав штаб полка, свалился на нары и заснул, как мертвый. И только утром узнал, что Сычева нашли убитым на том самом месте, где я его оставил.

Пуля попала прямо в лоб и успокоила его на-веки.

Позор смыт. Долг перед революцией исполнен.

* *
*

Не успел полк отойти и трех верст от деревни, как наши разведчики донесли, что белых на берегу реки нет и около 20 разных пароходов с баржами, нагруженными имуществом и войсками, готовы отчалить от берега.

Быстро собрали мы все оставшиеся при полку подводы, посадили на них передовую роту и, вместе с батареей, помчались к реке.

Артиллеристам представлялся случай загладить свои промахи.

Некоторые пароходы уже начали медленно отходить.

Скорее, скорее артиллерийский огонь!..

Как на зло и на этот раз артиллеристы осрамились. Долго устанавливались на позицию. Наконец, открыли огонь.

Затаив дыхание, напряженно ждем результатов каждого вы-

стрела... Хоть бы один попал в цель... Но снаряды все падают, падают в воду, не причиняя вреда.

На пароходах все замерло... и они быстро, один за другим, удаляются по реке в обе стороны.

В бессильной злобе смотрели мы на последний скрывшийся пароход.

Эта неудача сильно огорчала нас, но ничего не поделаешь,— мы все же чувствовали полное удовлетворение и гордость за выполненную задачу.

Полк разместился на отдых в просторных богатых татарских деревнях на берегу реки Белой.

Теперь можно отпраздновать победу.

Весь вечер гремели гармошки, балалайки. Рассказы об «ударничках» сменялись взрывами хохота...

* *
*

На другой день мы торжественно хоронили тов. Сычева на берегу реки. Уныния не было, ибо мы знали, что он погиб славной смертью, защищая правое дело рабочих и крестьян. Твердо, с верой в будущее, звучали слова похоронного марша:

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него...

ЯН ГРУНТ.

НОЧЬ ПОД ИВАНОВСКИМ ЗАВОДОМ.

Это было в 1919 году, в конце марта, когда наша армия в беспорядке отступала от Уфы под напором свежих и многочисленных колчаковских войск. Мы откатились к Белебею, и еще нельзя было и думать о том, что, так или иначе, нам удастся снова выстроиться и остановить наступление белых. Вопрос шел лишь о том, чтобы наше отступление происходило возможно планомернее. Впрочем, это не всегда удавалось, и намеченный план отступления сплошь и рядом нарушался. Так это и произошло под Белебеем. Красные части, которые должны были задержать наступление белых на Белебей, дрогнули. Несколько красных полков под Ивановским заводом, верстах в тридцати от Белебея, были смяты и им грозила опасность быть захваченными в плен белыми.

Опасность возросла еще и потому, что благодаря этому белые беспрепятственно могли продвинуться на Белебеевскую жел.-дорожную ветку и отрезать отступление Реввоенсовету, штабу и Политотделу пятой Армии, которые в то время находились в Белебее.

Поздно вечером я был вызван в Реввоенсовет и, по предложению Ивана Никитича Смирнова, сразу же оттуда, во главе человек десяти политработников, на подводах направился в сторону Ивановского завода, где в то время должны были находиться три-четыре наших разбитых полка. Нам было предложено провести агитацию среди красноармейцев, вдохнуть в них боевой дух и сменить уставших политработников.

Поздно вечером мы потянулись к Ивановскому заводу. Полуголодные крестьянские клячонки еле двигались, и мы от нервного напряжения и от мороза дрожали и кутались в свои шинели. То тут, то там раздавались одиночные выстрелы. Кто это стрелял. мы не знали, и, наверное, никто этого не знал, кроме самих стреляющих. Изредка навстречу нам скакали вестовые, которые встре-

чали и провожали нас зоркими взглядами: может быть враги, может быть, надо будет отстаивать свою жизнь?

Вдали показалось несколько всадников. Очевидно, разведка, но чья? Руки нервно обхватывают винтовки, — надо быть готовыми ко всему.

Всадники приближаются, и также недоверчиво оглядывают нас, как и мы их.

Глаза устремлены на плечи. Нет ли погон?

Молча, невольно отдавая честь друг другу, мы разъезжаемся.

Поздно ночью мы приезжаем на Ивановский завод.

Быстро находим штаб бригады, который помещается в маленькой грязной избе. Кроме работников штаба, разведчиков, рассыльных, там же помещаются и хозяева избы со своими домочадцами, — повернуться негде. Дым стоит столбом, дышать нечем, постоянно трещит полевой телефон, по которому отдаются беспрерывно приказы, принимаются донесения. То и дело открывается маленькая дверь избы, впуская приходящих за приказами политкомов и командиров рот и полков. Вместе с ними в избу врываются клубы холодного пара.

Разговариваем, знакомимся с положением дел. Но каждую минуту нас прерывают, и сведения мы получаем отрывочные. Однако мы узнаем, что положение на этом участке фронта из рук вон плохо. Красноармейцы уже три дня без пути и дороги по глубокому снегу с боем отступают. Многие босые и голые... К нашему приезду вышел на Ивановский завод Тверской полк и разбрелся по селу. Как снова собрать полк, никто не знает; неизвестно даже, как найти политкомполка. С большим трудом находят его квартиру, и мы решаем вызвать его в штаб. Посылаем вестового, который, вернувшись, доносит:

— Тов. NN выгнал меня и заявил, что он в штаб не пойдет, а если он кому-нибудь нужен, то пусть приходят к нему.

Послали вторично, и дело кончилось тем же.

Постепенно небо начинает белеть, и в избу врывается туманный морозный рассвет...

Получается донесение, что район окружается белыми и часть их держит путь на Белебей.

Шлем политкому Тверского и политкомам двух других полков приказ о сборе красноармейцев. Получаем ответ от политкома Тверского полка, что полк собирать он не будет, так как красноармейцы совершенно обессилели и двинуться с места не в состоянии. Даем тревогу, и полк удается собрать.

Перед нами полуголые, голодные люди. Это — уже не армия, но на них последняя ставка, без их поддержки — гибель. И глядя на эти изможденные лица, на отмороженные пальцы ног, торчащие из рваных валенок, исчезают всякие призывные слова. Хочется вывести их из линии огня, накормить, одеть и дать возможность отдохнуть. Но делать этого нельзя, так или иначе надо уговорить их пойти навстречу врагу и задержать его. Вместе со своими красноармейцами на собрание явился и политком Твер-

Полночь в штабе бригады в тревожные дни.

ского полка. Он, зло блестя глазами, указывает нам на своих бойцов и говорит:

— Они не в состоянии итти, они шагу не сделают.

Его слышат ближайшие красноармейцы и усталыми голосами поддерживают своего политкома, с которым они выдержали не одну славную битву, с которым плечо к плечу они выигрывали не один бой и с которым они готовы пойти в огонь и в воду. В преданности делу революции политкома Тверского полка никто не сомневается, так как за ним позади богатое революционное прошлое и боевые заслуги в пятой Армии. Этот железный, но переутомившийся, издерганный человек просто не отдает себе отчета в своих действиях и перестал понимать, что во время боя отдыхать нельзя, — надо биться до последнего.

С тяжелым сердцем мы выступали на этом собрании. Хмур встретили наши первые слова уставшие бойцы, но когда мы за явили, что колебание и всякое промедление с их стороны грози смертельной опасностью всей армии, то наши слова были прерван почти единодушным криком:

— Мы — не предатели! Довольно! Мы идем!

Вместо старого политкома был назначен новый, так как н было уверенности в том, что он пойдет с полком до конца. Но о не пожелал отстать от полка и в качестве рядового направился вместе с ним навстречу почти верной смерти.

Село ожило. Начались быстрые сборы к бою трех полков Хмурые лица красноармейцев ожили, стали еще более решитель ными. Готовые уже к выступлению, красноармейцы подходил к нам, и мы слышали от них только одну жалобу:

— Махорку, товарищи, пришлите скорее. Без курева плохо — настроение падает.

Соломой затыкали рваные валенки, и никто новых не требовал

Как будто глазами говорили они:

—Не дураки и не маленькие. Понимаем, что взять все эт сейчас негде.

Наконец, сборы кончились, и по трем разным дорогам тр голодных и раздетых полка исчезли в молочных сумерках мо розного утра. Бодро они пошли навстречу более сильному врагу.. И с честью вышли они из боев, со штыками врагов не раз столк нулись красные штыки усталых бойцов. Общими геройскими уси лиями всей пятой Армии колчаковцы были отогнаны от Белебея и Белебей остался в наших руках еще на несколько дней. Эт дало нашим войскам возможность планомерно отступить, для того чтобы остановиться под Кротовкой, собраться с силами и нанести врагам решительный и смертельный удар.

* *
*

Вторично красных стрелков из Тверского полка я встретил уже весною, когда был нанесен первый смертельный удар колча ковцам. С трудом я их узнал тогда. Это были совершенно другие люди. Хмурые лица стали веселыми, и только прежняя реши тельность и готовность к бою блестела в их глазах.

Меня узнали, и кто-то из красноармейцев крикнул:

— А ночь под Ивановским, помнишь?

— Помню, — ответил я, — а ты разве забыл?

— Ну, нет. Хорошая была ночка! За эту ночку Красная Русь нас долго помнить будет.

Красная Русь, может быть, и не знала ничего об этой ночи, ничего не слыхала о геройстве Тверского, Курского и, кажется, Брянского полков и не помнит ничего, но наша пятая Красная Армия об этой ночи знать и помнить должна.

К. И.

КРОВАВЫЙ ГОД В ЮРЕЗАНСКОМ ЗАВОДЕ.

8 июля 1918 г. отряд Красной Армии отступил из Юрезани, и ее заняли чехи; 8 июля 1919 г. белоармейские полки были изгнаны из Юрезани, и ее с боем занял красноармейский полк.

Прошел ровно год, кошмарный, кровавый год, самый тяжелый из всех, какие есть в памяти у жителей Юрезани. Как много наших товарищей расстреляно за этот год, как устали мы за этот год, как поредели наши ряды!

После отступления в нашем отряде наступила полная дезорганизация и паника. Причин этому было много, а главное — полное отсутствие связи с другими отрядами Красной Армии. Уфа, Златоуст и соседние заводы, кроме Катав-Ивановского, Тюрлянского и Белорецкого, были уже заняты чехами. На Юрезанский завод наступали чехи со ст. Вязовая. Слухи доносились о том, что Сибирь вся поголовно восстала за Учредительное Собрание, что Самара, Саратов, Сызрань, Пенза, Казань и Нижний тоже восстали за Учредительное Собрание, что формируется добровольческая армия учредиловцев.

Солдаты-фронтовики, поднявшиеся вместе с нами на защиту Советской власти, под влиянием этих слухов изменили нам. Мы отступили одни, и нами овладела паника, отряд начал разбегаться. Масла в огонь подлил еще слух о том, что чехи красноармейцев не арестовывают и не расстреливают, что они только пробивают себе путь на Дальний Восток, желая отправиться к себе на родину. Мы поверили этим слухам, и я да еще двое товарищей решили отправиться на Юрезанский завод, чтобы узнать, вступили в него чехи или нет. Взяв у начальника отряда пропуск, мы отправились. В село Юрезань мы шли спокойно, не ожидая здесь никакой опасности. Но оказалось, что мы в этом ошиблись: у села мы наткнулись на заставу. Застава состояла из солдат николаевской службы. Мы с ними завели разговор, расспросили, есть ли в Юрезани Совет и т. д. Солдаты сказали, что Совет есть, состоит он из солдат, что Юрезань уже заняли чехи.

Уйти от этой заставы уже не было никакой возможности.

Солдаты предложили нам сдать оружие. У меня было тогда три бомбы и браунинг, у моих товарищей только бомбы. Сдать оружие мы не согласились и стали упрашивать солдат пропустить нас к заводу, чтобы узнать там лично о положении дел. После некоторого колебания солдаты согласились. Они проводили нас до Большой улицы, а потом скомандовали итти прямо в Совет. Мы пошли совсем в другую сторону. Тогда солдаты открыли по нас огонь.

Утром я отправился в «Совет» и увидел там «доблестных восстановителей справедливости», с орденами на груди, с бело-зелеными лентами на фуражках. Тут я почувствовал весь ужас, всю свою ошибку, которую я сделал, явившись в этот лагерь контр-революции. Меня повели к коменданту. Тут я сдал одну из моих бомб, а остальное оружие припрятал. После этого меня посадили в подвал. Здесь я встретил уже многих из своих товарищей, которые рассказали мне о первых наших потерях. Были расстреляны товарищи: Я. А. Зайцев, Н. М. Гончаров и И. О. Сахаров. В подвале нас продержали 8 дней, а потом отправили в Златоустовскую тюрьму; в тюрьме просидели мы около 3-х месяцев, ожидая день и ночь смерти. Затем отправили нас, не помню, с какой партией, в Тоцкие лагеря по Ташкентской дороге. До этих лагерей мы ехали четверо суток, и за эти четверо суток кормили нас только один раз на ст. Уфа. Тяжело было смотреть на тех товарищей, которые не имели ни куска хлеба и ни копейки денег. Нам не давали не только хлеба, но и воды, обрекая на голодную смерть. Не лучше было и тогда, когда мы прибыли на территорию Учредительного Собрания. Здесь нам не только не давали куска хлеба, но отнимали у нас последнюю рубашку, издевались над нами и все время грозили расстрелом. Это были эсеры и меньшевики, именовавшие себя защитниками трудовых масс.

Благодаря тому, что председатель Юрезанской следственной комиссии сильно любил брать взятки, нам удалось его подкупить, и нас освободили 5 октября. Мы были доставлены в Юрезань и распущены по домам с наказом, что за одно слово в пользу Советской власти мы будем расстреляны без суда.

После колчаковского переворота, нас снова вздумали арестовать, но тут некоторым из нас, в том числе и мне, удалось бежать. С этих пор начались наши скитания по трущобам и лесам. Но многие из наших товарищей были пойманы и расстреляны, некоторым удалось скрыться. В феврале месяце мы случайно наткнулись на подпольную организацию и решили сохранять постоянную связь с ней. Все усилия мы направляли к тому, чтобы

организовать партизанский отряд, достать оружие и весной начать вооруженные действия. Инициатором данного дела был М. Н. Долинин. Но создание отряда было не таким-то легким делом, так как негде было достать оружие. В это время в нашем отряде было уже 50 человек вооруженных, но связи с какими-нибудь крупными организациями мы еще не имели. Как-то в Вязовскую организацию явился человек с документами из Советской России, но мы сразу по выходкам его узнали в нем шпика и решили его задержать. Мы послали 5 человек для расправы с ним, но, он, видимо, догадался, что ему грозит опасность, и улизнул на Вязовую, где уже в это время действовал карательный отряд. Со ст. Вязовая карательный отряд направился в Юрезань, и наши товарищи из Юрезани бежали к нам в отряд, но тут случилась измена. Карательному отряду удалось захватить Долинина, который под страшными пытками не выдержал и выдал товарищей. Двое из них успели скрыться, а остальные были после пытки расстреляны. Долинин, не удовлетворившись тем, что выдал товарищей, повел карателей в лес разыскивать наш отряд. Мы были открыты, по нас начали стрельбу. После небольшой перестрелки мы были совершенно разбиты, четыре товарища были убиты, двое ранены, один захвачен и повешен. Началась беспощадная расправа с нами. Расстреливали, вешали по первому подозрению.

В Юрезани даже имела место такая чисто средневековая картина зверства: тов. М. Варганов был повешен на самой главной дороге из центра завода; над виселицей красовалась надпись: «Так будут наказаны все». Труп его долго оставался неубранным в назидание гражданам.

Жители Юрезани никогда не переживали еще такого ужаса. Все взрослое мужское население попряталось, разбежалось. На заводе не было ни души; карательный отряд рыскал по лесам, отыскивая новые жертвы. Всего ведь не опишешь, весь этот ужас надо пережить, перечувствовать, описать же трудно...

Но вот в Юрезани снова отряд Красной Армии. Объявлена мобилизация и все спешат записаться. На улицах заметно больше движение. И откуда взялись только люди?! Многие повылезли из своих подполий, многие вернулись из лесов и гор. Теперь у всех одно решение—бороться до конца вместе с Красной Армией за укрепление Советской власти.

Будем сильными, будем бодрыми, товарищи!

Пусть крепче связывает и роднит нас кровь погибших и замученных братьев!

А. ШИФРЕС.

НА ВОСТОК.

(*Из жизни 1-го запасного полка пятой Армии.*)

Уже снег стаял, и наши ноги месили уличную грязь...

Колчак жал нас к Волге. Уже по ту сторону фронта—Уфа, Белебей... Крылья белой армии жмутся: правое — к Миллеру, левое — к Деникину...

Все на Восточный фронт!..

С запада, севера, сердца России — все на восток!..

Витебская организация мобилизует 20%. Из девяти членов губкома должно ехать двое. На заседании жестокий спор: кому ехать первым?

Наконец, нас двое.

Прямо с заседания — в маршевую роту. Белье, гимнастерка, брюки, котелок... Шинели нет. У первого встречного в губкоме меняю штатское пальто на шинель.

А завтра — под прощальные речи, приветствия, под звуки оркестра, в красных вагонах отправляемся на восток.

Мелькают голодные Смоленск, Вязьма, Калуга... Пенза с первыми белыми булками...

На восток...

Кузнецк...

Сызрань. 1-й запасный полк пятой Армии...

В ПОЛКУ.

За окраиной города, за железнодорожной линией, в начале большой равнины — две сотни летних бараков. Бараки «офицерские» — с маленькими комнатками, «солдатские» — с одноярусными нарами. Все это сплошь заселено сейчас многочисленными красноармейцами...

Только успели занять в бараке место, бежим «устанавливать связь». В штабе полка разыскиваем комиссара...

В маленькой комнате комиссар полка «по военной части» (так он себя называл) тов. Чистяков «чистит» командира батальона. Рабочий Уфимских железнодорожных мастерских,— в своем твердом кулаке молотобойца он держит весь полк. И нужно отдать справедливость: держит он полк крепко. Я никогда не слыхал, чтобы он повысил голос. Но его чеканного, как стук мотора, слова достаточно. Никто в полку не хочет попасть в «проборку» к тов. Чистякову.

Помню такой случай. В полк прибыло несколько тысяч молодых казанских татар. Как на грех, испортился водопровод. Воду для кухонь привозят из города в бочках. Обеспечить водой всю 25-тысячную массу полка нет возможности.

Первая бочка приезжает благополучно. Вторая, третья... Четвертая окружена казанским пополнением и в миг опустошена. За нею пятая, шестая... Полковым кухням грозит опасность остаться без воды.

Бегут дежурные по кухням, по полку. Бежим мы. Куда!— плотная стена здоровых спин преграждает нам дорогу. Бочек не отбить.

Вернулись в полк. Пошел тов. Чистяков,— и через 10 минут мы увидели бочки с водой, а за ними тов. Чистякова, сопутствуемого тысячной толпой, миролюбиво и удовлетворенно гудящей на казанском наречии...

В полку нет ни одного комплекта обмундирования, а завтра отправлять на фронт тысячное пополнение. На столе приказ Реввоенсовета: ни одного необмундированного красноармейца.

День целый не видать в полку тов. Чистякова. А к вечеру— грузовые автомобили везут из города гимнастерки, брюки, ботинки...

Откуда?.. Ведь все склады забронированы и перебронированы. Ведь нужны тысячи резолюций, чтобы получить одну иголку. Ведь десятки разных снабженцев памятуют одну только заповедь: сам не ешь и другим не давай...

Пустяки. Чистяков все достанет...

И доставал, и спасал дело...

— Вы, товарищи, не ко мне попали. Я больше по военной части. Так сказать, военный комиссар. Тут есть еще второй комиссар, Веденеев. Он — по политической части. Политком, так сказать. К нему и идите...

КОЛЯ ВЕДЕНЕЕВ.

Его нет уже сейчас в живых. Когда в лютую зиму 1920 года отступающая армия Колчака усеивала свой путь тифозными бациллами, когда в каждой деревне на пути ее отступления оставались десятки больных солдат, когда железные дороги были усеяны трупами и лентами стояли поезда смерти,—тиф скосил и того, чьи силы еще не развернулись полностью.

Коля уже стал оправляться. Только-только миновал кризис, и жажда работы захватила его. Уже давно он думал о книжке-памятке, которая простым и ясным языком рассказала бы каждому красноармейцу, за что он борется, за что он жертвует жизнью в снегах Сибири. Бессильный еще подняться с постели и пойти в полк, Веденеев, лежа, берется за книги и за перо. Ослабленный болезнью, мозг не выдерживает напряжения...

Без шума, без торжественного шествия, без траурного марша хоронили Веденеева. Ведь десятки тысяч гибли вместе с ним. Ведь десятки тысяч умирали без того, чтобы кто-нибудь сказал над ними последнее слово. Нет старших и младших. Нет заслуженных и незаслуженных. Все одинаково пали в борьбе за русских крестьян и рабочих. Все одинаково равны перед смертью героев.

И только вечером, в небольшом кружке товарищей, печальными речами отметили потерю, которую понесла революция...

. . . .

Долго мы ходили из барака в барак в поисках комиссара «по политической части». Наконец, набрели на типографию, и за печатным станком, со свежим номером полковой газеты в руках, мы увидели Веденеева.

Полковая газета была его детищем. Он всхолил ее идею, добыл и установил типографию, сам писал, сам редактировал, сам корректировал, сам выпускал.

И недаром. Не было другой газеты, которую красноармейцы читали бы с такой охотой: тут и передовая на полковую или общеполитическую тему, тут и басня полкового стихотворца в демьяновском духе, здесь и рассказ из красноармейской жизни, здесь и полковая хроника: слава отличившимся, меткая сатира над отстающими, ленивыми и нерадивыми.

Все, кто был в 1-м запасном полку, помнят «Красноармейскую Правду»...

Приземистый, как-то пришитый к земле, круглолицый, с длин-

ными светлыми волосами, в какой-то удивительной зеленой мягкой и круглой шляпе и одновременно в кожаной тужурке с браунингом за поясом,—светлыми глазами Веденеев смотрел на нас.

Мы кипятились, требовали немедленной отправки на фронт, на «настоящий» фронт. Поехали, мол, на позиции, а попали в запасный полк. Запасные полки есть и у нас, в Витебске...

— Увидите, что работа так же нужна в запасном полку, как и на позициях. Запасный полк—резервуар, из которого армия черпает силы. Хорош запасный полк—хороша будет и армия. Плохи будем мы,— Колчак перевалит за Волгу...

Два часа на зеленой лужайке за бараками сидели мы и решали, каким путем выбраться из полка на «настоящий» фронт. Решили отправить жалобную телеграмму в Реввоенсовет армии.

Отправили одну, другую. Получили ответ: «На усмотрение комиссара полка».

«Усмотрение» осталось незыблемым. Мы остались, и через четыре месяца, уже на «настоящем» фронте, я убедился в том, какая огромная работа по воссозданию силы и мощи пятой Армии была сделана ее 1-м запасным полком.

1-Й ЗАПАСНЫЙ ПОЛК.

Полк был огромной машиной, которая перековывала полуанархическое, зачастую дезертирское сознание прибывающих из тыла красноармейцев в твердое и стойкое сознание крестьян и рабочих, кровью отстаивающих свои земли, фабрики и заводы.

Какие только элементы не перебывали в полку!

Был у нас так называемый добровольческий батальон. Он состоял—это видно из названия—исключительно из добровольцев. Это были хорошие и самоотверженные ребята. Но у них была одна беда: они считали себя добровольцами, т.-е. людьми более сознательными, более активными, более стойкими, чем другие, а потому заслуживающими большего внимания. Приказов они не слушали: ибо зачем им приказы, когда они все без них знают. Начальников не признавали: ибо зачем им начальники, когда каждый из них годен, по крайней мере, в командармы. На военное обучение итти не хотели: ибо яйца курицу не учат. Помню, отбившаяся от Дутовской армии довольно крупная казачья банда гуляла по левому берегу Волги и норовила переправиться на правый, на соединение с Деникиным. Одно время она близко подходила к Сызранскому мосту, игравшему огромную роль в деле

связи России с фронтом. Нашему полку была дана задача—выставить к мосту заслон. Кого послать? Ясно,— добровольцев.

Пошли добровольцы с залихватскими песнями и ухарскими криками. Посидели в окопах у моста двое суток, надоело им и возроптали на судьбу. Пришлось снять и заменить штрафниками...

Таковы были «добровольцы».

Штрафники были люди другого сорта. Это были дезертиры, осужденные за неисполнение приказаний, просто подозрительный элемент и т. д. И нужна была, действительно, атмосфера 1-го запасного полка, нужна была его постановка политработы, нужны были такие руководители, как Веденеев, чтобы этих штрафников превратить в лучших бойцов.

Опустившийся красноармеец, для которого вначале штрафной батальон был спасеньем от необходимости итти на фронт, вскоре настолько приобретал истинный красноармейский облик, что начинал стыдиться своего штрафного положения. Каждый раз, когда кто-либо из руководителей являлся в батальон, начинались слезные моленья об отправке в виде искупления за вину на фронт. И не потому, что в штрафном батальоне было так худо, что по сравнению с ним даже для дезертира фронт был раем, ибо штрафного в батальоне, кроме названия, по существу ничего не было. Это было действительное оздоровление сознания штрафников.

И, в частности, штрафники это подтвердили, сменив добровольческий батальон на охране Сызранского моста и продежурив там полный месяц, почти без горячей пищи, почти без оружия, в ожидании крупной казачьей банды...

Был в полку и татарский национальный батальон из казанских башибузуков, громивших бочки с водой,—и вот даже этих Веденеев превращал буквально в одну-две недели в образцовых красноармейцев. И когда летом того же 1919 года в Казани произошли недоразумения на почве республиканизма и самостийности, наш татарский батальон отнесся к этому вполне сознательно и быстро разобрался в том, на чьей стороне правда.

А когда рядом стоявший запасный полк Приволжского Военного Округа, исключительно укомплектованный татарами, начинал буянить из-за гнилого мяса или полного отсутствия белья, красноармейцы нашего татарского батальона отправлялись туда и в течение получаса объяснением положения республики так урезонивали тамошних красноармейцев, как не убедил бы их ни один наш политработник...

Летом 1919 года полк получил своеобразное пополнение:

3.000 перебежчиков из армии Колчака. Они пришли к нам забитыми и запуганными. Они никак не могли сначала усвоить наших порядков.

Мы разместили их отдельным батальоном в десяти бараках. Я обходил их бараки непосредственно после их прибытия. Они стремительно вскакивали при моем приходе, несмотря на то, что единственным внешним моим отличием от них был неизбежный спутник каждого большевика 1919 года—револьвер. Зато с каким удовольствием поднимался лес рук, когда они выбирали своего ротного библиотекаря! С какой жадностью они ловили каждое дружеское слово и расхватывали номер «Красноармейской Правды»!

А когда на завтра Веденеев провел с ними первую лекцию, радости и восторгам не было конца.

Наша работа даром не пропала. Уже через две недели мы должны были их отправить на фронт, который требовал от нас все новых и новых пополнений. Дивизии, которые их получали, считали их наилучшим пополнением. Я сам потом видал их на передовой линии и убедился в правильности отзыва. Две трети их пало смертью храбрых в передовой линии в боях под Челябинском и Курганом.

ПОЛИТРАБОТА В ПОЛКУ.

Конечно, успех 1-го запасного полка нельзя отнести полностью на счет его работников. Близость фронта, реальность опасности, ясность контр-революционного характера колчаковщины в непосредственном соседстве к ней,— все это создавало такую обстановку, которая благоприятствовала успеху нашей работы. Эта работа была проделана работниками полка и, в первую очередь, Веденеевым, Чистяковым, Гончаровой, Тумаркиным (ныне завагитпропом Сиббюро ЦК ВКП), Глинским (ныне начподив 21-й) и десятком других неутомимых товарищей, политически воспитывавших многотысячную красноармейскую массу.

Главным политическим верховодом в полку был Веденеев. Двадцати одного года, еще недавно с школьной скамьи, с небольшим опытом первых двух лет революции, он сумел спаять воедино всех работников полка, поставить им ясную и определенную задачу, умело сорганизовать для ее выполнения и вдохнуть в них тот энтузиазм, без которого полк бы не справился со своей работой.

Веденеев был комиссаром полка. Он же был единогласно изби-

раем и переизбираем в бюро полкового коллектива РКП. Газета, партийная школа, субботники, школа грамоты, клуб, веселая прогулка,— все это придумывал и создавал он.

Политаппарат полка был организован образцово. Функции среди пяти членов бюро были строго распределены (не забывайте, что это было в 1919 году). Каждый батальон имел своего организатора с помощником, каждая рота—ротного организатора.

Мы только год как подошли к системе ежедневных и обязательных политзанятий (политчас). Эта система была введена в 1-м запасном полку в 1919 году. Утром все ротные организаторы собирались в бюро, где сообща разрабатывалась тема очередного политзанятия. Работа организаторов строго учитывалась. Каждый организатор подавал утром точную сводку о проделанной им работе. Эти сведения потом проверялись, а к концу каждого месяца мы могли точно подсчитать нашу работу, сравнить темп ее с предыдущим месяцем и точно определить все недостатки.

Раз в неделю мы выводили батальоны на учебное поле, где устраивали митинги на текущие темы. Эти митинги были батальонными праздниками. На них стекались сотнями и тысячами жители городской окраины и красноармейцы рядом стоящего полка. Часто присутствующих было так много, что голос докладчика не доходил до задних рядов.

Ни одно пополнение не приходило и не уходило из полка без теплой встречи или торжественных проводов. Приходящим мы рассказывали про наши порядки (дисциплина была в полку строгая). Уходящим мы разъясняли их обязанности на фронте.

Помню, как менялись лозунги проводов. Начали мы с того, что Волга должна остаться советской. Потом стали провожать с лозунгом «советской Уфы». Потом потребовали, чтобы стал красным Златоуст. А там—за советским Уралом—мы бросали в уходящие роты: «Сибирь должна стать советской от Челябинска до Владивостока».

Этот клич полностью осуществился только теперь. Но основу его осуществления положила пятая Армия. Она же и закончила это дело.

В этом есть заслуга и 1-го запасного полка армии. Своей политработой—политзанятиями, митингами, партшколой, школой грамоты, газетой и клубом, своей атмосферой и крепкими, хотя и молодыми традициями,—полк превращал толпу крестьян в организованную и сознательную силу. Не менее половины Армии

вышло из 1-го запасного полка. В этом я убедился, перебравшись во фронтовую дивизию: половина красноармейцев дивизии знала меня по 1-му запасному полку.

НА ФРОНТЕ.

На дворе стояла осень. Беспрерывный дождь превращал шинели и одежду в мокрые тряпки, которые плотно прилипали к телу. Ноги вязли в липкой черноземной грязи Курганских степей.

Собранным в Петропавловске казачьим кулаком Колчак ударил по ослабевшей от тяжелых боев пятой Армии. Армия отступала. Связь между частями и штабами была потеряна. Враг оказывался и спереди, и сзади, и с обоих флангов. Батальоны, полки, бригады оказывались иногда в далеком тылу противника и с боем пробивались обратно.

Не легко давалась Колчаку временная победа. Пространство от Кургана до Петухова, пройденное пятой Армией в течение двух недель, было отбито Колчаком только за 1½ месяца.

Наконец, наша пятая Армия и третья армия Колчака стали одна против другой на берегах Тобола. Мы были сильно потрепаны и пока еще не могли снова перейти в наступление. Но и третья армия Колчака была настолько обессилена нашим сопротивлением, что не смогла использовать дальше своего успеха.

Началась борьба в другом направлении. Кто первый соберет силы, кто первый подтянет пополнения, чьи пополнения будут крепче и тверже?

И здесь снова выступил на сцену 1-й запасный полк, ставший уже запасной дивизией пятой Армии. В течение двух недель он обмундировал, вооружил, обучил и политически воспитал мобилизованных крестьян и рабочих Челябинской губернии. В течение двух недель он дал нам новое, прекрасное, твердое и стойкое пополнение.

Колчак не угнался за нашим запасным полком. Это решило его участь. Пятая Армия двинулась вперед и к весне 1920 года, пройдя тысячи верст, ликвидировала колчаковщину.

Н. ВЕДЕНЕЕВ.

1-Й ЗАПАСНЫЙ ПОЛК ПЯТОЙ АРМИИ.

(Опыт партийной работы.)

Работая целый год в области политической работы в нашей армии, я мог убедиться, что поставить на широкую ногу политическую работу невозможно.

Для такой работы необходимы иные, более мирные условия жизни, позволяющие внести в работу известную систему и планомерность.

Партийные работники армии, сражающиеся в рядах бойцов на передовых позициях, всегда говорили: «Мы не имеем возможности вести правильную политическую работу, и пополнения, которые к нам приходят, совершенно не обработаны в политическом отношении. Мы здесь, на фронте, будем показывать красным бойцам примеры личной храбрости, увлекая их этим в бой, а тыл пусть поставит на должную высоту политическую работу среди формирующихся красноармейских частей, чтобы они приходили на фронт сознательными борцами за пролетарское дело».

Четырехмесячная практика политической работы в 1-м запасном полку доказала справедливость такой оценки действительности.

В этой статье я хочу дать сжатый обзор той политической работы, которая проведена за четыре месяца в 1-м запасном полку.

Полк этот зародился в первых числах апреля 1919 года в Бугуруслане, составившись из Уфимского караульного батальона и 6-го запасного батальона нашей армии. И народу было в этом полку сперва немного, всего только около 250 человек.

В середине апреля 1-й запасный полк был переведен из Бугуруслана в Сызрань, и вот тут-то, в Сызрани, в двадцатых числах апреля началась партийно-политическая и культурно-просветительная работа в полку.

Полк с каждым днем рос от прибываемых с глубокого тыла пополнений и через неделю дорос до 8.000 человек. Работа, благодаря этому росту полка, принимала все более широкий масштаб,

Пятнадцатого апреля было первое, по прибытии в Сызрань, собрание полкового партийного коллектива, насчитывавшего тогда до 40 человек членов партии и сочувствующих. На этом собрании было принято важное решение об организации ротных партийных ячеек и о перенесении центра тяжести партийно-политической работы на эти ячейки, ближе к массам.

Началось строительство ротных партийных ячеек. Каждый день создавались одна, две, а то и три таких ячейки. И сразу же, как только они возникали, они принимались за кипучую деятельность, начиная осаждать полковой партийный коллектив требованиями на литературу, библиотеки, на лекторов, ораторов и так далее. За две-три недели было создано до 30-ти таких партийных ячеек. Как раз в этот период (в первых числах мая) в полк начали прибывать свежие партийные силы. Это были коммунисты, подвергшиеся партийной мобилизации, которая проводилась по всей Советской России в конце апреля и в начале мая. Среди прибывавших коммунистов было много не только рядовых, но и активных работников, занимавших ответственные партийные и советские посты (до губернских исполкомов и парткомов включительно).

С прибытием новых партийных работников создалась возможность построить довольно прочный и хорошо налаженный аппарат для постоянной регулярной политической работы.

1 мая, после торжественных празднеств, происходивших в городе, где первый запасный полк выделялся из всего гарнизона своей многочисленностью и организованностью, в полку, в одном из бараков, состоялось торжественное открытие полкового красноармейского клуба имени тов. Троцкого. При клубе открылась и полковая библиотека, которая фактически уже начала раздавать книги с 27 апреля. 1 мая вышел 1-й номер полковой газеты «Красноармейская Правда». Это был специальный «первомайский» номер, посвященный великому пролетарскому празднику.

Полковая газета, созданная по моей инициативе, во многом отличалась от газет обычного типа. Это была даже не газета по существу, а листовка-журнал. Ее главное отличие от других газет заключалось в том, что она совершенно не помещала обычных для каждой газеты телеграмм информационного характера о положении на фронтах и за границей.

Главными задачами полковой газеты явилось: 1) отражение на ее страницах полковой жизни, 2) борьба путем печатной агитации с разными вредными явлениями, как-то: азартные игры, пьянство,

хулиганство, дезертирство и т. д., и 3) поощрение в красноармейцах стремления к занятию литературным творчеством, для чего в газете заведен был специальный отдел: «Красноармейские стихи».

«Красноармейская Правда» сразу приобрела популярность в красноармейской среде, и в несколько ближайших дней редакция газеты была буквально засыпана красноармейскими письмами и стихами.

Кроме полковой газеты, полковой партийный коллектив издал 6.000 экземпляров программы РКП большевиков, принятой VIII съездом партии. Программа партии издана в виде изящной небольшой книжечки, напечатанной четким шрифтом с приложением «Краткого разъяснения непонятных слов, встречающихся в программе». На второй странице обложки напечатан текст международного рабочего гимна «Интернационал», на третьей странице—«Как вступить в РКП» и на четвертой—список книг, рекомендуемых для прочтения сочувствующим и желающим вступить в РКП.

Культурно-просветительная работа в полку велась культпросветом 5, находившимся временно в Сызрани. Ежедневно, а в некоторые дни и по два раза для красноармейцев ставились спектакли, концерты или кинематографические сеансы.

После открытия клуба при нем была заложена организация любительских культурных сил. В клубе было устроено общее собрание любителей культурно-просветительной работы и тут же были сформированы секции: 1) любителей драматического искусства, 2) любителей музыки и пения, 3) любителей спорта и 4) любителей природы. Эти секции приступили к дружной работе, каждая в своей области. Одновременно со строительством ротных партийных ячеек велась обычная агитационная и просветительная работа, выражавшаяся в устройстве лекций и митингов. Наличие нескольких товарищей, способных читать лекции по разным партийным вопросам, натолкнула президиум полкового партийного коллектива на мысль о создании полковой партийной школы, и такая школа открылась 12 мая. Школа эта была рассчитана на двухнедельный срок, и окончила она свои занятия 24 мая. Несмотря на краткий курс, партийная школа оказалась удачной и многое все-таки дала своим слушателям. Цифровые итоги первой партийной школы были таковы: прослушавших полный курс лекций, т.-е. не пропустивших ни одной лекции—78 человек, прослушавших более половины лекций—174 человека и прослушавших менее половины лекций—243 человека. (Слушатели пар-

тийной школы не освобождались от занятий и отдавали ей только свое свободное вечернее время.)

Одновременно с партийной школой функционировала обычная школа грамоты, которая привлекала к себе тоже большое количество красноармейцев. Посещало школу грамоты все время от 100 до 200 человек.

4 июня в полку была открыта вторая партийная школа, программа которой была разработана подробнее первой, и прохождение ее было рассчитано не на две недели, а на месяц. Программа этой партийной школы состояла из трех циклов: 1-й цикл—история развития хозяйственной жизни человечества, 2-й цикл—исторический и 3-й цикл—практика пролетарской диктатуры.

Записалось во вторую партийную школу свыше 700 человек, но убыло на фронт из этого количества около 200 товарищей, в командировках находилось около 50, да большое количество из того же числа не могло посещать партийной школы регулярно и ежедневно из-за своих служебных занятий. Средняя посещаемость 2-й партийной школы—247 человек. Закончила свой курс 2-я партийная школа 3 июля.

Были попытки создать в полку Коммунистический Союз Молодежи, но эти попытки окончились неудачей. Создать эту организацию не удалось.

5 июня в полку при полковом партийном коллективе открылось бюро жалоб.

Задача бюро жалоб заключалась в защите интересов красноармейских семей. Зачастую красноармеец получает из дому письмо с сообщением о том, что семья его чем-либо обижена: либо земля не запахана, либо хлеб не убран, либо пайка не выдают, либо тяжелый налог наложили и т. д. Получив такое письмо, красноармеец шел в бюро жалоб и сообщал заведующему о своем горе. Бюро жалоб сообщало об этом в сельский, волостной, уездный или губернский исполком, и на месте принимались после этого меры к устранению указанных недостатков.

За два месяца своего существования полковое бюро жалоб приняло более 160 жалоб и получило уже свыше 30 письменных сообщений с мест об исполнении ходатайств.

В середине июля по всему полку приказом были введены постоянные политические ежедневные занятия, обязательные для всех красноармейцев и лиц командного состава. Постоянные политические занятия велись таким образом: ежедневно в 2 часа собираются все красноармейцы данной роты на занятия, и партийный

организатор читает вслух одну главу из «Программы коммунистов-большевиков» Бухарина, после чего разъясняет, как ее надо понимать, и отвечает на все задаваемые вопросы. Когда бухаринская «Программа» пройдена, начинают проходить тем же порядком «Конституцию», затем книгу Лукина (Антонова): «Церковь и государство», затем Преображенского: «О сельско-хозяйственных коммунах», затем Троцкого: «Красная Армия».

* *
*

Размеры статьи не позволяют подробно описать всю работу, проведенную в 1-м запасном полку, поэтому приходится только отметить коммунистический субботник, устроенный 19 июля и привлекший к работе на пользу Советской республики свыше 2.000 красноармейцев.

За все время 1-й запасный полк дал фронту большое количество дисциплинированных и политически воспитанных солдат.

При отправке на фронт с каждой маршевой ротой уезжал налаженный готовый партийный аппарат в виде партийной ячейки. Если отправки на фронт были многочисленны, вместе с маршевыми ротами отправлялась не одна большая партийная ячейка, а несколько маленьких партийных ячеек, для того, чтобы их по прибытии на фронт можно было не раздроблять, а влить целиком в один из действующих полков.

Точных сведений о том, насколько хороши были пополнения, даваемые 1-м запасным полком фронту, у меня, к сожалению, не имеется, но уже есть целый ряд одобрительных отзывов об этих пополнениях товарищей с фронта. По этим отзывам, большинство пополнений из 1-го запасного полка хорошо дисциплинировано, красноармейцы в них боевые и сознательные.

«Красный Стрелок» № 92, 12 августа 1919 г.

М. ТУХАЧЕВСКИЙ.

КУРГАН—ОМСК.

Берясь за написание настоящей статьи, я, прежде всего, должен оговориться, что за недостатком времени не мог подойти к этому вопросу с той исчерпывающей серьезностью, которая необходима при военно-исторических работах. Вследствие этого я смотрю на настоящую статью как на исторические воспоминания, возобновленные просмотром нескольких статей (т.т. Вольпе, Розенберга, Малышева и Полозова). В полном соответствии с краткостью статьи я постараюсь дать только лишь скелет оперативно-стратегической деятельности пятой Армии в период борьбы за Курган—Омск. К сожалению, должен отказаться от описания полных глубокого интереса тактических действий наших отдельных стрелковых дивизий, бригад и полков в их взаимодействии.

Белые, разгромленные пятой Армией в Златоустовской операции, потерпевшие дополнительные тяжелые поражения под Челябинском, быстро отступали за Тобол, оказывая нам серьезное сопротивление. Пятая Армия, заняв Курган, развивала наступление на Петропавловск. Первая Армия, действовавшая в Орском направлении, задержалась в своем наступлении, и вследствие этого произошел громадный разрыв между правым флангом пятой Армии и левым флангом первой. Положение облегчалось наличием здесь пустынных степей. Были приняты меры и стратегического порядка в районе Троицк—Кустанай и участка железной дороги Троицк — Орск. Был создан Троицкий укрепленный район, гарнизон которого составляли, помимо крепостных частей, 2 бригады 35-й дивизии. Одна бригада была выдвинута на станцию Звериноголовская. Таким образом правый фланг пятой Армии уступами обеспечивался этими соединительными звеньями. В принятой системе обеспечения фланга Армии широко были использованы классовые моменты: организовывались партизанские отряды, организованно вооружались элементы, сочувствовавшие Советской власти, и, благодаря этому, даже после переброски на

фронт всей 35-й дивизии, Троицкий укрепрайон продолжал оказывать энергичное сопротивление всем попыткам белогвардейских отрядов занять Кустанай и овладеть Троицким укрепрайоном. Такого же рода организация партизанских отрядов начала применяться и в районе Звериноголовской, но здесь она не получила той степени развития, как в Троицко-Кустанайском районе.

Левый фланг пятой Армии обеспечивался третьей Армией, наступавшей с ней на одном меридиане. Для наступления на Петропавловск пятая Армия избрала 2 основных направления — тракт Звериноголовская — Петропавловск и железную дорогу Кур-

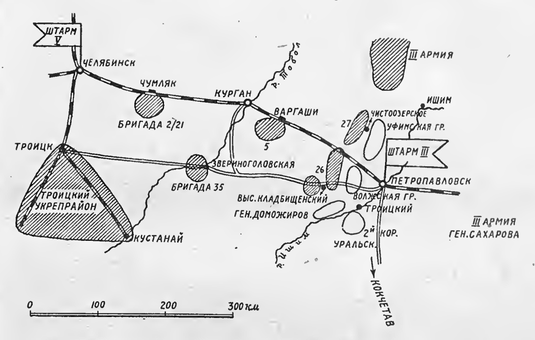


Схема 1. Положение сторон на фронте пятой Армии 2/IX 1919 г.

ган — Петропавловск. Учитывая непосредственную обеспеченность левого фланга третьей Армией и наличие на правом фланге степей, хотя и пустынных, но вполне проходимых, и, исходя из того, что полоса тракта Звериноголовская — Петропавловск и район Кокчетав — Атбасарск заселены враждебным нам казачеством, что всегда могло создать с этой стороны угрозу новых формирований и обтекания нашего фланга, командование пятой Армией считало главным направлением Звериноголовская — Петропавловск. В этом духе и были отданы соответствующие распоряжения. Однако командование фронтом не согласилось с этим решением, вмешалось в деятельность командования пятой Армией и приказало сгруппировать главные силы в районе железной дороги Курган — Петропавловск, оставив на тракте Звериноголовская — Петро-

павловск лишь наблюдательно-охраняющие части. Это положение осложнилось еще тем обстоятельством, что из состава пятой Армии была выведена 5-я дивизия, расположенная на станции Варгаши, а 2-я бригада 21-й дивизии была оставлена в районе станции Чумляк, —с целью переброски их на юг, учитывая слабость наших сил и опасность положения на правом фланге. Пятая Армия протестовала против решения фронта, но в конце концов должна была подчиниться.

Опасения пятой Армии оказались не напрасными. В начале сентября 3-я белогвардейская армия ген. Сахарова, действовавшая против нашей пятой Армии, решила нанести серьезное поражение нашему правому флангу, для чего ею была произведена соответствующая перегруппировка. Части пятой Армии наступали в следующем порядке: севернее железной дороги Курган — Петропавловск двигалась 27-я дивизия. Левым флангом по железной дороге, а правым по тракту Звериноголовская—Петропавловск шла 26-я дивизия, имея за правым флангом бригаду резерва. Одна бригада 35-й дивизии оставалась в Звериноголовской, а другая бригада той же дивизии — в Троицком укрепрайоне.

Схема 2. Переход армии генерала Сахарова в наступление.

2 сентября ген. Сахаров перешел в контр-наступление, атаковав 27-ю дивизию частями Уфимской группы. 26-я дивизия была атакована с фронта Волжской группой, а правый фланг ее получил удар от 2-го Конного Уральского корпуса и партизанской группы ген. Доможирова, частью сведенной из различных казачьих частей, а частью сформированной за счет местного населения (схема 1-я и схема 2-я).

Силы пятой Армии, ослабленные выводом в резерв целого ряда частей, были сверх того измотаны длительными непрерывными боями и наступлением. Армия ген. Сахарова, наоборот, была пополнена и значительно превосходила нас числом. Вследствие этого создалась серьезная угроза быть отброшенными к северу от железной дороги и отрезанными от Кургана. 26-я дивизия сразу же понесла большие потери и начала сдавать. Приходилось ко-

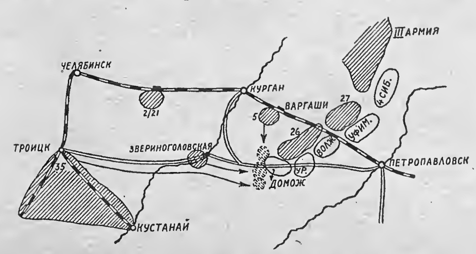


Схема 3. Идея контр-маневра пятой Армии.

ренным образом менять группировку, для того чтобы выйти из создавшегося критического положения.

На свой страх и риск пятая Армия решила выдвинуть на фронт 5-ую стрелковую дивизию, ибо все равно ходом событий она должна была быть выдвинута в бой. Кроме того, решено было оставить Троицкий укрепрайон на попечении местных крепостных и партизанских отрядов, благодаря чему явилась возможность привлечь к операции бригаду 35-й дивизии, расположенную в этом укрепрайоне. Привлекалась также в дело и другая бригада 35-й дивизии из района Звериноголовская. 5-я стрелковая дивизия состояла лишь из двух стрелковых бригад. Из этих частей решено было создать новый фланг группировки, уступом за правым флангом 26-й дивизии, с тем, чтобы в кратчайший срок, произведя эту перегруппировку, атаковать во фланг обходную группировку противника. Задуманная перегруппировка приведена на схеме 3-й.

Сведения о переходе противника в наступление были получены 3 сентября вечером, после чего немедленно было принято вышеуказанное решение. Перегруппировка должна была закончиться к 7 сентября, и в тот же день должно было начаться наступление, примерно, вдоль тракта Звериноголовская — Петропавловск. Части

35-й дивизии из района Троицка перебросили один полк по железной дороге на ст. Курган, 2 других полка на мобилизованных подводах были брошены по Звериноголовскому тракту.

Нет никакого сомнения в том, что этот контр-маневр, предпринятый пятой Армией, мог бы нанести противнику очень сильное поражение. Однако этого не случилось, хотя, в общем и целом, намеченная противником операция по разгрому нашей пятой Армии и была сорвана. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что штаб пятой Армии в течение всей этой операции оставался в Челябинске, в то время как ему следовало бы быть от фронта не далее как в Кургане. С этим явлением мы сталкивались во время гражданской войны постоянно и не случайно. Из дальнейшего изложения будет видно, какую громадную роль в деле вождения армий в гражданской войне играли вопросы местного формирования, местной мобилизации, местных заготовок и т. д. Все это заставляло армии быть не только маневренными единицами, но и единицами организационно-административного порядка весьма большого масштаба. Благодаря этому, очень часто в ущерб оперативной обстановке, штабам армий приходилось отставать от боевой линии, чем затруднялась организация и без того бедной связи и в значительной мере нарушалась целость управления. Указанное обстоятельство очень сильно сказалось и в данном случае.

5-я стрелковая дивизия не проявила необходимой энергии, — двинулась медленно и потеряла связь со штабом пятой Армии. Штаб 35-й дивизии, перебросившийся из Троицка в Курган по железной дороге для дальнейшего следования в район Звериноголовского тракта, точно также двигался медленно и к началу операции даже не прибыл в назначенный ему район. Вследствие этого, все четыре бригады пришлось передать в подчинение командиру 5-й дивизии, а приказ об объединении и оперативный приказ для дальнейших действий послать командиру 5-й дивизии через командира 1-й бригады 35-й дивизии. Приказ был послан комбригом 1/35 в 3 экз. по трем направлениям, и один из этих экземпляров был перехвачен противником, благодаря чему непосредственно перед самым переходом в наступление внезапность контр-маневра была нарушена.

Однако, несмотря на целый ряд организационных неудач, наша ударная группа все-таки перешла в наступление и значительно потеснила обходную группу противника, но не надолго. Этот последний искусным маневром партизанской группы ген. Домо-

жирова постоянно обходил в дальнейших боях район нашей ударной группы, нанося ей тяжелые поражения. С этого момента встречные действия обеих армий стали носить чрезвычайно напряженный характер, сопровождавшийся переменным успехом той и другой стороны. Но, в общем, превосходство сил, явно обозначившееся на стороне 3-й белой армии, в конечном результате склонило успех в пользу противника. Наши части, после ряда упорных боев, носивших в большинстве встречный характер и состоявших из многих отдельных наступательных звеньев, в конце концов измотались и были оттеснены к р. Тобол. Однако, как

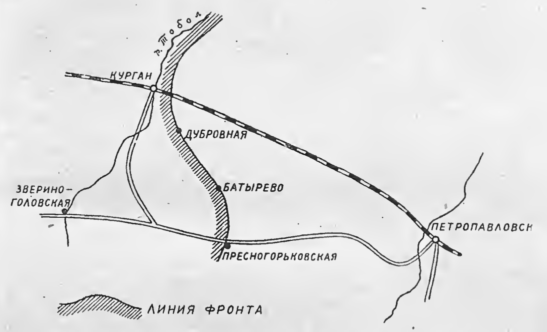


Схема 4. Положение фронта пятой Армии к концу сентября.

видно из схемы 4-й, результаты даже сорвавшегося решительно задуманного маневра все-таки сказались, — к концу сентября мы имели со стороны противника продавление фронта на Курганском направлении, но с выигрышным направлением нашего правого фланга.

В 20-х числах сентября нам мало уже удавались наступательные действия. Войска были чрезмерно истрепаны и утомлены. Для продолжения операций необходимо было освежить и пополнить части, выведя их из состояния непрерывного боя. В тылу армий производились спешные мобилизации крестьян и подготовлялись маршевые части. Необходимо было выиграть время и дать войскам отдохнуть. Вследствие этого было принято решение об отводе частей пятой Армии за р. Тобол с сохранением

активного плацдарма на правом берегу Тобола в районе станции Звериноголовской. Это решение и было проведено в жизнь к концу сентября и началу октября.

Сибирское крестьянство, вынесшее на своих плечах все тяготы колчаковщины, охотно отзывалось на наш призыв и быстро вливалось в ряды наших частей. В тылу же колчаковской армии мы насчитывали в это время до 40.000 партизан, которые разрушали белогвардейские коммуникации. В общем, в социально-политическом отношении, несмотря на наш стратегический проигрыш, мы оставались в благоприятном положении, и нужна была лишь крепкая и энергично проведенная организационная работа, чтобы восстановить наши силы. Все красноармейцы, комиссары и командиры проявили величайшую энергию. Наши партийные организации, во главе с Иваном Никитичем Смирновым, напрягали все свои силы для пополнения и вооружения армий. Вся эта работа была проведена с фантастической быстротой. Уже к 14 октября мы оказались способными перейти в новое наступление, при чем уже не уступали, а превосходили по численности 3-ю белогвардейскую армию. Эта последняя точно также находилась в очень тяжелых условиях. Она, дойдя до р. Тобола, своего наступления не продолжала и точно также спешно подводила подкрепления и готовилась к переходу в наступление. Разведывательные данные говорили о том, что 15 октября возможно было ожидать начала нового белогвардейского наступления. Несмотря на все трудности, мы назначили начало наступления днем раньше, — для того, чтобы вырвать инициативу из рук противника. В это время расположение сторон было следующее: на правом фланге в районе Звериноголовская активно оборонялась 35-я стрелковая дивизия. Надо заметить, что эта дивизия, наименее боеспособная из всех частей пятой Армии, была весьма сильно потрепана в предшествовавших боях. Для ее укрепления был назначен наиболее смелый и энергичный 22-летний командир бригады тов. Нейман. Он прибыл в дивизию, когда эта последняя была одно время окружена частями партизанской группы ген. Доможирова. Сколотив наиболее боевую часть из обозов дивизии, тов. Нейман пробился к главным силам дивизии и, вступив в ее командование, решительными действиями вывел ее из затруднительного положения. С этого времени обращает на себя внимание быстрое боевое совершенствование дивизии, при чем в дальнейшей Омской операции она уже сыграла наиболее активную и решительную роль. Далее к северу, в районе Кислая, занимала

участок 5-я дивизия. К северу от нее, до Кургана включительно, имея в своем составе 2-ю бригаду 21-й дивизии, оборонялась 26-я дивизия, а еще севернее — 27-я дивизия. Противник в со-

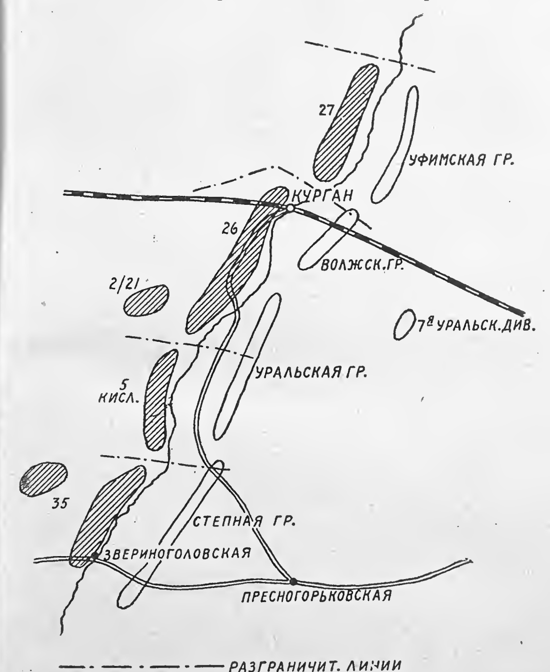


Схема 5. Расположение сторон после отхода пятой Армии на р. Тобол.

ставе 4 групп располагался, как это указано на схеме 5-й, при чем группа ген. Доможирова входила в состав Степной группы.

Какие же силы были подготовлены пятой Армией для перехода в наступление?

35-я дивизия была усилена вновь сформированной Степной бригадой, и силы ее были доведены до 6.500 штыков и сабель, 5-я стрелковая дивизия была доведена до 4.000 штыков и сабель, 26-я стрелковая дивизия, включавшая 2-ю бригаду 21-й стрелковой дивизии, имела до 10.000 штыков и сабель, 27-я дивизия была доведена до 7.500 штыков и сабель. Помимо того, была сформирована 3-полковая кавалерийская дивизия до 2.500 сабель и фронтом были присланы 2 бригады 54-й стрелковой дивизии в 4.600 штыков, но при этом было предупреждено, что эта дивизия, как вновь сформированная, совершенно небоеспособна и нуждается еще в длительной подготовке, для того чтобы она смогла вступить в бой.

Силы противника оценивались в это время нами следующим образом: Степная группа, в состав которой входила и партизанская группа ген. Доможирова, насчитывала 7.400 штыков и сабель; качество этой группы было наименее значительное; Уральская группа насчитывала до 8.500 штыков — это была самая сильная часть 3-й армии, отличавшаяся наибольшей боеспособностью и наибольшей численностью; далее — Волжская группа насчитывала 6.600 штыков и Уфимская группа 6.300 штыков — обе по боеспособности не ниже среднего. Таким образом главные силы противника группировались против фронта 26-й и 27-й стрелковых дивизий. С разгромом этой группы мы могли стать хозяевами положения. На этой идее и был построен план наступательной операции 14 октября. Наша группировка сил приняла следующий характер: 35-я и 5-я стр. дивизии оставались в прежнем районе расположения; в район сосредоточения 5-й дивизии была подведена вновь сформированная кавалерийская дивизия; 26-я дивизия была сгруппирована главными силами к своему правому флангу; фронт 27-й дивизии был растянут к югу, и ей был передан значительный участок 26-й дивизии; 2 бригады 54-й дивизии к началу наступления должны были выйти к р. Тобол между 27-й и 26-й стр. дивизиями. Таким образом наши главные силы были сгруппированы на стыке Уральской и Степной групп и направлялись против Уральской группы, насчитывавшей в своем составе 8.500 штыков и сабель. Мы направили против нее 16.500 штыков и сабель, и, кроме того, 4.600 человек резерва двигалось в том же направлении. Следовательно, здесь мы имели подавляющее превосходство в силах. 35-я стрелковая дивизия численно была слабее Степной группы противника, но качественно могла с нею состязаться. Помимо того, прорыв стыка главными силами должен

был облегчить 35-й дивизии выполнение поставленной ей задачи. Волжская группа противника с нами связывалась демонстративными действиями. 27-я дивизия главными силами должна была атаковать Уфимскую группу. Соединенными ударами нашей главной группировки и 27-й дивизии пятая Армия надеялась нанести главным силам противника решительное поражение в районе

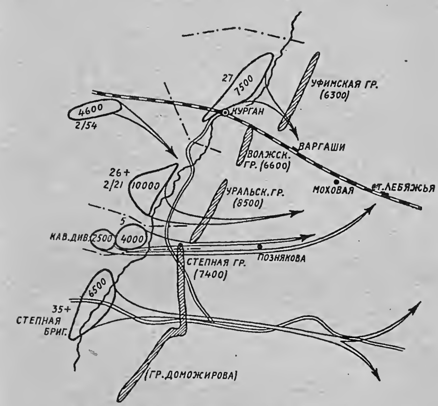


Схема 6. Идея операции 14/X 1919 г.

Всего:

Пятая Армия.	3-я армия белых.
(без Троицкого укрепрайона)	
До 35.100	28.800

На главном направлении:

26 и 5 стр. д. Бриг. $^2/_{21}$ и кав. див.	Уральск. гр.
16.500	8.500
+ 4.600 (реверв. бриг. $^2/_{54}$)	

железной дороги Курган—Петропавловск. Распределение сил и направление движения их указаны на схеме 6-й.

Все передвижения были закончены к 13 октября, и 14-го с рассветом пятая Армия перешла в решительное наступление. Наиболее упорное сопротивление оказала Уральская группа, несмотря на то, что на нее были двинуты наши главные силы. Она упорно

оборонялась и несколько раз переходила иногда в успешную контратаку, пока не была окончательно сломлена и принуждена к отступлению. К сожалению, действия нашей вновь сформированной кавалерийской дивизии не носили характера достаточной решительности, благодаря чему кав. дивизия не достигла всех тех результатов, которых она могла достигнуть, если бы во-время заняла станцию Лебяжья, как это ей было приказано общим заданием, — она могла бы захватить штаб 3-й армии ген. Сахарова, и тогда разгром его армии принял бы еще более решительный характер. 35-я дивизия успешно развивала свое наступление и, несмотря на численное превосходство противника, быстро оттесняла его на восток вдоль Звериноголовского тракта. 27-я дивизия, получившая широкий участок, испытывала большие затруднения в форсировании реки Тобола; несколько раз она переходила ее и вновь бывала отброшена контр-атакой. Наконец, после упорных боев по обе стороны жел. дороги, главные силы противника были разбиты. Тем временем 35-я стрелковая дивизия успела значительно выиграть пространство на нашем правом фланге и тем создать угрозу общей коммуникации 3-й белогвардейской армии, которая, получив к этому времени серьезное поражение своих главных сил, начала общее отступление. Тем временем ко 2-й бригаде 54-й дивизии присоединилась 1-я бригада со штабом дивизии. Таким образом наши резервы еще более усилились. В период наибольшего затруднения на участке 26-й дивизии 2-й бригаде 54-й дивизии было приказано форсировать р. Тобол. В этих боях бригада показала чрезвычайно слабую боеспособность. Несмотря на слабые силы противника на ее участке, она только тогда сумела переправиться, когда 26-я дивизия уже выполнила свою задачу.

Дальнейшее преследование противника продолжалось безостановочно, при чем 35-я дивизия развивала предельную энергию, постоянно выигрывая все новое пространство на нашем правом фланге и нависая тем самым над коммуникацией противника.

21 октября, в связи с успешным развитием нашего наступления, 54-я стрелковая дивизия была направлена на Звериноголовский тракт для усиления нашего обходного крыла и для обеспечения нашего обходного фланга на случай контр-мероприятий противника.

Непрерывное успешное развитие нашего наступления выдвигало задачу отрезать противнику пути отступления к Петропавловску. Эта задача и была возложена на 35-ю и 5-ю стрелковые дивизии и кавдивизию. 26-я дивизия с бригадой 21-й

дивизии должны были оказать содействие этому общему натиску и двинуться главными силами, в связи с тем, что фронт армии все более суживался, также к правому флангу для расширения участка нашего наступления и для обхода оборонительных мероприятий противника на р. Ишим в районе Петропавловска. (Схема 7-я.)

Таким образом, по мере обхода левого фланга противника и отбрасывания его к северу от железной дороги Курган—Петропавловск, пятая Армия совершала последовательный маневр,

Схема 7. Стратегическое обтекание фланга.

удлиняя свой правый фланг за счет освобождающихся в центре частей и тем самым создавая обеспечение успеха Ишимского сражения.

Показания захваченных в плен офицеров говорили о том, что на фронте противника паника и что значительная часть его обозов уже отходит на северо-восток, пересекая жел. дорогу. С каждым днем создавалось все более определенное впечатление о том, что нанесенное противнику поражение у р. Тобол постепенно, под влиянием нашего неотступного наседания и преследования, превращается в полное разложение его боевых сил. Отсюда возникла идея создания неотступного наседания и постоянного обтекания фланга, чтобы тем самым достигнуть окончательной победы.

27 октября взята была станция Петухова, где были захвачены трофеи частями 5-й стр. дивизии, чем было внесено еще большее расстройство в общее отступление противника.

29 октября, утром, после упорного боя, 35-я дивизия, форсировав р. Ишим, овладела г. Петропавловском. Противник несколько раз переходил в контр-атаку, но подошедшими силами 27-й дивизии положение 35-й дивизии было закреплено и противник оттеснен. Переправой же 26-й стр. дивизии через р. Ишим с юга положение упрочилось окончательно. Вновь обращают на себя внимание недостаточно решительные действия кавалерийской дивизии, которой была дана задача обхода противника и атаки ст. Токуши. 54-я дивизия обеспечивала уступы крайнего правого фланга.

Таким образом первая часть Омской операции была закончена. Армия противника была совершенно небоеспособна, несмотря на то, что на участке нашей третьей Армии действия развивались далеко не так блестяще, и хотя противник там и отступал, но больше в силу давления нашей пятой Армии с юга. Благодаря этому явилось возможным предположить, что противник сможет перегруппировать часть своих сил на направление Петропавловск—Омск. Расчеты же показали, что такую перегруппировку противник намеревался сделать в районе ст. Исык-Куль 9—10 ноября. Отсюда становилось совершенно ясным, что для полного уничтожения армии Колчака необходимо еще новое напряженное и непрерывное дальнейшее наступление. Между тем войска настолько переутомились, что все командиры дивизий, собравшиеся в полевом штабе армии в г. Петропавловске, докладывали о необходимости приостановки наступления и предоставления частям хотя бы нескольких дней отдыха. Обстановка не позволяла на это согласиться, и наступление пришлось продолжать непрерывно. Высокий героический порыв, охвативший наши войска, вследствие стремительно следовавших один за другим успехов, позволил им выполнить поставленную задачу. Задача эта сводилась к тому, чтобы 8-го числа уже занять ст. Исык-Куль, т. е. предупредить здесь возможное сосредоточение противника. 26-я стр. и кав. дивизии наступали степями южнее жел. дор., глубоко охватывая левый фланг противника. Наступление развивалось успешно, противник не мог оказывать достаточного сопротивления, и лишь в районе жел. дороги он упорно и ожесточенно оборонялся. 54-й стр. дивизии была поставлена задача произвести широкую стратегическую разведку пехотными частя-

ми на подводах в направлении Кокчетав—Атбасарск с целью занятия этого района главными силами дивизии и обеспечения, таким образом, правого фланга пятой Армии. Этот опыт со стратегической разведкой пехоты дал блестящие результаты. Было выяснено, что в районе Кокчетав—Атбасарск были казачьи части, которые ушли в Акмолинск, и этот район был занят славной и теперь уже боеспособной 54-й дивизией.

В этот момент произошли новые разногласия между пятой Армией и Восточным фронтом. В то время как пятая Армия двигала кавалерийскую дивизию в Омском направлении, не считая своего фланга со стороны Кокчетава необеспеченным и надеясь при этом нанести противнику в районе Омска серьезное поражение путем перерыва жел. дороги в районе между Омском и Татарском,— командование Восточным фронтом считало правый фланг армии, а тем самым и правый фланг Восточного фронта необеспеченным и потребовало кавалерийскую дивизию повернуть с полпути до Омска назад на Кокчетавское направление. Несмотря на самые энергичные протесты, приказ был категорически подтвержден. Кавдивизия была снята с Омского направления и не смогла оказать здесь той помощи, которая с ее стороны впоследствии была так необходима. На Кокчетавском же направлении никакой положительной роли она не сыграла, так как с этой стороны фактически никакой опасности не угрожало.

После занятия ст. Исык-Куль наступление продолжалось так же стремительно. Противник не мог восстановить своего фронта, а тем самым и своего положения. На плечах разбитой 3-й белой армии мы продолжали наше движение на Омск. 14 ноября, после жестоких боев на окраинах Омска, белые были разбиты, и этот момент надо считать окончанием организованного состояния колчаковской армии. В дальнейшем характер действий Восточного фронта более напоминал экспедицию, чем войну. С 14 октября по 14 ноября, за 30 дней операции части пятой Армии прошли с непрерывными боями и форсированием двух крупных рек свыше 600 верст, т.-е. по 20 верст в среднем в сутки,—скорость наступления рекордная.

Во время Омской операции нами была захвачена масса пленных. Однако неорганизованность нашего тыла, объяснявшаяся паралитическим состоянием железных дорог, не позволяла нам этих военнопленных вывозить в тыл, и они тут же распускались по домам. Очень многие, насильно мобилизованные Колчаком, крестьяне сдавались нам и поступали в ряды Красной Армии,

Таким образом, положение было таково, что не только наступала Красная Армия, но наступало и все сибирское крестьянство. Если же учесть те десятки тысяч партизан, которые действовали в тылу Колчака, то эта картина станет еще более яркой. Поражение самой сильной и наиболее организованной контр-революции на Востоке—ликвидация Колчака—являет собою одну из успешных маневренных операций, сопровождаемых социальным походом сибирского крестьянства против белогвардейщины под организующим началом Красной Армии.

ВАВРЖЕНКЕВИЧ.

ОТ СВИЯЖСКА ДО ТОБОЛА.

(Из истории 233-го полка.)

1.

В августе 1918 года, когда Казань была занята чехо-словаками, 233-й полк стал формироваться из остатков 1-й Казанской дивизии. Я был назначен тов. Розенгольцем комиссаром формируемого полка. В трех верстах от Свияжска одна из деревушек послужила начальным местом формирования.

Там находились не только красноармейцы Казанской дивизии, но и красноармейцы отставших частей и бежавшие с фронта. Они были крайне панически настроены, раздеты и разуты. В штабе тов. Троцкого я получил распоряжение в 24 часа сформировать полк, погрузиться в эшелон и отправиться на ст. Ибреси.

Я обратился к тов. Смидовичу, чтобы он распорядился отпустить по числу людей обмундирование и недостающее количество винтовок. Он отказался отпустить, так как, по его сведениям, красноармейцы Казанской дивизии прилично обмундированы и вооружены. Мои доводы, что красноармейцы бежали из Казани и их раздевало враждебно настроенное население, оказались для тов. Смидовича неубедительными. Оставалось только одно — собрать эту полунагую (грубо выражаясь) толпу молодых людей, разбить их по взводам, ротам и батальонам, назначить из них же командиров и привести их на станцию к складу снабжения. Через несколько часов полк, в количестве 300 человек, предстал перед тов. Смидовичем, который сразу убедился в том, что полк необходимо одеть, и он на этот счет тут же отдал распоряжение. К утру мы уж были на ст. Ибреси.

2.

На полк была возложена непосильная задача—держать связь между красными армиями, оперирующими на участке Казань—Симбирск,

Население, за некоторым исключением (напр., деревня Русский Тиnож дала около 40 добровольцев в полк), было спровоцировано агентами белых и крайне враждебно относилось к нам. При таком положении вещей, после изнурительной 10—12-дневной разведывательной и охранной службы нас постигла неудача: 28 августа в бою (в д. Батрево, что в 45 верстах по направлению на Симбирск), потеряв три пулемета, 51 человека убитыми и ранеными, полк обратился в паническое бегство, которое с трудом удалось остановить. Неудача была вызвана не только переутомлением и небоеспособностью красноармейцев, но и враждебными действиями со стороны местного населения (напр., 2 красноармейца, стоявшие на посту в соседней деревне, были живьем сожжены на костре местными жителями).

После занятия Красной Армией Казани полк без боя, по пятам противника, двигался на Тетюши—Мелекес до р. Ик.

3.

В конце октября или начале ноября полк вступил в единоборство с полком чехо-словаков. Численность, организация и техника были на стороне противника, но дух и вера в победу—на стороне нашего полка. Бой принял упорный характер и длился в продолжение 10—12 часов, наконец, вследствие угроз противнику со стороны соседнего нашего полка с севера, чехо-словаки были принуждены отступить. Этот бой был боевым крещением и началом славной истории полка.

4.

За Иком белые перешли в контр-наступление, потеснив 27-ю дивизию. В бой были втянуты резервы 26-й дивизии; противник продолжал упорствовать, и положение, оставалось неустойчивым. Наш полк занял д. Константиновку, 232-й полк занял соседнюю деревню (в третьей бригаде было тогда 2 полка, всего 700—900 штыков).

Этим выдвижением вперед наше положение еще больше ухудшилось, так как выдвинутый вперед участок подвергался охвату со стороны противника.

Кроме того, полки занимали весьма скверную позицию по рельефу местности. Деревня Константиновка расположена в долине, спереди и сзади возвышенности, а справа прилегает почти

вплотную густой лес. Холодная осенняя ночь, со зловещим паигрыванием ветра, под аккомпанименты далекого, беспрерывного грохота пушек, вызывала жуткое настроение. Чувствовалось что-то грозное; все насторожились, никто не спал. Ординарец прибыл с сообщением: «разведчиками 232-го полка захвачено несколько человек белых, сбившихся с пути, которые передают, что 12 полков пехоты, с большим количеством артиллерии, скоро переходят в наступление, будьте готовы к бою».

Командир полка тов. Павлов, со свойственной ему смелостью, решает опередить противника. Я с одним батальоном (4 роты) перехожу в наступление, а композка с тремя ротами и батареей остается на командных высотах у д. Константиновки в качестве заслона. Не успев отойти 1—1½ версты под прикрытием сильного тумана и утренних сумерек, мы сошлись с противником на расстоянии 100—200 шагов. К счастью, эта встреча заставила нас в благоприятной позиции: густые цепи противника принуждены были погрузиться в пушистый снег. На помощь залегшим цепям противника пришла артиллерия, которая, однако, не могла сломить нашего упорства. Все попытки компoлка подкрепить нас одной ротой из заслона долго не удавались, так как усердие многих батарей противника не давало возможности приблизиться кому бы то ни было. Такой горячий бой, переходящий в частичные атаки, продолжался до темной ночи; тогда только противнику удалось нас сбить с позиции, но подоспевшая на выручку 1-я бригада опрокинула его. Этим боем, по признанию самих же белых, была решена судьба Уфы.

5.

3 марта 1919 г. с боем была полком занята деревня Ауэтмембетьево (80—90 верст юго-восточнее Уфы). Левее нас действовали части нашей бригады—232-й и 234-й полки; справа был перерыв фронта (верст на 80—150) между армиями, действующими на Оренбургском и Уфимском направлениях.

Деревня Ауэтмембетьево расположена в долине; она почти вплотную окаймлена густым кустарником, а немного дальше на снежном фоне красуются приуральские хребты.

Слева и сзади ухают пушки и трещат пулеметы. У нас тихо, все замерло, но что-то грозное колеблется порывами морозного ветра. Командир полка тов. Павлов докладывает по телефону комбригу тов. Эйхе о положении и просит, чтобы соседние полки во

чтобы то ни стало выполнили боевую задачу, в противном случае полку придется отступить, дабы избежать «мышеловки».

В ответ на это комбриг уверяет нас, что остальными полками будет сделано все необходимое. Вскоре после этого заверения противник повел жестокую атаку с трех сторон, сопровождая ее обстрелом из скорострелок. Атака отбита. Опять тихо. Только где-то вдалеке еще слышится глухая перестрелка. Мы поняли, что противник с нашими товарищами сделал то же, что мы сделали с ним. Комполка по телефону опять просит разрешения на отвод вверенной ему части; комбриг, немного нервничая, отвечает: «Оставайтесь на месте, я выезжаю лично на участок 232-го и 234-го полков и добьюсь занятия намеченных позиций»... связь прервана.

Рота, которая облегчала наступление соседнему полку, вернулась обратно к нам; комроты доложил о неудачном наступлении наших соседей...

Положение серьезное, но есть приказание держаться—и нужно держаться. Я предложил комполка подвезти весь запас патронов и снарядов. Если придется погибать, то, как говорится, погибать с «музыкой».

Комполка, хотя и был всегда большим противником таскать за собой большой обоз, на этот раз, учитывая серьезность положения, согласился послать за обозом с патронами и снарядами. К 3—4 ч. утра на другой день команде пешей разведки и обозу удалось проскользнуть к нам через замыкающееся кольцо противника. Белые пред рассветом повели на нас яростные атаки со всех сторон. На ярость противника красноармейцы отвечали контр-яростью. Вся деревня из себя представляла кипящий котел, из которого красноармейцы отражали одну за другой атаки противника. Бой все не ослабевал, пулеметы беспрерывно трещали, орудия вторили пулеметам...

У аппарата попеременно дежурим с комполка. Проходит грозный день, наступает еще более грозная ночь—бой продолжается. Прибегает в штаб красноармеец Татарчук:

— Товарищ комиссар, командир роты ошалэл, голова дэржит и крычыт: Рота за мной!

Отдаю приказание привести командира в штаб, а по телефону узнаю, что делается на участке роты. Три красноармейца едва притащили своего славного командира, который, действительно, без сознания кричал: «Вперед!», шатаясь на ногах. Я взял его за руку и повелительно произнес;

— Товарищ Осташкевич, успокойтесь, что с вами?

Он вздрогнул, как бы проснулся от сна, в недоумении говоря:

— Я здоров, пойду в роту, там сражаются товарищи.

Он был уложен на нары башкирской избы, но и лежа он продолжал твердить:

— Отпустите меня. Товарищи умирают, и я хочу быть вместе с ними.

Оказалось, что он был сильно контужен; но он скоро пришел в сознание и снова стал в ряды бойцов.

Несколько атак отбито. К полночи все стихло. Но через два-три часа опять схватка, еще более жестокая, чем прежде. Дело частично доходит до рукопашной, атака отбита. За ней следует другая, третья и так далее, и не видно им конца. Прошла ночь, проходит полдня, но атаки все продолжаются (хотя и в ослабленном темпе). Патроны на исходе. Решаем пробиваться через кольцо. Воспользовавшись ослаблением противника, мы произвели перегруппировку своих сил и выделили седьмую роту при двух пулеметах, которой приказано было пробить путь к отступлению. Наступил решительный момент, рота перешла в контратаку.

Противник понял наше намерение и решил нас разбить по частям. Между ротой и противником завязался жесточайший бой. Все кругом дрожит от адского боя, а телефон все чаще и жалобнее стонет. В этот момент прибегает красноармеец пробивающейся роты, который докладывает, что почти вся рота погибла, нужно принять срочные меры. Судорожные стоны аппаратов все учащаются:

— Погибаем! Хотя несколько человек пришлите, противник уже ворвался в деревню.

А в ответ им несется:

— Погибайте, но держитесь до последнего человека. Послать вам некого.

Аналогичные просьбы поступают и от других командиров рот. Командир полка бросает трубку и, засунув руку в карман, сжимает браунинг. У меня тоже разошлись нервы; оставаться в штабе и слышать эти душу раздирающие стоны аппаратов я больше не могу. Я выскакиваю на улицу и с винтовкой в руках бросаюсь в бой.

Атака отбита, живые отхлынули, а мертвые остались лежать, увеличивая чернеющие пятна крови на нежном белом снегу.

Около сарая, недалеко от орудия с помятым пулями щитом,

стоит с повисшей головой командир батареи тов. Дериш, а командир батальона Будыгин идет вместе со мной и говорит шутя ему:

— Ага, что опустил нос? Чорт с твоими пушками, мы-то уйдем, а тебя оставим.

Вдруг смотрим, от погибшей, по нашим предположениям, роты скачет ординарец и, увидев меня, радостно докладывает:

— Рота пробилась, дорогу хотя и обстреливают, но отступать можно.

Отправляю на пробу несколько саней; одновременно о радостном сообщении известил комполка. Убедившись, что сани проскользнули, высылаю одно орудие, которому, по достижении «зарубежной стороны», приказано открыть огонь. Командир батареи Дериш из себя выходит, боясь за целость орудия. Я насторожился, жду желанных выстрелов, а Будыгин, прохаживаясь вдоль сарая, скрываясь от жужжащих пуль, продолжает трунить над командиром батареи. Вдруг раздается долгожданный выстрел. Дериш не удержался от радости и крикнул:

— Ну, Будыга, и мои пушки спасены!

— А, еще бы! Мы не только пушки, но и вас, «обозников», спасли,— отвечает тот...

Я сейчас же приказал отправить и остальные орудия, а сам отправился к командиру полка. За орудиями стали отступать все наши части, а противник, злобно посматривая из-за кустов, посылал нам вслед бессильные проклятия и град пуль.

Поздно вечером (5 марта) полк вышел из кольца противника, соединившись с частями бригады и со своей ротой, которая оставалась сзади в 12—15 верстах прикрывать путь отступления.

Против наших шести рот (300—400 человек) и одной батареи у д. Ауэтмембетьево действовали два Пластунских полка, Архангельская дружина (400—500 человек), команда лыжников (добровольцев 300 ч.) и 4 скорострелки. (По неофициальным сведениям, действовали еще и другие части.) Нами было выпущено 1.200.000 патронов и 1.500—2.000 снарядов. Пулеметы «Максима» выпустили каждый в среднем по 60 лент. Красноармейцы в продолжение всего времени ничего не ели, но сражались, как львы. Не было ни одного труса. Легко раненые не шли на перевязку, а тяжело раненых трудно было удержать на перевязочных пунктах, так как они желали снова пойти в бой. Все батарейцы, не занятые у орудий, и все обозники были вооружены винтовками и, наравне с другими красноармейцами, самоотверженно сражались. Не было

ни одного слова ропота или уныния. У всех было только одно стремление—выйти с честью из трудного положения или же со славой погибнуть. Мои нервы, отказывавшиеся повиноваться рассудку в штабе, сразу окрепли, как только я влился в бодрую, шутливую и по-боевому настроенную среду красноармейцев. Достаточно привести два характерных случая, чтобы иметь хоть приблизительное представление об этой красноармейской среде в решающий момент жизни и смерти.

Противник, ведя атаку, осыпает нас градом пуль, а один пулеметчик, стоя на открытом месте, издевается над пулеметом «Льюиса» и, ударяя по нему каблуками, приговаривает:

— Отказался работать такой-сякой в самый нужный момент.

Из 14 человек пулеметчиков (два взвода) 12 человек выбыло, но оставшиеся в живых два номера продолжали выполнять свое дело, всеми силами поддерживая пробивающуюся роту. А батарейцы, под прикрытием орудийного щита, вытаскивали орудия впереди цепей и в 30—50 шагах расстреливали картечью противника.

Нужно сказать, что нет тех слов, которыми можно было бы выразить на бумаге этот беспримерный героизм. Полк в этом адском бою потерял сравнительно немного: пятнадцать человек убитыми и больше ста ранеными.

6.

9 марта 1919 г. отступление по фронту пятой Армии докатилось и до нашего полка (сначала начали отступать на левом фланге, а потом—на правом, южном). Наш полк отступал на правом фланге, подвергаясь все время обхватам и действиям казачьих частей с тыла. Ему почти на всем пути Уфимского отступления приходилось удерживать противника и пробивать себе дорогу к отступлению. Противник, проученный горьким опытом у Ауэтмембетьево, обходился с нами весьма «корректно»; если мы упорствовали, не желая пропустить его нашей дорогой, то он находил себе другую, оставляя нас в покое, а когда мы отступали, противник уходил с нашей дороги, чтобы с нами не связываться. Таким образом полк особенных препятствий не встречал. Когда же части 26-й дивизии были подкреплены Южной группой тов. Великанова и уцелевшими частями 27-й дивизии, и все дороги на участке большого тракта, идущего на Стерлитамак до Самарской жел. дороги включительно были заняты нами,—противник стал проявлять больше дерзости, хотя по отношению к нам он еще не

совсем выходил из рамок приличия. Полк получил приказ: обороняемый участок в 4 деревни передать одной части группы тов. Великанова. Красноармейцы могли, наконец, после многонедельных трудов помыться в бане и немного отдохнуть. Еле успев помыться и приготовиться к сладкому отдыху, мы получаем приказ очистить д. Ляхово от противника. Я и комполка стали мерить и перемеривать, как бы не ошибиться в расчетах. Темной ночью мы двинулись в путь; пройдя десяток верст, мы пришли в Н. Деревню (5—7 верст северо-западнее д. Ляхово), занимаемую одним из полков группы тов. Великанова. Получив в штабе полка некоторые ценные сведения, мы отправились дальше. Полк двигался тесной массой, выделив только несколько человек в передовой дозор. 6-я рота была двинута в тыл противника. Полку было приказано, как только противник нас обнаружит, ни в коем случае не задерживаться и не открывать огня по его заставам, а на плечах этих застав ворваться в деревню. Когда мы подошли к деревне на 100—200 саженей, застава противника открыла беспорядочный огонь. 2-я рота, во главе с тов. Бобрыком, без единого выстрела ворвалась в деревню. За ней последовали другие, а 6-я рота, тут как тут, достойным образом встретила отступающих. Противник разбежался, оставив нам два орудия, два пулемета и канцелярию 48-го полка. Через несколько минут получаем сведения, что 232-й полк нашей бригады тоже вычистил противника из деревни Бекетово и, по нашему примеру, тоже взял две пушки. По списочному составу, который со всей канцелярией был взят нами, выяснилось, что деревню занимал 48-й полк в составе двух тысяч штыков и батальон 46-го полка. Эти тысячи «доблестных» белых выскочили пробкой из деревни под ударом только двухсот красноармейцев. Но наша дерзость и угроза ст. Чишме настолько обозлили колчаковцев, что они в то же утро бросили против одного нашего полка Ижевскую бригаду, которая целый день безуспешно атаковывала нас, а к вечеру перехватила единственные две дороги нашего отступления; но мы, получив приказ отступать, пробили себе новую дорогу, а противник, оставшись в дураках, злобно глядел на нашу отступающую колонну...

Несколько слов о Венгерской роте. Отступили мы с полверсты от д. Ляхово, а стрельба там продолжается. Я в недоумении навожу справку, все ли наши вышли из деревни. Оказывается все. Посмеиваясь, я думаю про себя: «Вот как мы их напугали: скоро верст пять пройдем, а они все будут бояться завладеть деревней».

Потом оказалось, что одна рота мадьяр полка «III Интернационала» отказалась отступать, заявив: «Возьмем Уфу—или погибнем».

Всяческие уговоры оказались тщетными. Попав в тыл Ижевской бригаде, венгерская рота начала ее щипать, пробиваясь, повидимому, к нам. Пробившись к д. Ляхово,—сейчас же после нашего ухода,— венгерцы продолжали сражаться. Трудно сказать, хотели ли они пробиться действительно к нам или били по больному месту противника, но одно только известно (по рассказам жителей), что ни один из мадьяр живьем в плен не сдался. Они засели в домах и сражались не только до последней пули и ручной гранаты, но пускали в ход штыки и приклады. Белые не могли своей мести применить к живым, зато они с яростью ее применили к мертвецам, уродуя их трупы.

Так сражались и умирали, во имя идей Коминтерна, сыны мадьярского трудового народа. Честь им и слава!..

7.

Журчащая вода, весенняя оттепель и подоспевшие подкрепления Красной Армии принудили колчаковцев остановиться на позиции немного западнее Бугуруслана. Красноармейцы, не успев залечить своих ран и отдохнуть на безопасной позиции, до которой противник не мог добраться за отсутствием дорог, с нетерпением ожидали возможности перехода в наступление. Наш полк пополнения свежего не получил; но, благодаря тому, что вернулось обратно несколько десятков только что выздоровевших больных и раненых красноармейцев, он значительно окреп и спокойно ожидал, когда стихия природы не будет ему мешать обрушиться на противника. Скоро эта возможность представилась; полку было приказано выбить противника из одной деревни. Движение полка было так сильно, что по инерции он докатился до соседней деревни. Комбриг приказал было один батальон отвести назад, но, учитывая настроение зарвавшихся, согласился с мнением комполка—не трогать батальона. Противник целым полком неоднократно безуспешно атаковывал наш «батальонишко».

Когда началось общее наступление, полк продолжал показывать чудеса храбрости в боях у г. Бугуруслана, д. Подковочно, д. Васильевки, на р. Белой, на Урале, у Челябинска и в период Курганской операции. Чтобы описать только то, что сохранилось в памяти, нужно бы исписать целые стопы бумаги. За Уралом я был разлучен с полком, но, действуя с другими частями диви-

зии, бок-о-бок с ним, а иногда и совместно, могу сказать, что 233-й полк продолжал быть таким же стойким и упорным, как и раньше.

Так из полунагой и панически настроенной толпы, как я выразился в начале статьи, выросла грозная сила против врагов пролетарского дела. Этот маленький полчишко, численность которого в среднем не превышала 300—400 штыков, на всем расстоянии, начиная от Ика и до Тобола, при наступлении и при отступлении, в каком бы направлении он ни действовал,—всегда наносил удары белым, от которых рассыпались не только целые полки, но и целые бригады. Достаточно отметить, что за десять месяцев многочисленных боев полку только два приказа не удалось выполнить полностью; остальные же все были образцово выполнены, независимо от того, против какой части противника приходилось действовать. Я нигде не видел такой братской спаянной боевой жизнью семьи, как в этом полку. Все были за одного и один за всех, все понимали свой долг перед революцией. Этим только и можно объяснить легендарные подвиги 233-го полка.

ВАВРЖЕНКЕВИЧ.

КУРГАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

(*Воспоминания о 26-й дивизии.*)

После занятия нами Челябинска белые так быстро отступали, что их не только пешком, но и на подводах трудно было нагнать. Пройдя Тобол, противник начал оказывать некоторое сопротивление, а перехваченный приказ и перебежчики говорили о готовящемся наступлении белых. Спустя несколько дней разгорелся бой, противник, действуя значительными силами, пустил с юга на наш фланг и тыл кавалерийские части. Удар противника прежде всего был нанесен 2-й бригаде, которая на некоторое время потеряла свою боеспособность. Наша 1-я бригада из резерва была втянута в бой. Мы, наученные неудачей 2-й бригады, не разбрасывали своих частей, действуя компактной массой. Противнику не удалось кавчастями уничтожить штаб нашей бригады, так как он находился вместе с полком. Бои приняли жестокий характер, некоторые деревни переходили из рук в руки до десятка раз. Наконец, противнику удалось прорвать фронт севернее жел. дороги, а также и обходным маршманевром двинуть части с юга на северо-запад. Наша бригада, таким образом, оказалась у противника как бы в мешке, а потом этот мешок был затянут. Находясь в таком тяжелом положении, мы решились на героические меры: не стали себе пробивать дорогу к отступлению, а решили ударить на юго-восток. Но противник, при наличии смешанных сил пехоты и кавалерии, оказался сильнее нас (к тому же у нас нехватило патронов), и нам пришлось отступать.

Колчаковцы не оказались настойчивыми в преследовании, и мы от них оторвались. Несколько верст мы могли безопасно отступать, так как передовые части противника в то время находились в далеком тылу у нас. На пути своего отступления мы встретили 234-й полк (3-й бригады), которому только что успели подвезти патроны. Освободившись от противника, мы расположились на малый привал в лесочке. От прохожего узнали, что в селе Чу-

баки, южнее нас, расположена одна дивизия противника. Мы с комбригом тов. Гайлитом собрали весь комсостав и изложили им всю серьезность положения. Оставались два возможных выхода: 1) разбрестись маленькими группами и ночью проскользнуть мимо противника и 2) ударить на противника в Чубаках. Было принято второе решение.

С наступлением темноты мы построились четырехугольником, наподобие каре, и двинулись к намеченному пункту. Приблизившись к селу версты на три-четыре, мы пустили орудия и обозы по сторонам дороги, чтобы стуком не обнаружить себя. Каждый шаг ускорял биение сердца, ибо скоро должна была решиться наша судьба.

Приближаемся на одну версту,—слышен лай собак и пение горлопанистых солдат; а наша черепаха-четырехугольник все продолжает двигаться. Наконец, подошли шагов на 200—300 и остановились. Наметили окончательно точки удара; решили, перехватив путь отступления противника, атаковать его с юго-восточной стороны и сбросить в озеро, что западнее села. Центральное место оставили для действия нашей кавалерии, состоящей из четырех команд конных разведчиков. Затем было условлено, что перед атакой обстреляем неприятеля из 14 пулеметов, а потом уже с криком «ура» бросимся в атаку. Все приготовлено, каждый из нас чувствует, что противник будет разбит на-голову. Вдруг пулеметы заработали, и все с криком «ура» бросились на село. Через несколько минут 2-я дивизия противника была форменным образом разгромлена: захвачено 700 человек пленных, 17 орудий (из которых 9 испортили, а остальные взяли с собой). На главной улице села создалась полная каша: трупы перемешались с землей. Бедный бригадный врач, никогда не бывавший в боях, пришел в такой ужас, что чуть не заболел. На рассвете нам удалось потрепать еще один полк противника, а затем мы соединились со своими. После этого белые так прогневались на нас, что не давали нам покойно «замешкиваться» у себя в тылу. Но, однако, они еще раз поплатились за свое невнимательное отношение к нам.

Когда подоспели к нам резервы 5-й и 21-й дивизий и южнее жел. дороги нам удалось повести наступление, то оказалось, что противник своими главными силами по жел. дороге продвинулся вперед на запад, а мы продвинулись на восток. Таким образом у нас и у противника фланги оказались открытыми. Южнее нашего участка противник начал теснить части 5-й дивизии,—поэтому

для него складывалась более благоприятная обстановка, чем у нас, и он на нас не обращал никакого внимания. Мы, учитывая серьезность положения, решили отступать, но не той дорогой, которой наступали, а податься немного севернее. По дороге мы столкнулись с одним неприятельским полком, который оставил в наших руках два орудия и больше ста пленных, а часть полка, спасаясь от нас, попала в нашу 2-ю бригаду. Захваченный офицер рассказывал любопытную вещь: «Когда мы, молодые офицеры, стали смеяться над тем, что бригада красных сама лезет в ловушку, один старый испытанный командир полка сказал: очень плохо, что она где-то там болтается, ибо она может нам наделать много беды. — Так и случилось».

Штабу дивизии по 3—4 дня не приходилось получать сведений о своей болтавшейся бригаде, которая в конечном результате, за период Курганской операции, захватила и частью привела в негодность 23 орудия и несколько пулеметов. Кроме того, бригада снабжала себя патронами и снарядами только из запасов противника и изрядно потрепала Ижевскую и 7-ю Уральскую бригады, 2-ю дивизию и два конных полка. Отдохнув дней десять на Тоболе и собрав свои силы, наши части 15 октября снова перешли в наступление и приступили к окончательному разгрому Колчака.

А. КУЧКИН.

НА ТОБОЛЕ.

(Воспоминания о 27-й Краснознаменной дивизии.)

НУЖДА В ПЕРЕДЫШКЕ.

Форсированный победный боевой марш пятой Армии, покрывший за май — август 1919 г. расстояние почти от Самары до Петропавловска (более 1.000 верст), изнурил ее бойцов. Бои за Уфу, Златоуст, Челябинск, Курган наложили тяжелый, утомительный отпечаток на метких, бесстрашных стрелков и лихих рубак.

Упорные бои 27-й дивизии в августе 1919 г. в районе станции Петухово, а затем отступление отразили собою неимоверную усталость, нервную издерганность боевого состава всей пятой Армии.

Нужна была передышка. Надо было привести потрепанные части в порядок, пополнить их свежими силами, подтянуть тылы и вообще пересмотреть все поры армии. Надо было дать возможность каждому бойцу отдохнуть, осмотреть вокруг да около и подготовиться к новому сокрушительному натиску на врага.

Силы врага были потрепаны и ослаблены еще более, чем наши. Победные для противника бои за Тоболом (в районе Гомзина — Петухово) были последними победными вспышками, судорогами умирающей колчаковщины.

Когда наша армия под натиском брошенных Колчаком в бой последних своих резервов отступила за Тобол, противник преследовать ее был уже не в состоянии. Ему тоже нужна была передышка, чтобы... быстрее лани удирать потом до Владивостока.

Таким образом, Тобол явился водоразделом отдыхающих, приводящих себя в порядок, готовящихся к смертельной схватке двух непримиримых станов. На правом берегу Тобола трепыхалось трехцветное знамя—символ самодержавия, угнетения трудящихся; на левом — гордо и победно реяло красное знамя—символ революции, освобождения трудящихся всего мира от капиталистического ярма.

НА ОТДЫХЕ.

27-я дивизия занимала участок, начиная от с. Барабинского и Кургана к северу до Белозерского. Рассыпавшись по деревенским избам, красноармейцы отдыхали. Гостеприимные сибирские крестьяне угощали красноармейцев шаньгами, молоком, свеженьким мясом.

Между Красной Армией и крестьянами установилась довольно плотная «смычка». Крестьяне слушали рассказы красноармейцев

Штаб 27-й дивизии,

о своей походной жизни, о боевых эпизодах, о геройских подвигах того или иного товарища. Всматриваясь в загорелые лица и мускулистые руки красноармейцев, они узнавали в них таких же тружеников-крестьян, являющихся плотью от плоти многомиллионного своего класса.

Городских, фабричных было сравнительно мало.

Беседовали крестьяне и с коммунистами, но не находили разницы между ними и остальными красноармейцами-некоммунистами. Сибирские труженики-середняки убеждались, что Красная Армия — их армия, защитница их интересов, и что коммунисты—«хорошие, ласковые, умные люди». Они не только не

делают насилий над женщинами, не только не занимаются разбоем и грабежом, как говорили сибирякам белые, а всячески оберегают целость имущества крестьян, щадят нравы, семейный быт и их обычаи.

— Одним словом, уважительный народ эти коммунисты,—отзывались крестьяне.

Убедившись в злостных наветах колчаковцев на Советскую власть, на Красную Армию, на коммунистов и комиссаров, крестьяне раскаивались в своей огромной ошибке. Это они поддержали вначале Учредиловку, а потом Колчака. Это они дали ему силу и победный марш до Свияжска и Глазова в борьбе с революцией.

— Уж больно много страшного наговорили нам о коммуне, а мы, по темноте своей, и поверили,— каялись крестьяне. И, как бы стараясь загладить свою вину в глазах красноармейцев, обильно поливали маслом блины, приготовленные для усталых бойцов...

— Ну, бабуся, и вкусные же ты стряпаешь ватрушки. Ты так угощаешь нас, как не сумела бы угостить, пожалуй, и родная мать.

— Уж, больно мы ждали вас. Ведь проклятущий Колчак забрал мово сына и увез с собой. Спрятался было он, а они его нашли, избили плетьми и насильно увели... И я получила плеть, отец вот—тоже...— Старушка отвернулась и смахнула грязным фартуком слезу.— Ешьте, ешьте, сударики мои, отдыхайте, поправляйтесь, да и идите, воюйте. Сынка-то мово выручайте.

В течение почти месяца наша бабка угощала то ватрушками, то шаньгами, то блинами. Мы полюбили ее, словно родную мать.

Хорошо было в сравнительно спокойной обстановке сидеть после боевых бурь за самоваром с ватрушками или есть горячие шаньги с холодным густым молоком...

Отдыхала, крепла богатырская грудь бойцов армии.

СТРОИТЕЛЬСТВО.

Одновременно с отдыхом шла лихорадочная работа. Прощупывались полки, обозы, штабриги, командный, политический и адмхозсостав. Устранялись вскрытые недостатки. Корректировалась и конструктировалась работа на местах.

Политотдел дивизии лихорадочно работал по созданию и укреплению сельских, волостных ревкомов. Шла агитационная и про-

пагандистская работа. Развертывались в селах клубы и читальни. Ставились короткие революционные пьески для красноармейцев и местных крестьян. Оркестры — полковые, штабригов, штадива — являлись хорошими «развлекателями» населения. Звуки оркестра быстро созывали сибирских крестьян на собрания, на митинги.

Велась работа и в партячейках, но вяло, бессистемно. Агитировать, пропагандировать в ячейке друг-друга было излишним: все понимали задачи момента. Все члены и кандидаты партии проникнуты были одной мыслью: победить, уничтожить колчаковщину, скорее вступить в смертельную схватку с ней. К теоретическим вопросам душа не лежала. Да и до этого ли было?

С другой стороны, аппарат Подива был до чрезвычайности слаб. Вот теперь, оглядываясь назад, прямо удивляешься, как можно было справляться при таких слабеньких силах с такими огромными задачами, стоявшими тогда перед дивизией (то же и в масштабе армии).

Двигателями всего были: энтузиазм, беспредельное желание творить, быть примером, героем, вождем, победить врага.

В строительстве ли соворганов, в агитации ли, в боях ли, в разведке ли, — всюду впереди коммунисты, рядовые члены партии, не знающие марксистской теории, истории, программы, тактики РКП. А за ними — остальная масса.

Этими качествами побеждали и в боях, и в минуты передышки...

Отдыхали и одновременно кипуче работали.

НЕ ДРЕМЛЮТ.

А между нашими сторожевыми постами и противника нет-нет да и завяжется перепалка. Свинцовый горох сыплется с правого берега на левый, с левого—на правый.

— Перестань стрелять! — кричат через реку наши.

— А зачем вы стреляете? — отвечают колчаковцы.

Стрельба прекращается и завязываются «дипломатические переговоры». Одни других уговаривают, ругают, грозят, агитируют. Сыплются каламбуры, «круглые словечки» и часто вспоминают «мать». Больше всего достается от белых комиссарам, а от наших — золотопогонникам.

Изредка ведут перебранку между собой орудия. Пробуют, нащупывают, стращают друг друга.

Состязаются и наши броневики: «Красный Сибиряк», «Мсти-

тель» с броневиками противника, которые часто осыпают снарядами г. Курган. Одним из таких снарядов противника была убита целая семья: снаряд попал в окно и разорвался.

Наши долго терпели безобразия белых артиллеристов и, наконец, решили расправиться, отомстить за многие жертвы из среды мирных жителей. Были нащупаны наблюдательные и боевые пункты противника, обстреляны зажигательными снарядами и сожжены. Тогда противник успокоился.

У белых боевых припасов было много, и они не жалели их. Не то было у нас: мы стреляли только в крайних случаях.

ВЫЛАЗКИ.

Поздней ночью или ранним утром наши делали иногда вылазки на берег противника. Группа охотников, вооруженных винтовками, гранатами, переходила вброд Тобол и старалась поймать «языка» (взять в плен противника и доставить его в штаб полка на допрос).

Частенько это удавалось. В плен брали или дремавшего часового, или заснувшего из секрета.

«Язык» приносил ориентировочные сведения, и наши штабы всегда знали о группировках и перегруппировках сил противника, а также и о его замыслах.

Кроме «языка», сведения получались «лазутчиками» Особого Отдела дивизии.

Противник тоже пробовал групповые вылазки, но ему это не удавалось. «Языка» он доставал при помощи местных жителей. Но такие «лазутчики» часто приходили к нам и рассказывали, с какой целью они посланы. Оказывалось, что их посылали за сведениями под страхом смерти их и их семьи.

Иногда групповые вылазки с нашей и противника стороны вызывали жаркую перестрелку, а то и настоящий бой. Пускались в ход пулеметы, орудия.

Устраивались вылазки и с целью отвлечь внимание противника или же произвести в его рядах переполох: пусть примет это за переход в наступление нашей армии и форсирование ею Тобола.

НАГРЯНУЛИ.

Жили-поживали мы неделю, другую без боя, набираясь ратной силы. И вот однажды в дивизию «нагрянули»: командарм Тухачевский, член Реввоенсовета И. Н. Смирнов, начпоарм Файдыш и еще кто-то из политработников Поарма.

Рады мы были нашим руководителям. Поговорить было о чем. Ведь во время боев мы друг друга не видим. А они для нас — источник зарядной энергии. От них мы узнаем о положении и перспективах международной революции и нашей. И рвется тогда «душа» в бой.

Выслушав на совещании директивные указания командарма и члена РВС, я повез тов. Файдыша и приехавшего с ним политработника по линии участка дивизии. Надо было ознакомиться на местах с настроением красноармейцев. Мы двинулись на автомобиле в Курган, где стояли части нашей 3-й бригады.

Лишь только мы стали приближаться к нашей заставе, как застава противника открыла по нас ружейный огонь. Наша застава стала отвечать.

Завязалась маленькая перестрелка.

Мы хотели проскользнуть опасную полосу. Шофер пустил машину «во всю ивановскую», и мы понеслись было вихрем.

Однако уехали не далеко: автомобиль «забастовал», остановился. Мы повыпрыгивали из него и ползком добрались до закрытия.

Заставы перестреливались лениво.

Боевой шофер и его помощник, под пулями, елозя на брюхе и на спине под автомобилем, что-то исправляли.

Исправили. Перестрелка было прекратилась. Мы сели в автомобиль и двинулись вперед. Застава противника опять открыла по нас огонь. А когда мы мчались уже на порядочном расстоянии от места «крушения» нашего автомобиля, противником было послано нам вдогонку два снаряда.

На обратном пути нас опять обстреляли, но на сей раз не только из винтовок, а из орудий: сначала шрапнелью, а потом гранатами.

Вдали, по полотну железной дороги, дымился наш бронепоезд «Красный Сибиряк», держа путь к Кургану. Встав на позицию, он «плюнул» несколько раз в сторону противника.

Шофер развил такую скорость, что мы, схватившись за края автомобиля и друг за друга, думали не о шрапнели и гранатах, а о том, как бы не вылететь и не сломить себе головы.

В НАСТУПЛЕНИЕ.

Бойцы отдохнули. Части пополнены свежими силами и приведены в порядок.

Командарм Тухачевский отдал приказ о наступлении.

Задача дивизии: 14 октября форсировать Тобол, напасть на противника, разбить его и гнать.

На основе этой задачи начдивом тов. Павловым разработан приказ и отдан по дивизии.

Ожили деревни. Задвигались в них люди, кони. Закипела работа по подготовке средств боя. Для многих бойцов наступил праздник: уж скучно стало «без дела». Шаньги, блины надоели. Пора потрепать врага.

Штабу дивизии из захваченных у противника документов было известно, что главные силы белых сосредоточены против 27-й дивизии, и что задача этих сил — уничтожить ее, ставшую самой боевой, крепкой и смелой, а затем уже обрушиться на 25-ю.

Поэтому в бой надо было вступить с наличием бодрости в бойцах, с наличием вспомогательных технических средств и с хорошим запасом боевых припасов.

Бодрости — хоть отбавляй. Технических средств — достаточно. Но огнеприпасов — очень скудно. Несмотря на вопли дивизии об этом, штарм не мог удовлетворить ее, ибо армия была бедна этими средствами.

Выхода нет — надо наступать с тем, что есть.

ФОРСИРОВАНИЕ ТОБОЛА.

Ранним утром, 14 октября, тихо, бесшумно части дивизии стали подходить к реке, чтобы перейти ее вброд и врасплох напасть на противника. Быстрый, местами глубокий Тобол представлял большую преграду.

Противник не дремал. Момент наступления он учуял. На участке 3-й бригады он сам пытался первым форсировать Тобол. Только в некоторых местах, главным образом на участке 1-й бригады и отчасти на участке 2-й бригады, удалось нашим частям почти без сопротивления переправиться на другой берег. В других же местах, особенно на участке 3-й бригады, противник встретил наши переправляющиеся части ураганным ружейным, пулеметным и орудийным огнем.

Забухали и наши батареи. Загрохотали броневики. Пулеметы застрочили свои ленты. На участке дивизии завязался жаркий бой.

Бой этот в течение первых дней не давал перевеса над противником.

Тов. Блажевич с упорным боем переправил 3-ю бригаду на правый берег Тобола.

Тов. Хаханьяну 1-ю бригаду перебросить не представляло большой трудности, ибо противник на его участке был не силен.

Но вот тов. Рослову с его 2-й бригадой противник задал потом жару. Полки бригады несколько раз форсировали Тобол, но противник их снова сбрасывал в реку, где часть красноармейцев находила себе смерть.

Главные силы противника на участке дивизии были теперь брошены на 2-ю бригаду. На участке 3-й бригады противник «работал» главным образом при помощи броневиков.

Благодаря неудаче на участке 2-й бригады, полкам 3-й бригады приходилось частью отступать, частью задерживать развитие своего наступления.

Получилась досадная заминка, топтание на месте.

В это время штадив 27-й получает сведения, что части 26-й дивизии находятся уже на правом берегу Тобола и успешно наступают на противника.

Тов. Павлов — начдив 27-й — стал терять обычное спокойствие и хладнокровие. Обидно было за неуспехи.

Погнались курьер за курьером в штабриги.

Усиленно застучал телеграф. Завыли телефонные гудки. Тов. Павлов и начштадив подстегивают комбригов и наштабригов, добиваясь выполнения во что бы то ни стало поставленной перед дивизией задачи.

А в это время, как на зло, сыплются жалобы на недостаток огнеприпасов, требования самого срочного предоставления их броневикам, батареям. Полки жалуются на нехватку патронов.

Сведения эти молниеносно летят через штадив в штарм, но ни снарядов, ни патронов оттуда пока нет.

Положение критическое.

Начдив решил действовать «во-всю».

«Или погибай в бою, или хоть штыками прокладывай себе дорогу к указанным в приказе пунктам»—таково было предъявлено грозное требование комбригам и комполкам.

В третью или четвертую ночь наступления меня вызывает к телефону комбриг 2-й тов. Рослов и докладывает, что у него на каждого стрелка осталось только по шести патронов, а потому он не может выполнить задачи и двинуть бойцов на явную гибель. Я передал ему по телефону:

— Задачу выполнить. Тобол форсировать. Отвечаете своей головой. Выезжаю к вам на позицию.

В 240-М ПОЛКУ.

Чуть на рассвете мой автомобиль подъехал к штабу 240-го Тверского полка. Часть полка уже была на той стороне Тобола и билась. Прискакавший командир полка тов. Шрайер, герой и любимец красноармейцев, доложил мне, что противник отступает, что под ним убиты уже две лошади, что часть красноармейцев храбро бьется, а часть молодого пополнения покинула свои ряды.

Около штаба я увидел бродящих невооруженных красноармейцев. Это и были новички-трусы. Я приказал их мигом всех собрать и выстроить.

Необстрелянных собралось человек 40. Обходя их по фронту, я спросил, почему они здесь. Посыпались ответы:

— Я босиком.

— Я омозолил ноги и не могу ходить.

— Я заболел...

А в это время тут и там рвались снаряды противника. Кратко разъяснив им их предательскую роль, я объявил, что десятого из них прикажу расстрелять как изменника.

И тут же приказание такое отдал.

Приходилось быть жестоким и прибегать иногда к сильно действующим средствам,— так требовали обстоятельства.

В 236-М ПОЛКУ.

236-й Оршанский полк на время был подчинен (если не изменяет мне память) комбригу 2-й тов. Рослову. Этому полку был придан один из трех броневых автомобилей (два из них застряли в пути от штадива до штабрига).

Докладывая мне, комполка тов. Степанов (впоследствии комбриг) отметил, что этот броневик сыграл свою роль в виде устрашателя.

Форсировав Тобол, полк вступил в бой с противником. Ввиду недостатка патронов, под натиском противника полк стал отходить от захваченного им села к другому селу. В этом селе на краю его был скрыт броневой автомобиль. При приближении противника к селу броневик выкатился из-за закрытия и стал наступать.

Ряды противника дрогнули. Белые приняли автомобиль за

танк (так говорили потом пленные) и начали улепетывать. Наши воспользовались моментом и снова заняли потерянное село.

Между прочим, это был первый и последний случай применения броневого автомобиля у нас в дивизии, да чуть ли не первый и последний вообще на Восточном фронте.

В Оршанском полку я натолкнулся на следующее явление: в околодке было несколько красноармейцев со страшной, синего цвета, опухолью на руках или ногах. Явилось подозрение, что эти опухоли вызваны искусственно. Во время детального опроса «больных» красноармейцев я натолкнулся на одного из них, раскаявшегося в своем поступке, который мне и объяснил, в чем тут дело. Оказалось, что во время передышки на Тоболе от белых перебежал солдат-колчаковец и остался служить в полку. Этот колчаковец принес с собой шприц, при помощи которого делал керосиновые уколы в руку или в ногу, отчего получалась страшная опухоль, и красноармеец выбывал из строя в околодок, а оттуда в госпиталь, в глубокий тыл—на излечение.

Таким путем удирали с фронта некоторые слабые, трусливые красноармейцы.

Преступник был тут же найден. При нем был и шприц. В преступлении он сознался, уличенный другими.

Все это происходило на глазах красноармейцев, находившихся в резерве батальона. Красноармейцы страшно вознегодовали на колчаковца. Я отдал приказание комполка расстрелять преступника.

Он на глазах батальона был расстрелян.

Этот маленький случай влил большую бодрость в ряды слабых, главным образом из нового пополнения, и «больных» с линии огня не стало.

ЧЕРЕЗ ШТАБРИГ 1-Й И 2-Й В ШТАДИВ.

Решительная линия, взятая командованием дивизии, дала свои положительные результаты.

Из 236-го полка я прибыл в штабриг 1-й. Сделав, что было нужно, я ночью двинулся в штабриг 2-й. В темноте, по скверной дороге, без огня мы с шофером плутали в автомобиле по линии фронта. Часто я шел пешком. Иногда двигали вместе с шофером автомобиль, выручая из грязи, наконец, добрались до штабрига 2-й. Штабриг работал во-всю, не спал. Спать было некогда, ибо надо было во что бы то ни стало выполнить данную

задачу, иначе угроза «снять голову» могла претвориться в действительность.

При встрече со мной тов. Рослов сказал:

— Мало зная начдива, я усомнился в его грозном и решительном приказе бригаде форсировать Тобол, не имея патронов. Зная вас и получив подтверждение выполнить этот приказ, я немедленно приступил к операции. Задачу эту или выполню, или погибнет вся бригада.

Погибла только часть бригады, но задача была выполнена: выручил штык.

Из штабрига я вновь заехал в 240-й полк проверить, как выполнена боевая задача, и выполнено ли приказание о расстреле каждого десятка из числа «больных». Боевая задача была выполнена блестяще.

Полк уже был на правом берегу Тобола и дрался не без успеха.

«Больных» ни одного не расстреляли. Командир полка тов. Шрайер доложил, что, как только я уехал, эти «больные» бросились к винтовкам, отобранным у них и сложенным в одной избушке (часового они оттеснили от двери), расхватали их и— на позицию, прямо в бой.

Шрайер говорил, что дрались чудесно.

Сразу «вылечились».

Многие из них погибли в этом бою смертью честных бойцов, искупив тягчайшую свою вину.

ПОБЕДА.

27-я дивизия форсировала Тобол. А тут, как раз во-время, подоспели из органов снабжения армии (кроме того, в боях было захвачено несколько тысяч патронов у противника) патроны и спаряды. Противник дрался упорно, жестоко. Но уже при посещении штабригов 1-й, 2-й и 3-й, а также штабов полков и красноармейцев было видно, что настроение победное.

С линии огня дивизии полетели радостные вести: разбитый противник отступает.

Такие же вести летели и из штарма: армия всюду гонит белых.

Тобол позади. Передышка дала свои результаты. Красные орлы гнали по сибирским степям черных стервятников.

И уж больше не знала пятая Армия отступлений и поражений.

Колчаковская армия разбита. Сам Колчак уничтожен. Его сподвижники—тоже.

Над Сибирью и Дальним Востоком, над бывшей Россией, от Ледовитого океана до Черного и Каспийского морей, реет красное знамя и господствует власть Советов.

Какое счастье быть участником великих классовых битв, быть маленьким винтиком в огромном и сложном аппарате пролетарской диктатуры и видеть еще небывалую в истории победу!

И. ПОГОДИН.

ПЕРЕШЛИ В НАСТУПЛЕНИЕ.

Назначенный на должность военного комиссара 35-й дивизии в конце сентября 1919 г. и получив от Реввоенсовета пятой Армии и штаба ориентировку о местонахождении дивизии, ее состоянии политическом, моральном и материальном, я выехал из Челябинска в дивизию. Надо сказать, что ориентировочные данные о дивизии, полученные мною из штаба и Реввоенсовета, были далеко не утешительные. Так, например: штаб армии в течение нескольких дней не знал, где находятся части дивизии, отступающие от Петропавловска. Сам штаб дивизии частью находился в Кургане, частью (Оперативный Отдел) в станице Звериноголовской, на расстоянии свыше 200 верст к югу от Кургана. Отдел Снабжения тоже на очень большом расстоянии двигался на присоединение к дивизии и связи со штабом не имел. Политическое состояние дивизии было на очень низком уровне, вследствие слабости и отсутствия работников в политотделе. Моральное состояние дивизии было скверное, подавленное. Оснований к этому было достаточно: так, например, полный разгром 308-го полка, почти целиком попавшего в плен; окружение несколько раз частей дивизии противником во время отступления от Петропавловска, вследствие очевидного предательства командира бригады бывш. полковника Котомина, впоследствии перешедшего на сторону противника со штабом бригады в поселке Кобаний; полное недоверие к высшему и старшему командному составу, основанное на предательстве Котомина, перебежках отдельных лиц комсостава из бывш. офицеров на сторону противника и проникших в гущу дивизии слухов о существовании в дивизии белогвардейской организации «Союза Возрождения». О моральном состоянии дивизии можно было судить еще и по докладу предателя комбрига Котомина Колчаку, имевшемуся уже к этому времени в штабе пятой Армии. В этом докладе Котомин, между прочим, писал, что очень трудно вести работу белогвардейской организации в Красной Ар-

ми, что комиссары не дают покою и следят не только на службе, но даже и на квартире, поселяясь в них вместе с командирами, что плохо дело идет у белогвардейцев потому, что у тех нет такого же Ленина, как у большевиков, «у которого ума палата, да еще несколько коробов» (дословное выражение).

Материальное положение дивизии было из рук вон плохо. Уже наступали холода, а красноармейцы были буквально раздеты и разуты. Правда, Реввоенсовет обещал прислать ватное обмундирование и обувь. В отношении вооружения был недостаток пулеметов, ружей, патронов и орудий, потерянных в последних боях. Уезжая, я получил задание от члена РВС тов. Смир-

На походе в Енисейской области.

нова во что бы то ни стало, не останавливаясь ни перед чем, искоренить белогвардейскую организацию в дивизии.

В поселке Песчаном (15—18 верст от станицы Звериноголовской) я соединился с начдивом тов. Нейманом, который прибыл и принял командование дивизией тоже только два дня тому назад; тов. Нейман нарисовал мне обстановку, в которой мы находились. С отступающими частями дивизии, под командой командира 1-й бригады тов. Павлова, связи у начдива не было. Накануне этого дня неприятельский казачий корпус, пройдя в одну ночь по киргизской степи свыше ста верст, вышел в тыл нашего правого фланга. Тов. Нейман собрал все, что было можно в тылу собрать, как-то: особые отряды, технические роты, обозников и т. д., составил отряд и выслал его против казачьего корпуса под командой комбрига 2-й тов. Татаринцева, оказавше-

гося к этому времени без своих частей. О результатах действия этого отряда сведений еще не было. По всем поселкам вокруг бродили отсталые и раздетые команды красноармейцев. Познакомив меня с положением, тов. Нейман, усталый, лег спать, попросив меня подежурить, так как в поселке Песчаном, где мы находились, было всего в нашем распоряжении один адъютант начдива и человек 10 конных ординарцев. Часов около двух ночи какой-то конный красноармеец, запыхавшись, ворвался в избу, и рассказал, что отряд тов. Татаринцева разбит казаками и остатки его захвачены в плен, и что только ему одному удалось ускакать и спастись. Когда я разбудил тов. Неймана и передал ему эту весть, он набросился с бранью на красноармейца, требуя от него, чтобы он сознался, что ничего не знает, врет, и что он трус, бежавший с поля сражения. Красноармеец продолжал утверждать, что он говорит правду, и уже после того, как мы его обезоружили и арестовали, он сознался, что видел, как начался бой с противником, в несколько раз превосходившим наших, и поэтому он вывел заключение, что наши разбиты и попали в плен.

Остальную часть ночи мы провели в тревожном состоянии с обрубленными проводами в сторону фронта, не получая ниоткуда никаких сведений и учитывая, что последний вариант рассказа прибывшего с фронта красноармейца похож на правду. На другой день рано утром застава донесла, что по дороге в поселок, с севера, несется какой-то обоз, и не успели мы опомниться, как весь поселок наполнился грохотом и гамом скачущего в панике во весь дух громадного обоза, на телегах которого сидело по 5—6 красноармейцев. Не понимая, в чем дело, мы пытались с тов. Нейманом остановить обоз, но не тут-то было: никто не обращал никакого внимания на наши крики, и обоз продолжал в беспорядке мчаться в тыл по дороге на станицу Звериноголовскую. Тогда я предложил Нейману такую комбинацию: взять мне 4—5 человек наших ординарцев и верхами догнать головную часть бешено мчащейся колонны и попытаться остановить ее. Нейман с этим согласился, и я с четырьмя ординарцами поскакал догонять голову обоза. Догнал я ее уже в трех верстах от поселка и выстрелами в упор в переднюю подводу—остановил весь обоз. Оказалось, что это—обозы 2-го разряда наших отступающих полков, которые через жителей казаков получили сведения о казачьем корпусе, вышедшем в тыл частям на тракт и, из боязни быть отрезанными, создали такую панику. Когда я их всех ссадил с телег и построил, то оказалось, что можно было бы из них

сформировать целый полк. Но так как некоторые были больны и бо̀льшая часть абсолютно голы и босы, то, снимая с одного штаны, с другого сапоги и одевая их на того, у кого была гимнастерка, удалось набрать с большой натяжкой годных к строю человек 250; из них мы составили отряд и предложили ему занять ближайшие поселки в сторону фронта. Немного позже поступило донесение от Татаринцева, в котором говорилось, что он со своим отрядом разбил один казачий полк противника, захватил несколько пулеметов и пленных, остальная часть казачьего корпуса опять степью удрала. Вскоре была установлена и связь с комбригом тов. Павловым и его частями. Эти события настолько ободрили всех, что полученный приказ командарма о дальнейшем отступлении к Тоболу исполнялся с некоторым неудовольствием. Дальнейшее отступление на Тобол проводилось частями планомерно и в полном порядке. Все наши части расположились за Тоболом и спешно начали приводить себя в боевой порядок. Противник, как выяснилось, тоже сильно потрепанный и расстроенный, нас не беспокоил. Все отряды, созданные нами наспех в критическую минуту, были расформированы и влиты в полки. Началась кипучая политическая работа в частях. В тылу, по приказу армии, мы объявили мобилизацию крестьян, великолепно настроенных по отношению к нам, которая проходила с большим подъемом и воодушевлением. Крестьяне приходили на сборные пункты обутыми и одетыми. Охотно продавали нам лошадей, тогда как все это пряталось от белогвардейцев по заимкам. Вскоре было получено и обещанное армией ватное обмундирование и ботинки, которые были быстро розданы по частям. Благодаря всему этому в течение двух недель из совершенно расстроенных частей дивизия превратилась в одну из лучших и боеспособных в пятой Армии.

К концу двухнедельного отдыха прибыл в дивизию 308-й полк из г. Троицка, где он формировался вновь после разгрома и пленения. 308-й полк, вновь сформированный из большинства красноармейцев этого же полка, бежавших из белогвардейского плена и вкусивших белогвардейской нагайки, и частью из революционных партизан кустанайцев, представлял из себя образец революционного духа и дисциплины. Красноармейцы этого полка после своего пленения не только все перебежали обратно к нам, но даже привели с собою распропагандированную ими целую белогвардейскую бригаду с оружием, пулеметами, орудиями и частью

офицерства. На настроение и поднятие духа наших частей несомненно повлияло благожелательное настроение не только крестьян, но даже казаков и казачек станиц, в которых были расположены наши части. Если эти казаки и не были полностью на нашей стороне, то буквально все считали безнадежной и бесцельной борьбу белогвардейцев против нас. Это доказывается тем, что когда мы собирали собрание казаков и казачек по станицам и предлагали им выбрать из своей среды делегатов и послать их к казакам противника уговорить их бросить борьбу против нас,—они охотно исполняли это и не безуспешно; при нашем дальнейшем наступлении на Петропавловск, когда еще нельзя было определить абсолютную нашу победу, нередки были случаи добровольной сдачи нам в плен отдельных групп казаков и даже целых эскадронов. Правда, мы строго исполняли при этом обещания, даваемые казачкам, что не только не будем преследовать сдающихся казаков, а будем даже сразу их отправлять по домам и, в случае отобрания у них их собственных лошадей, платить за них деньги.

За две недели отдыха на Тоболе мы пополнили свои части не только мобилизацией своих, но и мобилизацией белогвардейцев, которую они производили у себя. Дело в том, что в районе на восток от Тобола на-ряду с казачьими поселками были и села переселенцев из Украины; последние целиком были на нашей стороне; и несмотря на то, что мы отступили, чем могли создать впечатление нашей слабости у переселенцев, последние все же, как только их собирали колчаковцы на сборные пункты, на другой же день все эти пункты бросали и по степи без дорог убегали к нам. Иногда спросишь, что заставило их перебегать к нам, и неизменно получаешь ответ:

— Що ж, товарищ, мы будем биться против своих, давай винтовку, и мы будем бить вместе с вами.

Своими мы для них были главным образом потому, что казаки были против нас. Существовавшая вражда между переселенцами и казаками, вследствие жестокой эксплоатации первых последними, естественно, толкала переселенцев на нашу сторону. 14 октября, после двухнедельной работы во время относительно спокойной стоянки на Тоболе, мы, по директивам армии, повели общее наступление и в первый же день разбили и отбросили противника, захватив пленных, пулеметы и орудия.

В этих боях на 308-й полк выпала самая тяжелая и ответственная задача: переправиться через Тобол, разбить противника

и захватить один из пунктов, занятых главными его силами. Целый день продолжался бой, сопровождавшийся несколькими атаками как с нашей стороны, так и со стороны неприятеля, значительно превосходившего нас численно. 308-й полк блестяще выполнил задание и, разбив противника, захватил при этом солидные трофеи. Правда, эта победа стоила нам, по крайней мере, $1/4$ всего полка; убитыми и ранеными оказалось около 300 человек; из коллектива коммунистов полка выбыло 50%; но зато полк приобрел неувядаемую славу и стал гордостью всей дивизии.

Белогвардейцы, повидимому, измеряли нашу двухнедельную подготовку на Тоболе на свой аршин, упуская из виду, что возможное для революции—совершенно недоступно для контрреволюции. Они полагали, что 35-я дивизия, расстроенная и расшатанная морально предательствами полковника Котомина и других, ослабленная в силу материальных недостатков, численно растаявшая, не в состоянии скоро возродиться; но они ошиблись в своих расчетах и жестоко поплатились за это. С этого знаменательного дня в истории борьбы за революцию (14 октября 1919 г.) доблестные части 35-й дивизии не останавливались ни на один день и в две недели с жестокими боями прошли расстояние около 250 верст до Петропавловска, завершив победу занятием его, захватывая ежедневно сотни пленных, оружие, огнеприпасы, пулеметы, орудия и продовольствие. При занятии Петропавловска 308-й полк был впереди, ворвавшись в город на плечах отступающего противника, по зажженному мосту через р. Ишим, пожар которого потушил один из красноармейцев своей шинелью, первым перебегавший через мост.

35-я дивизия из этих боев вышла с честью, и прибывший в г. Петропавловск, по занятии его, командарм пятой, тов. Тухачевский заявил нам, что пятая Армия увеличилась еще на одну основную дивизию, на которую можно во всех отношениях полагаться.

И. ПОГОДИН.

ЩЕГЛОВСКАЯ ТАЙГА.

(Кладбище 3-й колчаковской армии.)

Части 35-й дивизии, преследуя отступающего противника, подходили к небольшому уездному сибирскому городу Щегловску.

311-му полку, по приказу дивизии, предстояло занять этот город. В тот же день я поехал в 311-й полк, с тем, чтобы участвовать в занятии города. Начдив тов. Нейман остался в штабе дивизии для руководства остальными частями, с расчетом прибыть в город на другой день. Заехав по дороге в штаб 2-й бригады и сговорившись с комбригом тов. Татаринцевым, мы отправились по направлению 311-го полка, наступающего на Щегловск. Каково же было наше удивление, когда мы, приехав к вечеру в деревню, расположенную в 22-х верстах от Щегловска, застали там 311-й полк. Комполка тов. Зелипугин доложил нам, что им несколько часов тому назад была занята деревня, расположенная в 7-ми верстах от Щегловска. К этой деревне сходятся две дороги: одна с запада, по которой наступал 311-й полк, а другая—с юго-запада с направлением на г. Щегловск.

Когда эта деревня была без боя занята полком, то по юго-западной дороге показалась большая конная колонна противника, отступавшая по этой дороге. Обнаружив присутствие нашего полка в деревне, она повела наступление. Учтя то обстоятельство, что деревня, расположенная в балке, представляла очень плохую позицию для обороны, и то, что противник наступал превосходными силами, комполка решил отступить в северном направлении, пользуясь прикрытием балки. По колено в снегу, полк развернутым строем отступил в деревню, где мы его и нашли.

Было уже около 24 часов, когда, посовещавшись с комбригом тов. Татаринцевым, я приказал комполка построить полк и выступить вперед для занятия Щегловска, рассчитывая нападением врасплох, по крайней мере, отхватить часть неприятельского обоза. Командир и комиссар полка заявили на это, что красноармейцы

страшно устали, спят по избам и их очень трудно будет собрать, поэтому лучше отложить наступление до следующего утра. Несмотря на это, мы с тов. Татаринцевым все же приказали собрать полк и выступить не на подводах, а пешим порядком, опасаясь, что усталые красноармейцы уснут на подводах и померзнут на 40-градусном морозе; кроме того, в случае надобности, будет трудно развернуть полк в боевой порядок. В два часа ночи полк выступил. Красноармейцы, действительно, были очень усталые и почти через каждые 2—3 версты просили привала и, несмотря на сильный мороз, тут же на дороге ложились и засыпали. Можно полагать, что только мое личное присутствие, как комиссара дивизии, сдерживало сильный ропот красноармейцев, все время жаловавшихся на усталость. Однако не обошлось без инцидента. По дороге, верстах в 4—5 от деревни, мы наткнулись на отдыхающий наш батальон, который выступил еще до нас. Тут подошел ко мне комиссар батальона и, повидимому, под давлением красноармейцев, громко в присутствии последних заявил, что они итти дальше не могут, так как валятся с ног. Мне пришлось сейчас же сместить этого комиссара, поставить его красноармейцем в строй и назначить другого коммуниста из батальона. Батальону я скомандовал встать, и он пошел дальше.

Часам к 8-ми мы подошли к Щегловску, не нагнав белогвардейцев, и заняли его. Узнав от жителей, что хвост обоза белогвардейцев вышел из Щегловска только несколько минут тому назад, мы выслали конную разведку полка для того, чтобы создать хоть видимость преследования: посылать полк итти дальше не представлялось никакой возможности. Еще через несколько минут мы уже слышали за городом пулеметную и ружейную стрельбу, а через час наша конная разведка пригнала в город около 300 подвод неприятельского обоза, отрезав его от общей массы отступающей армии.

У жителей города мы выяснили, что начинающаяся в 17 верстах от города на восток тайга имеет только одну трактовую дорогу, что в 7 верстах от начала тайги есть маленькая деревушка переселенцев, не нанесенная на карту, и что к этой деревушке есть еще одна проселочная дорога, через деревню, расположенную на юг от Щегловска. Мы быстро посадили один батальон из подоспевшего более свежего полка на подводы и направили по этой, свободной от неприятеля, дороге. Батальон подошел к деревушке в тайге как раз в тот момент, когда удиравшие остатки белогвардейской армии, все на подводах, головной

своей частью подошли к выходу из этой сорокаверстной тайги в степь, а хвост их только что втягивался в тайгу. Двигались они очень медленно и, чтобы ускорить все-таки движение, построили обоз в три ряда. Трактовая дорога позволяла это. Зато свернуть в сторону было немыслимо, так как все утопало в рыхлом полуторасаженном снегу. Подойдя к деревушке и не имея возможности из-за глубоких снегов развернуться, наш батальон неожиданно для неприятеля открыл стрельбу из пулемета, бывшего на первой подводе. Этого было достаточно, чтобы среди белых поднялась страшная паника. Паника передалась с быстротой молнии к голове колонны и, естественно, вызвала стремление быстрее ехать. К несчастью белогвардейцев, перед самым выходом из тайги оказался очень глубокий овраг, в который передние подводы под напором задних попадали и тем загромождали дорогу. Тут уж расчищать путь, повидимому, было некому. Всякий спасал свою шкуру и, кто еще мог, обрубал постромки или распрягал лошадь, садился верхом и удирал. Но даже и это удавалось только немногим и то только передним. Весь обоз, в котором мы насчитали около десяти тысяч подвод, застрял в тайге и достался нам. Чего в этом обозе только не было! Тут были и пушки, и пулеметы, и ружья, и телефонно-телеграфное имущество, и гражданский, награбленный белогвардейцами, скарб, и продовольствие, и вещи самих белогвардейцев. Наши две саперные роты работали целые сутки только над тем, чтобы повозки среднего ряда из обоза разбросать по сторонам и дать возможность продвинуться вперед нашим частям. Когда мы ехали среди этого кладбища, впечатление было довольно жуткое. Ехать пришлось буквально по трупам сотен издохших лошадей и даже замерзших людей, полузасыпанных выпавшим в этот день снегом. Много лошадей, в большинстве случаев распряженных с целью проехать верхом, издыхало, утонувши в снегу около дороги.

Навстречу нам брели группами изнуренные, голодные и полузамерзшие белогвардейские солдаты, направляясь в ближайшие деревни. Их никто не преследовал.

Когда мы выехали из тайги, тысячи лошадей которых побросали белогвардейцы, бродили по степи, истощенные и голодные, удирая дальше на свежих, похищенных у крестьян, лошадях. Крестьяне, напуганные рассказами белогвардейцев, лошадей этих не брали, боясь того, что мы будем их отбирать и даже преследовать за это. Стоило много хлопот убедить их, чтобы они брали этих лошадей взамен угнанных белогвардейцами.

И. СМИРНОВ.

БОРЬБА ЗА СИБИРЬ.

(Воспоминания пятоармейца.)

1. СИБИРСКОЕ БЮРО ЦК В НАЧАЛЕ 1919 ГОДА.

К началу 1919 года выяснилось, что гражданская война, к которой мы были очень слабо подготовлены, будет носить затяжной характер. Продвижение Красной Армии, начавшееся взятием Казани, Симбирска и Самары, остановилось на востоке около Уфы. Правда, последняя была занята, но белые перешли в наступление против третьей Армии, и в Москве со дня на день ждали падения Екатеринбурга. В то же время на Кубани и Дону формировалась добровольческая армия, и оттуда готовился поход на Москву.

О Сибири в Москве сложилось очень смутное представление. В первые месяцы после падения Советской власти в Сибири, в Москву пришло несколько товарищей из разных городов—Благовещенска, Иркутска и Омска, но сведения, принесенные ими, явно устарели за то время, пока они скитались по фронту. Из их разрозненной информации можно было установить, что наша организация разбита совершенно, но что сохранились отдельные люди и группы, которых можно объединить. При этом чувствовалось отсутствие опытных руководителей в Сибири.

С другой стороны, было видно и то, что единой власти в Сибири нет и что возможны внутренние осложнения. Вообще же представление было такое: сибирская реакция выросла из недовольства Советской властью зажиточного сибирского крестьянства.

Несколько позднее РВС восточного фронта была издана прокламация, в которой проводилась та мысль, что Колчак возглавляет сибирское кулачество, которое идет против пролетарской и и бедняцкой Советской России.

Как потом оказалось, это мнение было ошибочно: Колчак никакой опоры в крестьянстве не имел; наоборот, крестьянство

вело с ним жестокую войну, а реальная сила Колчака была в торгово-промышленной буржуазии, казачестве и офицерстве, в большом количестве сбежавшемся в Сибирь.

Но в декабре 1918 года к этим естественным его союзникам прибавляли чуть ли не всю десятимиллионную крестьянскую массу.

Восточный фронт приобретал преобладающее значение. В ЦК партии зародилась мысль о создании Сибирского Бюро, задачей которого являлось бы: установление прочной и регулярной связи с товарищами, оставшимися в Сибири, информирование их о положении в Советской России и передача директив ЦК; разведывательная работа в тылу противника; дезорганизация тыла путем разрушения жел.-дор. пути и военных складов; подготовка восстаний в городах. Позднее к этому прибавилось и руководство партизанским движением в деревне (кое-где уже начались партизанские выступления).

Сибирское Бюро состояло из трех лиц: Голощекина, меня и Д. К. Гончаровой, исполнявшей секретарские обязанности; это—с нашей, советской стороны; из сибиряков, насколько помнится, ЦК ввел Масленникова, Рабиновича и Нейбута.

Сибирское Бюро должно было подвинуться ближе к фронту для большего удобства связи с зарубежными товарищами. Местопребывание его было определено в Уфе, где в то время находился штаб пятой Армии.

Техническую сторону этого дела оборудовал Михаил Чистяков, уфимский рабочий. Ему самому незадолго перед этим пришлось, по заданию РВС первой Армии, переходить фронт из Симбирска в Уфу. Поручение это он выполнил удачно,—дело, следовательно, было уже знакомое.

Он снял квартиру, на которую являлись товарищи, шедшие через фронт. Там для них изготовлялись документы, покупалась подходящая одежда, они инструктировались, оттуда они выезжали в наши расположения.

Фронт в то время был почти сплошной. Стояла зима, и проскользнуть мимо застав противника было делом очень мудреным. Но это обычно удавалось, трудности начинались дальше в тылу противника.

С января по март, когда мы отступили от Уфы, через эту квартиру прошло свыше десятка товарищей.

Одним из первых к нам явился Лобков. До падения Советской власти в Сибири он был членом Омского исполкома; когда

Омск был сдан чехам, Лобков выехал в Тюмень и там, а потом в Екатеринбурге вел партийную работу.

Он был еще очень молод—двадцати одного года, но много читал, хорошо умел говорить и среди омских рабочих пользовался популярностью. Ему казалось делом нетрудным—взорвать колчаковщину изнутри. Однако он в своих расчетах не принимал во внимание основной массы населения Сибири—крестьян и базировался только на рабочих. Здесь сказывались его молодость, горячность и неопытность.

Я помню также спор с ним по чисто военному вопросу. Он полагал, что, если бы в свое время из Тюмени пустили на Иртыш одну-две канонерские лодки, можно было бы овладеть Омском, дезорганизовать противника и разбить его. Эту мысль он отстаивал с большой горячностью.

Не помню, где он перешел фронт—у нас, в пятой Армии, или в третьей, но в конце зимы он был уже в тылу противника.

В Омске его слишком хорошо знали, показываться там ему было нельзя. Он начал работу на Урале.

От нас он получил связь с Софьей Кривой (фамилия), через которую мы держали связь с Сибирью.

Впоследствии она была выдана провокатором и расстреляна.

Лобков имел задачу организовать в ближайшем тылу противника восстание, в то время как из Уфы перейдет особый отряд из миньярских рабочих и сделает нападение на Миньяр.

В Челябинском же районе работали перешедшие раньше два товарища, бывшие омичи, и офицеры Григорьев и Логинов.

Из доклада начальника отдела контр-разведки полковника Злобина от 26 марта 1919 года видно, что белые напали на его следы. Вот что он пишет:

«Вместе с Наутельбаум делегирован из Советской России некий Тосман (Валек? *И. С.*), стоящий во главе военно-революционного штаба в г. Челябинске, а членами этого штаба: Голубев Василий (Лобков) и Григорьев Дмитрий (Григорьев, бывший офицер, коммунист, перешел фронт зимой 1918 г., расстрелян в Уфе в апреле или мае 1919 г.).

В. Голубев — еврей, около 25 лет, маленького роста, черненький, волосы стрижены ершом, бритый, черная шуба с коричневым меховым воротником, шапка татарская, по профессии портной.

Д. Григорьев—лет около 30, среднего роста, русый, лицо худое, изнуренное, харкает кровью, бороду бреет, усы неболь-

шие, ходит в серых валенках, длинном пальто солдатского сукна, шапка серо-коричневого меха, большая, мохнатая.

Сообщая об изложенном, прошу о розыске скрывшихся членов революционного штаба и в случае их ареста препроводить в мое распоряжение».

Челябинскую организацию выдал провокатор Образцов, он же указал и Лобкова; последний и Григорьев были расстреляны незадолго до прихода Красной Армии.

Вскоре после отъезда Лобкова из Москвы к нам явился тов. К., человек средних лет, по профессии он был машинистом и работал раньше на Дальнем Востоке; оттуда он и пришел с докладом в ЦК.

Если Лобков был определенным, можно сказать, отчеканенным марксистом и большевиком, то тов. К. обладал довольно путаной идеологией. Большое внимание он уделял религиозным вопросам, солидаризируясь здесь с учением Л. Н. Толстого. Повидимому, он пришел к нам через религиозные искания. Таких товарищей приходилось и раньше и позднее встречать, в особенности среди крестьян.

Тов. К. ехал обратно на восток. Подготовлялся он к переезду через границу не торопясь и очень обстоятельно. По внешности он походил на купца средней руки, и его решили соответственным манером одеть. Выбрали хорошую шубу, которая его привела в очень хорошее настроение, такую же шапку. Затем тов. К. долго толкался по уфимскому базару, покупая разную мелочь, необходимую в дороге (чайник и пр.). Делал он это не как-нибудь, а со вкусом.

Нас тогда очень удивила такая способность человека интересоваться мелочью, мелким дорожным комфортом, в то время как весь этот комфорт и самая жизнь могли разбиться вдребезги от одной неудачной встречи, неудачного ответа...

Сомнений в том, что он перейдет благополучно, у К. не было ни малейших.

Выехал он в январе, и вместе с ним поехал еще один товарищ.

Впоследствии этот товарищ рассказывал, что ехать с ним в тылу противника было очень опасно. Дело в том, что К. по дороге решил заняться агитацией за Советскую власть. Было немало на эту пору у него споров со случайными встречными людьми.

И все же он добрался до своего города, выполнил то задание, которое ему дали в Москве и снова поехал в Москву. Но теперь его ждала неудача.

В Омске он был схвачен и посажен в тюрьму. Ему угрожал расстрел. В тюрьме он заболел тифом, был переведен в больницу и из нее бежал.

Когда в ноябре 1919 года Красная Армия пришла в Омск, ко мне пришел какой-то неизвестный человек и сказал, что здесь на одной квартире лежит больной К.

Пошел я по адресу. Действительно, это был он. Он был еще очень слаб после тифа и лежал. От смерти он спасся совершенно случайно. Что за люди были те, кто его приютил, я не выяснил. Во всяком случае, они не были партийными людьми.

Выздоровев, тов. К. явился по начальству в Сиббюро; делать теперь ему было нечего, ибо Колчака уже не существовало; оставался еще один враг—Семенов, вернее, японцы, стоявшие у Семенова за спиной. Но теперь мы боролись уже иными методами, чем с Колчаком.

Во всей непрятности, случившейся с тов. К. вследствие его ареста, его больше всего огорчала пропажа той отличной шубы, которую он в свое время получил в Уфе. Это было тем более досадно, что заменить ее другой, подобной, мы оказались не в состоянии. Тов. К. благополучно существует и в настоящее время и работает в одном из наших промышленных предприятий.

Врезался в память прошедший в тыл старый омский железнодорожный рабочий Татаренко. Ему было едва ли меньше 55—58 лет, когда он появился у нас. Типичный украинец, с седой головой и длинными, висящими, как у Шевченко, усами. И вся его семья была революционная. Его сын—машинист. Когда Красная Армия пришла в Омск, нужен был машинист на захваченный у белых бронепоезд. Молодой Татаренко предложил свои услуги и поехал добивать белых. Дочь Татаренко в подпольи держала связь с заключенными.

Татаренко получил в ЦК сорок тысяч рублей и понес их в Омск. Он спрятал деньги в кусок сливочного масла и благополучно пронес их через фронт. В колчаковской контр-разведке скоро узнали о принесенных деньгах, но фамилии принесшего их не знали.

Однако наружность его была такая, что его могли по описанию легко найти. Татаренко скрылся из Омска и жил до прихода красных на заимке. Он и сейчас жив и находится в Омске.

Большинство других товарищей, шедших в тыл, были рабочие частью с Урала, частью из Москвы.

О работе Сиббюро колчаковский штаб узнал очень скоро.

Случилось это, как всегда бывает в таких случаях, вследствие провокации.

Еще прежде, чем кто-либо в Сибири был арестован и на допросе сказал о Бюро, через наши руки прошел один человек, сумевший обойти начальника Особого Отдела пятой Армии и ряд других старых и опытных работников. Он пришел в Уфу до приезда в нее Сиббюро ЦК; проехал в Москву, побывал в Реввоенсовете и через нас же, снабженный деньгами и документами, вернулся в Омск.

Впоследствии в документах контр-разведки Колчака был найден его доклад, в котором он рассказывает о Сиббюро и дает характеристики его членов. Я говорю о мадьяре-инженере Садке.

2. ПРОВОКАТОР САДКЕ.

В январе 1919 г. в Особый Отдел пятой Армии был доставлен перешедший под Уфой фронт неизвестный, назвавшийся мадьярским инженером Садке.

Он предъявил документ от чешской контр-разведки, удостоверявший, что Садке состоит у них на службе.

В объяснение своего появления у нас, Садке рассказал следующее: он, Садке,—коммунист, работавший в Сибири при Советской власти (первой) в качестве инженера на Экибастусских копях; после падения Советской власти, он остался на копях, где сейчас, по его словам, работает несколько тысяч пленных мадьяр и несколько сот русских. Все мадьяры и значительная часть русских рабочих состоят в тайной военной организации, возглавляемой комитетом из нескольких мадьярских офицеров-коммунистов; от русских входит коммунист Васильев. В шахтах спрятано достаточное количество винтовок, есть пулеметы. Все пленные мадьяры разбиты на роты и батальоны, имеется штаб. В связи с движением Красной Армии в Сибирь, предполагается поднять восстание в Экибастуссе и пойти степью на Омск—столицу Колчака. В довершение своего повествования Садке из каких-то тайников своей одежды извлек лист бумаги, на котором было подсчитано число мадьяр-бойцов, лошадей у местного населения, и набросал проект движения восставших на Омск. Бумажку от чешской контр-разведки он, Садке, получил от коммуниста-чеха, работающего в канцелярии разведки, стоящей в данное время в эшелоне в Челябинске.

Все рассказанное им было очень похоже на правду: мадьяры

поголовно были за Советскую власть; в свое время они защищали ее от чехов в Сибири, при чем их много погибло. Среди чехов тоже могли оказаться коммунисты; по крайней мере, у нас, в пятой Армии, они имелись, почему бы им не быть и на той стороне?! Садке рассказывал подробно об Омске и очень много распространялся о богатстве углем Экибастусса.

Точность подсчета лошадей, повозок и прочего у населения приводила в восхищение товарищей из Особого Отдела и Реввоенсовета: «видна, мол, немецкая выучка».

Садке пришел для установления связи и координирования действий будущих повстанцев с Красной Армией.

Дело казалось настолько серьезным, что Садке решено было отправить в Москву для доклада РВС республики о положении дел в Сибири и для получения указаний о дальнейшей работе военной организации мадьяр.

Должно быть, в феврале Садке вернулся из Москвы (ездил он «под наблюдением», но совершенно свободно) и явился в Уфе в Урало-Сибирское Бюро ЦК, организованное к тому времени. Он привез с собой бумажку, подписанную тов. Аусемом, если не ошибаюсь, предлагавшим нам переправить Садке без задержки «за границу». По словам Садке, он был у Троцкого и Ленина, которые оба заинтересовались военной организацией мадьяр и дали ему для развития работы 1.500.000 руб. керенками, по тому времени—большая сумма. Кстати, керенки были в то время в ходу и у Колчака.

Вместе с Садке приехала женщина, которую он называл своей женой.

В эти дни я впервые увидел Садке. Он производил сильное впечатление: высокий, хорошо, почти атлетически сложенный брюнет, с небольшой черной бородкой и живыми глазами. Садке в разговоре всегда стремился взять инициативу в свои руки, не давая возможности задавать вопросы. Полнейшая уверенность в том, что пройдет он благополучно; что дело в Экибастуссе теперь движется вперед; что ему нужно было только согласие на восстание со стороны Москвы и теперь, получивши это, необходимо торопиться,—все это создавало впечатление большой деловитости, а его решимость, отсутствие всяких колебаний, невольно располагала в его пользу.

Но было в нем что-то неуловимое, но чуждое. У нас никак не клеился разговор на партийные темы. Работа Коминтерна его как будто, не интересовала. Партийная жизнь Москвы его тоже

не коснулась. Вопросы европейской революции в его беседах отсутствовали. С другой стороны, он не знал точно, что делается в партийных кругах в Сибири, с которыми, по его словам, он был связан. Со всяким товарищем, приходившим к нам, было что-то общее,—с Садке же этой духовной связи не ощущалось.

Глядя на него, иногда думалось: а может быть, иначе и нельзя—чужой, мадьяр, заброшенный в глухую киргизскую степь, он живет только в своем узком мире 3.000—4.000 мадьяр, сплоченных, дисциплинированных, ждущих от него, своего посланника, сигнала к восстанию, едва ли победоносному. Они почти обречены, и есть ли время и психологическая возможность для Садке, как бы впитавшему в себя все их надежды и отчаянную решимость, интересоваться и думать о чем-либо, кроме спасения этих тысяч людей. И его постоянная серьезность, торопливость подготовки к переходу как будто подтверждали все эти мысли.

Попытка получше выяснить личность Садке не удавалась. В Уфе в это время был приехавший из Москвы тов. Лобков, раньше работавший в Омске. Я свел его с Садке. Лобков вспомнил, что действительно был у них в Экибастуссе инженер-мадьяр, который однажды сделал превосходный доклад в Омском Совете об угольных копях, но куда он потом девался и является ли им Садке, Лобков не мог сказать. И да, и нет.

Однако мы держались с ним осторожно, ни во что его не посвящали, хотя по отдельным фразам из разговоров присутствующих, Садке мог уловить, что подготовляется к переходу через фронт несколько товарищей.

Полной уверенности в том, что он свой человек, не было. Все же мы решили его не задерживать, пустить через фронт, но одновременно с ним послать еще одного товарища, с которым Садке встретится в Челябинске. Половину имевшихся у Садке денег—750.000 руб.—передали этому товарищу—Александру, прибывшему незадолго перед тем к нам из района третьей Армии.

Оставшиеся у Садке 750.000 руб. мы решили заделать в доску. На квартире Михаила Чистякова, ведавшего хозяйственной стороной дела Бюро ЦК, эта операция и была проделана. Две небольшие доски, не более фута длиной и четверти полторы шириной, были распилены вдоль, затем выдолблены, в образовавшуюся впадину вложены деньги; затем доски склеили и закрасили. В двух дощечках были 1.500.000 руб. Александра и Садке.

Дощечки, брошенные в сани под сиденье, не могли возбудить

никаких сомнений у солдат, если бы они стали обыскивать. Слишком все было просто и обыденно.

Уехали Садке и Александр почти одновременно, и мы надолго потеряли их из виду.

В марте под Уфою была разбита наша армия, мы покатились к Волге и остановились верстах в ста от Самары.

Какие были связи с Сибирью—порвались. Новых людей не посылали «за беспредметностью», как определил в одной из телеграмм Л. Д. Троцкий, ибо стояла задача оборонять правый берег Волги, а отнюдь не итти в Сибирь.

Что делается внутри Сибири и в колчаковской армии—не знали, и вся Сибирь была закрашена в один черный цвет.

Так казалось в те дни. Потом и очень скоро представление о Сибири радикально переменилось.

Раза два-три летом тов. Троцкий запрашивал меня по телеграфу: «Что слышно об известном предприятии в Сибири?». Слышно ничего не было.

В ноябре того же года Красная Армия была в Омске. Сибирь кипела крестьянскими восстаниями. Армия Колчака, разгромленная между Тоболом и Ишимом, бежала на восток. Был тот момент Советского строительства в Сибири, когда она, как в первые дни после Октября, вся лежала в обломках; всюду царил хаос и безмерный энтузиазм. Все и вся были с нами, даже вчерашние враги. Захлестнутые волной великого подъема они как будто поняли бесплодность своих надежд и смирились.

В эти дни, которые бывают один раз в сто лет, ко мне, тогда члену РВС пятой Армии, явился кто-то из спасшихся от расстрела в тюрьме колчаковцами и, рассказывая о сидевших в тюрьме и погибших, упомянул имя Александра. Я перебил собеседника и стал расспрашивать подробнее; уже раньше я вскользь слышал, что Александр арестован.

И вот я узнал, что Александр вместе с «женой» (я забыл сказать, что с ним вместе поехала женщина, имени которой не помню, муж ее был в Сибири и она к нему пробиралась) расстрелян незадолго до нашего прихода. Он был арестован в Челябинске и все время сидел в Омске.

Смутное подозрение шевельнулось у меня в душе.

— А не слыхали ли вы от Александра или кого-либо еще об инженере-мадьяре, переходившем фронт?—спросил я товарища.

— Да, слышал и не только слышал—Александр перед казнью

передал записку, в которой писал, что он был арестован в Челябинске по указанию мадьяра-инженера.

Позднее мне эту записку принесли, но она, как и много других документов этого времени, утерялась.

Оказалось, товарищ даже видел где-то этого инженера и очень верно описал его наружность и добавил:

— Этот мадьяр был очень подозрителен: никто из мадьяр-коммунистов его не знает.

— А знаете ли вы о существовании в Экибастуссе военной организации мадьяр?

— Никакой такой организации там не было.

— Не ошибаетесь ли вы? Может, вам это неизвестно. Экибастусс от Омска в 400 верстах, а мадьяры—народ замкнутый.

— Не было такой организации. Все мадьяры, что были в Алтае и в степи, ушли к партизанам. В Экибастуссе ничего не было никогда.

— А кто такой Васильев в Экибастуссе, старый партийный работник?

— Такого в Сибири нет.

В Сибири людей знают поименно от Иркутска до Челябинска.

История с Экибастусской военной организацией оказалась мифом, но мифом жестоким, кровавым. Два человека, проверявших этот миф, погибли.

Из дальнейшей беседы я узнал, что инженер-мадьяр и сейчас, повидимому, еще в Омске.

Были созваны человек 5—6 местных коммунистов, большею частью из сидевших при Колчаке в тюрьме.

Подробно описав наружность Садке,—а она была очень характерна,—я послал их на улицы, ведущие к мосту через реку Омку, где вернее всего можно было его встретить.

И действительно, дня через два Садке был задержан на мосту через Омку и посажен в тюрьму.

За эти дни я успел заглянуть в часть архива, захваченного у противника.

Среди многих донесений из контр-разведки я наткнулся на доклад Садке. Он был неполный и касался его пребывания в Уфе. Он подробно описывал нашу конспиративную квартиру, лиц, которых там встречал, нашел там я и свою характеристику.

Об Александре Садке сообщал, что он едет в Омск и везет в доске 750.000 руб. денег.

Все было ясно.

Выбрав свободных пару часов, мы с П. К. Штернбергом, чле-

ном РВС Восточного фронта, приехавшим в Омск, решили допросить Садке.

Он явился возбужденный и возмущенный арестом. Как его, рисковавшего головой при переходе фронта, держат в тюрьме?! Вот признательность Советской власти!

Осадив его с первых же слов, мы спросили:

— Где Александр и его жена?

— Этот Александр едва не погубил меня. Он во всем сознался и указал на меня. Я был тоже арестован.

Но как случилось, что его выпустили, а Александра расстреляли, Садке никак не мог увязать. Деньги, по его словам, у него отобрали колчаковцы.

Никаких связей с мадьярами Садке дать не мог, ни одного товарища русского или мадьяра, знающего его, указать не мог. По его словам, только в Экибастуссе его знали. Но мы уже имели сведения, что там не было и нет мадьяр.

Что он делал целое лето?

После освобождения из тюрьмы он ездил в Семипалатинск по личным делам и купил там дом, как мне перед тем сообщили. Как-нибудь оттянуть следствие, вырваться на волю—на этом сосредоточивалась вся энергия авантюриста.

То он дает проект—в месячный срок восстановить взорванный белыми Иртышский мост; то другой проект—организацию нефтяного предприятия в Семиречьи на берегу озера Балхаш.

Еще один раз я видел Садке. В нем уже не было уверенности, что он выпутается. Он сознался, что дал сведения в колчаковский штаб о работе Сибирского Бюро ЦК.

Он объяснял это с хитрым видом, что надо, мол, было войти в доверие к противнику. Но этот довод мы уже слыхали от других захваченных нами предателей.

Хотя роль Садке достаточно была уже выяснена, но для большей осторожности в решении мы ждали приближающейся весны, чтобы послать следователя в Экибастусс и на месте проверить данные Садке сведения об организации мадьяр.

Садке сидел в тюрьме, но он не дождался заслуженной кары. Тиф, свирепствовавший в Сибири, свалил его.

Он умер в тюремной больнице.

Немало прошло мимо нас в эпоху гражданской войны авантюристов и двурушников, но такого смелого и ловкого, умевшего обойти очень опытных и искушенных партийных работников, я больше не встречал.

3. МИНЬЯРЦЫ.

Сибирское Бюро предполагало начать свою работу установлением связи с Сибирью, и задача представлялась в Москве таким образом, что связь надо иметь главным образом с Сибирью. Урал в значительной части еще находился в наших руках. В северной части Урала находилась третья Армия, а пятая—продвигалась на Восток от Уфы. Однако уже с первых дней пребывания в Уфе мы увидели, что пред нами стоит еще более неотложная задача получения связи с уральскими заводами, находившимися во власти колчаковской армии.

Наступление пятой Армии в то время происходило чрезвычайно медленно, и наша 26-я дивизия, наступавшая по направлению к Аша-Балашовскому заводу, была едва ли дальше 70 верст от Уфы. Армия чрезвычайно утомилась; тяжелый зимний поход, бои, недостаток валенок, недостаток полушубков,—все это чрезвычайно гнетуще действовало на красноармейцев. Отдых был необходим, и Реввоенсовет пятой Армии неоднократно обращался к вышестоящим органам с просьбой о временной приостановке наступления на Восток. Но в это время Колчак вел встречное наступление на Пермь, по плану, разработанному генералом Андогским, бывшим начальником Военной Академии, и надо было отвлекать силы противника; хотя бы демонстративно надо было продолжать наступление на южной части Восточного фронта.

Но наступать с утомленной армией приходилось очень осторожно. Перед пятой Армией находились уральские горы с узким дефиле около Аша-Балашовского и Миньярского заводов. Можно было наверное сказать, что зимой с такими силами, которые были у пятой Армии, прорваться к Аша-Балашовскому заводу было невозможно. И наступление замедлялось. Непосредственно за горным проходом у Аши и Миньяра расположен ряд заводов, с которыми Уфа была тесно связана. И теперь в Уфе находилось несколько товарищей с Миньярского завода, и все они группировались вокруг старого партийца с Миньяра, Ф. И. Локоцкова.

На Южном Урале расположено около 20 заводов. Это были средней величины заводы, имевшие по 1.000—2.000 чел. рабочих. Наибольший из них, Белорецкий, лежит на отлете к югу от Самаро-Златоустовской дороги. Все они были охвачены в свое время нашей организацией и в различной степени проявляли революционную активность.

Но из всех южно-уральских заводов выделялся Миньярский,

на котором крепкая организация была еще в 1905 г. И еще с того времени с Миньяра шло партийное руководство для юга, и, во всяком случае, три смежных завода—Аша-Балашовский, Симский и Миньярский—были всецело под влиянием последнего.

Миньяр сыграл определенно решающую роль в октябре 1917 г. не только для заводов Симского округа, но и для Уфы, где было настроение колеблющееся.

При падении Советской власти на Урале миньярцы оказали организованное сопротивление чехо-словакам. Затем значительный вооруженный отряд их ушел в горы и леса. Предшествующая подпольная выучка им очень помогла: они не побросали оружие, как это было в других местах и в городах при продвижении чехословаков, а вывезли все оружие в лес и там его зарыли. У них было спрятано в лесу несколько сот винтовок, до 10 пулеметов и большое количество патронов. Все это миньярские рабочие держали до лучших времен. Завод работал, а небольшая часть наиболее скомпрометированных миньярцев скрывалась в лесу. Дело было зимой, и положение их было, конечно, чрезвычайно трудное.

Добыть связь с миньярцами, через них установить связь с Южным Уралом и Челябинском, первым сибирским городом, организовать в ближайшем тылу противника кулак из партизан-рабочих,—такая мысль напрашивалась сама собой. Осуществить ее и взялся аша-балашовский рабочий тов. Туманов, который перешел фронт несколько южнее Аша-Балашовского завода и разыскал товарищей, находящихся в лесу. Молодой миньярский рабочий Федор Вдовин поехал в Челябинск для установления связи с той группой, о которой у нас имелись сведения. Но к тому времени, когда он прибыл в Челябинск, эта группа была уже арестована, и Вдовин едва успел выбраться обратно. Миньярские рабочие, находившиеся в лесу в бегах, решили перейти фронт на пашу сторону; это был очень тяжелый переход, и не все товарищи его перенесли.

К тому времени, когда они пришли в Уфу, в Сибирском Бюро и в Реввоенсовете пятой Армии был разработан следующий план: пройти через фронт в тыл противника с отрядом в 200 чел., хорошо вооруженных и особенно надежных; прервать железнодорожное сообщение, произвести панику в тылу противника в тот момент, когда Красная Армия начнет усиленное продвижение к Аша-Балашовскому заводу. И вот 50—60 человек миньярских рабочих, пришедших с Тумановым, и были тем ядром, вокруг которого создался такой отряд. Он состоял из заводской и красно-

армейской молодежи. Организовал отряд и командовал им Сергей Дмитриевич Павлов. С этим отрядом должен был и я перейти фронт, чтобы затем, после осуществления первоначальных задач на Урале, в связи с движением пятой Армии, уйти глубже в Сибирь.

Отряд расположился за городом в Старой Уфе в женском монастыре, и там интенсивно с утра до вечера производилась подготовка молодых красноармейцев: их учили владеть пулеметом (винтовку почти все уже знали). Выше колен в снегу, таскали они пулемет «Максим» на особых, приспособленных для этого лыжах, памятуя, что жить и действовать придется в лесу, в снегах, в чрезвычайно неудобной для боя обстановке.

Около месяца учебы — и отряд двинулся на левый фланг 26-й дивизии, где, нам казалось, удастся ночью незаметно пробраться, а, если нужно, то и пробиться в тыл противника. После четырехдневной дороги мы достигли бригады тов. Спижарного, откуда должен был начаться переход. Накануне перехода нужно было дать небольшой отдых отряду. Бои в это время происходили на этом участке довольно интенсивно.

И вот неожиданно, когда все уже было приготовлено к переходу, мы получили извещение из Реввоенсовета пятой Армии, что начинается общее отступление армии. Дело в том, что после разгрома третьей Армии и занятия Перми противник обрушился всеми силами на стоявшую на левом фланге у нас вторую Армию, разбил ее, а теперь дивизия князя Голицына нажимала на нашу 27-ю дивизию. Дивизия князя Голицына была ударной. Наша 27-я дивизия была разбита наголову, потеряла всю артиллерию, канцелярию штаба дивизии и была рассеяна. С большим трудом приехавшему в эти дни на фронт тов. Грюнштейну удалось ее собрать. Боеспособной осталась только 26-я дивизия, и она теперь попала под удар. Реввоенсовет извещал наш отряд, что ни о каком наступлении в дальнейшем не может быть и речи, что отряд должен возвратиться вместе с бригадой тов. Спижарного.

Начался отход. Отряд, очень внимательно подобранный из наиболее пригодных людей, вступил в бой в районе 26-й дивизии. Противник стремился к узловой станции Чишма, и если бы ему удалось перерезать жел. дор., положение нашей армии было бы безвыходным.

Когда мы вернулись в Уфу, эвакуация со всеми своими отрицательными сторонами была в полном разгаре.

Миньярский отряд с первых же дней боя выделился из всех

остальных частей. Его непрерывно перебрасывали с одного участка 26-й дивизии на другой, которому особенно угрожал противник, и везде он выручал.

При отступлении в войсках обычно появляется упадочное настроение. 26-я дивизия была одной из лучших не только пятой Армии, но и всех армий РСФСР, но и в ней во время этого отступления бывали случаи подавленного настроения среди красноармейцев. И вот тогда-то и выручал миньярский отряд.

На фронте 26-й дивизии бои были до того ожесточенными, что в ней убывало до 500 чел. в день, а пополнения не подходило. Армия таяла.

Наиболее ожесточенными войсками в рядах Колчака были башкиры. Они особенно опасны были тем, что великолепно ходили на лыжах. У них были команды лыжников, которые, обходя наши части целиком по снегу, вызывали большую панику. Миньярский отряд был не из таких, которые поддаются панике, и часто в таких случаях выручал. И в одном из таких столкновений с Башкирской дивизией он наполовину погиб. В этом бою был убит комиссар отряда молодой миньярский рабочий Василий Грачев. Пред тем как ехать в отряд, я помню, он заходил ко мне в Реввоенсовет, так как я уже был тогда членом Реввоенсовета пятой Армии, и просил отпустить его ехать в Москву учиться. Я обещал отправить его в Москву, как только приостановится отступление. Он отправился на фронт, а через несколько дней был убит пулей в голову у пулемета, из которого стрелял по наступавшим башкирам. Это был один из лучших, талантливейших уральских рабочих.

Миньярский отряд еще раз выдвинулся во время борьбы за Урал. Это было уже в другой обстановке, летом 1919 г. Враг отступал по всему фронту с севера до юга. Теперь уже мы гнали противника и знали твердо, что мы займем Урал. И опять, как зимой 1919 г., мы решили пустить в тыл противника миньярских рабочих. Собрался небольшой конный отряд человек в 50 и под начальством Гузакова перешел фронт.

Для того, чтобы обмануть противника, весь отряд надел погоны.

Противник об отряде, однако, узнал, и узнал от провокатора Оглоблина.

Еще в то время, когда штаб пятой Армии стоял в Бугульме, он к нам явился из Москвы от ЦК, откуда он был направлен тов. Е. Ярославским. Оглобин производил впечатление крикливо-

го анархиста, постоянно вступал в споры с нашими товарищами, относившимися к нему подозрительно. Недаром он в своих показаниях отмечает: «что говорили шопотом и узнать что-либо было трудно».

Оглоблин нам заявил, что он едет убить Колчака. И спорили-то с ним преимущественно по этому пункту, доказывая ему нецелесообразность этой затеи. Но он решил твердо Колчака убить. Позднее, в сентябре 1919 г., в наши руки попали документы, из коих видно, что этот «анархист» был просто осатаневший от злобы на Советскую власть мелкий торговец из Калуги, бежавший к Колчаку.

Вот его показание в контр-разведке Колчака:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

1919 г. июля (?) в действующей армии, я, начальник контр-разведывательного отделения 1-го Волжского Армейского корпуса, сего числа допрашивал нижепоименованного, который показал:

От роду имею лет: (?).
Фамилия: Посадский, а действительно Оглоблин.
Имя: Михаил.
Отчество: Николаевич.
Губернии: Калужской.
Мещанин г. Жиздры.
Род занятий: торговец; чиновник военного времени.
Грамотность: грамотный.
Семейное положение: холост, православного вероисповедания.
Постоянное место жительства: гор. Жиздра.

В г. Калуге я был мобилизован красными и, как военный человек, назначен в тыловое ополчение, куда были направлены мобилизованные из буржуйского класса. С октября 1918 г., когда меня забрали красные, я до февраля 1919 г. пробыл в ополчении, а затем был переведен в 11-й запасный батальон; в нем я пробыл 1½ месяца, а затем получил от Московского окружного военного комиссара Ярославцева разрешение приехать на фронт, через который я предполагал пройти на сторону Русской армии. По приезде на восточный фронт, я явился в Штаб пятой Армии, стоящий в Бугульме. Здесь я члену революционного совета пятой Армии Смирнову заявил, что хочу пройти в тыл Русской армии для боевой работы; надо сказать, что я прибыл к Смирнову с резолюцией Ярославцева, что я должен быть назначен для боевой работы на командную должность. После расспроса о моей прежней службе, о моих идеях, Смирнов решился отправить меня к Гузакову. Смирнову я представился анархистом, не будучи таковым. Свои услужки потому предложил Смирнову, что хотел узнать как можно больше и потом, после перебежки на сторону Русской армии, сообщить обо всем кому следует. Около Смирнова я пробыл недели две, числа с 14 июня по 30, когда Штаб пятой Армии был в Уфе по переезде из Бугульмы. Во время моего нахождения у Смирнова

я узнал о следующем: рабочий Миньярского завода Гузаков, состоящий при пятой Армии для тыловой работы в районе расположения неприятельских войск, организовал отряд, который в настоящее время имеет человек 60 исключительно добровольцев; он с частью отряда бывал в тылу белой армии много раз; последний раз он был в тылу числа с 23 по 30 июля, когда вернулся в штаб: по словам рабочих завода Миньяр, он где-то тут взорвал мост (раз. Урал). Задача Гузакова—при приближении фронта к Златоусту, Челябинску, Тюмени поднять восстания в главных пунктах. Там же я узнал, что 1) в Златоусте имеется для поднятия восстания организация, человек в 300 по моему предположению, но не менее, состоящих из рабочих и небольшого количества железнодорожников; 2) в Челябинске организация человек в 200; 3) в Екатеринбурге дело организовано очень слабо; 4) в Сибири имеются определенные районные организации, центр которых в г. Иркутске. Эта Сибирская организация очень сильна, в нее входят рабочие и часть крестьян. Последняя организация имеет целью поднять восстание в Сибири и образовать там фронт. Гузаков с небольшой частью своих товарищей должен пробраться через линию расположения войск и своевременно поднять восстание, скрываясь до момента начала восстания в горах. В задачу Гузакова входило: порча мостов и железнодорожных сооружений (мосты на шоссе). Оружие и подрывные припасы Гузаков и его помощники должны получить от членов организации в городах; оружие и динамит хранятся в лесах, закопанные в земле; слышал, что есть в гор. Златоусте. Другие добровольцы Гузаковского отряда должны были получить инструкции для поднятия восстания в городах и небольшими партиями пробраться в те города. Гузаков и его товарищи пробираются через фронт: 1) под видом военно-пленных, возвращающихся из Германии или Австрии; 2) под видом вольных людей, которым рекомендовалось проходить линию расположения войск тропинками, окружными дорогами, стараясь не попадаться кому-либо, дабы не предъявлять документов при проверке их; 3) также под видом солдат и офицеров полков, действующих на фронте, при чем эти лица проходят с подложными документами частей, расположенных на фронте. Самого Гузакова я не видел, не успел еще встретиться с ним. В штабе пятой Армии получил шифр по образцу азбуки Морзе. При чем был шифр выработан специально для меня, и этим шифром я должен был сноситься с армией через лиц, указанных Гузаковым. В армии не мог узнать, и не говорилось, кто должен поднять восстание, фамилий не произносилось. От Гузакова я должен был получить определенную задачу и исполнить ее; ехать с поручениями я должен был с помощниками Гузакова, знавшими адреса руководителей восстаний. Получив от Смирнова документы, я с письмом его отправился в штаб 3-й бригады 26-й дивизии, к начальнику бригады (фамилия неразборчива), который меня направил в командиру 3-го батальона 232-го полка, Козлову, которому Смирнов сообщил обо мне письмом. У Козлова я должен был пробыть до встречи с Гузаковым, последний в то время был на фронте правее Кропачево и должен был, по данному ему направлению, встретиться с 232-м полком. Надо сказать, что у Козлова большинство—добровольцы. Насколько мне известно, Гузаков должен перейти фронт в районе Саткинского завода с небольшой частью отряда, разделенного на мелкие отряды. Задачи Гузакова—пробраться в тыл за Златоуст и устроить взрывы мостов, повреждение телеграфов и т. д. Мелкие отряды его, долженствующие пробраться через фронт, должны были встретиться за Златоустом в горах. Верстах в 18-ти от Манки, около какой-то

деревни, завязался бой, и в нем я принял участие, дабы скорее перейти через фронт; красные от этой деревни отступили, а я, шедший навстречу вашим войскам, был задержан в поле вашей цепью. При мне были обнаружены различные документы, выданные Смирновым. Смирнов также выдал мне на небольшом клочке шелковой материи удостоверение моей личности, которое всегда должно было при мне храниться. Это удостоверение у меня лежало в портмоне. Добавляю, что товарищи Гузакова могут пробраться сюда, сдаваясь добровольно в плен и имея при себе документы о том, что они якобы мобилизованные; при чем эти лица или заявят желание тут же поступить в вашу армию, чтобы в свое время скрыться в тыл, или же, если их арестуют, то постараться устроить дорогой побег.

Оглоблин.

Допросил Титулярный Советник *Питиримов.*

С подлинным верно:

Помощник Н-ка Контр-Разведыв. Отделения Первого Волжского Армейского Корпуса Титулярный Советник *Питиримов.*

Верно:

Наразот Штагруппы Волжской Подъесаул *Колесников.*

Но еще раньше, чем Оглоблин дал эти сведения, противник узнал о нашем отряде из других рук. Отряд им представлялся не иначе как из мадьяр и латышей, и очень скоро из 50-ти он вырос у них до 400 человек.

Этот небольшой отряд вносит большую сумятицу у них, и им кажется, что он все может: и мосты взрывать, и Златоуст захватить.

В их переписке и приказах ярко сквозит боязнь уральских рабочих, опасение, что на любом заводе может подняться восстание, и силы наши на этих заводах они явно преувеличивают. Так, со Златоустом у нас была очень слабая связь, а в их документах значится, что у нас там организация в 300 человек.

Вот эта психологическая неустойчивость противника, поддерживаемая появлением Миньярского отряда, дала нам возможность овладеть Южным Уралом силами в несколько раз меньшими, чем силы противника.

Как бы то ни было, отряд в июне был в знакомых ему лесах. Гузаков и Туманов оповестили рабочих трех заводов Симского округа, чтобы шли к ним; и через несколько дней у них собралось от 200 до 300 человек.

Им удалось взорвать мост у Ерала, и хотя он был быстро восстановлен противником, но панику наделал большую.

Затем было сделано нападение на обозы Каппеля, и хотя в донесениях противника говорится, что «шайка была отбита», на

самом деле Миньярский отряд перебил много офицеров и захватил весь обоз.

Белых путало еще и то, что наши ребята носили погоны, и белые их не могли отличить от своих.

Участок фронта, в котором находились эти заводы, занимал генерал Каппель с большой армией. Против него стояла 3-я бригада 26-й дивизии.

По плану, который был разработан Реввоенсоветом пятой Армии, эта бригада должна была демонстрировать наступление на Аша-Балашовский завод. Мы даже думали, что, в случае движения Каппеля навстречу этой бригаде, нам придется оставить Уфу. Главные наши силы двигались несколько севернее в обход Каппеля, по руслу горной речки Юрезань. Это обходное движение сыграло крупнейшую роль во время этих боев. Каппель должен был очистить горные выходы около Миньярского завода, а после жестоких боев около Златоуста мы вышли к Челябинску па Сибирскую равнину.

Миньярцы пришли на свой завод. Я помню большой митинг у завода. Стояли сотни женщин, стариков и оставшихся на заводе рабочих. Мне пришлось говорить перед ними о тяжелой борьбе, которую ведет рабочий класс нашей страны, и о той роли, которую выполнили миньярские рабочие на своем участке великого фронта этой борьбы, и об их отряде, имевшем столько славных боев и так много потерь. Они еще не все знали, кто погиб, кто жив. Когда я упомянул о смерти Васи Грачева, я помню, как в толпе раздались женские рыдания...

С митинга я пошел к Туманову, к этому удивительному человеку, который никогда не терялся, насквозь знал уральских рабочих, и который пользовался величайшим авторитетом среди них. В маленьком домике, в котором я его нашел, он сидел, расстегнув ворот рубашки, с распущенным поясом, за самоваром. Весь вид у него был такой: вот человек окончил большую тяжелую работу, и теперь он может, как следует отдохнуть.

Рабочие из отряда ходили в новеньких гимнастерках, отбитых в Каппелевском отряде, и, несмотря на потери, все они были жизнерадостные, веселые.

Миньярцы, оставшиеся в то время на заводе, спрашивали: «Какими же силами вы гоните колчаковцев?». И действительно— наши силы были малы. Если бы Каппель опрокинулся обратно на нас своими полчищами, он бы нас раздавил в горах. Но наше продвижение на восток продолжалось.

На Южном Урале Реввоенсовет произвел мобилизацию нескольких возрастов; на фронт были взяты почти все боеспособные люди. Это, конечно, было немного, но это были отборные борцы из тех, которые составляют ядро, вокруг которого сплачиваются крестьянские массы в нашей Красной Армии.

Миньярцы вписали в историю борьбы с Колчаком за освобождение Урала прекрасную страницу. Они не на словах, а на деле (и на каком деле!) показали, что дело освобождения рабочих есть дело самих рабочих. Из всех рабочих, которых мне приходилось встречать на долгом пути от Уфы до Иркутска, миньярские рабочие производили наилучшее впечатление. После войны они из своей среды выдвинули ряд крупнейших хозяйственных работников. Тот же Туманов, в тяжелые годы (1920—1921 г.г.) управлял Аша-Балашовским заводом и поставил его на ноги. Другой рабочий Миньярского завода, Александр Коржаков, погиб. Некролог его помещен неизвестным мне товарищем в нашем сборнике. Он умер от тифа после захвата Урала. Коржаков управлял всеми тремя заводами: Аша-Балашовским, Симским и Миньярским. Это был идеальный человек: удивительно скромный и в то же время чрезвычайно смелый, самоотверженный, очень знающий и очень талантливый. Он никогда не пытался выдвинуться на какую-либо работу. Но все, за что он брался, он выполнял так хорошо, что лучше никто не мог бы это сделать. Он был очень молод, не больше 28-ми лет, богатырского сложения. Когда Туманов выводил отряд по глубокому снегу через фронт, старый рабочий партиец Заикин упал и стал замерзать. Это случилось ночью. Кругом были враги. А свои уходили. Александр Коржаков остановился над Заикиным. Заикин, замерзая, уже засыпал и сказал ему: «Иди, я все равно погибну. Я останусь».

Коржаков поднял его на плечи и всю ночь нес на себе. Он вынес его от белых к пятой Армии и спас. Заикин сейчас работает на Миньярском заводе.

Александр умер тогда, когда враги были уничтожены и когда он так был нужен уральским рабочим и рабочему государству для новой творческой работы.

Вот какими людьми победили мы старый мир — простыми, скромными и самоотверженными без конца.

На Южном Урале была произведена мобилизация нескольких возрастов. Настроение рабочих было очень революционное. Помимо призванных годов явилось много лишних. Большинство таких было возвращено к станкам. Мобилизованные отправлялись догонять Красную Армию большими отрядами. Однажды, возвращаясь с линии боев, я встретил у станции Кропачево такой заводской отряд, их было около 300—400 чел.; шли они весело и несли свое заводское красное знамя. Это был отряд Симского завода. Чувствовалось в них что-то праздничное, радостное. Мне кажется, что у тех из них, кто дожил до сегодняшнего дня, этот минувший день был лучшим, красивейшим в жизни.

В то время как одна половина, наиболее молодая, сильная шла с винтовками в Сибирь на Колчака, оставшиеся на заводах пожилые рабочие пускали в ход машины. Миньяр свою работу начал с ремонта винтовок и пулеметов.

По мере того как мы отодвигали белых глубже и глубже в Сибирь, на заводах устанавливалась нормальная производственная работа. Требования на металл теперь уже шли из Москвы; рабочих рук нехватало. Все чаще и чаще стал получать я с Миньяра от Я. Заикина письма о нехватке рабочих рук и просьбы вернуть то того, то другого токаря, слесаря,—они у него были все на учете в голове.

А нам в эти дни тоже приходилось тяжело, и я раз ему в ответ послал резкое письмо. Он больше не писал, а я до сих пор жалею, что так резко ему ответил. Он думал главным образом о заводе, а я — об армии. Что делать, — бытие определяет сознание.

Отступая, белые эвакуировали заводы и технический персонал. Уральские рабочие бросились догонять увезенные машины, станки и своих специалистов.

В Омске и Новониколаевске появились особые комиссии из Екатеринбурга по реэвакуации. Это были здоровенные ребята, энергичные и неутомимые. Они день и ночь рылись в вагонах, каким-то особым заводским чутьем угадывая, где лежат их станки. Со специалистами, застрявшими на полпути, у них разговор был короткий. Да, впрочем, тем и деваться было некуда, и они все поехали обратно, правда, немного побаиваясь своих бывших подчиненных. И станки и специалисты полностью вернулись на свои заводы. Обескровленный Урал, потерявший несколько тысяч лучших, передовых рабочих, все же оказался способным в течение нескольких месяцев пустить главные заводы в ход.

4. НА ПАСЕКЕ.

(Воспоминания миньярца.)

Получив освобождение из 1-го Южно-Уральского отряда, вследствие слабости моего здоровья, я решил во что бы то ни стало перейти фронт, что с большим трудом мне удалось. Перейдя Бирский фронт, я прибыл 29 июля в Миньярский завод и ознакомился с положением дела, а на второй день дал знать о своем прибытии скрывающимся т.т. комиссарам Симского Округа: Ф. И. Локацкому, Я. З. Заикину, А. С. Коржакову, М. П. Сорокину и другим товарищам, которыми немедленно был вызван в лес, где получил от них разные поручения, как-то: хранение всех важных документов, денег, снабжение их продовольствием, литературой и хранение оружия, вывезенного на мою пасеку в количестве свыше 200 винтовок, до 40 ящиков патронов, 2 горных орудия с 60 снарядами к ним, ручные и винтовочные бомбы, несколько пулеметов «Кольта», несколько пудов пироксилина и много другого военного имущества; все это, конечно, при помощи надежнейших товарищей, мною было сделано. Как и во всяком деле, были провокационные случаи, но таковые немедленно устранялись.

С наступлением зимы скрывающихся товарищей пришлось разместить по конспиративным квартирам в Миньярском заводе; а когда стали наступать из Сибири колчаковские войска и размещаться в Миньярском заводе, то товарищей снова пришлось отправить в лес и устроить их на своей пасеке, где они и жили до тех пор, пока я и несколько других товарищей не были арестованы. Мне и другим товарищам было предъявлено обвинение в хранении оружия, снабжении комиссаров продовольствием и т. д. Это было в то время, когда красные войска заняли г. Уфу и продвигались уже ближе на Урал. С ужасом вспоминаешь пытки, применяемые к арестованным, в особенности к тов. Коковихину, А. Н., которого пытали и били плетьми до потери сознания. Это повторялось несколько раз; в последнюю ночь такими пытками его мучили в продолжение трех часов, и когда в 12 ч. ночи его ввели к нам в общую, он не мог итти и едва говорил. На следующую ночь во 2-м часу ночи его от нас увели, и больше мы его не видали: он был убит. Вскоре меня и остальных товарищей, после продолжительных допросов, освободили. Все эти зверства производились под личным наблюдением начальника контр-разведки подпрапорщика Шалашева. Вскоре после моего

освобождения из-под ареста я был вызван на конспиративную квартиру прибывшим через фронт К. М. Тумановым, которым было поручено мне устроить его свидание с комиссарами и взять деньги из кассы Симского Округа. Деньги потом были отправлены с т.т. Стукиным и Чертовым для подпольной работы в Сибирь. Тогда же были завязаны связи со станцией Вязовой, Златоустом, Челябинском, Омском. При выполнении этой задачи погиб наш лучший товарищ — молодой коммунист Новиков, Г. П.

В то же время, когда тов. Туманов пошел обратно через фронт, прибыл через фронт другой товарищ—Фатеев, Н. Г., который и увел через фронт комиссаров и других товарищей в количестве 12 человек. Это был второй уже отряд, первый ушел немного раньше в количестве 40 человек, и после всего этого получилось сильное брожение среди рабочих и стремление переходить через фронт к пятой Армии. Товарищи миньярцы несколько раз уходили в лес по нескольку десятков человек, стремясь уйти через фронт, но, не имея надежного проводника, возвращались обратно.

Когда же тов. Туманов, не найдя возможности перейти фронт, воротился обратно в Миньяр, то тут и решили организовать всю стремящуюся молодежь в один вооруженный отряд в количестве 150 человек, который во главе с тов. Тумановым и проводником ушел через фронт. После этого были усилены караулы, начались сильные репрессии и т. д.

С наступлением весны, когда на горах уже стаял снег, а красные войска были уже далеко, первой моей заботой было убрать орудия, которые стояли неразобранными на горе в ста саженях от пасеки. Я пригласил несколько человек надежных товарищей; разобрав орудия, мы сложили их в вырытый для этого ров, завалив его хворостом и землей и задекорировав все это лесом. А когда стали доходить слухи о наступлении красных войск, то встал вопрос о приготовлении оружия, для чего мною был у знакомого администратора завода выпрошен отпуск для двоих товарищей — Чертова, Павла Егоровича и Павла Антоновича, которые и приступили к приведению в порядок имеющихся пулеметов и винтовок, отмачивая их в керосине и очищая от ржавчины.

Вскоре началось отступление колчаковских банд. Однажды, придя рано утром к себе на пасеку, я встретил ожидающих меня товарищей: Алексея Васильевича Брагена и Василия Павловича Заикина, которых я зимой проводил через фронт. Это были первые ласточки пятой Армии, появившиеся на моей пасеке, которые

и сообщили мне о прибытии отряда особого назначения, под командой тов. Гузакова и политкома Туманова, в количестве 40 человек. Они остановились в Воробьинских горах, и, получив через них приказ, я немедленно вызвал товарищей из Миньяра, которые более всех были в курсе дела по хранению оружия: Фатеев, Ив. Еф. и Воропанов, Вас. Тих. и товарищи: Чертов, Петр Иванович и Сулимов, Алексей Егорыч.

Им было поручено объявить тайную мобилизацию в Миньяре, Симу и селе Баянке, в результате которой на второй же день с утра можно было наблюдать, как миньярские рабочие с топорами, уздами и удочками устремились в лес, и через двое суток мною было выдано все имеющееся у меня на пасеке оружие: более 200 винтовок, до 40 ящиков патронов, 3 пулемета «Кольта», 1 «Максим» и ленты к ним.

Таким образом через двое суток в Воробьинских горах сформировался отряд партизан численностью до 200 человек, который не заставил себя долго ждать: начались сначала мелкие, а потом более внушительные стычки, которые парализующе действовали на стоящие в Миньяре банды колчаковцев и наводили ужас на отступающие части белогвардейских войск. За два дня до занятия Миньяра красными войсками мне было поручено пойти в Миньяр узнать, что там происходит.

В Миньяре в то время, действительно, происходило что-то невероятное: страшная паника среди частей, а в особенности среди командного состава, который метался, как в сильном угаре, не зная покоя ни днем ни ночью. Не обошлось и без курьеза: в то время в моем доме квартировал полковник 2-го Оренбургского полка, и, по приходе моем домой, он позвал меня к себе в комнату, начал мне описывать все ужасы, которые происходили в лесу и, жалея меня, стал уговаривать не ходить больше на пасеку, пока не будет водворен порядок. Когда на следующее утро я собрался итти на пасеку, то он еще раз пытался уговорить меня не ходить в лес, говоря, что он очень меня жалеет, и предложил мне лучше эвакуироваться; но я выставил ему несколько причин: болезнь детей и т. д. и, получив от него пропуск, отправился на пасеку.

Когда я подходил к заставе, то в это же время подъезжал из леса отряд казаков человек в 40; они вели несколько раненых лошадей и везли раненого казака. Когда начальник заставы смотрел у меня пропуск, начальник эскадрона, как разъяренный зверь, подскочил, разразившись страшными ругательствами, за-

кричал на меня: «Что тебе нужно и откуда ты?». Я ему сказал, что из Миньяра и иду на пасеку.

Это его еще больше взбесило, и он закричал на меня: «Где твоя пасека?». Тогда я ему показал её направление; он со страшными ругательствами показал мне на раненого, говоря: «Вот они до чего довели, ваши-то пасеки!».

При этих словах меня передернуло: я подумал, что они были на пасеке и наткнулись там на ребят, которые оставались в моем отсутствии, и уже ждал себе вознаграждения за все мои заслуги перед ними. Офицер выхватил шашку из ножен и закричал: «Иди домой, пока твоя башка цела!».

Я понял, что время расплаты для них еще не настало, и незамедлил исполнить его приказание. Оказалось потом, что в эту ночь товарищи партизаны порядочно потрепали упомянутый выше казацкий разъезд. Придя домой, я решил пробыть дома до вечера и ночью, уже минуя заставы, уйти в лес; но передумал и при помощи опять того же полковника мне удалось пробраться в лес. На следующий день рано утром началось сильное наступление красных войск, и к вечеру того же дня Миньярский завод был занят красными войсками.

5. ПЕРЕПИСКА БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ О МИНЬЯРСКОМ ОТРЯДЕ.

1.

Разведывательная сводка.

Зав. Миньяр. (карта 8 в. в. дм.) 28 июня 1919 г.

По сведениям агентуры, в районе заводов Аша-Балашовский, Миньяр и Симский в горах находятся группы скрывающихся дезертиров и большевиков общей численностью до 400 чел. Цель их—поднять восстание на заводах, чтобы воспрепятствовать эвакуации заводов. По сведениям, около 50 чел. находятся в логовище, что в 10 верстах от зав. Миньяр. Все скрывающиеся имеют оружие. Связь красноармейцев с рабочими заводов осуществлялась через оставленных на местах советских деятелей. На-днях захвачен шпион, который дал показания по организации большевиков на названных заводах. Сегодня как будто бы предполагалось их выступление. К ликвидации организации и бродячих шаек большевиков в лесах приняты все меры.

Обер-офицер Штаба 1-й стрелковой Самарской Дивизии

поручик *Михайлов.*

2.

Нр 24 р.

Доклад командиру корпуса

Жители завода Симского, сочувствующие нам, указывают на существующую организацию рабочих, имеющих связь с главной организацией партии большевиков, и называют фамилии организаторов. Такими вожаками бродячих по лесу банд большевиков, в районе заводов Миньяр-Симский, являются

Петр Усачев и Трофим Осокин, первый—рабочий, а второй—комиссар Симского завода. Установить точную силу этих банд пока не удалось. Сегодня 4 разведчика Егерского батальона имели с ними столкновение. Отправившись по дороге на Кропачево, они, свернув с нее, тропой пошли в глубь леса. Пройдя версты две чащей, они подошли к логовищу, где заметили четырех лошадей. Увидевши их, большевик бросился бежать в горы, и через несколько минут разведчики были обстреляны ружейным огнем и забросаны ручными гранатами. Один разведчик осколком разорвавшейся гранаты получил царапину лица. Вчера по этой же дороге шайка напала на дивизионный обоз, но была прогнана. Сегодня мною к логовищу послана рота Самарского полка с разведчиками Егерского батальона. Родственники скрывающихся большевиков арестованы, но показаний никаких не дали, отвечая на все вопросы «не знаю». Например, Иван Куреньков даже не знает, мобилизованы его сыновья или добровольцами служат в Красной Армии. По словам жителей, его три сына состоят в организации и скрываются в лесу. Отец Усачева проговорился в конце допроса, что его сын Петр поступил в Красную Армию добровольно. Прошу вашего разрешения принять по отношению к семьям скрывающихся большевиков репрессивные меры, согласно приказа Верховного Правителя и Главнокомандующего от 14 мая с. г. за № 131.

Командующий дивизией полковник (подпись неразборчива).

3.

Генкварверх, Наштаглавковосток, Комгруппы Уфимской, Уральской, Волжской, Наштарм Южной и Сибирской

Сообщаю копию телеграммы № 115/р Капитана Ефимова — дополнение № 01283, 01287 («сотый»).

Захваченный агент Сверлов показал, что отряд сорок шесть человек под командой Гузакова 4 июля выступил со станции Буздяк, пробрался в наш тыл открыто под именем команды 1-го Гусарского Уральского полка, одетый в погоны. В Биянки четырнадцать человек под командой убитого матроса Гаранина открыто на подводах поехали через Леузы к ж. д. под именем солдат 8-го Кадрового Тюменского полка. Гузаков Петр Васильевич, выше среднего, худощавый, длинные русые волосы, с остальными должен был начать работу в районе Миньяр, Кропачево, Усть-Катав, при нем приемная радиостанция, от которой Сверлов должен был получить распоряжение о восстании. Связь поддерживается через доверенных лиц и крестьян подводчиков. Златоустовской организации известно, что Гузаков имеет полномочия поднять восстание. Около 20—25 июня должен был выступить к нам в тыл в район Челябинска вышесказанным путем или горными тропинками, или пробившись севернее Самаро-Златоустовской ж. д. трехтысячный отряд матросов под командой члена Ревкома Смирнова, а в направлении Белорецкое, Троицк—Челябинск две тысячи пятьсот отдела Златоустовской организации, имеет кличку «паря». По получении приказания по радио Гузакова снабжении динамитом организация должна уйти в горы. Через Кила-Товскую организацию найти Миасскую и Кусинскую. 5 июля нр. 115/р. (Миас 6 июля).

Подлинную подписал: и. д. Генквармзап, подполковник *Кронковский*.

Верно: Начразот Штагруппы Волжской, подъесаул *Колесников*.

4.

Наштагруппы Уральской, Волжской, Уфимской, Начвоенадминистрат генералу Вишневскому

Вне очереди только Волжской

Командарм приказал немедленно принять самые крайние и суровые меры ликвидирования переправившихся через р. Уфу шайку 50 конных красных с целью, идя длиною Емашелга на Аша-Балашовскую или Златоуст, поднять восстание воинских частей. Красные защитных погонах без кокард при 2 или 3 офицерах среди них один чине капитана другой поручика. Среди всадников латыши и мадьяры, имеется вьючный пулемет. Наружность начальника высокого роста худощавый большие черные усы. Офицеры в шапках сербского образца. 25 июня нр 1731/р. Бердяуш.

Подписал Наштармзап, полковник *Оберюхтин.*

С подлинным верно:
Дежурный офицер Штаба Волжской Группы прапорщик *Котсев.*
Верно: за старшего адъютанта Штаба 3-й стр. Симбирской дивизии прапорщик (подпись).

Командиру 11-го полка для сведения и принятия мер к задержанию.

И. д. начальника Штаба 3-й стр. Симбирской дивизии. Подполковник (подпись неразборчива).

26 июня 1919 года.
№ 783, д. Верхний Казаяк.

5.

Сообщая для сведения копию телеграммы Генквармзап, прошу распоряжения принять меры к использованию населения; деньги, израсходованные на это дело, будут возвращены из сумм, кои потребованы из Штарма.

Копия телеграммы.

Среди жителей Тикеева, Нж., Ср. и Вр. Лемезы находится много желающих взяться за поручения по разведке ближайшего тыла красных, необходимо использовать эти предложения в самом широком масштабе, при недостатке денежных средств немедленно будут отпущены дополнительные суммы. Ст. Бердуяш, 18 июня 1919 г. Нр 1623.

Генквармзап, полковник *Оберюхтин.*
НР 4170/б. Наштагруппы Волжской, полковник *Барышников.*
Верно: Обер-офицер для поручений, подъесаул *Колесников.*
Верно: за старшего адъютанта штаба 3-й стр. Симбирской дивизии, прапорщик (подпись неразборчива).

Командиру 19-го полка для сведения.

И. д. Начальника штаба 3-й стр. Симбирской дивизии, подполковник (подпись неразборчива).

26 июня 1919 года.
№ 784, д. Верхний Казаяк.

6.

Приказание 1-й отдельной Самарской стрелковой бригаде № 96.

Зав. Миньяр. Секретно.

10 января 1919 года.

При расположении бригады в районе Аша-Балашовской ночью 8 января в штаб бригады были доставлены два трупа в военной форме, по констатированию врача, убитые каким-то тяжелым орудием. По признакам определено, что один из них офицер, а другой—солдат, какой части еще не выяснено. Такой случай имел место и в новом нашем расположении в районе завода Миньяр, где был убит неизвестно кем солдат польского легиона. Усматривая в этом не что иное, как факт террористического акта со стороны местных большевиков и халатность со стороны воинских чинов, павших от руки каких-то негодяев, позволяющих безнаказанно продолжать свое гнусное ремесло,—начальник бригады приказал всем начальникам внушить своим подчиненным, что мы переживаем войну гражданскую—войну особенную, в которой, кроме явного противника на фронте, приходится считаться с противником в тылу. А потому нужно быть всегда осторожным и не быть слишком доверчивым к лицам, кои возбуждают подозрение. Таких лиц, которые совершают свое гнусное дело из-за угла, часто можно определить по лицу, по его социальному положению, стоит только внимательно всмотреться. Внушить также подчиненным, что излишние разговоры в присутствии посторонних о наших войсках, о группировке их сил, являются тяжким преступлением, так как выдают наши военные тайны.

Во избежание подобных случаев начальник бригады приказал командирам частей на внутреннее охранение обратить особенное внимание, возложив это, главным образом, на полковых комендантов и комендантов команды. Непосредственным ответственным лицом по внутреннему охранению в районе расквартирования своей части ставлю коменданта, а там, где их не положено, командира части. В будущем начальник бригады приказал:

1) По приходе части в новый район обязательно от местных жителей, вполне заслуживающих доверия, секретно узнавать о степени неблагонадежного отношения жителей к нашим войскам.

2) О существующих тайных организациях, о готовящихся восстаниях; и каких-нибудь выступлениях и об отдельных явных большевиках.

3) С целью ознакомления с жителями обязательно устраивать обходы: при совместном расположении—с частями бригады в районе своей части, а при одиночном расположении—в пунктах наиболее опасных и более всего возбуждающих подозрение.

4) За подозрительными лицами и помещениями устанавливать надзор, прибегая в этом, а равно и в предыдущих случаях, к агентурной слежке.

5) Иметь, усиливая ночью, дозоры, которых поверять в правильности и бдительности служб.

6) О всем замеченном, заслуживающем внимания, немедленно сообщать коменданту Штаба бригады. Ему же направлять всех задержанных и арестованных.

7) О всяких восстаниях и преступных деяниях доносить в Штаб бригады, а в случаях, нетерпящих отлагательства, беспощадно подавлять их своею властью.

Приказание это необходимо принять к точному и неуклонному исполнению.

Вр. и. д. Начальника Штаба, капитан *Шимановский.*

7.

Показание шпиона Романова, жителя п. Белый Ключ, захваченного конной разведкой 44-го полка

Перед фронтом дивизии от Бедеева на север до Седяш находятся части 32-й дивизии, недавно переформированной из 28-й дивизии в районе Бугульмы. Задачи дивизии взять Красную Горку, Никольское и вести дальнейшее наступление на Аша-Балашовскую.

По словам Романова, от Бедеева до Хасабаева находятся части 1-го Тверского полка, дальше части 1-го Брянского полка, отряд Гандина, бывшего комиссара завода Аша-Балашовского, работавшего там электротехником. Отряд состоит из отборных надежнейших людей и имеет задачей, переправившись через р. Уфу на участке Аремный—Поповка, пройти по дороге через Дуванский-Никольское и дальше в Аша-Балашовский завод. Гандин носит золотые погоны со звездочками подпоручика и все его солдаты носят защитные погоны. По словам Романова, на заводе имеется уже боевая организация рабочих, руководимая Весниным и Чернышевым (оба—рабочие Аша-Балашовского завода). Вместе с пойманным шпионом Романовым красными отправлены еще 4 агента с документами, на которых стоит штамп командира 14-го Уфимского стрелкового полка с полковой печатью. На удостоверениях подпись: командир полка подполковник Мусатов и полковой адъютант Васильев. Все 4 агента жители Аша-Балашовского района:

1) Николаев Иван, низкого роста, глаза черные, одет в гимнастерку с погонами.

2) Васильев Николай, высокий, рыжий, тоже в гимнастерке с погонами

3) Ерофеев, высокий, черноватый, без усов и бороды, в гимнастерке с погонами.

4) Бурляков, приметы точно не указал.

Все четверо в сербских шапках, имеют сербские деньги. Цель их всех, в том числе и Романова, к 25 июня пройти к Веснину и Чернышеву, предупредить их о походе Гандина и встретить последнего в районе Никольского около 28 июня. В распоряжении Аша-Балашовской организации имеется 5 пулеметов, 300 винтовок и несколько ящиков патронов,—все это зарыто в земле. Место Романов знает.

Романов в прошлом году служил в Красной Армии, затем (по его словам), будто бы перебежал на сторону белых, служил в городе Кургане в 4-м Кадровом полку, во 2-й роте. Затем будто бы уехал в отпуск в Белый Ключ, где живут его родители, оттуда ушел к красным, где был комиссаром 1-го Тверского полка. Во время отступления был оставлен в Белом Ключе будто политкомом 28-й дивизии Вихаревым для связи с Аша-Балашовским заводом. Последнее время служил в конном отряде Гандина.

При отступлении Вихарев выдал ему удостоверение, что он оставлен по болезни. Переправляясь на нашу сторону, он получил от Гандина 1.000 рублей сибирскими деньгами, которые будто бы оставил в Белом Ключе у матери и тестя. Недели 2—3 тому назад был в Аша-Балашовском заводе, вел переговоры от имени Вихарева и Гандина с организаторами завода. В заводе боевая дружина примерно насчитывает до 100 чел. рабочих.

По его словам, севернее Аремного, будто бы находятся части 30-й дивизии, которой приказано загнать белых в горы. В районе Белого Ключа у лесника укрывается 20 красноармейцев, которые имеют спрятанными у того же лесника 5 винтовок.

Романов обещал завтра, 17 июня, выдать этих красноармейцев, лесника, 5 винтовок и тех четырех агентов, которые с ним должны следовать на Аша-Балашовский завод. Эти 4 агента будто бы должны уже притти в Каменный Лог. Сведения о неприятельской армии дал в штабе 44-го полка, копия показаний и донесений командира 44-го полка прилагается.

Предположение—с рассветом выехать с Романовым, дабы подтвердить его показания, а затем ехать с ним на Аша-Балашовский завод для ареста Веснина и Чернышева и захвата пулеметов и винтовок.

Копия с копии верна: Заведующий Разведкой Штадива Самарской, поручик (подпись).

6. ВЕСНОЙ 1919 ГОДА.

Большой перерыв в работе Сиббюро начался с момента потери Уфы и отхода к Волге. Обстановка была такая, что думать о проникновении в Сибирь не приходилось. В это время мною была получена от Л. Д. Троцкого телеграмма, в которой мне предлагалось отказаться от перехода в тыл противника «За бесрпедметностью» и вступить в Реввоенсовет пятой Армии.

Стояла задача обороны Самары, Казани. К апрелю 1919 года мы были почти на той же линии, как в начале минувшей зимы.

Силы всех коммунистов армии уходили на то, чтобы привести армию в порядок.

В эти месяцы, вплоть до нового нашего наступления, Сиббюро никого не посылало в тыл противника, и от Сибири был полный отрыв.

К маю положение сильно изменилось. Армии были пополнены, замечался какой-то надлом у противника. Все чаще и чаще стали переходить на нашу сторону колчаковские солдаты. Мы их посылали в наш запасный полк, стоявший в Сызрани.

Комиссаром этого полка был как раз тот же Михаил Чистяков, который зимой работал в Сиббюро.

Шла борьба за Урал. Противник отходил по всему фронту.

В Бугульме, где стоял теперь штаб пятой Армии, далеко от города, на запасных путях, в маленьком вагоне расположился аппарат—Сиббюро. Мы подготовляли теперь к посылке в тыл противника маленькие группы товарищей для дезорганизации движения по жел. дороге.

Теперь работать стало значительно легче. Снег сошел, можно было скрываться в лесу все лето. А за лето мы надеялись овладеть Уралом.

Одним из первых ушел Миньярский отряд. Следом за ними прошла группа подрывников под руководством тов. Гаранина. Они ушли дальше Миньяра. Там, в тылу противника, они узнали,

что из Екатеринбурга на Златоуст пройдет поезд Колчака, объезжавшего фронт.

Гаранин задумал взорвать этот поезд. Несколько дней отряд скрывался в лесу, около Каслинского завода, вблизи которого они наметили взорвать мост.

Поезд Колчака, действительно, двигался на юг. Но мост охранялся караулом. В ту ночь, когда ожидался проезд Колчака, наш отряд решил напасть на караул и бесшумно с ним покончить.

Дело, однако, не вышло так, как они хотели. Караул поднял тревогу, началась стрельба, и нашим товарищам пришлось уйти в лес. В лесу они растеряли друг друга. Часть их, проскитавшись несколько дней, вышла, в конце концов, в наши расположения.

Но Гаранин был арестован. Белые вели его с собой при отступлении. После сдачи Златоуста они его расстреляли.

В Челябинске к нам впервые пришли посланные от партизан. Сначала пришел юноша из отряда Мамонтова. Это был крестьянский парень, считавший себя, как и всех партизан, большевиком, но ничего не слыхавший о коммунистической партии. Он осветил нам положение в Алтайской губернии и в Кузнецком бассейне.

Следом за ним пришел с Дальнего Востока пожилой человек, бывший матрос, сосланный в свое время на поселение, Андрияшкин. Он дал нам наиболее полную картину состояния Сибири к весне 1919 года. От него мы узнали о силах партизан от Славгорода до Благовещенска. Его никто к нам не посылал, он шел по собственной инициативе, дабы дать нам информацию, и, давши ее, немедленно отправиться назад. Он прошел обратно через Новониколаевск, оттуда свернул в Щегловскую тайгу, где действовал отряд Шевелева-Лубкова; передал ему одну общую для всех партизан директиву от РВС пятой Армии—бить по Сибирской магистрали. После этого он пошел к Щетинкину в Минусинский уезд. Следы его затерялись на востоке. Я не сомневаюсь, что он погиб где-то под Иркутском от руки отступавших белых.

Однажды в Челябинск к нам явился пожилой крестьянин из Омской губернии. Он принес мирские приговоры нескольких волостей. Эти бумаги были спрятаны у него в палке, сердцевина которой была выжжена. С наивностью детей под этими приговорами подписались собственными полными именами уполномоченные нескольких десятков сел. Когда он передал мне эту бумагу, я, взглянув на нее, прямо оцепенел: ведь он нес смертный приговор своим доверителям. Если бы он возбудил подозрение у какого-либо разъезда, документ был бы найден наверняка: палкой

в это время обмануть было невозможно, а затем последовал бы неизбежный расстрел.

Этот документ затерялся, а он был очень характерен и интересен. Можно было по нем определить, как представлялась крестьянину Советская власть и чего он от нее ждал.

Мы продержали «депутата» несколько недель, дали ему ознакомиться с нашими порядками, намерениями, литературой. Затем достали ему лошадь, сани. В полозьях саней (высверленных) он повезет в свои деревни литературу. На словах он получил приказ поднять восстание к югу от Омска и двигать крестьянскую массу на Омск, в то время как мы будем подходить с запада. Все это он выполнил.

После я не раз встречал его в Омске на съездах и на разных собраниях. Он вступил в партию: было ему лет около 55, не меньше. Любил он говорить на антирелигиозные темы. До этого он был не то баптистом, не то штундистом. У слушателей он пользовался неизменным успехом.

Эти новые приходившие люди не имели связи с городскими организациями; они были представителями восставшей деревни.

Из Челябинска одной из последних пошла группа в шесть человек, подобранная Б. Шумяцким. Это были очень квалифицированные работники, которые могли бы проделать большую работу. К сожалению, им не удалось всем вместе перейти фронт, как это было задумано. Двое из них все же проскользнули. Но времени для работы у них оказалось мало: Красная Армия шла быстро, почти обгоняя наших товарищей.

Один из перешедших фронт, уралец Воробьев (и ныне здравствующий), ехал под видом спасающегося от большевиков мелкого купчика. На своих остановках в деревнях он оставлял для меня записки, которые крестьяне передавали затем нам. В них он остроумно рассказывал о своих неудачах: никак не мог оторваться от красных. Только переедет линию белых, как последние уходят дальше на восток. Он их снова обгоняет, а на следующий день на их месте красные. Промучившись так от Уфы до Златоуста, Воробьев, в конце концов, плюнул и поехал в Екатеринбург, занятый к тому времени третьей Армией, на обычную работу.

Что же дало в конечном итоге Сиббюро и оправдало ли оно те жертвы, которые партия понесла, посылая в тыл Колчаку своих лучших людей?

Я думаю, что жертвы оправданы. Мы в пятой Армии хорошо знали состояние тыла противника. Это отчетливое представление

о состоянии Сибири давало нам уверенность во всех решениях Реввоенсовета пятой Армии. Помимо учета общего состояния Сибири, мы знали положение в отдельных городах. Приходя туда, сразу разыскивали нужных людей. Создание революционных комитетов значительно облегчалось. А это было очень важно, именно в первые дни восстановления Советской власти, когда всюду царит всеобщая неразбериха и хаос.

Работа Сиббюро была строго законспирирована, о ней знали немногие товарищи, непосредственно соприкасавшиеся с ней. Даже члены Реввоенсовета далеко не все знали.

Как-то уже после Польской кампании меня спросил М. Н. Тухачевский, с которым мы работали в пятой Армии с марта до ноября 1919 года: каким образом мы знали о том, что делалось в тылу Колчака, что давало возможность бить противника наверняка. На это я мог ему ответить: мы это знали главным образом через Сиббюро.

К. ТУМАНОВ.

ЗА СОВЕТСКИЙ УРАЛ.

(Воспоминания миньярского рабочего.)

При занятии Симского Округа войсками чехов, отдельные рабочие разбежались по лесам; комиссары заводов и другие активные товарищи ушли тоже в леса. Очень скоро на заводах появились технические руководители, которые работали на заводе до национализации. Появился также бывший главный управляющий и главный эксплоатататор Симского Горного Округа, инженер Умов, приступивший к частичным работам на заводе. Рабочие, затаив ненависть к возвратившимся эксплоататорам, стали к станкам. С восстановлением нелегальной организации нам удавалось успокоить рабочих и вселить в них надежду на скорое возвращение Соввласти.

С приближением к Симскому Горному Округу чехо-словацких войск, я получил от Локацкова устное предложение взять из окружной кассы деньги и отправиться на своем паровозе в Уфу под предлогом, что мы эти деньги везем в банк, а часть их — для размена к расчету рабочим. Захвативши деньги, я, Локацков и комиссар Аша-Балашовского завода на своем паровозе отправились в Уфу, где встретили начальника штаба Самарской Красной Гвардии, который заявил нам, что чехо-словаки заняли разъезд Дему и нам придется, пожалуй, сдать Уфу. В это время Локацков уехал в город, а мне было предложено итти на пароход, где находились все уфимские работники, и эвакуироваться в Казань. Я это и сделал, но в Казань не поехал, а поехал в Екатеринбург в Горный областной отдел, где товарищу Сулимову, председателю областного отдела, сделал доклад о положении Симского Горного Округа. После этого меня назначили комиссаром лесов Усть-Сылвицкой, Серебрянской и Ишимской дач. Дано было задание выгрузить и доставить в Богословский завод 6.000 кубов дров. Через недолгое время Екатеринбург был сдан, и войска чехо-словаков подошли к Усть-Сылвецкому заводу. С большим трудом я выполнил полученное задание; затем был сдан и этот завод, и мы переехали в Вятку. Проживши в Вятке 5 дней и получивши

известие, что Уфа занята пятой Армией, я обратился в свой отдел и стал просить, чтобы меня отправили в свою губернию; меня командировали в Уфу с мандатом по организации губернских и лесных отделов. В Уфе я встретился с Локацковым, Ф. И. и Гузаковым, П. В. Локацков мне сказал:

— Вот, хорошо, что приехал, нам нужен человек, могущий пойти через фронт в Симский Горный Округ к нашим, которые скрываются в лесах, и взять деньги, которые мы увезли с тобой из кассы Симского Горного Округа. Деньги эти надо отправить подпольной организации в тыл противника.

Дали мне отдохнуть два дня, после чего направили к Ив. Ник. Смирнову и Голощекину, от которых я получил задание и мандат на маленькой беленькой тряпочке, вшитой мною в шапку. Получивши от тов. Смирнова 200.000 рублей денег, я отправился из Уфы для перехода фронта. Хотя с местностью я и был знаком, но все-таки пришлось взять с собой проводника, чтобы дойти до межи Балашовской дачи Симского Горного Округа. Через посредство знакомого кузнеца, проживавшего на Манегоре (70 в. от Уфы), мне удалось найти проводника, которого я спросил, желает ли он меня провести на Лимезинскую дачу. Он меня стал спрашивать: «Зачем тебе». Я сначала ему не сказал. Но, узнав, что он был арестован белыми и бежал из-под ареста, я ему открыл, что я—рабочий Аша-Балашовского завода и пробираюсь к своим товарищам. Он посоветовал мне итти на лыжах. Сговорившись с ним, я дал ему 500 рублей, чтобы он мне купил лыжи. Он принес их мне и сказал:

— Я человек семейный, мне нужно обеспечить семью на то время, что я прохожу с тобой.

Тогда я ему дал 1.000 рублей, и на второй день утром мы отправились в путь. Пройдя верст семь, мы стали приближаться к татарской деревне Середняя Лимеза, и я заметил на дороге двух вооруженных кавалеристов.

Говорю своему проводнику:

— Нужно взять левее на Крутой Поворот, тут едут казаки.

Должно быть, казаки догадались, что это—чужие; они остановились, сняли винтовки и дали залп. Одна пуля прожужжала мимо моих ушей. К моему несчастью, мой проводник был крепок на слух. Подошедши к нему ближе, я тронул его; он оглянулся, и я увидел его испуганное лицо. Когда мы стали уходить, казаки дали новый залп. Мы в это время спускались уже в раздолог, и казаки потеряли нас из виду. Скоро мы вышли па не-

известную нам дорогу. Отойдя около 100 саженей от этой дороги, я увидел четырех всадников; тогда я говорю:

— Трофим, это, наверное, разведка.

Мы остановились, обернулся я назад, смотрю на дорогу, которую мы перешли, выехали два всадника. У меня мелькнула мысль, что нам надо уходить в сторону, но, как с одной стороны, так и с другой, всадники подъезжали к нам, а близко около нас леса не было.

Тогда я решил итти прямо по дороге, но у меня в кожаной сумке, висящей на мне, лежало 200.000 рублей. У меня мелькнула мысль: если меня будут обыскивать и найдут эти деньги, то убьют. Я, не долго думая, снял с плеч лыжи, как будто бы стал исправлять хомутик, нагнулся и в это время взял деньги из сумки и положил их в голенище катаных сапог. Тут же к нам подъехали два всадника, которых я видел раньше. Это были казаки. Ничего не сказавши мне, они поехали к встречным, которые тоже приближались.

Когда они съехались и мы стали подходить к ним, по этой же дороге показалось еще 8 человек казаков; один с ними шел пешком. Пеший оказался военнопленным. Он рассказывал казакам, что в наших войсках идет полнейший развал. Пензенский полк, как он выразился, не идет в наступление и требует жалованья. В этот момент оборачивается ко мне один из казаков и говорит:

— А ты куда, старик, идешь?

А второй ему отвечает:

— Разве не видишь, что это—красный шпион, они ведь ходят только на лыжах.

Я им на это говорю:

— Зачем так оскорблять, нужно сначала спросить, кто и откуда и зачем сюда попал.

— Ну, тогда рассказывай,—приказали мне.

Я стал рассказывать, что я—беженец и живу три года на Манегоре, а работаю в этих лесах Балашовской дачи на ободном заведении в местности Курышка. Тогда мне задают вопрос:

— А кто на Манегоре?

— Красные,—отвечаю.

— Как же ты тогда сюда попал?

Я им отвечаю, что я пошел к Манегоре к своему семейству, прожил там два дня, а в это время красными войсками была занята наша местность, и мне пройти оттуда без пропуска было невозможно; обращался в штаб Красной Армии, который мне

категорически отказал, а дожидаться, когда отойдет фронт, мне невозможно, потому что я считаюсь подрядчиком этого ободного заведения и у меня находится 80 человек рабочих; я и решил итти не по дороге, а на лыжах.

— А второй кто?

— А второй—мой рабочий, постоянный житель Манегоры.

Нас все же взяли и повели в белогвардейский штаб. Дело приближалось к вечеру. Впереди ехал конный казак, а мы с лыжами на плечах следовали за ним. На одном из поворотов я, подмигнув своему товарищу, надел лыжи и спустился по горке в лес. За мною последовал и Трофим. Преследовать казаки нас не могли, так как снег был глубокий, а лыж у них не было. Стрелять же в лес из-за темноты было делом безнадежным.

Долго плутали мы по лесам, скрываясь от белых; в конце концов, я прибыл в углежегную дачу Виляй в 25 верстах от Аша-Балашовского завода.

Через два часа ко мне явился куренной мастер Романов, которому я предложил немедленно съездить в Аша-Балашово и привести ко мне председателя завкома тов. Фокина.

В ожидании Фокина я стал расспрашивать о положении завода и о положении рабочих, какое настроение рабочих и можно ли мне в заводе пожить приблизительно с месяц. Меня уверяют, что вполне возможно. Приехавший тов. Фокин обещает достать нужные документы. На вопрос мой о состоянии завода и о положении рабочих тов. Фокин ответил, что рабочие ждут и не могут дождаться красных войск. С приближением красных войск настроение рабочих улучшается.

На следующий день тов. Фокин прислал за мной лошадь с тов. Сулиловым, Н. П., который мне привез документы, удостоверяющие, что я заведующий ободного Курышкинского завода. Документ этот был выдан управлением Аша-Балашовского завода, а после выяснилось, что тов. Фокин сознался ему в том, что этот документ нужен для Туманова, который де находится сейчас в Виляе.

После того как я прожил в Виляе двое суток, меня тов. Сулилов увез в Миньяр на завод. Поздно ночью меня привели к моему товарищу Стукину, который в это время жил нелегально у своего тестя Рудакова. Следующей ночью для меня нашли квартиру у товарища Чертова Петра. Привели меня в какой-то двор и сказали:

— Вот тут, под этой печью, есть вырытая яма. У нас находится 30 человек в квартире, но они не ходят в эту избенку, и в случае, если кто будет стучаться, ты должен спрятаться под этой печью.

Через тов. Чертова я вызвал тов. Фатеева Федора и спросил его, где находятся бывшие комиссары Симского Округа: А. С. Коржаков, Заикин и Сорокин. Тогда тов. Фатеев говорит:

— Завтра утром придешь ко мне на квартиру, и я тебе дам проводника, с которым ты найдешь этих товарищей.

На второй день утром тов. Фатеев меня с проводником отправил на свою пасеку, где меня проводник оставил со словами:

— Вот тут дожидайся, часов в восемь утра они должны притти сюда за хлебом.

Прошло полчаса, и я увидел, что на просеке показался человек на лыжах. Я тогда дал условный свисток; показалось еще шесть человек. Я пошел по направлению к ним. Они стали приближаться ко мне. Когда мы сошлись, они мне стали задавать вопросы, как я сюда попал? Я им говорю:

— Меня прислали к вам выгнать вас отсюда, чтобы вы тут без дела хлеб не ели, и отобрать у вас деньги Симского Горного Округа, на которые я имею документы.

Пошли мы на пчельник к тов. Фатееву и там сделали маленькое заседание; они мне заявили, что пойдут со мною обратно через фронт. Они мне рассказали о том, что у них организована ячейка коммунистов, председателем которой является тов. Новиков. Возвратившись на завод, я именем И. Н. Смирнова приказал тов. Новикову передать деньги по назначению в Усть-Катавь, Вязовая, Златоуст, Челябинск, Омск, а также организовать связь с этими районами. Кроме того, я поручил Новикову каждую неделю провожать через фронт партию товарищей.

Через три недели мне дали сведения, каким товарищам передали деньги и как установлена связь. После этого я решил отправиться обратно через фронт в Уфу.

Доехал я на лошади опять до куренного Косырева. Обратно я не решился итти один, и мне тов. Косырев указал одного татарина. Отправился я обратно на лыжах с этим татарином. Дойдя до деревни Лимезы, я узнал, что наши красные войска с Манегоры отступили приблизительно на 50 верст ближе к Уфе, и мне, значит, проходить через фронт невозможно.

Я вернулся обратно на углежегные печи Виляй. Был вечер. Подходя к первому жилому помещению, я увидел, что у ку-

ренного Косырева стоит несколько запряженных лошадей. Я зашел в рабочие казармы, где было 8 человек рабочих-рубщиков, все татары, которым я был хорошо известен. Они мне говорят:

— Тов. Туманов, здесь к куренному Косареву приехала контр-разведка; вот стоят лошади, на которых они приехали, а они отправились на другие печи Кисляр, которые находятся отсюда в 8 верстах.

Я спрашиваю:

— Что же они здесь делают?

— У них сбежал из штаба наш куренной рабочий, который ходит здесь по куреням с винтовкой и грабит, вот здесь у нас в Виляе был ограблен военнопленный, который ушел в Ашу, нажаловался в штабе, и вот сюда приехала контр-разведка и разыскивает этого рабочего.

Я подумал, что этот рабочий не настолько глуп, чтобы дожидаться их на следующих печах, а он уйдет дальше; контр-разведка по этой дороге больше не вернется, а она должна возвратиться в Ашу другой дорогой. Меня накормили ужином, и я прилег на нары. Полежавши минут 15, слышу треск по дороге. В это время мать моего проводника вбежала с улицы, подошла ко мне, бормоча что-то по-татарски.

Я понял, что вернулась контр-разведка, махнул ей рукой,— мол, ложись, теперь что сделаешь!

Старуха легла на нары; в это время открываются двери, влетает в казармы прапорщик, в одной руке плеть, в другой—браунинг, и говорит:

— Прибавьте свету!

Вошел еще один солдат, который спросил:

— А здесь есть Гермизиан?

Гермизиан был тот татарин, который меня провожал до Лимезов. Показался Гермизиан и спрашивает:

— Что надо?

Офицер кричит:

— Иди сюда ко мне! отдай одеяло! отдай часы! отдай деньги!

Я сразу почувствовал, что это не по моему делу.

Впоследствии выяснилось, что этот Гермизиан помогал грабить военнопленного; когда его прапорщик стал бить плетью, он сознался.

В это время ввели куренного рабочего. Прапорщик говорит:

— Ну вот, твоего грабителя поймали, сказывайте, где деньги и часы, где винтовка?

Тут начали их избивать. Я в это время лежал, не вставая. Прапорщик велел арестовать Гермизиана и отвести его в Аша-Балашовский завод в штаб; трое солдат вывели этих двух преступников на улицу.

В это время прапорщик подходит к рабочим-рубщикам, начал над ними махать плетью и говорит им:

— Вы такие же грабители,—эти грабят, а вы их припимаете.

Рубщики ему отвечают:

— Нет, ваше благородие, мы все фронтовики, недавно вернувшиеся из германского фронта, и мы только работаем, а Гермизиана мы увидели только сегодня,—он находился на пчельнике в сторожах.

Тогда прапорщик подходит ко мне и говорит:

— А ты, кажется, русский?

Я в это время привстал, зажимая спину и притворяясь больным.

— Да, русский.

Он на меня замахнулся плетью.

— И ты такой же грабитель, а еще пожилой человек! Притаился тут и укрываешься.

Тогда я встаю на ноги и говорю ему грубым голосом:

— Я извиняюсь, господин прапорщик, прежде чем оскорблять пожилого человека, нужно сначала спросить, кто он такой? Я не меньше вашего защищаю народные права,—я работаю на военную оборону, несмотря на возраст. Живу с 80 человеками рабочих в лесу, грызу сухие корки и уговариваю рабочих, чтобы они работали для пользы народа. Рабочие несколько раз отказывались от работы, а я все-таки остался.

На вопрос, кто я такой, ответил:

— Я уже вам сказал, что я—подрядчик Курышинского ободного завода и сюда пришел только час тому назад, переночевать. Я имею документ; если вам угодно, я сейчас этот документ вам покажу.

Как только прапорщик вышел, я, не медля, оделся и отправился этой же ночью приблизительно верст за 15 к знакомому товарищу на пчельник.

Дождавшись там утра, я вызвал из Аша-Балашовского завода лошадь и отправился обратно в завод Миньяр, где, созвав своих товарищей, объяснил им, что я не мог пройти. Мы решили сорганизовать отряд и итти через фронт, в крайнем случае, по такой дороге, где имеются небольшие заставы колчаковских войск.

Поручили организацию отряда молодому коммунисту Василию

Грачеву, который с другим товарищем приступил к работе и создал отряд в 150 человек.

Мы имели 75 винтовок и на каждую винтовку по 60 патронов.

Тогда я им указал сборный пункт на углежегных печах, по названию Моховое. С этих печей отряд на лыжах отправился со мной по направлению к деревне Тереклы.

В это время наши красные войска заняли село Никольское, куда мы и должны были пройти. Для осторожности я решил провести его такими дорогами, чтобы не задеть застав колчаковских войск. Шли мы целый день на лыжах; погода была мокрая. Дойдя до деревни Тереклы, где нам нужно было взять направление вправо, мы получили сведения, что в деревне Маркелово заставы нет и можно пройти без боя.

Утром, когда стало светать, я взял направление по намеченному мною пути. Пройдя целый день, некоторые начали обмораживаться. Затем ночью мы вышли на какой-то сгоревший хутор, где нашли только уцелевший сарай. В этом сарае развели огонь и тут провели ночь. На другое утро отправились дальше и к вечеру вышли в село Никольское к нашей пятой Армии, где были встречены торжественно. Штаб оказал нам всякое содействие в смысле продовольствия, и на лошадях нас отправили в г. Уфу, где все товарищи-лыжники были переданы в распоряжение пятой Армии. Впоследствии из них был организован отряд лыжников.

Я был отправлен в распоряжение председателя Губернского Уфимского Совнархоза тов. Локацкова. По эвакуации Уфы я работал на Тимашевском заводе, формально представителем по приемке военных повозок от интендантства пятой Армии. Моей задачей было во время отступления остаться в названном заводе для разведки в тылу противника. В моем распоряжении оставили также 8 человек сотрудников, которые уже были разбросаны по некоторым местам Бирского и Белебейского уездов; они должны были мне передавать все, что делается в колчаковской армии, а я по проводу, брошенному по реке Кинель, должен был передавать в штаб пятой Армии все, что узнавал от своих сотрудников. Но, благодаря энергичному наступлению пятой Армии, отступить не пришлось. Я был назначен Ревсоветом по организации конного отряда особого назначения и отправлен в город Мелекес, куда прибыл из Кронштадта отряд подрывников под командой тов. Гаранина, переданный в мое распоряжение. Командиром конного отряда был назначен тов. Гузаков. По распоряжению Ревсовета, в мае месяце нам дали зада-

ние отправиться в тыл противника в Симский Горный Округ. Доехавши с поездом до станции Будзяк, мы отправились по направлению к деревне Охлыстино, которая находится на реке Белой. Подъезжая к названной деревне, мы были встречены политкомом 27-й дивизии тов. Гончаровым, который передал нам, что только что из этой деревни выгнали колчаковский отряд. Переночевав в названной деревне, утром, совместно с тов. Гончаровым, мы направились на берег, где уже был готов плот и 2 взвода красноармейцев были уже переправлены на правую сторону реки Белой. За ними переправили и наш отряд.

В этот же день ушли мы в тыл противника на 35 верст. В деревне Федоровке мы выдали себя. Когда мы въезжали в эту деревню, мы не заметили, что на мельнице есть застава, которая после нашего проезда вернулась в свой штаб в следующую деревню. Когда к нам заявились двое казаков, мы уже заняли под свой «штаб» квартиру. Тов. Гузаков изображал прапорщика, я фельдфебеля, а тов. Коржаков, А. С.—делопроизводителя штаба. Последний засел за стол с бумагами. В это время к нам вошли два казака, отдавая честь и называя тов. Гузакова «ваше благородие»; казаки заявили, что они такого-то полка и присланы ихним командиром для связи. Они сообщили, что им передали ихние заставы, что в дер. Федоровку зашел какой-то эскадрон, неизвестный им. В заключение казаки сказали, что они ожидали из гор. Бирска конный эскадрон, и поэтому полагают, что наш эскадрон и явился к ним на помощь. Мы им ответили:

— Хорошо, братцы, идите в другую комнату, посидите немного, а потом мы одного из вас оставим здесь, а одного своего и вашего пошлем в ваш штаб.

Не прошло 10 минут, как явилось еще двое казаков, которым мы также велели обождать. Через 5 минут явились к нам из нашей заставы, которая была оставлена с приказом—в деревню пускать всех, а из деревни—никого. Нам сообщили, что вблизи этой деревни показалась цепь человек около 80.

Мы отдали отряду распоряжение спешиться и выступить за деревню. Отряд вышел за деревню и рассыпался в цепь по околице. Прождав приблизительно полчаса, мы увидели, что цепь противника без боя начала вперебежку отступать.

После этого мы снова вернулись в деревню и решили отступить и итти другой дорогой. В этот же день вечером мы отступили приблизительно верст на 20 в деревню, название которой не помню, уже занятую нашими войсками. На второй день мы взя-

ли на 15 верст выше и подошли к реке Уфимке к перевозу Красная Горка, где как раз в это время на паром вступил противник.

Переночевав в деревне, на второй день мы увидели, что паром уже сожжен и армия Колчака уже отступила на левую сторону реки Уфимки, а оттуда палила беглым огнем на правый берег, сама не зная в кого.

При нас отрядами белых были сожжены две деревни. Ночью мы попробовали сделать переправу на деревню; нам удалось с той стороны вызвать какого-то крестьянина на лодке. Он нам рассказал, что лодки некоторые потоплены, а некоторые на той стороне сожжены. Тогда мы его спросили, есть ли кто в этой деревне. Он нам ответил, что в конце деревни шесть человек белогвардейцев стоят на заставе. Я дал ему 500 руб., чтобы он нам доставил еще две лодки. Получив от меня деньги, он отправился обратно на другую сторону и вернулся оттуда с каким-то молодым человеком на двух лодках. Тогда мы отправили вперед своих шесть человек, которым поручили снять заставу белых и дать сигнал к переправе. Вскоре после переправы мы услышали выстрелы. Минут через 15 наши опять вернулись и сказали, что придется отступать, потому что мы себя обнаружили; они сейчас уже наготове, и у них имеются лодки. Тогда мы этой же ночью отправились еще выше по реке Уфимке и, встретив по дороге свою часть 132-го полка, известили командира, чтобы он к утру прислал два взвода красноармейцев. По приходе этих двух взводов мы их поставили против заставы белогвардейцев в деревне Арюмная, и эти заставы завязали между собой перестрелку. На той стороне была крутая гора. Мы же во время этой перестрелки переправились на правую сторону реки Уфимки и немедленно заняли эту гору, взяв с собой проводника, старого лесника. На вторые сутки он нас привел к какому-то кордону и говорит: «Дальше я, товарищи, не знаю, а я сейчас позову вот этого кордонщика, и он вас поведет дальше». Мы очень быстро договорились с кордонщиком, и он повел нас по направлению к горе Каратава. По трактовой дороге с Красной Горки тянулись бесконечные обозы белогвардейцев. Встретившись с белогвардейцами, мы заявили им, что мы—ихние, и попросили остановить обоз, чтобы дать нам возможность пробраться через дорогу. В просьбе нашей они не отказали, и мы благополучно поехали дальше.

Утром проводник у нас сбежал. Мы послали одного из товарищей на высокую лесину, он оттуда все рассмотрел и сказал, что Каратава от нас будет верст за десять, и мы поехали по

направлению к ней. Проехав часа 4, мы выехали на неизвестную нам дорогу, которая нас привела к громадному полю, и мы увидели в леске прячущегося от нас татарина, которому немедленно приказали остановиться.

Подъехав к нему, мы спросили его: «Где мы находимся и кто ты такой?». На вопрос он ответил, что их здесь 8 человек рабочих и живут в казарме, верстах в четырех. Захватив его с собой, мы поехали к этой казарме, где застали татар.

Назвавшись белыми, мы сказали, что мы ездим по лесам и ловим дезертиров, которые сбежали с фронта и не хотят воевать.

Один из татар заявил, что он—старшина, и что приехали они сюда спасаться от Красной Армии.

Одного из татар, знакомого с местностью, мы решили забрать, чтобы он провел нас к горе Каратава, но татарин отказался один сопровождать нас, и мы скомандовали всем татарам сесть на лошадей и ехать с нами. По нашему разговору они поняли, кто мы, потому что наши товарищи называли друг друга товарищами, а не братцами. Приехав на гору Каратава, названную Балашовской Межой, мы почувствовали себя дома и отпустили татар.

Рассмотрев все с горы в бинокль, мы увидели впереди нас знакомый курень по названию Тройчатка и отправились туда. К вечеру мы были в казарме куренного Мартынова, который нам заколол двух своих баранов, накормил и выдал из своей кладовой овса нашим лошадям. Отдохнув сутки, мы двинулись дальше по направлению к деревне Миньково, где находились колчаковские отступающие войска, к Миньярскому заводу. Приехав на речку Миньяр, мы остановились и одного из товарищей отправили в село Бианку, чтобы он вызвал оттуда надежного товарища пасти наших лошадей. Оставив некоторых товарищей с лошадьми, мы, спешившись, отправились ночью по просеке по направлению к Миньяру. У утру мы пришли на гору Воробьиную, находящуюся в 7 верстах от завода Миньяр, и, расположившись в нежилой казарме, в тот же день поставили на горе приемник радио, который мы перевезли с собой через фронт. Тут же расставили полевые телефоны. Мы объявили миньярцам о своем местонахождении и предложили провести добровольную мобилизацию.

На второй день к нам пришли 4 товарища из Миньярского завода, которые сказали, что охотников итти к нам много и нужно назначить сборный пункт.

Мы указали, чтобы они собрались около речки Миньяр, и для

встречи их назначили тов. Коржакова А. С. Кроме того, мы отправили одного товарища в село Бианку, чтобы он к нам привел нескольких товарищей, которые согласились бы нас вести дальше в тыл противника. Тут же выделено было 20 товарищей из отряда подрывников под командой тов. Гаранина и отправлено под Златоуст для взрыва Кусинского моста Уральской железной дороги. Отряд захватил с собою 30 пудов пироксилина.

В тот же день были отправлены два отряда подрывников под командой тов. Гузакова для взрыва моста вблизи Усть-Катавского завода через реку Юрюзань Самаро-Златоустовской жел. дороги. Но этот мост взорвать тов. Гузаков не решился, ввиду его громоздкости и большой величины, а отправился обратно к станции Симской и в трех верстах от Симской взорвал мост в 11 сажен через речку Ералку. Но надо сказать, что взрыв был не совсем удачным и задержал белогвардейское отступление поезда только на двое суток.

Вернулся обратно тов. Гузаков, когда уже около нас собрались около 300 человек миньярских рабочих. Командиром этого партизанского отряда был назначен рабочий Симского Горного Округа тов. Фатеев М. Т. и помощником его—тов. Соколов И. Г., которых отправили для действия в тыл противника.

Скоро слух о хождении рабочих партиями по лесу в районе Миньярского завода дошел до белогвардейских войск, стали появляться сначала небольшими отрядами человек в 5—6, а потом и целыми ротами каппелевцы с казаками, имевшие целью найти группировавшихся рабочих и, как можно было иногда слышать, показать им «Кузькину мать».

Долго ждать им не пришлось. Около Гремяченской казармы произошла первая схватка между рабочими, никогда, по большей части, не державшими в руках винтовки, и отрядами казаков. Было решено во что бы то ни стало пробить дорогу и выдворить поселившихся белогвардейцев из Гремяченской казармы. Под командой тов. Соколова был отправлен первый взвод в количестве 30 человек. Скоро заметили около нас разъезд казаков человек в 20, часть которых, очевидно, собиралась куда-то уезжать, так как садилась уже на лошадей. Медлить было некогда. По ним дали несколько залпов и подняли такую панику около казармы, что казаки бросились в разные стороны, не дав даже ни одного выстрела. Казарму, конечно, мы заняли, забрали оставленное после их бегства продовольствие и, между прочим, печать эскадрона, забытую на столе казармы. Эта схватка пока-

зала нам, что дальнейшее наше пребывание в этом районе небезопасно, с другой стороны, нужно было скорей пробиваться навстречу идущим к нам красным войскам, а потому на следующий же день решено были итти по направлению к Балашовскому заводу. Находились храбрецы, которые говорили, что нужно пойти и нашим отрядом занять Миньяр, но, не имея точных сведений, где находится красный фронт, решено было этого не делать, а рано утром полным составом, за исключением Туманова и нескольких товарищей, двинуться по направлению к Балашовскому заводу. Не доходя до Гремяченской казармы, мы увидели человек 40—50 казаков и часть пехоты. Итти дальше без боя было нельзя. Нужно было во что бы то ни стало пробиться. Рота разделилась; один взвод пошел отрезать дорогу от казармы к поселку Мини, другой—захватил дорогу к Миньяру, а два остальные, под командой Фатеева и Соколова, при подаче условного сигнала, когда дороги отступления будут отрезаны, должны были повести наступление на казарму. Приблизительно через $^1/_2$ часа мы услышали сигналы наших взводов и начали продвигаться цепью к казарме. Не доходя шагов 70, мы встречены были сильным залпом из ложбинки, около казармы. Мы ответили и начали быстро двигаться вперед. Когда наша цепь и цепь неприятеля были совсем близко друг от друга, послышалась команда командира казачьего отряда об обходе нашего правого фланга. Медлить было некогда, мы дали несколько залпов и с криком «ура» бросились в штыки. Как только они услышали команду «в атаку», цепь их в панике бросилась бежать, а за ними растерявшиеся казаки. Вот тут-то уже, вероятно, вдоволь насладился каждый стрелок из партизан: казарма, обоз, часть лошадей, пленные были у нас в руках; а через несколько минут все бежавшие еще раз испытали, как расправляются рабочие партизаны со своими врагами, так как были встречены на пути отступления нашими двумя взводами и отрядом конных под командой тов. Гузакова.

Через час весь наш отряд был уже в сборе и двинулся дальше с трофеями. Погода сильно испортилась в течение последних двух дней; пришлось двигаться под сильным дождем, но не было слышно ни одного слова ропота. На третий день мы были уже в районе Аша-Балашовского завода, около Репных Печей, где на горе и расположились провести ночь.

Ночью наши посты доложили, что на дороге через Репные Печи началось какое-то сильное движение; оказалось, что это шли отступающие войска с обозами; по ним мы и заключили,

что красный фронт близко, медлить нельзя, и мы задались целью отрезать обоз. Было решено с наступлением утра это сделать. Распределились мы таким образом: конный отряд, под командой Гузакова, со взводом пехоты, под командой Изева, должен был отрезать из середины более выгодную часть обоза и завернуть ее по дорожке в ущелье на горную дорогу на Баскак; второй и третий взводы, под командой Фатеева, Т. П. ударяют в задние части и прикрывают завернутый обоз, а четвертый взвод, под командой Соколова, находится в резерве на случай обратного отступления в Ашу около Репных Печей.

Прошло около часа томительного ожидания; наконец, пошел обоз с оружием и пулеметами; его-то нам было и нужно. Раздались наши первые выстрелы, им ответило несколько пулеметов с возов и беспорядочная ружейная стрельба,—началась паника. Белогвардейцы бросили обоз, бежали, отстреливались, и, в результате получасового боя, до 56 подвод обоза с оружием, бельем и 60 кухнями, телефонами, обмундированием и частью с делами Симского Горного Округа было в наших руках.

Все отбитое было направлено на гору. Но мы чувствовали, что этим, конечно, дело не кончится; обоз с пленными и двумя взводами был уведен далеко в глубь горы, а остальные два взвода, под командой Соколова, были оставлены в прикрытии, с таким расчетом, чтобы, в случае погони, задержать наступающих. Взводы были размещены по двум хребтам так, чтобы можно было далеко видеть всякое движение погони, которая могла быть по дорожке, проходящей между хребтами в самом узком месте. Была быстро установлена телефонная связь с разместившимся в расстоянии $1^1/_2$ верст обозом и двумя ушедшими взводами. Прошло около часа—казалось, все утихло. Но вот пост на большой дороге около Репных Печей дал сигнал о движении на нас каких-то частей войск. И тут все увидели приближение их. В первом отряде кто-то нес красный платок и махал нам. Мы предположили, что нас хотят обойти этой красной тряпочкой, так же как мы обходили белых, когда бились с ними, имея у себя пашитые погоны. Вот уже первые из них подошли к нашему часовому в узком проходе между хребтами и кричали: «Здорово, товарищ».

Медлить было нельзя, так как вдали движение по дороге на нас продолжалось. Командир взвода Соколов с двумя товарищами соскочил с хребта к часовому и по команде «руки вверх» предложил прибывшим сдать оружие. После упорных доказательств со стороны прибывших, что они красные, они были

обезоружены и направлены на гору. Обезоруженных было 9 человек, при чем тому, который выдавал себя за командира красного батальона, предложено было прекратить движение на нас его частей—в противном случае мы откроем огонь. Под конвоем трех наших он отправил одного к Репным Печам с наказом остановить движение.

Движение действительно остановилось. Прошел напряженный лихорадочный час. Мы уже начинали подумывать, что попали в переделку, но отправленные нами возвратились, и тов. Гузаков объявил, что это—первые ласточки красных войск, которые шли к нам на помощь, узнав, что отряд рабочих Симского Горного Округа вступил в бой с отступающими войсками. Громкое несмолкаемое «ура» раздалось по хребтам, пулеметные залпы подхватили радость рабочих партизан по случаю встречи с красными войсками. В эту же ночь наш отряд влился в регулярные части красных войск, в 234-й полк, и повел наступление на Миньяр, который через сутки был в наших руках.

П. С. ИВАНОВ И И. Е. ПЛЮХИН.

В ПЯТОЙ АРМИИ.

(Воспоминания уральских железнодорожников.)

Мы, как железнодорожники, Иванов П. С. и Плюхин И. Е., Уральским Областным Комитетом РКП (б) в январе 1919 г. были командированы в Москву в распоряжение ЦК РКП, а оттуда в распоряжение Уфимского Губкома.

13 февраля 1919 г., по прибытии в Уфу, мы были брошены в железнодорожные мастерские для ускорения выпуска паровозов из ремонта и организации партийных ячеек. Нам в самом непродолжительном времени удалось под руководством жел.-дор. Райкома организовать 13 ячеек во всех цехах и мастерских. Мастеровые и рабочие во время царствования Колчака испытали белогвардейскую нагайку; порка плетьми происходила непосредственно в мастерских и на глазах у всех рабочих. Теперь всем было ясно, кто прав, кто виноват, защищать ли колчаковщину или пойти за коммунистической партией. Поэтому нам нетрудно было организовать 13 комячеек, объединявших до 300 человек. Работа в мастерских оживилась. За две недели было выпущено 6 паровозов из среднего ремонта.

В последних числах февраля 1919 г., когда фронт находился около ст. Аша-Балашовская, в Уфу прибыло 150 рабочих Миньярского завода. Миньяр находился в руках колчаковских банд. Миньярцы сообщили, что у них в заводе имеются спрятанными несколько орудий и пулеметов и около 200 винтовок.

Наблюдение за рабочими в Миньяре было очень бдительное; ежедневно были порки. Наиболее активные рабочие решили перейти фронт и влиться в пятую Армию.

В Уфу пришло 150 человек, по дороге многие обморозились, переход был труден. 80 человек было положено в больницу с отмороженными руками и ногами. В конце февраля, перед началом марта 1919 г., предполагалось наступление пятой Армии; в то же время ожидалось прибытие на фронт Колчака.

Тогда было задумано сорганизовать отряд, пройти в тыл противника, перервать железную дорогу и поднять восстание на Южно-Уральских заводах. Такой отряд в 300 человек был создан, и нас туда послали. В этот отряд вошло 70 чел. миньярских рабочих. Закипела подготовительная работа, и за довольно непродолжительный срок отряд был готов в поход. Иван Никитич Смирнов, как инициатор, решил стать во главе этого отряда, и перед отрядом—в большинстве там были коммунисты—встал вопрос, брать или не брать Ивана Никитича в поход; в конце концов, решили не брать, но Иван Никитич все же решил стать во главе отряда. В назначенный день отряд погрузился и отправился верст на 50 параллельно фронту. По прибытии на место назначения, в деревню Старо-Кулево, отряд в боевом порядке готовился отправиться в тыл противника с целью отрезать главный путь от ст. Миньяр до ст. Аша-Балашовская. Главной нашей задачей было захватить бронепоезд.

В то время как мы подошли к линии боев и готовились перейти фронт, было получено из Реввоенсовета сообщение, что, правее нас, красные части не выдержали натиска белогвардейцев и вынуждены были отступить. Белые прорвались в наш тыл, и получилась паника; началось общее отступление и, к нашему великому сожалению, наш поход был отменен; было решено отряд влить в 26-ю дивизию.

Мы были откомандированы немедленно обратно в Уфимские мастерские. Отступление меж тем начало принимать серьезный характер. Нам приходилось наблюдать за эвакуацией железнодорожного имущества и заниматься подготовкой боевых отрядов из рабочих Уфимских мастерских. Мы добивались того, чтобы все большие паровозы и вагоны были срочно отремонтированы. За три дня до сдачи г. Уфы нами был организован отряд в 1.200 чел. сознательных рабочих Уфимских мастерских, каковой и был передан в распоряжение пятой Армии. Имея непосредственную связь с Реввоенсоветом и Политотделом пятой Армии, а также с Иваном Никитичем Смирновым и тов. Голощекиным, мы были информированы подробно о натиске белогвардейских войск.

Ремонт паровозов и вагонов не останавливался, и оставшиеся рабочие работали без отдыха, не выходя даже из депо, круглые сутки.

Но паника усилилась и охватила как город, так и железнодорожные районы.

Райком, профсоюз железнодорожников и часть железнодорож-

ной администрации поспешили выехать 10 марта, т.-е. за три дня до сдачи Уфы.

В эти дни у нас получился отрыв от Реввоенсовета; мы, работая безвыходно в мастерских и депо, не знали об отъезде железнодорожной администрации, хотя отсутствие распорядительности давало себя чувствовать. Работа по эвакуации подходила к концу; нам было дано последнее задание, чтобы к 12 час. ночи, с 12-го на 13 марта, было подано 12 вагонов и паровоз для эвакуации больных и раненых красноармейцев, что нами и было сделано. В мастерских оставалось два паровоза, сборка которых подходила к концу; наше внимание было сосредоточено на этих двух паровозах; к 6 час. утра был готов один паровоз, второй предполагалось выпустить к 12-ти час. дня 13 марта; когда заправили готовый паровоз, я. Иванов, отправился сообщить станции о готовности паровоза. К моему удивлению, состав, отправленный с больными красноармейцами, оказался на станции. Оставшаяся администрация службы движения уже перекрашивалась в белый цвет. На наш вопрос: «почему состав не отправлен?» мне ответили, что белые уже у станции Чишма бьют красных и не сегодня-завтра будут в Уфе.

Я сообщил о случившемся тов. Плюхину, и мы решили проверить эти сведения. Мы направились в Реввоенсовет, но узнали, что он эвакуировался в 12 час. ночи на 13 марта.

На обратном пути в мастерские мы заметили два разведывательных отряда казаков. Совместно с рабочими мы стали портить оставшиеся в мастерских паровозы.

В 12 час. дня 13 марта мы незаметно вышли из мастерских. Проходя по городу, из разговоров публики, которая вышла для встречи белых, мы узнали, что казаки спешат занять единственный путь, по которому можно еще выйти, это—Стерлитамакский тракт. Когда мы вышли на середину реки Белой, по направлению Стерлитамакского тракта, сзади нас открылась ружейная стрельба; оказалось, что в одном из домов на берегу Белой со стороны Уфы была засада казаков человек до 30, и они открыли стрельбу по презжающей нашей артиллерии.

Внезапное появление казаков навело панику на отступающую артиллерию,—получилась сумятица. На задней подводе сидел пулеметчик, он не растерялся и открыл стрельбу из пулемета по наседающим казакам и тем самым прикрыл отступление артиллерии. Человек 12 казаков пулеметным огнем было сброшено с лошадей и осталось лежать на реке Белой, осталось лежать

также 5 человек артиллеристов, зарубленных шашками казаков. После того как окончательно был отбит противник, батарее предложено было направление держать на ст. Давлеканово.

В штабе пятой Армии нам было предложено немедленно отправиться на Волго-Бугульминскую дорогу с целью выяснения причин задержки движения поездов.

По прибытии туда, 22 марта, нами было обнаружено, что поезда в среднем делают 5 поездо-верст в час, станционные пути забиты поездами разного груза, администрация ко всему относится спустя рукава, партийные организации слабы.

Бугульминская партийная организация в то время объединяла всего 25 членов партии. На станционных элеваторах и пакгаузах Волго-Бугульминской дороги находилось до 2.000.500 пудов хлеба, к вывозу которого не приступали; отправление поездов главным образом тормозил слабый ремонт паровозов. Паровозы по незначительному ремонту простаивали в депо от 3 до 5 суток, в пути паровозы под поездами охлаждались из-за течи дымогарных труб и т. д.,—все вместе взятое создавало такие условия, что, при натиске белых, не было никакой возможности рассчитывать на полную эвакуацию имущества и хлеба.

В первую очередь нам нужно было создать твердое коммунистическое ядро, на которое можно было бы опереться. С этой целью был переизбран Ревком, устроено несколько партийных и беспартийных общих собраний по мастерским и депо ст. Бугульма; мы завербовали несколько членов в партию, и таким путем железнодорожная организация стала насчитывать уже до 50 человек. Затем мы решили назначить отдельных ответственных товарищей для контроля за выпуском из текущего ремонта паровозов и вагонов и за своевременным отправлением поездов; мы также восстановили институт комендантов станций по всей линии до Мелекеса. Между собой мы распределили обязанности таким образом: Иванов взялся следить за точным исполнением ремонта и подачей паровозов под поезда и за работой по мастерским; Плюхин же работал по вагонной части; ему был поручен технический осмотр вагонов, подаваемых под нагрузку хлеба, наблюдение за погрузкой и своевременное уведомление станции о готовности маршрутов. Через пять-шесть дней станция была очищена и весь груз был направлен в Симбирск в распоряжение Управления Волго-Бугульминской ж. д.

Из Симбирска и всей линии В.-Б. ж. д. был запрошен порожняк для эвакуации хлеба.

В одном элеваторе и пакгаузе станции Бугульма находилось до 800.000 пудов хлеба.

Для его погрузки необходимо было найти людей.

С согласия местных организаций мы провели мобилизацию населения, и погрузка достигла такого успеха, что в сутки отправляли до 13 поездов с хлебом в сторону Симбирска, меж тем белогвардейское прихвостье старалось всячески тормозить нашу работу. Стали наблюдаться такие случаи у паровозных бригад: по получении путевки на паровоз, бригада заявляла, что неисправен инжектор или—еще хуже—текут дымогарные трубы. В вагонных буксах, при осмотре перед отправлением поезда, находили песок и разные железные обрезки. С нашей стороны был усилен контроль; с поездами стали посылать специальных проводников, но и это устранило только часть препятствий. Машинисты додумались до такой наглости: во время остановки, когда помощник и кочегар осматривают и мажут подвижные части паровоза, машинист, пользуясь отсутствием бригады на паровозе, закрывает передний паровой винтель инжектора левой стороны и приводит его в негодность; затем он возвращает путевку станции и просит паровоз отправить в депо для ремонта. Мне, Иванову, раз пришлось при помощи оружия заставить машиниста поставить питательный клапан на место и исправить, таким образом, инжектор; через десять минут поезд был отправлен с другим машинистом, а виновник порчи паровоза был передан агенту Чека для допроса.

Когда противник был в 40 верстах от Бугульмы, эвакуация хлеба уже закончилась. Мы решили все силы бросить на промежуточные станции: Дымка, Клявино, Погрузная, где сразу усилилась погрузка хлеба. Но и тут без препятствий не обошлось: станция отправляет маршрут, а следующая станция по аппарату передает, что время вышло, а поезда все нет; в таких случаях приходилось брать паровоз и ехать на выручку маршрута; подъезжаешь к поезду на перегоне, а он стоит без прислуги и с охлажденным паровозом; тогда вытаскиваешь состав на следующую станцию, при помощи рукава вновь заправляешь охлажденный паровоз и приводишь его в действие; из ремонтных рабочих организуешь паровозную кондукторскую прислугу—и поезд опять готов к отправлению. Несмотря на чинимые со стороны контрреволюции препятствия, все же весь хлеб с Волго-Бугульминской дороги был эвакуирован своевременно.

Противник быстро продвигался вперед: пятая Армия сильно

порастрепалась и не в силах была оказывать достаточное сопротивление противнику. Фронт образовался у гор. Мелекеса на реке Черемшанке; здесь, благодаря разливу реки, противник был задержан.

По прибытии на фронт тов. Троцкого части приняли боевой вид.

В это время нас перебросили в Симбирск очистить путь частям, едущим на фронт. Здесь мы опять столкнулись с серьезным противодействием со стороны агентов жел. дороги, но все же с большим трудом через 3 суток путь через Симбирск был очищен и войска беспрепятственно продвигались на фронт; а через 8 суток станция Симбирск принимала и отправляла все поезда нормально.

По прибытии на фронт пополнения, силы пятой Армии окрепли, в некоторых местах наши части перешли в наступление, противник не выдержал нашего натиска и начал отступать.

В это время солдаты-крестьяне белогвардейской армии начали сдаваться нам в плен, и бо̀льшая часть из них стала в ряды Красной Армии. Началось преследование белых.

Противник, отступая, производил полное опустошение железнодорожных зданий, мостов и ж.-д. полотна. Для восстановления мостов был сформирован специальный поезд под руководством тов. Гутмана. Мы вошли в состав этого поезда; быстро восстанавливали мосты и руководили движением поездов на фронтовой линии.

Затем мы были отозваны из отряда в распоряжение крестьянской секции Политотдела Армии. В задачу крестьянской секции входила политическая работа среди крестьян занимаемых нами областей, а также ведение кампании по добровольной сдаче овса, оставшегося после посева. Крестьяне почувствовали друга в лице Красной Армии и выносили постановления о том, что весь остаток овса после посева следует сдать Красной Армии. В следующие дни крестьяне уже вереницей стояли у приемочного пункта в Бугульме со сдачей овса. Через 10 дней кампания с успехом была закончена, и армия была обеспечена фуражем. В конце мая была вторично нами занята Уфа; при отступлении противник взорвал мосты через реки Белую и Уфимку; таким образом наша армия осталась абсолютно без подвижного состава; положение создалось тяжелое. Нас из крестьянской секции отозвали в распоряжение Начвосо 5; Иванов был назначен комендантом станции Шакша, у реки Уфимки, а Плюхин—комен-

дантом станции Бердяуш, на реке Ай. Прежде всего нам было необходимо выяснить, какой подвижной состав находится в нашем распоряжении между взорванными мостами железнодорожной линии. Оказалось, что в нашем распоряжении 60 вагонов и 2 паровоза, которые были собраны в депо Корпачево. Этим наличием подвижного состава мы вынуждены были делать переброску войск на фронт в сторону Златоуста до реки Ай (ст. Дундуш), где войска срочно разгружались, и состав немедленно возвращался на ст. Шакша. По мере восстановления шаланд на реке Уфимке для переброски вагонов и паровозов мы получили подвижной состав; но этого было недостаточно, ибо в первое время шаланды могли перевозить до 8 вагонов в сутки и только потом они перебрасывали до 30 вагонов, но и этого состава нехватало, так как войска стали прибывать на ст. Шакша в большом количестве. Части, в порядке получения состава, ожидали до 8 суток.

Надежд на восстановление Уфимского моста никаких не было, так как одна ферма моста в 50 саж. была в воде, а две остальные были сбиты с моста и требовали для восстановления много времени. Подняли вопрос о постройке нового деревянного моста на протяжении 280 сажен; в 29 суток мост был сделан. Оказалось, что полного состава в 30—40 вагонов по мосту пропустить нельзя; составы выводились на два раза. По восстановлении моста улучшилось движение поездов и этим самым была дана возможность быстро перебрасывать части войск и преследовать отступающего противника.

По восстановлении движения через реки Белую и Уфимку мы были переброшены от Начвосо 5 в распоряжение 35-й дивизии пятой Армии; она преследовала противника под городом Петропавловском. По прибытии в распоряжение 35-й дивизии нас послали вслед за полками дивизии для восстановления власти Советов в селах и станицах. Эта работа нами была выполнена с успехом. От Петропавловска до Омска нами было сорганизовано до 50 сельских и волостных советов.

По прибытии в Омск мы были отозваны Политотделом пятой Армии в распоряжение Реввоенсовета 5 и назначены в гор. Татарск. Иванову, как коменданту станции, было поручено все прибывающие части пятой Армии немедленно погружать в эшелоны и направлять в сторону Новониколаевска для преследования противника; Плюхину, как члену Ревкома, было поручено восстановить гражданский порядок в городе.

Через 12 часов после взятия гор. Татарска нашими войсками мы вступили в исполнение порученных нам обязанностей. Быстрое маневрирование и переброска наших частей не дали возможности противнику взорвать поезда и железнодорожные здания, и, благодаря этому, в нашем распоряжении на ст. Татарск осталось 500 товарных вагонов, 2 санитарных поезда и 8 паровозов. Немедленно было дано распоряжение сформировать поезда, и, по мере предъявления требований частей на погрузку, составы немедленно представлялись. За 6 суток было погружено и отправлено 39 поездов. Кроме того, необходимо отметить, что при взятии ст. Татарск в железнодорожном здании оказалось до 3.000 белогвардейцев, больных тифом. Смертность доходила до 35 чел. в сутки. Необходимы были срочные меры к изоляции тифозных больных от выздоравливающих; необходимо было достать нательное белье, продовольствие и помещения, вроде изоляционных пропускных пунктов и т. д.

Немедленно было приступлено к изысканию средств для открытия питательных и изоляционно-пропускных пунктов. Была создана чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом; в ее распоряжение были отданы все здания на железной дороге и в городе, а также железнодорожные и частные бани. Не остался пассивным и священник железнодорожной церкви: он попросил разрешения устроить молебен и прочесть проповедь о любви к ближнему среди верующих с целью собрать пожертвования нательного белья и других продуктов. На другой день после молебна в распоряжение комиссии было доставлено этим священником до 500 комплектов нательного белья и порядочное количество съестных продуктов. Люди, ухаживающие за больными, заражались тифом, и некоторые из них простились с жизнью.

И мы также не избегли этой участи: мы вынуждены были оставить свою работу и слегли, побежденные тифом. По предложению Реввоенсовета и Начвосо 5, нас уже хотели перебросить на станцию Новониколаевск, но тиф не позволил этого сделать. Потом нам разрешен был месячный отпуск для восстановления здоровья, и на этом закончилась наша работа в славной пятой Армии.

И. С.

ВО ВРАЖЬЕМ СТАНЕ.

Летом 1919 года Красная Армия вторично заняла Уфу. Через несколько дней мне пришлось туда приехать по делам армии.

Среди обычной в такие дни неразберихи и сутолоки одно явление остановило мое внимание: в штаб 25-й дивизии были доставлены с фронта два человека, переходившие к нам со стороны противника.

Мы ждали вестей из Сибири, думали, что это наши товарищи, но с первых же слов при свидании с новыми людьми было ясно, что они могут быть кем угодно, только не коммунистами.

По виду рабочие или провинциальные мещане, они знали Златоустовских рабочих, но связей с коммунистами у них там не было.

И держались они как-то странно: полусвоими. Мне потом не раз приходилось встречать таких полусвоих людей из бывших или настоящих эсеров, активно начавших выступать против колчаковщины и пытавшихся установить с нами, т.-е. с Советскою властью, какие-то особые отношения, вроде договорных.

В то время в Уфу приехал левый эсер Максимов, с которым мы раньше вместе сидели в тюрьме и ссылке. Я попросил его присмотреться к этим непонятным людям. Через пару часов разговора с ними Максимов зашел ко мне и поделился своими впечатлениями; по его мнению, это были правые эсеры, но зачем они к нам пришли, он сам не понимал.

Новые и непонятные люди сказали, что они ожидают еще нескольких товарищей, и когда соберутся, то могут нам сделать какое-то сообщение.

Пришлось отправить их в штаб пятой Армии в Бугульму, где их сначала опросил начальник разведывательного отделения тов. Гольцман и, не добившись результатов, передал их в Особый Отдел.

Особым Отделом в то время ведал ленинградский рабочий

Сухачев; вот он-то на допросе и узнал одного из таинственных незнакомцев, а именно: руководитель всей группы перешедших был весьма известный ленинградский эсер Семенов, с которым тов. Сухачев раньше работал на заводе Эриксон.

Семенов был не только видным эсером, но и близким родственником одного коммуниста, занимавшего и сейчас занимающего ответственный пост в республике. По совокупности всех этих обстоятельств Семенов был чрезвычайно недоволен своим арестом и настаивал на телеграфном сообщении в Москву о своем у нас появлении.

Однако нравы в пятой Армии были в то время очень грубые. Сухачев никому телеграммы посылать не стал, а предложил рассказать по чистой совести, что̀ нужно Семенову, зачем к нам пришел, и недвусмысленно намекнул, что дальнейшая игра в молчанку может для Семенова и его приятелей кончиться очень быстро и очень плохо.

И вот что рассказал в Особом Отделе Семенов: да, они—правые эсеры, активно боровшиеся с Советской властью за учредительное собрание. Судьба сделала их союзниками буржуазии и офицеров-монархистов. На Урале и в Сибири эти союзники ликвидировали эсеров, арестовали и разогнали Комитет учредительного собрания; на место «Комуча» сел Колчак. И они, активные борцы учредительного собрания, решили отомстить своим прежним союзникам. Но как?

Всякое движение против колчаковщины становилось неизбежно под знамя Советской власти; всякий протестант, партизан называл себя большевиком.

Они не могли организационно слиться с нашими зарубежными товарищами прежде всего потому, что те им не верили. И вот они придумали такой план мести своим врагам: они поступят на службу к Колчаку в контр-разведку; получат задание, перейдут в наш тыл, а здесь откроются нам и, уже по нашим заданиям, пройдут в тыл противника и принесут нам интересующие нас сведения.

В колчаковской контр-разведке их основательно прощупали и пустили к нам, возглавив группу в 11 человек офицером Григорьевым.

Все они скоро появились в наших расположениях и были водворены в Особый Отдел пятой Армии.

Семенов достал из одежды зашитые явки и шифр, полученные от начальника контр-разведки 3-й армии полковника Шохова.

Шифр был написан на маленькой, не более полутора вершков, четырехугольной бумажке и назывался... «Власть».

Перед нами была трудная задача. Довериться таким людям, конечно, было нельзя; обезвредить их теперь уже ничего не стоило. Но было страшно соблазнительно ухватиться за эту нитку, идущую прямо из штаба противника, и пробраться к нему в святое-святых, в контр-разведку.

После долгих колебаний мы приняли решение: всех эсеров и офицера Григорьева поместили на одной квартире с Сухачевым, дабы иметь за ними постоянное наблюдение.

Составили донесение полковнику Шохову и зашифровали его шифром «власть». В этом первом нашем «докладе» мы сообщили, что мост через р. Уфу взорван белой армией при отступлении (белые и сами это хорошо знали), что подходят подкрепления к пятой Армии (на самом деле их не было) и прочее,—все весьма правдоподобное, но в то же время не отвечающее действительности.

К «докладу» приложили комплект нашей агитационной литературы, которой особенно интересовался полковник Шохов.

Это «донесение» понес эсер Перепелкин. Он был пропущен нашими войсками, а явившись в неприятельские линии, назвался разведчиком, и его с величайшей поспешностью отправили в штаб 3-й армии.

Полковник был очень рад первым удачным опытом своей затеи, но литература наша его огорчила; он сознался Перепелкину, что белые не умеют, как следует, писать, и в этом он видел наше преимущество. Ему казалось, что все дело в литературном подходе,—более глубоких причин нашего влияния на армию он так и не понял до самого конца войны.

Перепелкин пробыл у Шохова только два дня и вернулся к нам с новым заданием, новыми явками и деньгами.

Дело в том, что, отступая, белые оставляли в различных городах своих агентов и конспиративные квартиры, служившие для связи и явок их новым агентам.

На такой явочной квартире раньше был арестован офицер Григорьев, так как эту явку нам сообщил Семенов.

За все время переписки с Шоховым мы получали все новые и новые явки. Устраивая там засады, Особый Отдел вылавливал агентов Шохова, шедших уже по другим, не связанным с эсеровскою группою, линиям.

За три месяца нашей игры с Шоховым было арестовано 80 его агентов и вся сеть белых контр-разведчиков была ликвидирована.

В своем новом задании Шохов прежде всего сообщал нам, что в Сибири идет мобилизация и Колчак перейдет на-днях в наступление. Повидимому, он считал необходимым морально поддерживать нас.

Затем из его задания мы увидели, что кое-что о нашем тыле ему известно; так, он спрашивал, как широко идут волнения в Самарской губ. А там, действительно, были кулацкие восстания, правда, к моменту запроса Шохова уже прекратившиеся.

Потому-то и было важно как можно быстрее раскрыть всю шпионскую сеть противника.

Деньгами полковник не обижал нас. Перепелкин принес нам сведения о состоянии армии Колчака, более точные, чем те, что сообщал Шохов. Мы видели, что борьба еще далеко не кончена, что противник еще силен.

Еще два или три раза Перепелкин путешествовал через фронт. Его ловкость и удачливость особенно нравились Шохову, и он пообещал Перепелкину производство в первый офицерский чин.

Затем мы пустили к Шохову коммуниста. Это был уральский рабочий, очень топорный человек. Когда я его спросил, за кого же он себя выдаст полковнику, товарищ ответил: «За прапорщика». На прапорщика он похож был очень мало.

И тем не менее и он удачно справился с задачей. Полковник оставил ночевать его в своем кабинете, очевидно, в надежде, что новичок будет рыться в столах. Однако этого не случилось, и Шохов, уверившись в нем как во вновь завербованном Перепелкиным работнике, особенно тепло проводил его обратно к нам.

Эта посылка людей к противнику шла все время непрерывно и имела то преимущество перед другими видами разведки, что посланные проходили оба конца с исключительной быстротой.

Наши части их пропускали, а противник считал тоже своими и доставлял в свой штаб экстренным порядком.

Опасность была громадная. А где ее не было? Эта опасная игра кончилась зимою 1919 г. в Красноярске, когда Колчак уже был арестован чехо-словаками в Нижнеудинске и, в качестве заложника, увезен ими в Иркутск.

В Красноярске осталось много белых офицеров. Сейчас же после занятия города была объявлена регистрация офицерства; в одном из отделений зарегистрировался офицер Шохов, как начальник штаба одной из бригад.

Сухачев, просматривая списки, наткнулся на слишком знакомую фамилию и вызвал Шохова к себе. Явился средних лет офицер.

Сухачев с места в карьер спросил Шохова, знаком ли он с офицером Григорьевым, Перепелкиным, Семеновым и другими и не узнает ли он шифр «Власть».

У Шохова выступил холодный пот.

— Кто же вы будете? Начальник штаба бригады или еще кто?

Тогда Шохов вышел из столбняка и прошептал:

— Я—начальник контр-разведки 3-й армии.

Сухачев ему рассказал, как ликвидировалась вся разведывательная Шоховская сеть, шедшая от Челябинска до самой Москвы, и как арестованные выдавали друг друга.

На это Шохов ответил:

— У Колчака не было идейных людей, а были люди авантюры и легкой наживы.

Полковник Шохов был отправлен вместе с другими опасными пленными в Москву.

И. СМИРНОВ.

МИЛЬДА ТУРЕНЬ.

Гражданская война породила огромный энтузиазм в рабочем классе, а боевая обстановка выдвинула много смелых и самоотверженных товарищей.

Эта самоотверженность, смелость обычно проявлялись на виду у сотен товарищей какого-либо полка, батальона. Чувство непосредственной близости «своих» создавало психологическую обстановку, благоприятствовавшую энтузиазму: «на миру и смерть красна».

Но был один особый вид боевой работы, смертельно опасный, но без этой видимой моральной поддержки. Я говорю о работе в тылу противника.

Сюда шли исключительно преданные и самоотверженные люди. Большинство их погибало в ужасающих пытках у Колчака.

И вот на эту страшную опасность шли в большинстве очень незаметные, рядовые рабочие, а среди них были и работницы.

Об одной из них я и хочу рассказать.

Мильда Турень, фабричная работница г. Риги, была в 1914 году за принадлежность к с.-д. организациям выслана в Нарым.

Там я ее впервые и увидел.

У нее было тяжелое детство. Отец ее, батрак, работал у «серых баронов»—богатых крестьян, а она тоже с 13 лет работала в помещичьих экономиях и у крестьян.

Тяжелый мужицкий труд лег на слабые детские плечи, и, как следствие его, у нее медленно, но неуклонно развивался туберкулез.

Как она попала в город и на фабрику, как вошла в организацию—не знаю.

В Нарым Мильда пришла, должно быть, 18—19-летней девушкой живой, веселой, «хохотушкой» и с огромной жаждой учиться.

Времени для этого было достаточно в ссылке.

Но было мало книг.

Не доедая, она отрывала от казенного голодного пособия рубли и выписывала себе книги.

Жили все в Нарыме плохо. 1917 год освободил Мильду из ссылки. Она приехала в Москву и работала в Баумановском районе.

Когда началась гражданская война, Мильда, конечно, очутилась на фронте.

Нам нужно было установить связь с товарищами, сохранившимися в сибирских городах, и через них получить необходимые для нашего командования сведения о силах противника и о настроениях среди рабочих и крестьян Сибири. Для этого нужно было перейти фронт, скитаться с сомнительными документами в неприятельских расположениях, разыскивая товарищей тоже по сомнительным адресам.

Тот, кто попадался, на волю уже не выходил, а обычно после допросов с пытками погибал. (В докладах Колчаку начальника контр-разведки я читал: «под сильным давлением такой-то назвал такого-то», а этим сильным давлением, например, в Челябинской тюрьме были иголки, загоняемые под ногти.)

Мильда была отправлена мною в четвертую Армию, а там, по заданиям Ревсовета, два раза переходила фронт. Была в Омске, устанавливала связь.

Из Челябинска она пошла через фронт в третий раз. На этот раз поручение было особо важное.

Дело в том, что находившиеся в колчаковской армии польские легионеры, числом около 20.000 человек, по мере нашего продвижения в глубь Сибири, начинали колебаться и искать примирения с Советской Россией.

Такое настроение было не только в их солдатской массе, но и среди командного состава, явно расколовшегося к тому времени.

И вот однажды наш фронт перешел один польский социалист, бывший каторжанин, и от значительной группы польских офицеров предложил пропустить легионеров через наши линии в Советскую Россию, а затем в Польшу.

Для выполнения этой задачи легионеры должны были занять участок фронта у Колчака и перейти к нам.

Переговоры с ним велись мною. Он дал мне адреса штабных офицеров и пароль к ним, и мною были посланы в Омск (штаб Колчака был в Омске) два товарища: Мильда Турень и Амосов— якут, ныне член ВЦИК и председатель Якутского Совнаркома.

Для нас успех задуманного перехода имел бы огромное зна-

чение: мы, во-первых, прорвали бы фронт противника в таком пункте, где он этого совершенно не мог ожидать; во-вторых, этот переход дезорганизовал бы войска Колчака и чехо-словаков, которых тоже было около 30.000 штыков.

К сожалению, у нас в это время обострились отношения с Польшей и надвигалась уже война с нею. Это обстоятельство дало перевес в офицерстве той группе, которая стояла за поддержку Колчака, и переговоры сорвались.

Наши товарищи добрались до Омска, прошли в штаб Колчака и разыскали польского офицера, но тот мог только пожалеть, что отношения Советской России с Польшей таковы, что вызывают у поляков сомнения, что мы их пропустим через свою западную границу.

Нашим ребятам не оставалось ничего иного делать, как только уносить ноги из Колчаковии.

К счастью, оба они благополучно добрались до Челябинска.

Кончилась война с Колчаком. Началась напряженная советская работа. Людей нехватало. Каждый работал за десятерых. Мильда работала при Сибирском Революционном Комитете.

Но прежняя жизнь сильно надломила ее организм, а хождения через фронт (подлинное «хождение по мукам») совершенно свалили ее. Однако она еще около года работала без отпусков.

Наконец, свалилась. Мы за своей работой и не замечали, как товарищ умирает, ибо видели ее всегда на работе, а когда заметили опасность—было уже поздно.

Отправили ее на курорт. Еще несколько месяцев прожила Мильда. Молодой организм отчаянно боролся за жизнь. Мильда страстно хотела жить, работать. Но... зимою 1921 года в далекой Киргизской степи, в селе Боровом, оборвалась жизнь Мильды, маленькой, незаметной работницы, самоотверженно и без сожаления отдавшей всю себя делу освобождения своего класса.

И. СМИРНОВ.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ СОВЕТОВ.

Что же было там, в Сибири, от которой нас отделяли густые ряды врагов, где за простую принадлежность к партии убивали и куда неудержимо шли и шли новые бойцы? Кто еще остался из наших друзей жив и кто погиб в застенках Колчака? И как шла там внутри неравная борьба между разбитой коммунистической организацией и торжествующей буржуазией?

Первая Советская власть в Сибири пала под ударами чехословаков—иноземной организованной вооруженной силы.

Это было знаменательно и многое определяло для вновь возникающей демократической власти.

Собственных сил для свержения Советов нехватило ни у демократии, ни у буржуазии; крестьянство к падению Советов отнеслось безучастно, местами враждебно.

В Омской губернии бежавших большевиков крестьяне хватали и выдавали чехам и казакам.

Советская власть в июне 1918 года по существу была только вдоль магистрали; деревня жила своей особой жизнью и управлялась комитетами времен Керенского.

Следовательно, аппарат власти в деревне мог весьма условно считаться советским.

В сибирской деревне были свои противоречия—между старожилами и переселенцами. Но сейчас эти разногласия не выплывали еще; деревня желала покоя и возможности работать, пока только, и кто бы ни пришел к ней со стороны с другими требованиями—становился ее врагом. Ей нужен был товар, ситец и железо, и тот, кто ей мог это дать, становился ее союзником.

А пока сибирское село молчало.

В Сибири была очень развита кооперация; она охватывала сотни тысяч крестьян. В кооперации исстари сидели меньшевики и эсеры, наиболее косные и обозленные Октябрьским переворотом.

В дни падения первой Советской власти кооперация выделила из себя людей для новой власти.

Антисоветская роль Сибирской кооперации того времени общепризнана и засвидетельствована, например, таким ярким правым эсером, как К. Колосов, в его книге: «Сибирь при Колчаке».

Уже значительно позднее, когда демократическая власть после нескольких превращений выродилась в военную диктатуру адмирала Колчака, кооперация в лице ее верхушки была с ним; даже тогда, когда армии Колчака были в октябре разбиты на Тоболе и Ишиме, когда все бежало из Омска и сам «верховный правитель» переносил свою резиденцию в Иркутск, когда Омск был накануне падения,—кооператоры вместе с социал-демократами группы «Единство», так называемый «Омский блок общественных и политических объединений», еще раз, и уже в последний, засвидетельствовали свою преданность неудачливому диктатору.

Торговопромышленная буржуазия в Сибири малочисленна. Она усилилась беженцами из Европейской России, обозленными на Советы и уже явно монархически настроенными.

К ним примыкало армейское офицерство, на крайнем правом фланге которого находилось казачье офицерство, потянувшее за собою рядовую казачью массу.

Эта офицерская группа, все эти Красильниковы, Анненковы, Волковы, Дутовы и Семеновы были наиболее активными противниками не только большевиков, но и демократии.

Сам Колчак в своих показаниях Следственной Комиссии считает их не только исполнителями переворота 18 ноября 1918 года, уничтожившего Директорию и возведшего его чуть ли не на престол, но и его авторами.

Эта определенно черносотенная группа не хотела никаких компромиссов, хотя бы и временных; они были такими же врагами учредительного собрания, как и Советов.

Когда начались крестьянские восстания, они же подавляли их с чудовищной жестокостью.

В то же время там, где они соприкасались с иноземной силой—на Дальнем Востоке, они, как Калмыков и Семенов, не задумываясь, продавались им, как продались они японцам.

В июньские дни все эти группы, от эсеров и меньшевиков до Семенова и Красильникова, создали единый антисоветский фронт под знаменем учредительного собрания.

И впоследствии Колчак, его министры и генералы в своих воззваниях неустанно говорили о созыве учредительного собрания; даже после того как господа офицеры убили членов учре-

дительного собрания—Новоселова и Фомина, а Колчак арестовал Комитет учредительного собрания, они продолжали твердить о его созыве,—походило все это на какое-то всенародное глумление.

Наиболее жалкую роль во всей этой реакционной вакханалии играли эсеры. Они, решивши на место Советов создать демократическую власть, через два месяца попали сами в тюрьму, куда раньше засадили коммунистов. Своими головами они заплатили за авантюру. Лучшие из них, П. Михайлов и Марков, были зверски убиты палачом Семенова, убиты дубинами и выброшены в Байкальское озеро.

Весь путь от демократии до диктатуры Колчака был проделан в четыре с половиной месяца. Для всех было ясно, что ни одна из приходивших к власти групп не обладает таким удельным весом, который ей обеспечивал бы прочное господство. Печать неустойчивости, временности лежала на всех правительствах, почти ежемесячно сменявших друг друга.

От своего зарождения до падения, за весь год сибирской контрреволюции, все эти правительства опирались на чужую силу: чехов, поляков, румын, итальянцев, англичан. Не было сибирского города, где эти европейские отряды не стояли бы. Англичане и японцы снабжали снарядами и патронами их армию, а временами фактическое руководство армией попадало целиком в чужие руки.

Если Калмыков и Семенов были слугами японцев, то Колчак в такой же зависимости был от Англии, на службу к которой он официально поступил, и приказания английских уполномоченных он без отказа выполнял.

Это была ничем не прикрытая интервенция.

Внутренняя слабость сменявших друг друга правительств, их разрыв с основной массой населения, крестьянством, и отсутствие какой-либо программы хозяйственной работы—били всем в глаза и толкали на восстания рабочих в городах и крестьян в деревнях.

Однако уже создавшийся государственный аппарат, при поддержке чехов, румын, казаков и офицерства, в первое время оказался сильнее наших разгромленных организаций.

Что оставалось партийного у нас в Сибири после падения Советов?

В двух крупных и ближайших к Уралу городах—Омске и Томске—было партийных сил меньше, чем дальше на Восток. Дело в том, что бо̀льшая часть активных работников из обоих

этих городов, после того, как определилась победа чехо-словаков, уехала на пароходах в Тюмень.

Остались, большей частью случайно, немногие, единицы таких, которые не растерялись в эти тяжелые дни и сознательно уклонились от эвакуации, решив начать подпольную работу.

В Красноярске и Иркутске товарищи погибли или в бою, или в тюрьме. Те, что уехали на пароходе вниз по Енисею, были, в конце концов, настигнуты белыми и перебиты. Среди них погиб очень интересный старый работник—Константин Кузнецов, еще в 1905 году привлекавшийся за восстание в Красноярске.

Н. Н. Яковлев.

Иркутяне отступили перед чехами в Забайкалье и там рассыпались. Возглавлявший «Центро-Сибирь»—так назывался руководящий советский орган—Н. Н. Яковлев уехал в Благовещенск.

Оттуда он осенью 1918 года с группой товарищей сделал безнадежную попытку выбраться на Лену и дальше. После мучительного перехода по тайге, не менее тысячи верст, они подошли к Олекминску. У них к тому времени вышли все продукты, и волей-неволей пришлось им заходить в якутские улусы. Якуты их и выдали казакам.

Ночью отряд в тридцать казаков, в сопровождении проводника-якута, подкрался к спящим в палатке шести нашим товарищам и открыл по ним стрельбу из винтовок.

Наши стали отвечать. Один из них выбежал из палатки и был наповал убит. Другой, Лыткин, успел убежать в лес.

Когда из палатки перестали отвечать на выстрелы, казаки кинулись в нее и шашками добили раненых, истекающих кровью коммунистов.

Утром к палатке вышел из тайги убежавший Лыткин. Он решил сдаться. Его тут же расстреляли. Так рассказали потом на следствии убийцы.

В этой группе в шесть человек находились крупнейшие и активнейшие работники «Центро-Сибири»: Кулинич—старый рабочий-большевик, еще в 1905 году игравший серьезную роль в забастовке и восстании в Москве; Лыткин—молодой офицер,

перешедший к нам в Омске в 1917 г.; но самым крупным был Н. Н. Яковлев, о котором я хочу здесь сказать несколько слов.

Он вошел в партию в 1905 году в Москве и работал сначала пропагандистом, потом организатором. После двухлетнего тюремного заключения он едет в Германию, поступает там на завод в качестве литейщика.

Из Германии, по заданию ЦК, Н. Н. возвращается в Москву, где ставит газету «Наш Путь». Его выдает провокатор Романов, и Яковлева высылают в Нарым. Он бежит оттуда, едет в Харьков, но там его опять настигает рука провокатора, и он снова возвращается в Нарым. Еще раз ему удается бежать,—это было накануне мировой войны,— и опять провокатор Романов его выдает, и снова он возвращен в Нарым.

До 1916 года мы все более или менее спокойно сидели в Нарыме, наблюдая за развертывающейся бойней.

Оторванность ссылки была велика, и многие товарищи растерялись. Очень видные и опытные работники, бывшие в то время в Нарыме, не верили в близость революции. Атмосфера в ссылке была тяжелая. Два молодых талантливых товарища по уговору покончили самоубийством. Это еще более придавило ссылку.

Н. Н. Яковлев был самым бодрым и жизнерадостным из нас.

Когда в октябре правительство решило брать беспокойных ссыльных в солдаты и отобрало в первую очередь шестнадцать человек, то попал и он в число их.

Перед нами встал трудный вопрос: итти или не итти? После долгих споров решили итти с тем, чтобы в армии вести агитацию против войны.

Это были не пустые слова. Тут же в Нарыме был выбран комитет будущей военной организации. Н. Н. Яковлев, конечно, вошел в него.

Тяжелый 500-верстный зимний путь—и мы в Томске. Казарма, муштра, изнуряющая глупая «словесность» и неослабное наблюдение.

Надо быть все время на-чеку.

Мы ставим подпольную типографию, и Н. Н. Яковлев пишет первую прокламацию «К маршевикам». Она расходится с большим успехом. Мы выпускаем другую, написанную им же,—«Голод»; связи разрастаются, организуется филиал в Новониколаевске, завязываются связи от Омска до Иркутска. Но приближается день нашей отправки на фронт, где, конечно, нас пошлют на верную смерть.

Н. Н. Яковлев начинает говорить, что можно поднять восстание в Томске. Конечно, это дело гиблое, но не все ли равно, где погибать?

Февральская революция, как гром, разразилась над нами. И вот Н. Н. Яковлев в центре событий. Он входит в «Комитет общественной безопасности»— первая революционная власть в Томске; работает в то же время в Совете Солдатских Депутатов и в Партийном Комитете.

Ненадолго едет в Петроград и возвращается в Сибирь. Здесь он организует Октябрьский переворот, создает «Центро-Сибирь», ведет борьбу с чехами, уходит в тайгу и в темную осеннюю таежную ночь погибает под пулями полудиких людей. Короткая и яркая жизнь, наполненная борьбой, устремленная к одной цели—освобождению трудящихся.

Он умер в полном расцвете своих сил, и в его лице партия и рабочий класс потеряли одного из тех людей, которые у нас считаются в партии не сотнями, а десятками, быть может, единицами.

Если Сибирь и раньше было трудно сплотить—громадные пространства, малочисленность рабочих, то после чехо-словацкого погрома от нашей организации остались осколки, единицы, затравленные, разыскиваемые хорошо их знающими эсерами.

Там, где начинала складываться новая власть,—в Томске, и Омске, было хуже, чем на востоке, где все же сохранилось людей больше.

Но все же те единицы, что остались после первых недель растерянности, начали вновь собирать силы.

Уже в июле в Томске образуется небольшая группа преимущественно бывших нарымских ссыльных и работников старой военной организации. В нее входят: Суховерхов, Малиновский, Сумецкий, Дитман, Васильев и другие.

Время было еще такое, когда не только крестьяне и мещанство, но в значительной части и рабочие относились к большевикам враждебно. Нужно было время, чтобы все они могли сравнить красных и белых, оценить и сделать окончательный выбор. А пока окружение было враждебное.

Первой задачей возникшей Томской организации было собрать уцелевших. Затем стали осторожно расширять свой круг; однако так, чтобы в случае провала одной группы другие оказались бы незадетыми.

Франц Суховерхов успел привести из Москвы деньги, поэтому работа значительно облегчилась.

В августе вышла первая прокламация. В то же время начинают протягиваться нити из Томска в Омск и Красноярск. Суховерхов ездит по этим городам, разыскивает уцелевших, подготовляет сибирскую конференцию.

В одну из этих поездок—в Красноярск—его арестовывают с литературой. Ему грозит расстрел.

Организация еще очень слаба. В ней все же только единицы, десятки. Тем не менее она готовит нападение на поезд, в котором были заключенные. Однако осуществить это безнадежное дело не удается: 15 октября 1918 года его расстреляли. Он перед смертью успел передать оставшимся на воле товарищам записку. Вот она:

«Дорогие товарищи, военно-полевым судом приговорен к смертной казни, которая будет приведена в исполнение через два часа. Умираю за социальную справедливость. Шлю привет. Франц».

В то время как в тюрьмах выводили на рассвете коммунистов на расстрел, снизу подымалась волна недовольства новой властью. Это движение шло стихийно и началось со времени объявления Сибирским правительством первой мобилизации.

Самым ярким и характерным выявлением его было восстание нескольких батальонов в красных казармах в Томске. Оно возникло независимо от нашей Томской организации.

Солдаты, захватив винтовки и патроны, вышли из казармы и бросились к тюрьме, в которой сидело несколько сот политических заключенных. Но какие это были политические? В огромном большинстве—люди случайные, без всякого партийного прошлого. Восставшие открыли тюрьму. Они искали большевиков-вождей. Но здесь они нашли только обывателей. Из нескольких сот заключенных, свободой решило воспользоваться только несколько человек.

У ворот тюрьмы разыгрывалась тяжелая трагедия: восставшие солдаты не находили руководителей. А в это время против них выступила школа прапорщиков. Короткая перестрелка—и мятеж подавлен.

Затем последовала жестокая расправа. Недалеко от казарм и тюрьмы есть вал. На этом валу были расстреляны восставшие. Не удовольствовавшиеся этим офицеры ворвались в тюрьму, вывели из нее около двухсот заключенных, несколько часов перед тем отказавшихся выйти из тюрьмы на свободу, и расстреляли их на том же валу.

Так кончилось первое выступление томских солдат, вспомнив-

ших, что еще недавно были где-то большевики, которые умели бороться с офицерством.

Это восстание было не единичным; восстания происходили во многих городах и были отражением перелома, происходившего в настроении деревни. Крестьянин начинал борьбу с реакцией и в казарме, и в селе. К этому же времени относится ряд местных восстаний: в Славгородском уезде, в Енисейской губернии и в Забайкальи.

Этот сдвиг был учтен повсеместно нашими организациями, и если раньше нельзя было в деревню показаться, то теперь деревня сама искала большевиков.

В августе 1918 года из Славгородского уезда от восьми волостей явилось в Омск шестнадцать человек делегатов по вопросу о сложении недоимок и о мобилизации. Не получив удовлетворительного ответа от Временного Сибирского Правительства, мужики пошли искать Совет Солдатских и Рабочих Депутатов и Комитет большевиков.

Они думали, что эти учреждения где-то открыто существуют, и спрашивали на улице у прохожих их адрес.

Какой-то веселый обыватель указал им на Омскую крепость, где помещался штаб контр-разведки. Они туда явились, были арестованы, подвергнуты избиению, после чего пятерых, как наиболее опасных, посадили в тюрьму, а остальных освободили.

И здесь крестьяне получили наглядный урок от торжествующей буржуазии и сделали неизбежный вывод, а в сентябре Славгородский уезд был весь охвачен восстанием. Крестьяне учились успешно.

Чем было недовольно крестьянство?

Прежде всего мобилизацией, затем взысканием налогов и недоимок за прежние годы. Но если бы Сибирскому правительству удалось преодолеть каким-либо образом это первичное недовольство, все же разрыв с крестьянством у него был неизбежен.

В своей земельной политике Колчак и колчаковцы обнаружили полнейшее непонимание интересов сибирских крестьян. Больше того и хуже—они пытались насадить крупную земельную собственность среди сибирских крестьян, давно забывших о помещике.

Сам Колчак не представлял себе необходимости каких-либо хозяйственных реформ. Все его внимание было направлено на создание армии и ее снабжение. Он так и заявлял иностранцам, корреспондентам и, наконец, на общественных собраниях, что

ему непонятны и чужды какие-либо иные задачи, кроме одной— создания армии.

О базе, на которой строится армия, не думали колчаковцы, и когда армия была создана, то и с крестьянством произошел разрыв, и сама армия оказалась небоеспособной, ибо она отражала крестьянские настроения.

Крестьянство страдало от бестоварья. Если при Советской власти из промышленной России туда кое-как шли еще товары, то теперь все это оборвалось. Откуда могли теперь притти в Сибирь мануфактура и железо? Из Японии. Но чем ей платить за них? Сибирский хлеб в восточном направлении никогда не шел. Все сырье и хлеб всегда вывозились за Урал.

Отрыв Сибири от Советской России загонял ее в безвыходный хозяйственный тупик, который должен был привести к политическим осложнениям любой власти с крестьянством, в случае длительности такого разрыва.

Конечно, колчаковцы рассчитывали быть скоро в Москве... Но с весны 1919 года эти надежды сильно потускнели.

Положение было очень трудное, и даже такой бесшабашный забулдыга, как атаман Дутов, в редкие часы протрезвления разглядел эту опасность и 24 апреля из Троицка послал прямо-таки селькоровское письмо Колчаку:

Главный Начальник Южно-Уральского Края. 24 апреля 1919 г. № 2109. г. Троицк.

С. Секретно.

В собственные руки.

Ваше Высокопревосходительство
Глубокоуважаемый Александр Васильевич.

...Мы в настоящее время берем от деревни все—и солдат, и хлеб, и лошадей, а в прифронтовой полосе этапы, подводы и пр. лежат таким бременем на населении, что трудно представить.

Исходя из этого, казалось бы естественным некоторая забота Минвнудел о деревне. Этого в сущности в полной мере не наблюдается. В прифронтовой полосе, а особенно в местностях, освобожденных от большевиков, земства не существуют. Налоги земские не вносятся, и служащие разъехались. Больницы в деревнях почти везде закрыты, лекарств нет, денег персоналу не платят, содержать больницы нечем. Школы не работают, учителей нет, жалованье им не платили за ½ года и больше, все почти поступили в чиновники или же в кооперативы. Никаких агрикультурных мероприятий нет, дороги не исправляются, мосты не чинятся, все разваливается. В деревнях нет ситца, нет сахара, нет спичек и керосину. Пьют траву, самогонку, жгут лучину,—и вот эта сторона очень и очень важна. Та власть будет крепко-крепко поддержана

всем народом, которая, кроме покоя и безопасности, даст хлеб, ситец и предметы первой деревенской необходимости. Поэтому вслед за армией должны следовать транспорты всех этих предметов необходимости. Я уже принял все меры к тому, чтобы отправить в Оренбург мануфактуру, сахар и спички. Считаю это очень важным. Суда в деревне нет, во многих селах нет священников, хоронят без церкви, крестят без обряда и т. д. Все это в деревнях приучает к безверию и распущенности. Религия—основа Руси, без нее будет страшно...

...Я очень и очень озабочен деревней и потому так и пишу. Сейчас есть губернии, где нет волостного земства, есть—с ним, а есть и такие, где земство частью в уездах введено, частью нет. Это необходимо урегулировать, т.-е признать волостное земство или его упразднить и соответственно этому ввести организации.

Суды и следователи работают из рук вон плохо, 60% судейских служили и при большевиках, а до деревни суд совсем недоступен. Сейчас начался сезон летних работ. У многих крестьян есть машины, но нет запасных частей, и никто им не приходит на помощь. Раньше были земские н-ки, теперь их нет, а один управляющий уездом ничего сделать не в состоянии, ибо в уезде иногда до 100 волостей.

Меня за эти мысли здесь называют демократом; я, право, не нуждаюсь в кличке, ибо ни к одной из партий никогда не принадлежал и не принадлежу, а говорю только то, что вижу.

А. Дутов.

Его Высокопревосходительству Верховному Правителю Государства Российского Адмиралу А. В. Колчаку.

Бестоварье, мобилизация, налоги толкнули крестьян на открытую борьбу с колчаковщиной. По всей Сибири, от Кустаная до Благовещенска и Владивостока, появились партизанские отряды. В том или ином районе они образовывали целые армии, правда, очень непрочные по своему составу и плохо вооруженные, но достаточно сильные для того, чтобы внести дезорганизацию в управление губернии.

Если коммунистическим организациям не удалось на длительное время построить всесибирскую организацию, то тем менее возможно это было сделать партизанам. Да они такой большой задачи и не ставили перед собой. Попытки установить связи с городскими большевистскими организациями у них повсюду были: в городе они искали главным образом оружия.

При всей своей многочисленности,—армия Мамонтова насчитывала около 30.000 человек, другие были меньше, но все же имели до 10.000—15.000 человек,—партизане не могли не только свергнуть колчаковщину, но даже прервать Сибирскую магистраль, связывавшую Колчака с англичанами и японцами.

Захват на один день Тайшета, спуск эшелонов под откос,—

все это было, но не мешало Сибирской магистрали работать по расписанию.

Сибирское крестьянство попробовало опрокинуть Колчака военными бунтами в городах и было там разбито; крестьяне поднялись в селах, вооружились, но организованная военная сила чехов, поляков, охранявших магистраль, оказалась сильнее их.

Теперь шла изнурительная и разорительная борьба, которая грозила надолго затянуться. Сибирскому крестьянству недоставало того организующего ядра, стержня, вокруг которого могла сплотиться крестьянская сила. Таким стержнем должен был бы явиться сибирский пролетариат. Но он был малочислен и раздроблен по всей огромной Сибирской магистрали.

Это организующее ядро пришло из Советской России в лице Красной Армии, которая была создана рабочим классом.

К весне 1919 года погибли наиболее видные партийные работники; организация рассыпалась и ослабела; к весне же поднялось до наивысшего напряжения партизанское движение, и с весны Красная Армия перешла на Восточном фронте в наступление.

Установить, однако, надежные связи с деревней и координировать выступление города и деревни было очень трудно.

Отрезвление среди рабочих масс началось через несколько недель после падения Советов. Назревало стачечное движение, стали образовываться стачечные комитеты. Профессиональные союзы еще существовали.

В октябре в Томске собирается Профсоюзный съезд, который не успел закончить своих работ, так как был разогнан директорией. На этом съезде разыгралась борьба большевиков с меньшевиками и эсерами, но настроение на съезде определилось достаточно ясно. Рабочие требовали сохранения восьмичасового рабочего дня, установления минимума зарплаты, освобождения из тюрем и лагерей политических заключенных и прекращения войны с Советской Россией.

19 октября началась железнодорожная забастовка. Она началась в Омске и распространилась до тайги. Стачка продолжалась до 23 октября.

На эту забастовку Сибирское демократическое правительство ответило провокацией и расстрелом.

От имени Союза фронтовиков в Стачечный Комитет явился некий Комаров, предлагавший выступить с оружием против правительства. Ему удалось убедить Масленникова и некоторых

других товарищей, которые начали соответствующую подготовку рабочих.

Настроение у последних было очень возбужденное, и выступление было обеспечено. Однако удалось во-время выяснить, что солдаты вовсе не намерены выходить из казарм. Комаров скрылся. Рабочих удалось предупредить, и никаких нападений на казаков и офицеров не было произведено.

Тогда полковник Волков, которому было поручено ликвидировать стачку, приказал хватать рабочих в их квартирах и приводить силой в мастерские. Здесь в мастерских из толпы были наугад схвачены офицером Красильниковым пять рабочих и расстреляны у всех на виду. После этого рабочие были загнаны плетями в мастерские.

Стачка прекратилась. Союзы были закрыты, а рабочие получили такой урок от демократии, которого они никогда не могли забыть.

Говорить о какой-либо мирной борьбе не приходилось. Можно и нужно было готовиться к восстанию.

В декабре Сибирский Областной Комитет разослал по организациям условную телеграмму о готовящемся в декабре восстании в Омске. На местах получили вслед за этим подтверждение этого решения от специально приехавших из Омска товарищей.

Но выступить не могли даже в Томске, где все же собралась хорошая группа подпольщиков. Решили ждать результатов Омского дела.

Двадцатого декабря 1918 года в Омске произошло первое восстание, начавшееся с захвата тюрьмы и освобождения заключенных. Вышла одна воинская часть. В других казармах настроение было выжидательное.

Это выступление очень решительно и смело поддержали железнодорожные рабочие, которые заняли Куломзино и около суток держались там. Они сдались лишь тогда, когда против них были пущены пушки и пулеметы. При подавлении восстания в Куломзине было расстреляно около 200 рабочих.

В эти критические дни Колчака спасли чехи и англичане. Первые пошли на Куломзино и разбили рабочих. Вторые охраняли улицу и дом, в котором жил Колчак.

Это восстание подорвало настроение мобилизованных крестьян. Они уже не рискнули больше восставать в казармах. Единственно, что они могли сделать, это—сдаваться при удобном случае красным.

Следующая попытка в Омске, 1 февраля, была еще менее удачна. У города нехватало собственных сил для свержения колчаковщины.

В феврале же задумывается и в марте приводится в исполнение восстание в Томске. К этому времени там подобралась крепкая группа опытных работников. Имелись связи с рабочими, но рабочих в Томске мало. Больше надежд возлагали на мобилизованных. К Томску подтянули группу бывших нарымских ссыльных латышей, живших в данное время около Молчанова. Их было около 50 чел. В такие дни, вернее часы, группа в 50 человек решительных и смелых людей имела большое значение. Бо́льшая часть товарищей была вполне уверена в успехе дела и уже заранее распределяла между собой будущую советскую работу. Те же, кто не был уверен в успехе, все же стояли за восстание, как средство хоть на время дезорганизовать противника, оттянуть его внимание и силы с фронта внутрь Сибири и этим облегчить задачу Красной Армии.

Вечером 1 марта в офицерском клубе было собрание. В клубе был положен динамит в печку. Взрыв должен был, по замыслу, убить чуть ли не сотню присутствовавших. В то же время на клуб должен был сделать нападение подведенный сюда отряд. А затем в других частях города выступят рабочие и солдаты и, пользуясь дезорганизацией власти, закончат дело.

Расчет не оправдался. Прежде всего взрыв оказался очень слабым. Убитых было семь или десять человек. Оставшиеся офицеры быстро оправились от замешательства, схватили оружие и выбежали на улицу. В этот момент к клубу подошел небольшой отряд коммунистов во главе с Ильмером. Произошла перестрелка, часть товарищей была убита.

Однако оставшиеся все же решили выступить. Но 4 марта их военный штаб был захвачен целиком, и, после военно-полевого суда, было расстреляно 20 человек, в том числе и руководитель организации, старый большевик Ильмер.

Партийные организации того времени неизбежно должны были строиться по типу военной организации. Заниматься пропагандой в кружках, когда за принадлежность к партии угрожала смертная казнь, было нецелесообразно. Ближайшая и непосредственная задача, стоявшая перед возрождающейся организацией, была— свержение власти буржуазии путем вооруженного восстания.

Поэтому организации были очень узкие; от выборного начала стали отходить, и внимание работников сосредоточивалось

на заготовке оружия и образовании штабов с разведывательными отделами; нужны были небольшая сплоченная организация для руководства восстанием и подпольная типография для выпуска воззваний, находивших сочувствующих читателей в рабочих кварталах в городах.

Самой неотложной задачей было объединение существующих организаций. Инициатива исходила из Томска, оттуда рассылались товарищи по различным городам. В сентябре в Томске собирается первая сибирская конференция. Очень скоро, впрочем, центром движения становится Омск, где и рабочих больше, больше мобилизованных, и, наконец, там же и правительство, которому готовится удар.

В Омске к августу 1918 года существовали две партийные группы—латышская и железнодорожная. Они были объединены, был выбран комитет, влияние которого распространялось далеко за Омск.

О состоянии Сибирской организации вообще, и в особенности Омской, контр-разведка знала очень хорошо; из прилагаемого здесь доклада начальника контр-разведки видно, что у них было совершенно отчетливое представление о построении наших организаций и о ближайших задачах, поставленных ими перед собой,

Рабинович.

Такие подробные сведения можно было получить не наружным наблюдением, а внутренним, т.-е. в нашей организации были провокаторы, при помощи которых и была белыми уничтожена верхушка организации. О ряде предполагавшихся выступлений контр-разведка знала заблаговременно. Вот, например, в марте собирается в Омске третья Сибирская конференция. 26 марта полковник Злобин, начальник контр-разведки, уже сообщает пароли, с которыми являются делегаты на нее, приметы отдельных из них. Это было 26 марта, а 2 апреля арестовывают руководителей конференции: Масленникова и Рабиновича, 12-го их обоих расстреливают.

Вышеупомянутая Софья Кривая (фамилия) действительно приехала из Челябинска. Ее имя было известно Сибирскому Бюро ЦК, ибо через нее в Челябинске держали связь с организацией. Точно указаны ее приметы. Неудивительно: провокатор был из Челябинской организации,— тот самый, который указал и Масленникова и Рабиновича,—Карлович; он был убит по решению Омского Комитета.

Софья Кривая арестована в Челябинске и расстреляна с шестнадцатью другими коммунистами.

Разгром наших организаций начался вскоре после неудачного декабрьского восстания в Омске. По словам Масленникова, некоторые арестованные товарищи не выдерживали пыток и выдавали.

8 февраля арестовывают Нейбута, в апреле—Масленникова, Вавилова и Рабиновича; верхушка организации была уничтожена в тот момент, когда завязалась упорная борьба партизан.

Сюда, в сторону деревни, предлагал им направить свои силы ЦК партии, и сами сибиряки, потерпевши ряд поражений в городах, решили на последней конференции перенести главное внимание на связь с партизанами и руководство ими.

Несмотря на эвакуацию большинства коммунистов из Омска и Томска, у оставшихся нашлись силы и мужество в течение года вести с колчаковщиной смертельно-опасную борьбу.

К ним стремились через фронт десятки самоотверженных партийцев. Контр-разведка хватала их и расстреливала. Из погибших мы знаем немногих, тех, имена которых раньше были широко известны.

Но было много незаметных людей, рядовых членов организаций, и вот они умирали в застенках, поражая мужеством своих врагов.

Многих имен мы совсем не знаем. Умирая, некоторым из них удалось написать несколько слов остающимся товарищам. Приведу шесть сохранившихся записок:

Первая записка.

Товарищи. Я умираю на заре новой жизни, не изведав плодов рук своих. Но не для себя я работал, как мог и как умел. Мир обновится,—я знаю, я твердо верю, ибо старый строй рушится, обломками убивая нас, но нас много: все новые и новые силы идут под красное знамя, и они непобедимы. А как хочется жить, как хочется знать, верить и трудиться за идеалы человечества! Но судьбе было угодно бросить жребий на меня, и я пойду на смерть с верой в жизнь, завещая оставшимся не месть, а борьбу. Прощайте, товарищи. Боритесь и любите борьбу. 4/VIII 1919 г.

(Подписи нет.)

Вторая записка.

Не унывайте и не жалейте меня. Я умираю за идею, рада и совершенно спокойно жду своей смерти. Будьте и вы бодры и не падайте духом. Вещи разделите между собой.

Александра.

Третья записка.

Мужайтесь, товарищи! Мы выбываем из ваших рядов, и эти места не должны оставаться пустыми. Нас много, победа обеспечена за нами. Итак, товарищи, вперед к борьбе!

Кирилл.

Четвертая записка.

Мы победим, товарищи! С нами творчество и радостный дух. Не отчаивайтесь, если волна революции уменьшится. Верьте, снова подымется ветер. Будьте всегда сильны духом. Мы всегда с вами. Да живет мировая революция!

Шура (Усов).

Пятая записка.

Всех вас, товарищи, обнимаю крепко, целую последним прощальным поцелуем. Любите волю и свободу. Я умираю с верой, что солнечные дни придут радостными и светлыми и над миром засияет новая заря жизни. 30/VII.

(Подписи нет.)

Шестая записка.

Товарищи, вчера в 12 ч. ночи увели на расстрел 5 наших товарищей. Мы, еще трое мужчин и три женщины, остались. Сегодня и нас уведут. Подлые они, трусы. Даже расстреливать всех вместе трусят. Выводят небольшими партиями. Товарищи, мы погибаем с надеждою на победу. Они захлебнутся в нашей крови. 2/VII.

Никифоров.

Что можно прибавить к этим предсмертным призывам?

И. СМИРНОВ.

АЛЕКСАНДР МАСЛЕННИКОВ.

Он был одним из тех немногих революционеров, которые счастливо соединяют в себе знания, беспредельную преданность партии, переходящую в партийный фанатизм, и постоянную революционную активность, — тип подлинного большевика.

Раз в жизни я встретился с ним, и его образ именно таким запечатлелся в моем сознании.

В зиму 1909/1910 года нам пришлось вместе работать в Петербургском комитете. Тогда Александр был двадцатилетним студентом, но на вид он казался значительно старше; старила его постоянная серьезность, сосредоточенность, улыбался редко. Лицом он напоминал Добролюбова. Уже не помню, кто из нас первым провалился, — провалы тогда шли ежемесячные, ибо организация была пронизана провокацией, — я сел в июле 1910 г. и с тех пор потерял его из виду.

Александр же после долгих скитаний попал, наконец, в Туруханскую ссылку, откуда бежать было почти невозможно. Там он пробыл до Февральской революции.

Летом 1918 года он был членом Самарского комитета и председателем Самарского совета.

Когда чехи разбили неопытные в военном деле отряды рабочих и заняли Самару, Александр с кучкой товарищей засел в одном доме и оттуда продолжал отстреливаться. Но это было безнадежным делом.

Товарищи в последнюю минуту успели скрыться, а его чехи схватили и с двумя другими старыми большевиками, Бакаевым и Вавиловым, посадили в тюрьму в качестве заложников.

В июле их отправили на восток, в Уфу и далее в Омск. Сопровождал их чехо-словацкий конвой.

У нас до сих пор еще находятся некоторые писатели, которые (как, например, Колосов в своей книге: «Сибирь при Колчаке») пытаются изобразить чехов, как подлинных защитников демократии и почти поголовно социалистов.

Можно бы привести много фактов зверства, издевательств и избиений, производимых этими «социалистами» и «демократами» над рабочими и даже над женщинами.

Не избежали и наши самарские товарищи этой участи.

В Уфе их троих выводят «на расстрел» за какие-то газеты, найденные у них в вагоне.

Их увели на край города, объявили о предстоящем расстреле, продержали под дулами около пятнадцати минут, затем увели обратно в арестантский вагон.

В конце июля поезд с заложниками был в Омске.

Сибирская демократия была в зените своего величия. Тюрьмы и лагери были забиты, и Масленникову с своими друзьями пришлось свыше недели дожидаться в вагоне очереди попасть в тюрьму.

Было странное время и странные обычаи. Людям грозила смерть — и в то же время чехи водили их на Иртыш купаться.

Это происходило ежедневно, при чем вместе с арестованными купалась и вольная публика.

У наших товарищей зародилась мысль о побеге.

Им удалось связаться с омскими рабочими, и те обещали им приготовить на другом берегу Иртыша лодку и одежду.

Беда была в том, что Масленников не умел плавать, а надо было во всяком случае переплыть Иртыш, который под Омском имеет не менее трехсот сажен в ширину.

Бакаев был превосходным пловцом, свободно переплывал Иртыш и имел полную возможность спастись. Но он не мог оставить Масленникова и Вавилова.

Стали обучать плаванию Александра. Едва ли когда-нибудь какой-либо спортсмен занимался этим спортом с такой энергией, с какой взялся за это дело Александр. И через неделю он достиг такого успеха, что переплыл Иртыш.

В один из следующих дней рабочие, по условию, должны были приготовить необходимые вещи на другом берегу Иртыша.

Но... заложников неожиданно перевели из вагонов в лагерь. Побег сорвался.

Лагерь был переполнен пленными красногвардейцами и красноармейцами; здесь же были пленные немцы и мадьяры. Особого надзора за заложниками не было.

При общем хаосе, царившем в то время в Омске, имевшем место и в лагерях, нашим товарищам сравнительно легко удалось связаться с волей.

К ним приходила на свидания и носила передачу «Лиза» (Эльза Козак), впоследствии арестованная белыми и расстрелянная одновременно с Масленниковым и Вавиловым.

Лиза им сообщила, что может принести и передать им подложный пропуск, с которым пускали на свидание.

И в одно из следующих посещений она передала им такой пропуск на одного человека.

Посовещавшись, товарищи решили первым пустить Бакаева; он сбрил бороду, переменил костюм и благополучно вышел за тюремную ограду.

Устроился он в привокзальной слободе у этой же Лизы.

А. Масленников. Эльза Козак. Вавилов (Лесной).

А через два дня из лагеря убежали Александр и Вавилов через подкоп, сделанный пленными красноармейцами. Вместе с ними бежало несколько десятков заключенных.

Чехо-словаки, мстя за этот побег, расстреляли шестнадцать человек, сидевших в лагере и никакого отношения к побегу не имевших.

Александр и другие бежавшие остались в Омске, хотя имели возможность перебраться в менее опасное место. Первою задачей бежавших было объединить две организации, существовавшие раздельно: Омскую железнодорожную и латышскую.

Был создан Омский комитет, в который вошел и Александр. К этому времени ими был вызван с Алтая Нейбут, который поехал в Семипалатинск для установления кружным путем через Семиречье связи с Советской Россией. Он не осуществил своей задачи и, вернувшись в Омск, вместе с Масленниковым занялся собиранием партийных сил Сибири.

Надо было созвать Сибирскую конференцию, подсчитать свои силы и силы противника, проанализировать сибирскую обстановку, определить задачи партии, выработать единый план действия и связаться с Советской Россией.

Для выполнения последней задачи был послан в Москву Бакаев; по пути он останавливался в Петропавловске, Кургане и Челябинске, разыскивая партийцев, информировал их о подготовлявшейся конференции и затем благополучно перешел фронт.

На второй Сибирской конференции, происходившей в Томске в ноябре 1918 года, Масленников вошел в Областной комитет. Он вернулся в Омск, куда был перенесен центр сибирской организации.

В Сибири организация была разгромлена, лучшие и опытные работники если не были убиты, то сидели в тюрьмах, ожидая смерти; молодые товарищи жаждали борьбы, но были неопытны, а некоторые старые и опытные работники находились в упадочном состоянии и совершенно отошли от партии.

В эти месяцы организационного и идейного распада А. Масленников и Нейбут были чуть ли не единственными крупными руководителями, которые могли объединить силы Сибирской организации, могли дать и дали анализ происходящего в колчаковии и повести за собою сибирских рабочих и крестьян.

Из документов сибирского подполья этой эпохи наибольшую ценность представляет доклад в ЦК, присланный в марте и подписанный Масленниковым и Рабиновичем.

Этот доклад был пронесен через фронт товарищем — имени его не помню — и передан в Сибирское Бюро. Он был написан на огромном куске полотна, который товарищ зашил в свою одежду; в этом смертном одеянии он долго скитался по неприятельским частям, пока ему удалось проскользнуть на нашу сторону.

Этот доклад я привожу ниже целиком.

Во всякой партийной организации и во всякое время существуют различные мнения и группы. В Сибирской организации того времени тоже были разногласия по вопросам тактики.

Александр был во главе того течения, которое переносило главное внимание на военную организацию и на военные восстания. Он отрицал разумность мирных способов борьбы в профсоюзах, тем более, что союзы были ликвидированы демократическим правительством.

Забастовку железнодорожников в октябре Александр рассматривал как пролог к восстанию.

Мобилизованных и обозленных мобилизацией крестьян он делает объектом главного внимания организации.

Задача в городе и деревне, к тому времени начавшей борьбу с колчаковщиной, ему представляется только как повстанческая.

Он видит внутреннюю слабость нового режима, его беспомощность в хозяйственных вопросах; конфликт с рабочими и крестьянами был уже налицо. Надо было придать этому стихийно нарастающему движению максимум организованности.

У него была полнейшая уверенность, что Сибирь собственными силами одолеет диктатуру беженской буржуазии и военщины.

Чунчин. Нейбут.

Он руководит октябрьской забастовкой, в декабре он готовит удар из казарм. Дело кончается победой белых. Но он снова и снова плетет военную организацию. 1 февраля — новая попытка поднять восстание в казармах. Вавилов является ночью в Новониколаевский полк, с которым у него были связи. Входит в офицерскую дежурную. Там спят восемь офицеров. Он стреляет в них из револьвера: убивает двух, четырех ранит и уходит к солдатам.

Среди солдат гибельное замешательство. Прибегают еще офицеры; Вавилова схватывают, но не убивают на месте, куда-то ведут. Он вырывается и спасается.

И в рабочей массе, и в казарме чувствуется надрыв, надломленность воли к борьбе после декабрьской бойни.

Солдаты пассивны и могут лишь одним способом освободиться от колчаковщины—сдаваться толпами красным.

Но подымается деревня, и Александр поворачивает организацию «лицом к деревне».

Вокруг гибнут ближайшие товарищи; 8 февраля берут Нейбута, члена ЦИК'а и Областного Бюро.

Контр-разведка знает, кто в ее руках, и торопится: 12-го — через четыре дня — Нейбут уже расстрелян.

Берут Чунчина, члена Обл. Бюро, и Бушуева — оба расстреляны вместе с Нейбутом. Берут Кринкина, но ему удается бежать из тюрьмы.

Падают лучшие и верные. Провокация вползает в организацию и кружится около вождя, ищет его имя, его квартиру. Смерть неотступно, и день и ночь, глядит в глаза. Кольцо смыкается, становится тесным.

Доклад в ЦК подписан Рабиновичем и Александром 21 марта, а 2 апреля оба они, и Вавилов, и Эльза Козак арестовываются по указанию провокатора Карловича (убитого за это по постановлению Омского Комитета).

У них находят документы и около ста тысяч рублей, пересланных Сиббюро, денег.

18 апреля все четверо расстреляны.

Александр из тюрьмы послал письмо оставшимся на воле. Письмо не сохранилось. В нем он еще раз, и в последний уже раз, звал на борьбу с колчаковщиной и, как на новый решающий фактор в борьбе, указывал на Красную Армию, идущую в Сибирь с Запада.

Он умер как раз тогда, когда эта Красная Армия перешла на Восточном фронте в последнее наступление на Колчака.

А. МАСЛЕННИКОВ И РАБИНОВИЧ[1]).

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИБИРИ С ТЕХ ПОР КАК БЫЛА СВЕРГНУТА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.

(Доклад, посланный в ЦК 21 марта 1919 г.)

Со времени свержения Рабоче-Крестьянского Правительства на территории Сибири прошло уже более девяти месяцев. Однако вернувшаяся назад к власти буржуазия, несмотря на то, что интеллигенция вообще и представители прикладной и теоретической науки в частности составили кадр ее верных исполнителей, все-таки не только не «упорядочила», как она любит выражаться, экономическую жизнь на «освобожденной» от Советской власти территории, но, как будет показано ниже, с большой быстротой пожирает и хищно растрачивает народное богатство.

Западная Сибирь, т.-е. лишь та часть Сибири, которая фактически может быть названа территорией Сибирского правительства — нижняя часть Енисейской губернии, считается земледельческим районом. От производительности труда в этом районе зависит в большой степени продовольственный вопрос Сибири и товарообмен с заграницей. Как же помогает буржуазная диктатура сельскому населению удовлетворять потребность в сельско-хозяйственных машинах, шпагате, запасных частях и др. необходимых орудиях производства? На Дальнем Востоке лежат машины и запасные части, необходимые для сельского хозяйства, купленные крестьянскими кооперативами, но они не могут быть доставлены на Запад, так как железная дорога занята перевозкой предметов роскоши и второстепенного потребления, закупаемых отдельными спекулянтами и спекулятивными фирмами и сбываемых здесь по вздутым ценам.

Это — результат проведенного в жизнь одного из главных лозунгов сибирской буржуазии: «Свободная торговля».

---

1) Члены Сибирского областного комитета.

Правда, провозоспособность на Сибирской магистрали сильно пала и продолжает падать, но нужные для сельского хозяйства орудия производства лежат неподвижно не по этой причине, а потому, что спекулянты и спекулятивные фирмы, находясь под покровительством Сибирского правительства и подкупая в каждом отдельном случае начальников дороги (ж.-д. комитеты разогнаны), — не оставляют свободного места для провоза необходимых населению предметов производства. Об ужасных размерах взяточничества на Сибирской магистрали заговорила здесь вся пресса, разумеется, сваливая всю вину на низших служащих.

Но не только в этом отношении «помогает» Сибирское правительство сельскому населению. Крестьянские кооперативы подвергаются вредному гонению со стороны правительства. Товары реквизируются у крестьянских кооперативов, в то время как кулаки и купцы спокойно торгуют. Кооперативные журналы и протоколы полны воплями, и даже они вынуждены называть представителей своего правительства «сатрапами». Те уезды, в которых население занято пушным промыслом, подвергаются такого рода гонениям со стороны правительства Колчака, что их экономическое состояние не только не улучшилось, а продолжает ухудшаться. В Мариинском уезде, например, у кооперативного населения реквизирован порох, а жители этого уезда занимаются пушным промыслом и теперь лишены возможности заниматься тем, чем только и могут заниматься.

Положение обрабатывающей промышленности так же безотрадно, с тех пор как буржуазия снова завладела ею, как и добывающей. Уголь почти не добывается. Транспорт все больше и больше расстраивается. Отсутствие угля является теперь главной причиной расстройства транспорта, состояние которого, действительно, угрожающее. В шахтах и копях работа приостанавливается из-за отсутствия хлеба для рабочих. Это тем более указывает на неспособность буржуазии наладить промышленность, что хлеба здесь много — он никуда не вывозился за пределы Сибири, а в насильственных методах отбирания собственности у крестьян правительство не стесняется. По данным министерства продовольствия об урожае на хлеб в Западной Сибири за 1918 год видно, что всего в районах: Курганском, Челябинском, Томском, Алтайском, Семипалатинском, Енисейском было снято 420.259.017 пудов хлеба, а общая сумма избытка равняется 117.135.259 пудам, что, не считая избытка 1917 года, показывает, какая масса хлеба лежит в границах Западной Сибири.

Высокая заболеваемость паровозов, что является второй из главных причин расстройства транспорта, стоит в прямой зависимости от хищнической эксплоатации, применяемой буржуазией по отношению к железнодорожным рабочим. В то время как прожиточный минимум для одного человека в Омске, например, составляет 500 руб.,— мастеровые депо получают от 250 до 300 руб. в месяц. Гонение и уничтожение профессиональных организаций и бирж труда немало способствовало общей разрухе, наблюдаемой теперь в Сибири в гораздо большей степени, чем девять месяцев тому назад.

Подрывая таким образом главные основы сибирской хозяйственной жизни, хищная и незаботящаяся о будущем буржуазия расточительно швыряет десятки и сотни миллионов представителям своего класса. Благодатный дождь правительственных субсидий льется в карманы участников различных фирм и предприятий. В одной из омских газет, издающейся Советом кооперативных съездов, от 28 февраля с. г. в отделе «Экономическая жизнь» напечатано:

Сколько выдано субсидий.

«По собранным, вероятно, далеко не полным сведениям, суммы, отпущенные различным лицам и учреждениям в виде субсидий, по 10 января текущего года выражаются в следующих размерах: частным предприятиям—109.052.697 руб., железным дорогам—114.093.922 руб., банкам—110.000.000 руб., земствам и городам—10.916.600 руб., на сельско-хоз. нужды (семиреч. казач.)—5.554.000 руб. и на то же кооперации—1.500.000 руб.

Итого—351.117.219 рублей.

Таким образом на поддержание нашего сельского хозяйства, являющегося основой нашей земледельческой страны, отпущено всего только 2%».

Автор статьи вполне верно замечает, что данные эти далеко не полные. Но даже по этим данным можно объективно судить о внутренней экономической политике Сибирского правительства, как о характернейшей черте классовой власти, расточающей общенациональные богатства. Деньги выдаются компаниям, отдельным лицам, предприятиям, торговым домам и частным банкам. Искусственно поддерживая способы производства и обмена, нужные для жизни и роста буржуазии, т.-е. введя свободную торговлю, отменив всякий государственный контроль и регламентации по отношению к промышленности, а также держа в черном теле рабочих,— правительство всем этим не удовлетворяет,

однако, тех, представителем кого оно является, а вынуждено усиленно печатать бумажки и отсыпать от времени до времени субсидии.

Новые выпуски бумажных денег все больше и больше расстраивают финансовый аппарат. Старые бумажки, по появлении новых, исчезли с рынка, так как население считает их более ценными и припрятывает или выменивает по высокой цене на новые деньги. Так, например, с рынка почти совершенно исчезли «керенки», которые переправляются на Восток. Новые сибирские деньги на Востоке не принимаются, а сужение территории, на которой сибирские деньги обращаются, создает новые осложнения в финансовом аппарате Сибирского правительства и вызывает необходимость снова печатать деньги. За время своего существования Сибирское правительство напечатало до 3 миллиардов рублей. Средний правительственный расход в месяц составляет свыше 600 миллионов рублей, а приход от прямых и косвенных налогов не превышает 70 миллионов.

В приведенной выше статье упомянуто о 5½ миллионах семиреченскому казачеству на сельско-хозяйственные нужды; вероятнее всего, что деньги эти выданы семиреченским казакам, как таковым, а не как населению семиреченского района для сельско-хоз. нужд.

Широкие массы городского населения, в связи с этой политикой субсидирования, все больше и больше терпят лишения. С рынка исчезают предметы потребления, так как дельцы различных фирм, получая от правительства деньги, закупают товары и припрятывают их, выпуская лишь по частям, по вздутым ценам. Так, например, за последние шесть недель хлеб вздорожал на 150% — с 20 руб. до 50 руб. за пуд, а железо на 122% — с 18 руб. до 40 рублей за пуд.

Кооперативы, у которых имеются предметы потребления, нередко вынуждены продавать их частным компаниям и торговым домам, чтобы получить таким образом денежные знаки, в которых нуждаются.

Предметы потребления, приобретенные кооперативами на народные деньги, попадают, таким образом, к торговцам и потом уже от них к населению по неимоверно вздутым ценам. Словом, на всех видах народного хозяйства замечается отпечаток упорной настойчивости Сибирского правительства, не считаясь с результатами, вернуть бесконтрольную власть частного капитала.

Чтобы показать, что такой вывод приходится делать вся-

кому человеку, независимо от его политических убеждений, я приведу мнения сибирских газет, которые считаются вполне благонадежными, а некоторые—и поддерживающими теперешний правительственный курс. В газете «Заря», под заголовком «Задачи экономического возрождения страны», дается обзор сибирской печати на этот предмет:

«Заря».—«Почти вся печать отмечает бездеятельность тех кругов, которые, казалось бы, наиболее заинтересованы в скорейшем оздоровлении и восстановлении торгово-промышленного аппарата и экономической устойчивости страны».

«Голос Сибири».—«Со времени освобождения от большевистского господства ничего, решительно ничего не сделано для возрождения и восстановления нашей фабрично-заводской промышленности, для творческого использования наших величайших экономических возможностей».

«Новая Сибирь».—«Часть наших торгово-промышленных кругов занялась неприкрытой спекуляцией, использованием всякой возможности легкой наживы, не требующей созидательного труда. Вместо разрешения экономических проблем, наши биржевые комитеты и иные ассоциации капитала занимаются деланием политики, созданием различных политических комбинаций, могущих направить государственную жизнь по старым путям».

Творческие задачи торгово-промышленного класса, выраженные девизом: «Государственность» и «Независимость», далеко не осуществляются. «Девизы» начинают пороться по всем швам. «Доказательство этому то, что наши предприниматели торопятся сбыть свои предприятия иностранцам».

Нам к этим цитатам прибавлять ничего не приходится. Они с достаточной ясностью подтверждают первое положение записки, что буржуазия со времени свержения Советской власти не только не улучшила экономическую жизнь Сибири, но ухудшила и продолжает ее ухудшать.

Указание одной части буржуазии, что другая, более сильная, вместо разрешения экономических проблем занята «деланием политики, созданием различных политических комбинаций, могущих направить государственную жизнь по старым путям»,—дает лишь намек на то, что делается в закулисной жизни Сибирского правительства и в верхах буржуазии, поспешно занятых урыванием большого куска от денежных ценностей.

Когда мы посмотрим, каково теперь экономическое положение рабочих Сибири, то, судя по данным о заработной плате по городу и сравнивая с данными о ценах на предметы первой необходимости с мая 1918 года по январь 1919 года, со времени возвращения буржуазии к власти, оно представится в таком виде:

СРЕДНИЙ ЗАРАБОТОК В РУБЛЯХ

Профессия	Май 1918 г.	Январь 1919 г.	% отнош.
Текстильщики . .	156,5	349,5	223
Печатники	208,4	394,5	189
Обрабатыв. животн. продукты.	197,9	307,4	150
Обрабатыв. вкус. вещества . . .	247,7	271	108
Деревообделочн. .	181,5	318,3	175
Средний по всем профессиям			169

СРЕДНИЕ ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ В РУБЛЯХ

Продукты в пудах	Май 1918 г.	Январь 1919 г.	% отнош.
Хлеб	9,50	50	529
Картофель	3,29	30	911
Мясо	45	120	211
Масло слив. . . .	92	240	261
Молоко кор. . .	50	350	700
Керосин	14	360	2.571
Дрова	90	150	166
Средний по всем продуктам			764

То-есть, реальная заработная плата рабочих с мая до этого времени сильно пала. В то время как номинальная заработная плата поднялась от 108% до 233%, цены на такие предметы, как хлеб, картофель, молоко, мясо, поднялись на 529%, 911%, 700% и 211% соответственно. Если еще добавить, что данные о заработной плате являются средними за месяц, а многие рабочие не работают несколько месяцев в году, то станет ясно, что отношение заработной платы к ценам на продукты потребления представит еще меньшую дробь, чем та, какую можно вывести по данным таблицы.

В эту таблицу не включены железнодорожные рабочие, число которых в Сибири относительно большое. Их положение ухудшилось еще больше, чем положение других рабочих, так как введение сдельной оплаты в мастерских и поверстной для машинистов, в связи с недостатком материалов для выполнения работы и паровозов из-за отсутствия угля, сильно понизило даже номинальную плату, по сравнению с летом 1918 года. До чего пала заработная плата мастеровых в железнодорожном депо Сибири, можно себе представить из того факта, что русским приходится бежать, уступая свои места японским солдатам. Это делается несмотря на то, что управление дороги, чтобы удержать рабочих от ухода, запретило давать им расчет. Вот как один из таких фактов передается омской газетой «Заря».

«В Чите многие мастеровые в читинских жел.-дор. мастерских взяли расчет и разъехались, а некоторые уехали и без расчета, так как месяца два тому назад управление дороги запретило давать расчет. В особенности в мастерских нехватает котельщиков и кузнецов. В этих цехах почти все квалифицированные рабочие ушли. Администрация принимает на работу японских солдат, около 45 человек, из железнодорожного батальона, которые с 20 января приступили к работам».

Зато какой контраст представляют в сравнении с заработной платой сибирских рабочих оклады чиновников в государственных учреждениях и оклады «беженцев-интеллигентов» в коммерческих и кооперативных учреждениях! Не говоря уже о высших чиновниках, оклады которых не учтешь, даже оклады средних чиновников в несколько раз превосходят заработную плату рабочих. Все многочисленные министерские департаменты густо насаждены «политическими эмигрантами» из Самары, Саратова, Казани, Сызрани, Петрограда, Москвы и других городов, получающих оклады от 1.200 руб. в месяц и выше. В кооперативных центральных организациях оклады служащих с лета 1918 г. повысились в три-четыре раза. Словом, за исключением рабочих и крестьян, всем группам населения, в большей или меньшей степени, перепадают куски с того стола, за которым сибирская реакция справляет свою оргию.

В изысканиях фискальных доходов сибирская власть не могла додуматься до чего-либо большего, чем бывшая монархическая власть Николая II.

Вот сведения министерства финансов о поступлении доходов по винной монополии от августа 1918 г. по январь 1919 года.

ДОХОД ОТ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ.

Месяц	Сумма	% отношен.
Август	1.023.585	100
Сентябрь	2.662.884	266
Октябрь	7.615.545	760
Ноябрь	9.630.135	960
Декабрь	21.981.418	2.200
Январь	26.300.000	2.600
Всего	68.211.567	

Как видно из этих официальных данных, доходность от водки увеличилась с большой быстротой—от августа по январь на 2.600%, а разница между абсолютными цифрами доходности между двумя месяцами равняется 25 миллионам рублей. Сведений от министерства за последний месяц еще не поступало, но, судя по тому, что трактиры и винные монополии продолжают открываться, можно полагать, что доходность от водки быстро прогрессирует.

Несколько более оригинальный налог предполагает Сибирское правительство установить по отношению только к крестьянам. В омской кадетской газете «Сибирская Речь» недавно появилось такое сообщение:

> «Междуведомственная комиссия (при министерстве финансов), изыскивая новые объекты обложения, дабы пополнить скудные средства Государственного казначейства, высказалась за обложение подоходным налогом имеющегося у крестьянского населения зернового хлеба; кроме того, комиссия высказалась за обложение подоходным налогом и денежных средств крестьян».

Нетрудно предсказать, что это новое капиталистическое обложение усилит волну крестьянских восстаний, которая за последнее время интенсивно разрастается.

В середине марта состоялась 2-я Общесибирская конференция. Были делегаты от Челябинска, Тюмени, Омска, Новониколаевска, Томска, Красноярска, Иркутска, Верхнеудинска, Читы, Благовещенска. Не были представители Кургана, Барнаула, которые только оповещались, и представители Харбинской, Хабаровской, Никольской, Алексеевской и Манчжурской организаций. Избран новый Областной Комитет Сибири и Урала РКП (б), которому поручено создать Уральское и Восточно-Сибирское Бюро при Областном Комитете. Состав нового ОК будет сообщен со следующим курьером. Прежние члены ЦК, кроме Петра (Нейбута), который арестован 2 февраля и уже расстрелян (8 февраля), избраны вновь. Общий обзор партийной работы будет послан также на будущей неделе. Из докладов с мест выяснилось повсеместное повстанческое настроение крестьянских масс. В Енисейской губернии, например, повстанческие отряды образовали четыре фронта. Незначительные по числу отряды быстро разрослись в тысячные отряды, которых до сих пор не в состоянии подавить колчаковские войска. Фронт Енисейский после захвата Енисей-

ска продвигался до Казачинского; затем Енисейск был взят обратно белыми; к отъезду же из Красноярска делегатов на конференцию Енисейск вновь взят красными. Повстанцы производили мобилизацию, на которую охотно шли крестьяне. Близ станции Камарчаги, в районе Красноярска, образована повстанцами «Канско-Заманская федеративная советская республика». Делегаты этой республики посланы в Крайкомитет партии просить прислать представителя рабочих в их Совет. Силы их исчисляются в несколько тысяч. Они разбили несколько отрядов белых, сделали несколько партизанских набегов на линии железной дороги, вырезали охрану мостов, разрушали станции, но, за отсутствием подрывных материалов, крупных разрушений произвести не могли. Они просят поддержки деньгами, патронами. Они издают свою газету. Все фронты держатся и стремятся установить связь с нашим комитетом. Чехо-словаки, поляки, румыны, итальянцы в районе в подавлении участия не принимают. В Читинском районе даже казачье население настроено крайне революционно и настаивает на выступлении. Читинский комитет имеет связи и организации в войсках (новобранческих, казачьих) и в Округе, считает возможным управиться при восстании с семеновскими бандами; но здесь серьезной угрозой являются японские отряды, принимающие деятельное участие в подавлении восстаний. Во всей Амурской области крестьянство хорошо вооружено и сорганизовано коммунистами. Число повстанцев, готовых выступить, исчисляется Благовещенским комитетом в несколько десятков тысяч человек. Тамошняя организация употребляет невероятные усилия остановить выступление, ввиду наличия довольно значительных сил иностранных войск (японцев главным образом) и недостаточной согласованности действий с комитетом других районов. Все же, по газетным сведениям, в Амурской области началось широкое повстанческое движение. Повстанцы, совместно с имеющимися в Амурской области советскими отрядами, дают правильные сражения и разбивают японцев. Насчитывается, по газетам, восставших до 15 тысяч человек. В настоящее время во всех организациях идет довольно энергичная работа по организации крестьянских масс. Крестьянство само организуется и ищет связей с комитетами большевиков. Крестьяне собирают самостоятельно партизанские отряды к весне. Необходимо снабжение их оружием, главным образом патронами, деньгами. Средств на это у комитетов нет. Есть возможность скупки оружия у разлагающихся чешских и других отрядов.

В Томской губернии в распоряжении комитета имеются приговоры сильных обществ о поддержке восстания людьми, деньгами и продовольствием, при чем эти приговоры адресуются в комитеты большевиков. Конференция признала, что к весне можно ожидать широкого партизанского движения крестьянских масс, которое должно быть охвачено нами и введено в организованные рамки. Восточные делегаты подняли вопрос о создании крепкого Восточного фронта, в Забайкалье. В Западной Сибири в настоящий момент происходит цензовая мобилизация. Призываются в разных местах, по-разному, примерно от 18 до 35 лет все, имеющие образование не менее 4-классного средних учебных заведений (исключены имеющие образование высших начальных училищ). Интеллигенция, даже антибольшевистская, бежит от мобилизации.

В некоторых местах (Челябинск, Тюмень, Курган) вслед за цензовой мобилизацией произведена мобилизация за 5—7 лет общая. В Тюмени она привела к восстанию нескольких сот мобилизованных, окончившемуся поражением и расстрелом всех восставших. Среди мобилизованных—определенно революционное настроение. Они, по их словам, ждут винтовки. С ними в Челябинске уже установлена связь. Колчаковские силы за последнее время уменьшались уходом всех чехов с фронта и большинства их из прифронтовой полосы до Иркутска. Есть уже в лагерях Омска расформированные чешские отряды. В казармах чехов были обсуждения и даже голосования вопроса о рабочей власти. Румынские отряды (в Иркутске 15 тысяч) категорически отказались итти на фронт и сдать оружие. В Новониколаевске то же произошло с поляками (5 тысяч), в Томске—с юго-словаками, которые даже в своей части предлагали совместное восстание против Колчака. По полученным сведениям (доклад генерала в одном учреждении), на Семиреченском фронте среди белых—страшные эпидемии и массовая смертность. На Семиреченский фронт направляются изредка повстанческие части. Алтайская, Семипалатинская и Акмолинская области почти сплошь перепороты отрядом Анненкова и также готовятся к борьбе.

В декабре месяце в Омске подготовлялось восстание, назначенное комитетом на 22 декабря. Оно вечером 21 декабря было отменено из-за частичных провалов. Все же некоторые части отрядов выступили. Было захвачено предместье Омска — Куломзино, освобождена тюрьма и выступила одна новобранческая часть. До 9 часов утра в городе не было власти. Среди белых была полная

растерянность. Достаточных сил для подавления восстания нашлось у Колчака с большим трудом (43 чеха, 75 казаков). Чехи и англичане остались нейтральными. Захват города без отмены восстания был бы осуществлен, что давало возможность создать в первые же дни 20-тысячный отряд и открыть три фронта. С расширением базы восстания мобилизованное крестьянство (оно пошло бы охотно) дало бы новые силы. Была возможность справиться и с транспортной разрухой для посылки войск на фронты. Учесть силы противника до восстания было крайне трудно, и этим объясняется отмена восстания под влиянием провалов. 1 февраля было подготовлено новое вооруженное восстание, но новобранцы, боясь урока 22 декабря (факты выступления отдельных частей), в последний момент проявили нерешительность, и восстание не состоялось. Благодаря случайным арестам нескольких командиров-рабочих и пыткам, примененным к ним, был провален Нейбут, Чунчин (секретарь Омкомитета), Бушуев (член центрального штаба), Митя и еще несколько товарищей. Упомянутые четыре и еще несколько человек расстреляны. Затем были арестованы А. Шнейдер (Иван Михайлович), редактор «Красн. Рабочего». Путем пыток белым удалось заарестовать около 100 членов партии. К настоящему времени Омская организация восстановлена. Ведется усиленная работа в деревне.

Доклад о конференции и ее решениях, доклады о военном (цифры), политическом и экономическом положении пошлем с ближайшим курьером и впредь будем посылать курьеров регулярно.

Всего из Советской России получено 475.000 руб., при чем в феврале получено 50.000 руб., а в марте 300.000 руб. Имена тех, кто привез деньги, сообщим.

Доклад краток и несистематичен, благодаря необходимости спешно отправить курьера.

КАТЯ ФЕДОРОВА.

КАК МЫ БОРОЛИСЬ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

(Этот рассказ записан стенографом и в нем сделаны чисто грамматические исправления.)

Мои воспоминания начинаются с августа 1918 года.

Забыла уже, на какой станции мы были окончательно разбиты чехами. Я была вместе с другими арестованными привезена в Иркутск. Нас отпустили под надзор.

На утро удалось встретиться с товарищами, остававшимися в Иркутске во время нашего отступления. Быстро восстановили связи в городе. Теперь надо было связаться с уцелевшими товарищами в других сибирских городах; для этого мне пришлось выехать в Томск и далее на запад.

В Томске все обошлось хорошо, нашла спасшихся товарищей и поехала дальше в Омск.

Когда я приехала в Омск, там шли аресты; случайно арестовали и меня, но так как улик никаких не было, то через пару дней меня освободили.

У меня теперь имелось представление о состоянии нашей организации—от Иркутска до Омска включительно. Люди сохранились, но была некоторая растерянность, не знали, что и как нужно делать. Во что бы то ни стало требовалось пробраться в Москву и получить указание от ЦК партии.

Я поехала дальше на запад. Приехала в Самару; там тревожное положение: ждут красных. Группа поляков получила разрешение выехать в Сызрань; я к ним пристроилась; поляки были беспартийные, кто я, куда и зачем еду—они не спрашивали.

Приехали в Сызрань. Чтобы добраться до Кузнецка, нужно было нанимать лошадей. Крестьяне запросили за подводы большие деньги; они не были к большевикам враждебно настроены, ругали чехов и учредиловцев, всех нас, в том числе и поляков они считали большевиками.

Добрались до Кузнецка. Около города шел бой, крестьяне прятались. Кое-как попала в поезд, шедший на Москву.

В Москве явилась в Центральный Комитет к Новгородцевой, рассказала ей, что происходит в Сибири. От нее я узнала, что из Иркутска приехал некий Толстов от группы независимых анархистов. Так как все революционеры в Иркутске мне были хорошо известны, а о Толстове я ничего не слыхала, то я очень хотела его увидеть. Он внушил мне подозрение. Однако очной ставки сделать не удалось, ибо Толстов, получив деньги в ЦК, выехал на фронт в район Самары. Как потом, уже значительно позднее, я узнала, он повез с собою из Самары большое количество взрывчатых материалов, якобы для порчи железнодорожного пути в

Катя Федорова.

Сибири. По дороге этот груз он бросил, приехал в Иркутск, ни с кем не встречался из революционеров, вел себя безобразно, пьянствовал и за какой-то дебош в ресторане был арестован белыми. Белые его держали около года в Иркутской тюрьме, где мне пришлось его видеть. Когда пришли советские войска, то было наряжено следствие, на котором установили все его аферистские проделки. Его расстреляли.

Меня вызвал Як. М. Свердлов; расспросив подробно о Сибири, он предложил мне опять туда ехать, при чем дал указание, чтобы товарищи обратили внимание на крестьянское движение против Сибирского правительства. Затем он направил меня в штаб Восточного фронта к И. Н. Смирнову.

Штаб фронта находился в Арзамасе. Мы приехали туда четве-

ро: я, Татаренко—рабочий из Омска, Гольцман и Волков. Это было в конце октября 1918 года.

Троих из нас отправили в Пермь, где была третья Армия, а Гольцман поехал в Симбирск.

Теперь перейти фронт оказалось не так-то легко. Переодевшись в подходящее платье,—изображала я горожанку-мещанку,—я проездила недели две вдоль фронта и нигде не могла проскользнуть.

Крестьяне относились разно: было много очень враждебных к большевикам, встречала немало и сочувствующих. Во время этой поездки раз попала в село верст шесть длиною; на одном конце села стояли красные, на другом—белые; конечно, тут нечего было и думать пройти.

Несколько раз я выезжала из города Оса к нашим передовым линиям, и все ничего не получалось.

Обдумав положение, я решила взять из детского дома маленького ребенка и с ним пробираться, как бы разыскивая мужа.

Пришла в детский дом, сказала, что хочу взять на воспитание ребенка; стала выбирать. Нужно было взять такого, которого не надо было кормить грудью и который не умел бы еще говорить. Выбрала девочку. Теперь надо было ее одеть. Достали реквизированные вещи в этом же приюте и из них сшили ей одежду. Ребенка мне в приюте дали очень охотно.

Взяв ребенка, приехала в Пермь. Там посоветовавшись с Лобковым, Лашевичем и Косаревым, решила отправиться через пятую Армию.

Ехать пришлось опять через Москву. Зашла к Новгородцевой, рассказала про свои неудачи. Она меня поругала по-товарищески за нерасторопность и направила к И. Н. Смирнову. Он в это время приехал в Москву. От него получила я деньги для подпольной работы. В то время у нас здесь и в Сибири ходили одинаковые денежные знаки—старые царские и керенки. Все деньги я спрятала в детские игрушки, в железную ручку чайника и в ботинки, особо для этого случая сшитые.

И. Н. дал направление—перейти между пятой и четвертой Армиями.

В Самаре, где был штаб четвертой Армии, начальник особого отдела Армии рассказал, как можно пройти на ст. Абдулино и дальше на Уфу. Посмотрела я карту, запомнила названия нужных сел и деревень и отправилась.

Теперь мы ехали вдвоем с одной работницей, тоже отпра-

влявшийся в Сибирь, но она ехала не по партийным делам, а по личным: муж у нее там был.

Вот привезли нас в одну нейтральную деревню,— она была между белыми и нашими,— и в ней нас оставили. Отсюда мы уж должны были сами действовать. Ехали на подводах, которые нанимали у крестьян-татар. Цены они запрашивали очень большие. Подозрение мы у них не вызывали главным образом потому, что обе были с ребятами—у меня почти грудной младенец, а у моей спутницы—трехлетний. Относились они к нам не плохо, о происходившем ничего не говорили, больше молчали.

Весь путь от Самары до Уфы был не менее 500 верст. Раза два на этом пути нас останавливала разведка белых. Спросили: «Кто?». Крестьянин отвечает: «Едут бабы с ребятами». Нас бегло обыскали, ничего не нашли, и мы поехали дальше.

Уфа была занята белыми. Чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку при въезде, мы слезли с лошадей верст за пять до города и пошли пешком.

Пришли в Уфу и не знаем, где остановиться. В городе паника, эвакуация; было это в декабре. Зашли в какую-то подозрительную гостиницу; она была переполнена офицерами и солдатами.

Оставила я свою спутницу в гостинице с детьми, а сама бегу на вокзал. Узнаю там, что надо достать пропуск у коменданта, но получить его трудно, тем более что документы у меня были ненадежные.

Еще когда я в Москве была у Новгородцевой, возник вопрос о моих документах, так как никто меня в Москве не знал. Тогда я съездила в Петроград, где раньше работала на фабрике в Нарвском районе; с фабрики и от Петросовета, членом которого была я в свое время, я добыла нужные удостоверения для ЦК. Но эти документы оставила в Перми у Лобкова, который взамен их дал паспорт на чужое имя.

Вернулась в гостиницу, взяла ребенка и пошла к коменданту. Пришла, протолкалась к нему и залилась слезами: «Вот,—говорю,—отец в Сибири, а я с ребенком здесь, как же мне быть?».

Комендант дает пропуск. Тогда я прошу пропуск и на свою спутницу. И на нее выдали пропуск.

Не теряя времени, бегу на вокзал, так как уходит эшелон, а я боюсь: не последний ли? Взяла билет, а в вагон попасть нельзя—полон солдатами, да туда женщин к тому же и не пускали. Так как у меня на руках пропуск от коменданта—

бегу я к вагону, в котором едет поездная бригада. Нас пускают, и мы едем.

Служащие смотрят на нас подозрительно; говорить с ними трудно, они выспрашивают кто, да откуда, где работают мужья Я говорю, что муж служил в Иркутске, был здесь и выехал днем раньше. Они догадываются, что я их обманываю, становятся грубы, требуют денег. Как остановка, так давай на бутылку; мы им: «Откуда у нас деньги, что вы!». Спутница моя испугалась и два раза дала им деньги.

Ехали плохо: поезда шли очень тихо, то и дело портился паровоз. Больше стояли, чем ехали, а из вагона показаться боялись: вдруг кого-нибудь встретишь.

От Челябинска я ехала одна, так как спутница моя испугалась и дальше не поехала. В Челябинске пришлось двое суток просидеть на вокзале в ожидании возможности попасть в поезд. За эти дни ужасно я устала. Наконец, с тем пропуском, который у меня был, удалось мне попасть в штабной вагон, и в нем я благополучно доехала до Иркутска.

Были сильные морозы. У ребенка отморозилась щечка. А я еще и не знаю, кто в Иркутске цел и куда мне итти. Наугад зашла в какую-то квартиру и говорю: «Дайте потереть чем-нибудь ребенка—замерзает». Отнеслись хорошо. Обогрелась я, и меня даже чаем напоили эти незнакомые люди.

Разговариваем. Говорю им я: «Вот еду из Читы к знакомой в Иркутск, адрес ее забыла, теперь вот и блуждаю по городу».

В Иркутске я знала одну видную меньшевичку, мне казалось, что она не могла быть арестована, и я долго колебалась—не зайти ли мне к ней; однако, в конце концов, к ней я не пошла.

Очень меня связывали ребенок и его игрушки, в которых находились деньги для организации.

Наконец, я разыскала товарищей, Алексеева и Бабичева; поселилась я у последнего, ибо его квартира считалась более надежной.

Прожила там я девять дней; связалась со всей Иркутской организацией, выяснила, что у них есть, передала им деньги, которые получила в Центральном Комитете; информировала их о положении в Советской России и все директивы Я. М. Свердлова им изложила, а именно: теперь надо переносить центр внимания на партизанскую работу.

Девять дней я прожила в Иркутске, и все эти дни ушли

на ознакомление с состоянием организации. Наши товарищи сильно бедствовали, многие были без работы и жили кое-как. В это время видные и опытные партийные работники, какие сохранились, как-то отошли от организации. Работала все больше молодежь.

Вот к этим-то молодым товарищам явились эсеры с таким предложением: вести объединенную работу против Сибирского правительства. В это время эсеров уже начали преследовать и сажать в тюрьмы.

Наши ребята сначала согласились было, но с моим приездом отказались; использовали мы отдельных эсеров, когда было нужно, но работали от них совершенно отдельно.

Сделав все, что нужно было, в Иркутске, я поехала в Томск; об Омске мы знали по газетам, что там, после неудачного восстания 20 декабря, были большие аресты и расстрелы.

Ребенка, привезенного из Перми, я поместила в детский дом. В Иркутске у меня оставался свой ребенок 1 г. 3 мес., я его взяла с собой и поехала. Еще в Иркутске я заметила, что у меня начинается жар, но я не обратила на это внимание. Со мною ехала тов. Лушникова, которой нельзя было оставаться в Иркутске.

И вот в дороге я заболела сыпным тифом. Когда я приехала на станцию Тайга, то была уже без сознания. Пришла я в себя в Томске, в какой-то гостинице. Очень подозрительная была эта гостиница, много в ней было офицеров и солдат. Лушникова все время была со мной, привела врача; он осмотрел и велел везти в больницу. Уж и не помню, как я очутилась в заразном бараке.

Ребенка моего Лушникова отвезла к одной фельдшерице в Судженские копи. Так как я лежала и не могла увидеть товарищей, то передала явки Лушниковой, но она не успела ничего сделать. В больнице пробыла я около двух месяцев; вышла оттуда 23 февраля.

Когда кризис прошел, Лушникова приехала за мной и увезла меня к той же фельдшерице на Судженские копи. Через несколько дней я настолько оправилась, что могла ходить.

26 февраля приехала я из копей в Томск. В тот же день разыскала товарищей; в этот день происходило и заседание военного штаба.

На этом заседании обсуждался вопрос о восстании, и было решено восстание начать 1 марта. Срок для подготовки был

очень мал. Товарищи были очень уверены в успехе, надеялись на мобилизованных. Была группа независимых анархистов, они тоже должны были принять участие. Я не верила в успех восстания, так как оно было одиночным и удержаться было бы нельзя, но считала, что его надо произвести, дабы расстроить тыл противника и показать пример другим городам.

В ночь на 1 марта на одной квартире мы устроили санитарный пункт. Собралось там несколько партийных работниц.

Восстание не удалось. По условию, должны были взорвать офицерский клуб, в котором в это время был вечер; затем вооруженный отряд коммунистов должен был соединиться с солдатами. А вышло так, что взрывом было убито только несколько человек, а наших товарищей, подошедших к клубу, встретили выстрелами; солдаты же из казарм не вышли.

Тогда оставшиеся решили перенести восстание на несколько дней.

В назначенный день и час собрался штаб в 16 человек. Я не попала туда случайно: мне указали время на час позднее. И вот явилась полиция, и весь штаб был арестован. Через несколько дней военно-полевой суд их всех приговорил к смерти. Погибли самые активные работники. После этого удара Томская организация страшно ослабела.

Оставшиеся в живых были деморализованы и искали провокаторов, виновных в провале.

В это время в Омске собралась 3-я Сибирская конференция. Томичи меня туда послали.

Жить и работать в подпольи в то время было очень трудно. Много было предательства и провокации, но часто губили наших товарищей и обыватели своими доносами. Все время приходилось быть настороже.

Помню такой случай: наших пленных товарищей из Красной Армии и партизан белые вешали на телеграфных столбах, и когда бывало едешь по жел. дороге, то попадали такие места, где на каждом столбу висел человек.

И вот раз едем и видим все это, а в вагоне сидит какой-то рабочий, по виду не сибиряк; он громко возмущается и говорит такие слова: «За каждую пролитую каплю крови рабочих прольются потоки крови буржуазии».

Мы сидим молча, не знаем, кто он и почему так говорит. И все в вагоне молчат, но, видимо, согласны с говорившим. Никто ему ничего не возразил и никто его не тронул.

А другой раз было хуже. Ехала я из Иркутска в Томск по поручению организации; на какой-то станции пошла в буфет, и вдруг меня встречает одна женщина, которая знала меня по советской работе в Иркутске. И вот она начинает кричать, что я пользуюсь награбленными деньгами!

Я ушла из буфета, ничего не купив, и вошла в другой вагон. И вижу: ищут меня—идет эта женщина с чехами-солдатами. Указывает на меня. Меня хватают, ведут на станцию в караульную комнату, раздевают, отрезают косы, бьют. Я потеряла сознание. Очнулась—лежу где-то на полу; там лежат связанные люди. Пришла в себя—денег нет, чехи отобрали. Смотрю и молчу: не знаю, где я и что за люди. Подходит фельдшер и говорит: «Вы—на перевязочном пункте, вы арестованы, но вы бегите отсюда»,—и показал, как можно уйти. Я ушла; добралась до Томска и совершенно случайно попала на второй арест: попала на засаду. К счастью, не было никаких улик, и меня тут же отпустили.

Такие случаи бывали не только со мной.

Сибирская конференция в Омске состоялась. Приехали делегаты с самых отдаленных мест Сибири, вплоть до Владивостока. На конференции были приняты решения поддержать партизанское движение, придав ему организованность и планомерность, и ряд других важных постановлений.

Рабинович, работавший в Областном комитете, предложил мне поехать в Москву и сообщить о состоявшейся конференции. Я согласилась, конечно, но должна была сначала вернуться в Томск, отчитаться и передать все имевшиеся у меня связи как в Томске, так и на копях. Когда я все это сделала, поехала обратно в Омск для выполнения полученного задания.

И вот в Омске я узнаю, что наш Комитет весь арестован: и Рабинович, и Масленников, и Вавилов, и много других товарищей, что их уже всех расстреляли.

Но все же надо дело делать. Нашла я кое-кого из уцелевших, попросила добыть мне паспорт; какими-то путями, через эсеров и польских социалистов, мне достали паспорт, и в тот же день я выехала в Уфу.

Когда приехала в Уфу, оказалось, что дальше ехать нельзя: близко красные. Тогда я решила поехать пароходом в Стерлитамак, рассчитывая, что там легче перейти фронт. Пропуск я сумела достать и благополучно доехала до этого городка.

На пароходе ехали сестры милосердия из белой армии. Я с ними остановилась в одном доме.

Не знаю почему, но через час по приезде в Стерлитамак меня арестовали на улице,—повидимому, следили.

Привели меня в штаб контр-разведки; снимают допрос: кто, откуда, как сюда попала, зачем. Не знаю, что им сказать, ибо трудно объяснить свой приезд в Стерлитамак, где никого нет знакомых. Говорю им: «Не ваше дело».—«Как это не ваше дело?! кричат,—«Ладно».

Перевели в другую комнату, допрашивают с револьвером. Обыскали. У меня были на тонкой материи написаны Рабиновичем некоторые сведения для ЦК, эту записку я зашила в одежду, и ее не нашли. На беду, у меня было с собой два паспорта, и я не успела один из них выбросить.

На допросе спрашивают, почему у меня два паспорта. Я отвечаю, что один на всякий случай приобрела и что еду в Петроград к родным. «А где ты раньше жила, где ты прописана была?» А я все это перезабыла. Молчу.

Они погрозили револьвером, плетьми. Ничего, молчу. Посадили меня с конвоем в караулку, а рядом пленные красноармейцы. Конвой ужасно груб и дерзок. Красноармейцев, которые сидят рядом, за стеной, выводят группами на расстрел. Потом вывели партию красноармейцев и меня с ними. Повели по направлению к Уфе. Мы идем и слышим, где-то идет перестрелка—это красные наступают, а конвойные ругаются и грозят: «Вот мы вас расстреляем». Шли так верст сорок. Вышли на железнодорожную станцию, но сесть в поезд нам никак нельзя: все поезда забиты.

Денег у нас не было, хлеба нам не давали. Здесь, на станции, конвой сменился, и новый конвой повел в Довлеканово; пришли мы туда в 2 часа ночи. Отделили меня от красноармейцев. Этапный командир вызывает меня в свою комнату, спрашивает: «Как фамилия?». Я решила не отвечать и молчу.

Он говорит: «Расстрелять ее, но сначала посадить, а я сделаю распоряжение взводу, который поведет на расстрел».

Увели меня в подвал. Это была маленькая комната, битком набитая, так что можно стоять, а сидеть или лежать нельзя. Меня посадили отдельно, за решетку. Через полчаса врывается этапный командир, с явными насильническими намерениями, совершенно пьяный. Я от него отбиваюсь. Он выхватил шашку; я схватила шашку, свеча погасла; шашка ударила меня по ноге. Он упал. Вырвалась я, а за решеткой красноармейцы кричат: «Не смей насильничать». Ушел он. Через несколько минут

выводят нас и выстраивают. Я очень ослабела. Прошла пять верст—не могу итти! Посадили меня на подводу. Кое-как добрались до Уфы.

В Уфе отделили меня и увели в штаб контр-разведки на допрос. Я ничего не говорю. Они бьют. Делали они это так: бьют плетью, пока не теряешь сознание; когда забудешься, они перестают бить и обливают водой. Как только приходишь в себя, опять бьют плетью.

На всех их вопросы я отвечаю: «Никаких сведений вам не дам». —«Значит, ты советская?». Я молчу. Опять бьют. Я теряю сознание. Пришла в себя—слышу говорят: «Златоуст».

Не помню, как туда попала. В Златоусте меня сажают в товарный грязный вагон. Там пленные красноармейцы.

Так мы доехали до Челябинска. Красноармейцы в дороге ко мне относились очень внимательно, и когда я теряла сознание, они мне помогали.

Мне было очень трудно, тело было избито и представляло сплошную рану. Белье пропиталось кровью, засохло и было, как кора. Я не могла от боли ни лежать, ни сидеть, все время стояла на коленях, и они у меня от этого вспухли. И часто я теряла сознание.

В Челябинске меня посадили на этапный пункт на станции. Комната маленькая, грязная. Много арестованных мужчин. Они мне уступили место на нарах. В 12 ч. ночи является этапный командир, угрожает. Но я уже привыкла к угрозам и не обращаю на него внимания.

Мне дают пять человек конвоя и отправляют в Петропавловск, где сдают коменданту города. Там держали не долго. Посадили в поезд и отправили в Омск. В Омске поезд стоял около двух часов. В вагоне был конвой, и окно было открыто. Я оторвала от платья тесемку, взяла у арестованных карандаш и бумагу и опустила в окно записку. Кому она попадет—не знала.

В записке я дала адрес одного омского товарища, просила притти, написала свое имя и номер вагона. Какая-то проходившая женщина взяла записку, а минут через сорок к вагону подошла дочь железнодорожного рабочего Татаренко. Я ее узнала, ибо бывала у них на квартире. А она смотрит и не может меня узнать: так сильно я изменилась.

И говорит она мне: «Ты что-нибудь мне напомни или покажи, чтобы я тебя признала».

А у меня были ее резинки, которые она мне дала, когда я

уезжала из Омска. Я ей показала их, и только тогда она уверилась что я есть действительно я.

Она убежала в город и принесла вещи и деньги. Я переоделась. А Татаренко сказала рабочим, что я в вагоне. Они решили меня освободить.

Но, как потом я узнала, они пришли на вокзал тогда, когда наш эшелон уже ушел.

Начиная от Омска, я уже не теряла сознания. В Иркутске допрос был краткий. Меня отправили в тюрьму и перевели на больничное положение.

Освободилась я так: из тюрьмы брали на работы в огороды заключенных. Мне устроили выход на эти работы. Мы и жили в восьми верстах от огородов. Этими огородами ведал один сочувствующий.

Оттуда я уже свободно ушла в Иркутск, где как раз происходила конференция.

Организации нашей было очень трудно.

Работа в Иркутске затруднялась в то время не только тем, что нас сильно преследовали и арестовывали, но также и потому, что у организации совсем не было средств. Тогда мы решили сделать экс.

Нашлось штук десять револьверов, которыми мы и воспользовались для этой цели.

Мне поручили пойти в один мануфактурный магазин, потребовать от владельца 50.000 руб., пригрозив ему, в случае упорства, револьвером.

Захожу я в магазин с револьвером и говорю хозяину: «Дайте 50.000 руб.». Он посмотрел на меня и выдал деньги, только попросил расписку в получении. Выдала я ему эту расписку и ушла. Все это произошло очень быстро.

После этого товарищи предложили мне уехать в Тулун. Я туда поехала.

В Тулуне имеется детский дом, и меня туда устроили сестрой.

Разыскала я в Тулане своих ребят. А время было такое, что надо было действовать: белые отступали, недалеко были войска генерала Каппеля, а вдоль железной дороги всюду появились партизаны. Недалеко от Тулуна действовал отряд тов. Бурова.

Мы стали вооружать рабочих. Чехи ушли, меня посылают в Иркутск за оружием. В поезд я не могу попасть, поехала на лошадях. Успела доехать до станции Зима. Там положение

такое же: чехи уходят, власти никакой нет, ждут прихода каппелевцев.

Образовался ревком, в котором, кроме нас, были и эсеры, но руководство было наше. Заняли мы большой дом, где был театр, укрепились и стянули из соседних сел все силы в Зиму. Чехи должны вот-вот уехать эшелоном. И мы решили встретить каппелевцев, загородить им дорогу (мы не знали, что их идет около 10 тысяч); в пяти верстах от Зимы мы устроили фронт: заняли удобные места, расставили пулеметы. А все же оружия нехватает, и опять мне предлагают ехать в Иркутск за оружием. Однако до Иркутска от Зимы 300 верст, если не больше. Оделась я крестьянкой и пошла на вокзал.

Пришла туда—и что же вижу: чехи, которые раньше грузились в вагоны, теперь стоят в боевом порядке, и конница их впереди. Они, по всем данным, собрались не на каппелевцев, а на нас.

Бегу изо всех сил в штаб. Только вбежала в дом, а сзади рысью идет конница. Я вбегаю и кричу не своим голосом: «Бегите скорей, нас чехи окружили!». Кое-кому удалось выскочить с револьверами и убежать, а большинство не успело. А я пошла черною лестницей во двор. Выхожу во двор—чех с винтовкой и кричит на меня: «Ни с места!». Я ему отвечаю: «Что вы, с бабами воюете? Берите большевиков, а у меня дома дети орут». И, нагруженная револьверами, прошла мимо чеха.

Пришла на другую нашу квартиру, сожгла разные бумаги, были здесь винтовки—закопала их в снег, а револьверы спрятала в коровнике в сено.

Чехи арестовали в штабе наших товарищей, увели их на вокзал, заперли в товарный вагон и уехали. А в то время, когда чехи уходили, с другой стороны вошли каппелевцы.

Каппелевцы пошли по домам делать обыски и у кого находили оружие—уводили к канаве и там расстреливали.

Вышла я на улицу и не знаю, куда итти,—вернулась в дом. Вот входят солдаты—и к нам, ищут. Ничего не находят. Хозяйка ходит по избе и по двору и показывает по их требованию; когда она подошла в коровнике к тому месту, где лежали револьверы, она вдруг остановилась, точно ноги у ней приросли. Солдат кричит: «Чего стала!» и взмахнул шашкой; она согнулась, и шашка врезалась концом в крышу. Ушли от нас солдаты.

Каппелевцы в Зиме оставались пять дней. Были они голодные, как звери. Раз пришел к нам один каппелевец и говорит:

«Дайте есть!». Я взяла ведро, не зная, что̀ в нем, поставила перед солдатом. Он жадно глотает. Когда он ушел, хозяйка говорит. «Ты чего ему дала-то?». Посмотрела я на ведро, а ведро помойное! Солдат же был так голоден, что не заметил, что̀ ел.

Пошли мы к канаве смотреть расстрелянных и искать среди них членов штаба. Лежат рабочие, около сотни, убитые, изуродованные. Не выдержала я и побрела от них на вокзал. Иду по путям мимо вагонов, слышу—стучат в одном вагоне; подошла—наши товарищи там! Побежала я по квартирам, собрала несколько человек. Пришли, сорвали пломбы, открыли двери, говорю им: «Тише, кругом каппелевцы, я дам сигнал, когда можно бежать». Все убежали,—их было 18 человек.

Ночью каппелевцы стали отступать. В 12 верстах от Зимы они бесчинствовали, насиловали женщин, грабили.

На следующий день мы устроили заседание, обсуждаем, что же теперь делать?

Начало смеркаться, и вот видим, едет красноармейская разведка. Мы бежим ей навстречу и, не помня себя от радости, кричим «ура!».

Сейчас же послали для связи своего товарища к начальнику отряда, создали Революционный комитет и приступили к восстановлению Советской власти.

КАК ПРЕДСТАВЛЯЛАСЬ КОЛЧАКОВЦАМ НАША ПОДПОЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В СИБИРИ.

(Доклад № 13 начальника контр-разведывательной части при Главном Штабе от 12 марта 1919 г. начальнику Осведомительного Отдела Главного Штаба.)

Организация Российской коммунистической партии на территории Сибири, по имеющимся в моем распоряжении сведениям негласного характера, вылилась в следующие формы.

Высшими организациями, имеющими распорядительную и судебную власть над членами партии, являются партийные комитеты, находящиеся почти во всех городах Сибири в составе 5 лиц каждый. В крупных городах помимо общегородских комитетов имеются еще и районные, в составе от 3 до 5 лиц, в зависимости от развития организации. Ввиду современных условий, при которых приходится работать, и ввиду централизации в работе партии комитеты последнее время стали строиться не только по выборному принципу, но и через назначение ответственных лиц для организации комитета путем подбора. Такое отступление от демократических форм явилось отчасти следствием общего недостатка партийных работников, а отчасти как результат суровых репрессий со стороны государственной власти. Тяга к централизации усилила как партию, так и значение центральных партийных комитетов. В связи с этим работа стала вестись по однообразному плану и вследствие этого стала более продуктивной. В круг ведения партийных комитетов входит главным образом принципиальное разрешение политических вопросов и вообще руководство партийной деятельностью в зоне действия комитета. Кроме того от центрального комитета и от местных комитетов зависит финансирование всех подчиненных организаций и отдельных лиц. Таким образом партийные комитеты являются органами чисто распорядительными.

Далее, наиболее важной в партии является «военная партийная организация». Эти организации в центре и на местах в обыкновенное «мирное» время подчинены партийным комитетам, от которых непосредственно финансируются. В момент же восстаний все в партии переходит в распоряжение военной организации в лице командиров и штабов.

Военная организация партии строится по следующему принципу. Во главе организации стоит Центральный Комитет Сибири с кооптированным военным специалистом. Непосредственно военной работы этот комитет не ведет, являясь главным образом учреждением распорядительно-контрольным. Вся военная работа лежит на партийных военных штабах, которые имеются во всех крупных городах Сибири. Эти штабы, имея отделы по мобилизации, учету и снабжению оружием, разведке, подрывному делу, являются наиболее важными двигате-

лями военной работы. В каждом городе, где имеется штаб, последним ведется мобилизация боевых дружин, вооружение их, разведка сил противника и их стратегического положения. Штабом же назначается командный состав в рабочие военные дружины и те воинские части, которые большевистски настроены. В задачу мобилизационного отдела штабов входит агитация в войсках и создание из них послушных, революционно-настроенных частей.

Для координирования действий по подготовке боевых частей штабы иногда созывают съезд, обыкновенно с одним представителем от каждого штаба. Эти съезды, не имея решающего голоса, все же много способствуют упорядочению военной работы. До сего времени было два съезда.

Военная работа раскинута не только по городам, но и по деревням. Наиболее организована Алтайская губерния. Военная подготовка тормозится отсутствием оружия, с одной стороны, и малым количеством подготовленных военных работников—с другой. Кроме того с расширением работы иногда ощущается недостаток средств, которые регулярно получать из Советской России затруднительно. Одно время, ввиду полного безденежья, партия решила добывать средства экспроприациями, но последнее время, в связи с небольшой получкой денег и надеждой на скорое получение солидных траспортов с деньгами (транспорт обыкновенно не превышает 100.000 рублей), это средство было оставлено.

К весне предполагается усилить деятельность военных организаций, так как только весною партия решила начать серьезную военную борьбу с государственной властью.

Кроме создания боевых дружин из крестьян и рабочих, военная организация приступает к регистрации и подготовке тех красных отрядов, которые после поражения советских войск на востоке рассеялись по деревням. Пока в этом отношении сделано немного, но к весне партия думает усиленно мобилизовать эти остатки.

Следующим важным делом партии является создание организации по связи с Советской Россией и взаимному информированию. До последнего времени регулярной связи с Советской Россией не поддерживалось. Теперь же, в связи с расширением работы, серьезное внимание обращено и на это. На последних заседаниях предполагалось установить особые бюро по связи с Россией в городах Челябинске и Екатеринбурге. Эти бюро должны будут организовать более или менее безопасный путь через фронт путем создания в деревнях пунктов из сочувствующих большевизму крестьян. Кроме того эти же бюро должны заботиться об аккуратном получении информации от комитетов Сибири для отправки в Советскую Россию.

В самом городе Омске партия предполагает образовать особое разведывательное бюро для разведки в военных и гражданских государственных учреждениях. Так как для этой цели нужно было ассигновать солидные суммы для оплаты сотрудников, то его решили открыть по получении денег из Советской России.

Кроме того в партийных комитетах имеется учреждение, которое хотя и не является боевой частью организации, но морально усиливает вес партии, это—пролетарский красный крест, в обязанность которого входит взятие на учет и обеспечение всех семей красноармейцев, находящихся в тюрьмах и побеге, а также и обеспечение семей партийных работников, арестованных на партийной работе.

На это учреждение партия тратила солидные суммы, хотя красный крест имеется еще далеко не во всех городах.

В городе Омске существует центральный городской комитет, куда входит по одному представителю от четырех районных комитетов (город Омск разбит на 4 района). Районные комитеты, в составе от 3 до 5 лиц, организуются путем посылки туда делегатов партийными ячейками, сконструированными по системе десятков; каждый десяток составляет партийную ячейку.

По той же схеме организована в городе Омске и военная организация с районными штабами в каждом районе из трех лиц и центральным военным штабом во главе из пяти лиц. Имеется также и отделение пролетарского красного креста.

В связи с выступлением 22 декабря и 1 февраля и работой контр-разведки, бывшая коммунистическая дружина 4-го района (ст. Куломзино), вместе со штабом и командным составом, уничтожена полностью; арестованы и по приговору прифронтового суда расстреляны районный штаб и командный состав 2-го района (часть города между вокзалом ветки и рекой Омкой); сильно расстроены партийные организации в остальных частях города и отделение пролетарского красного креста.

На Сибирском (партийном) съезде Российской коммунистической партии, бывшем в ноябре месяце в городе Томске, было постановлено начать подготовку вооруженного восстания на территории всей Сибири. Срок восстания съезд точно не установил, но все-таки были высказаны пожелания закончить подготовку к весне и тогда же организованно начать восстание на территории всей Сибири. Крупным пунктам, как Иркутск, Томск, Омск, было дано условно разрешение на поднятие восстания в случае их готовности и до весны. При организации общесибирского восстания партия решила обратить внимание на создание боевых дружин среди рабочих, на организацию таких же дружин в деревнях среди крестьян и вооружение их тем оружием, которое имеется в настоящее время по деревням у крестьян, и, главное, на подготовку воинских частей к участию в восстании. Что касается первого, т.-е. создания боевых дружин из рабочих, то в этом отношении партия кое-что создала и создает: во всех крупных городах, на больших станциях, рудниках и копях имеются хотя небольшие, но на военную ногу организованные дружины. Правда, эти дружины не все вооружены. Примерно только 50% всех дружинников имеют оружие. Численный состав дружин колеблется от 400 до 20—30 человек в мелких пунктах. Например, такие города, как Томск, Красноярск, имеют около 800 человек, Челябинск—около 300 человек. Омск, в отношении рабочих дружин, отстал от других городов, в особенности после 22 декабря, где на станции Куломзино была разбита бо́льшая часть дружинников. К весне партия предполагает вооружение этих рабочих дружин несколько дополнить тем оружием, которое закопано в земле и которое, по причине зимнего времени, достать сейчас почти невозможно. В общем, свои боевые рабочие дружины партия считает хотя и надежными, но во всяком случае не главными силами.

Что же касается организации крестьян для восстания, то в этом направлении партия к весне предполагает сделать многое, использовав то недовольство, которое существует сейчас в деревне. В деревне работа ведется так: организуются партийные ячейки, которые ведут агитацию за вооруженное восстание и за поддержку восстания, если оно вспыхнет в городе. Кое-где среди крестьян, судя по докладам на партийном съезде и по имеющимся

во вверенной мне части сведениям, только производят сборы денег на ведение работы и на покупку оружия; последнее—как исключение, так как в деревне оружия почти негде купить. Партия возлагает большие надежды на поддержку крестьян в случае восстания в городах.

Третье и, пожалуй, наиболее важное, на чем базируется партия, это—воинские части. Политика партии в этом такова: в каждой роте и команде местная военная организация старается создать ротный партийный комитет или ячейку. По обыкновению, регулярно назначаются собрания с представителями нескольких ротных комитетов или ячеек. Цель этих собраний—подготовить части к выступлению и завязать через посредство этих представителей новые связи. В этой работе партия достигла очень значительных успехов, в особенности в городе Омске. К 22 декабря таким образом был организован почти весь гарнизон, за исключением двух или трех рот казачьего полка и батальона ставки Верховного Правителя, в котором прочно обосновались социалисты-революционеры.

По документальным данным, вооруженное выступление, имевшее место в городе Омске в ночь на 23 декабря 1918 года, могло бы принять грандиозные размеры, если бы Омский центральный военный штаб, получив уведомление об аресте контр-разведкой штаба 2-го района и боевиков на двух конспиративных квартирах и опасаясь арестов, не отдал бы распоряжения о приостановке дальнейших действий, при чем это распоряжение не было во-время получено в 4-м районе, чем и объясняется выступление рабочих на ст. Куломзино и в пос. Ново-Омск.

После этого выступления настроение среди большевиков в воинских частях и рабочих кругах города Омска сильно понизилось, и многие лица, принимавшие участие в выступлении, поспешили скрыться из Омска.

Еще последнее, на чем базируется партия, это—военно-пленные Германии и Австро-Венгрии. Среди них тоже имеются коммунистические комитеты. Военно-пленные в случае переворота тоже примут деятельное участие, и из них имеется в виду создать наиболее боеспособные войска.

Все это подтверждается имеющимися документами, из которых усматривается, что в программу действий мятежников при вооруженном выступлении в ночь на 1 февраля 1919 года входило разоружение 3-го батальона Новониколаевского полка и передача отобранного оружия содержащимся в концентрационных лагерях военно-пленным, которые после этого должны были примкнуть к восставшим солдатам.

Подлинный подписал: Генерал-майор *Бабушкин.*
С подлинным верно: Начальник Центрального Отделения
военной контр-разведки подполковник *Караулов.*

Секретно.

Генерал-квартирмейстеру Штаба Верховного Главнокомандующего. Для сведения.

Начальник Осведомительного Отдела Главного Штаба,
Генерального Штаба полковник (подпись).

марта 1919 года, № гор. Омск.

Начальник контр-разведывательной части, генерал майор *Бабушкин.*

К АРЕСТУ МАСЛЕННИКОВА И РАБИНОВИЧА.

Начальник отдела контр-разведки при Штабе Верховного Главнокомандующего начальнику контр-разведывательной части Осведомительного Отдела Главного Штаба.

Копия.

Совершенно секретно.

26 марта 1919 г. № 1175. Гор. Омск.

Из совершенно секретного источника получены сведения, что «Большевистская Организация» в Сибири возглавляема в лице некоего Наутельбаума, делегированного в Сибирь из «Советской России» от ЦИК'а. В настоящее время в Омске происходит заседание «Всесибирской Конференции Рабочей Коммунистической Партии Большевиков», председателем коей является тот же Наутельбаум. В первых числах марта в Челябинск из Омска был делегирован некто Рогоза, который приглашал на Общесибирскую Конференцию делегата от Общегородской Конференции города Челябинска и в средних числах сего марта, с одним из делегатов от этой Конференции, выбыл на «Всесибирскую Конференцию» в город Омск.

Явка делегатов от Общегородской конференции, как города Челябинска, так и других, происходит на невыясненных квартирах, но известно, что паролями служат фразы: «сделайте мне деревянную трубу к граммофону», ответ: «делаю только ножницы»; «не нужно ли вам шевра три шкурки?», ответ: «я закупил очень много»,—после чего посланный (прибывший на Всесибирскую Конференцию) должен сказать, что он прибыл из такого-то города от «общегородского комитета» в качестве делегата.

Имеются указания, что от гор. Челябинска была делегирована на «Всесибирскую Конференцию» некая «София Кривая», по профессии фармацевт; приметы: еврейка, говорит с еврейским акцентом, лицо овальное, на левой щеке бородавка, носит шлем из верблюжьей шерсти с козырьком, состояла в Челябинске главой Отдела Красного Креста. Организация в городах производится следующим образом: в каждом городе собирается «Общегородская конференция рабочих коммунистической партии большевиков» из делегатов от всех цехов рабочих уезда и губернии, различных союзов и т. п. Эта конференция выделяет из себя: а) Военно-революционный Штаб, б) общегородской комитет и в) различные отделы, как-то: отдел связи, отдел Красного Креста, инструкторский отдел и т. п.

Вместе с Наутельбаумом делегирован из Советской России некий Тосман, стоящий во главе военно-революционного штаба в г. Челябинске, а членами этого Штаба: Голубев Василий, Лобков И. С. и Григорьев Дмитрий; по сведениям той же агентуры, из г. Челябинска выехали в направлении Омска: 1) Тосман Гирша—жгучий брюнет, 24 лет, волосы черные, длинные, зачесанные назад, рост средний, усы подстрижены (английские), бороду бреет, глаза впалые, черные, нос типичный еврейский, носит брюки на выпуск, длинное осеннее пальто темно-серого цвета, застегнуто на единственную пуговицу; ходит нараспашку, фуражка цвета хаки, козырек черный, лакированный; френч хаки, пуговицы черные, рубаха полосатая синяя с белыми полосками; 2) В. Голубев — еврей, около 25 лет, маленького роста, черненький, волосы стрижены ершом, бритый, черная шуба с коричневым меховым воротником, шапка татарская, по профессии портной, и 3) Д. Григорьев—лет около 30, среднего роста, русый, лицо худое, изнуренное, харкает кровью, бороду бреет, усы небольшие, ходит в серых валенках, длинном пальто солдатского сукна, шапка серо-коричневого меха, большая, мохнатая.

Сообщая об изложенном, прошу о розыске скрывшихся членов революционного Штаба и, в случае их ареста, препровождения в мое распоряжение.

Кроме того, прошу не предпринимать с своей стороны мер к ликвидации, ввиду имеющегося у меня по этому делу материала в связи с фронтом.

Полковник *Злобин.*

С подлинным верно: делопроизводитель подпоручик (подпись).

И. С.

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА.

В июле пятая Армия вышла из Уральских теснин на Сибирскую равнину. Мы подошли вплотную к рубежу, за которым, как многим в то время казалось, находилась новая Вандея, откуда контр-революция черпала свои силы.

Но эта Вандея оказалась далеко не такой черной. В ней самой кипела гражданская война, а появление на территории Сибири Красной Армии удесятеряло силы восставших, и положение белых становилось критическим. Это отлично понимали колчаковцы и напрягали все силы, чтобы отбросить нас обратно за Урал.

Первые бои в Сибири были особенно кровопролитны. Бой за Челябинск продолжался несколько дней и обошелся нам в 15.000 убитых и раненых. Город переходил из рук в руки. В самый критический момент выручили челябинские рабочие, которые, в количестве около 400 человек, ввязались в бой.

Появление этих людей, в рабочих блузах, с винтовками в руках, вызвало огромный энтузиазм среди красноармейцев. Важно было не то, что пришло четыреста новых бойцов,—они, конечно, и винтовкой-то владели не очень удачно,—а то, что красноармейцы всем существом почувствовали, что с ними народ. И несмотря на то, что нас было меньше и что патронов было так мало, что приходилось не раз ходить в штыки на противника без единого заряда,—моральный перевес решил дело. Челябинск был взят, противник отошел к востоку. Бои перенеслись в степь к реке Тобол и за Тобол.

В эти дни мы ниоткуда не получали подкреплений. Пятая Армия побеждала и таяла. Углубляться в Сибирь было опасно. Противник подвел подкрепления и перешел в наступление. Мы стали отходить в день версты по три, и при этом отступлении бывали такие случаи, как, например, с 1-й бригадой 26-й дивизии, когда она, отступая, разнесла целую дивизию противника, взяла 15 орудий и дела штаба дивизии.

Это было вовсе не исключением; за эти недели отступлений пятая Армия взяла у противника 59 орудий; к моменту перехода на левый берег Тобола белые были совершенно вымотаны и не в состоянии были форсировать реку, хотя технически и численно нас превосходили.

И все же мы вынуждены были вернуться за реку Тобол; мосты за собой взорвали. К нашему великому удивлению, белые взорвали один мост, которого не успели уничтожить мы: они боялись нашего нового наступления. Обе армии, совершенно вымотанные, залегли по обоим берегам Тобола.

Теперь весь вопрос был в том, кто скорее вольет подкрепления и даст боевые припасы. Красная Армия особенно страдала от недостатка патронов. В месяц нам отпускали 3—4 миллиона патронов, а день боя одной дивизии обходился в 200 тысяч патронов. Дисциплины огня в гражданской войне не было.

Наше отчаянное положение с боевыми припасами противник хорошо знал от перебежчиков-офицеров. Один из них, командир бригады Котомин, увел с собою около десятка офицеров. В Омске Котомин сделал основательный доклад белому командованию о состоянии Красной Армии (этот доклад был Колчаком разослан по дивизиям и попал нам в руки при захвате штаба дивизии бригадой Гайлита — 1-я бригада 26-й дивизии).

Технически мы были несравненно слабее белых. Морально — неизмеримо сильнее. Приведу один пример мужества не единиц, а массы.

В далекой киргизской степи, между Троицком и Кустанаем, в июле стоял 308-й полк; кругом — казачьи враждебные станицы. В одну из темных степных ночей на полк врасплох налетела казачья бригада. Полк был взят в плен. Комиссар полка, петроградский рабочий Петров, застрелился.

Казаки повели пленный полк в глубь степей. Они допытывались у красноармейцев, кто здесь командиры и комиссары (знаков отличия тогда не носили); били и одного рядового убили. Из полуторатысячного отряда не нашлось ни одного предателя.

А между тем шли дни; шло общение враждующих сторон; шли споры. И вот однажды казаки с красноармейцами устраивают собрание, на котором ставят вопрос: с кем им дальше итти — с Советами или с Колчаком?

Офицера пытались разогнать собрание, но были встречены винтовками. Собрание постановило итти с Советами. Тогда около 200 офицеров убежало дальше в степь, а несколько тысяч каза-

ков и красноармейцев пошли на запад к Красной Армии. Они выдали 40 пулеметов и все винтовки. А 308-й полк, прогулявшись по степи с казаками около 200 верст, вернулся после всего этого, как ни в чем не бывало, в свою бригаду; красноармейцы были недовольны только тем, что казацкие пулеметы у них отобрала первая Армия, в расположение коей их вынесло.

Такие случаи сознательности и мужества были далеко не единичны. К этому времени пятая Армия совершенно окрепла, и моральное превосходство над противником было огромно. К тому же на Урале в нее было влито пополнение из рабочих, испытавших режим Колчака. И все же положение наше было опаснее, чем когда-либо, ибо живой человеческой силы у нас было мало.

Перед нами расстилалась тысячеверстная степь, за ней — такая же необозримая тайга. Все это было еще в руках белых. За нами — тысячи верст от промышленных центров и разоренный Урал с эвакуированными заводами.

Там, далеко на западе, Деникин подходил к Орлу, а Юденич — к Петрограду. Июль 1919 года был переломным моментом в борьбе по всем фронтам. Мы были самым далеким, заброшенным отрядом Красной Армии, и в эти дни Москве было не до нас. Повидимому, надо было рассчитывать только на свои наличные силы.

Мы знали, что противник напрягает все силы, чтобы скорее дать подкрепления на Тобол, и что в самое ближайшее время он перейдет в наступление. Надо было во что бы то ни стало опередить его и взять в свои руки инициативу. И мы его опередили.

Впоследствии, давая объяснения своего последнего поражения, Колчак довольно верно определил его основные причины. В своей речи 4 ноября, т.-е. за 5 дней до своего отъезда из Омска в Иркутск, он так говорил на особом совещании общественных деятелей:

«Противнику удалось быстро перебросить в Сибирь новые резервы и он быстрее пополнял свои ряды местными силами, скорее, чем мы могли произвести мобилизацию, и армия наша отходит исключительно под давлением численно превосходного врага.

В чем причина этого явления? Здесь целая совокупность различных условий, но суть сводится к одному положению: противник сумел скорее нас пополнить свои ряды новыми силами.

Каким образом это произошло?

Предшествующий опыт перехода на сторону красных наших частей, созданных из мобилизованных в прифронтовой полосе, большевистски настроенных элементов, породил к новому пополнению недоверие как

начальствующих, так и старых бойцов. Мы посылали пополнения, но начальники отрядов отказывались разбавлять свои части этими пополнениями.

Нам приходилось пополняться с большим разбором, а между тем наш противник свободно пользовался местной живой силой, как благоприятной для него.

Опыт войны в Англии показал, что для подготовки хорошего пополнения необходимо потратить не менее 6 месяцев.

У нас для такого длительного обучения не было времени.

Противник же пополнял свои ряды без всякой подготовки».

Здесь верно все, кроме одного: никаких перебросок в Сибирь не было. Наоборот, из второй Армии, шедшей у нас на левом фланге, у нас взяли на Южный фронт 28-ю дивизию, а затем и остальные.

В августе Реввоенсовет пятой Армии принял решение произвести мобилизацию в Челябинской губернии. Не было никакой организованной власти в селах, никакого государственного принудительного аппарата; мобилизация могла удасться лишь как добровольная явка крестьян. И она была объявлена.

Что мы могли потерять в случае неуспеха? Абсолютно ничего.

Результат мобилизации превзошел все наши ожидания: в течение двух недель явилось 24.000 чел. Даже в тех волостях, которые покидала отступающая Красная Армия, крестьяне шли в армию. Мобилизация прошла самотеком.

Особенно удачно прошла мобилизация в Кустанае, куда отправился для ее проведения член Реввоенсовета Грюнштейн. В Кустанае в апреле было до нашего прихода крестьянское восстание. Белые жестоко расправились с восставшими. Всех вооруженных убивали, а руководителя восстания Жиляева повесили па площади.

В эти недели в нашем Запасном полку, стоявшем за городом, шла, как никогда, напряженная работа.

Огромную роль в подготовке мобилизованных сыграл у нас Запасный полк. Он был организован еще в то время, когда мы стояли под Бугурусланом; полк был тогда размещен в Сызрани. Мы шли вперед, и Запасный полк двигался за нами из Сызрани в Уфу, а теперь он стоял в Челябинске. Все приходившие пополнения поступали сначала в Запасный полк. Несколько недель работы — и они вливались в действующие части.

Начиная с весны 1919 года, на Восточном фронте стал наблюдаться переход на нашу сторону солдат. Из Реввоенсовета респу-

блики в то время было получено указание всех пленных перебрасывать на другие фронты. Нам на месте было виднее, что этих пленных было бы лучше использовать против Колчака. После наших настойчивых просьб нам разрешили использовать пленных и перебежчиков по нашему усмотрению. Впоследствии оказалось, что мы были правы. Сибирские крестьяне, боровшиеся с Колчаком в партизанских отрядах, не могли создать силы, достаточной для уничтожения колчаковщины. Мобилизованные, они пытались в городах восстать (Томск, Омск), но слабость сибирского пролетариата не давала им надлежащей опоры и в городах. Крестьянство искало того стержня, вокруг которого могла бы организоваться кре-

Допрос пленных.

стьянская масса. Этот организационный костяк пришел в Сибирь в лице пятой Армии, состоявшей в первые месяцы преимущественно из рабочих. В конечном счете Колчак был разбит сибирскими крестьянами, влившимися в пятую Армию.

Итак, в то время как 26-я и 27-я дивизии, совершенно обессиленные, стояли на левом берегу Тобола, а 35-я отбивалась на юге от казаков, — в Челябинске, в загородных казармах-бараках, сосредоточилось свыше 20.000 старых фронтовиков и подходили новые и новые толпы крестьян. Живая сила была, но не было обмундирования и оружия.

Справедливость требует сказать, что Востфронт предупреждал нас о том, что ничем снабдить нас не может, а начальник снабжения фронта, очень строгий человек, сдержал слово и не дал нам ни одной портянки.

Но мы и не рассчитывали на помощь с фронта, зная, что там не до нас. Мобилизованным еще в деревнях было объявлено, чтобы они шли в своей одежде. Большинство были солдаты империалистической войны, имевшие гимнастерки и шинели. За вещи выдавали деньги. Этот прием оказался удачным. Крестьяне нуждались в советских деньгах, ибо колчаковские знаки мы аннулилировали, и наши незначительные выплаты пришлись как раз во-время. Мобилизованные пришли одетыми.

Второе, еще более серьезное затруднение заключалось в том, что у нас не было винтовок. Тогда нам пришлось обратиться в Москву со следующей телеграммой:

«(Военная. Вне очереди.)

Москва, Кремль, Ленину.
Москва, Кремль, Троцкому.
Реввоенсовет Республики.
Реввоенсовет Востфронта.

Положение на фронте пятой Армии требует создания ударной группы, способной вырвать инициативу у противника. Республика не может дать Армии помощь живой силой; единственной надеждой является наш Запасный полк, усиленный мобилизацией Челябинской губернии. Мы имеем Запасном тринадцать тысяч, уже прибыло мобилизационных десять тысяч, ожидаем еще минимум двадцать, укрепрайоны вооружены на одну треть, людей имеют до шести тысяч. Всего можно бросить через три недели сорок тысяч свежих сил старых фронтовиков. Нет винтовок, всего имеем запасе пять тысяч. Надо дорожить каждым днем, ибо наступление врага усиливается. Дайте срочное распоряжение о высылке 15.000 винтовок, которые доставьте экстренно вне очереди. Ваше решение немедленно сообщите, ибо оно определяет наше положение.

Смирнов.»

Мы не получили всех просимых винтовок, но 8.000 успели нам прислать. И это было уже хорошо. Помимо этого, мы начали усиленный ремонт так называемых «заручных» винтовок. Каждый полк имел несколько сот отбитых винтовок и возил их с собою. Винтовки в большинстве требовали ремонта; полки цепко за них держались и вытянуть их было почти невозможно. Мы сообщили командирам полков, чтобы они высылали нам счетом старые винтовки, а мы их через две недели возвратим отремонтированными. После этого винтовки стали поступать сотнями.

В Челябинске в это время была развернута передвижная ремонтная мастерская, сначала в вагонах, а затем на бездействовавшем заводе «Столь».

Дело пошло не плохо: в день выпускали до 500 — 600 винто-

вок. Это нас очень устроило, и к концу обучения мобилизованных мы могли обеспечить их оружием.

В то время как пятая Армия собирала для последнего нажима новую силу из уральских рабочих и челябинских крестьян, — колчаковская армия с каждым днем становилась все менее боеспособной.

Сибирское крестьянство не желало войны вообще и с Советами в особенности; первая размолвка крестьян с Временным сибирским правительством и его преемником Колчаком произошла на почве мобилизации. Крестьяне ответили на мобилизацию партизанщиной и военными бунтами в городах.

Эту массу можно было держать в казармах и на фронте только железной дисциплиной.

Пока армия Колчака была невелика и офицерство составляло в ней значительный процент, это им удавалось. Но вот были произведены большие мобилизации крестьян, а офицеры в бою убывали, таяли; значение их падало уже просто потому, что их стало очень мало, не говоря о том, что моральное влияние их на солдат было ничтожно.

Солдат можно было только репрессиями удержать в повиновении. И на них белое командование не скупилось. Приведу один приказ генерала Матковского, очень характерный и вовсе не единичный:

«Приказ № 424 от 29 июля 1919 г., г. Омск.

В одном из эшелонов, следовавших из Томска на фронт маршевых рот, произошел следующий случай: по подговору нескольких преступников, крикнувших: «братцы, снимай погоны», солдаты эшелона стали резать у себя и у других погоны, при чем часть убежала с вокзала.

Эшелон этот состоял из только что призванных, бывших солдат, родившихся в 1897 г. Они видели развал нашей армии в германскую войну и, несмотря на мой предупреждавший их приказ от 8 июля с. г. за № 299, ничему не научились.

И вот результаты: по приговору суда расстреляно 19 человек за срывание погон и 19 человек за дезертирство. Имущество и землю их приказано отобрать... Солдаты, берегите себя и не верьте провокаторам, подосланным из той части бедной Руси, которой жестоко и несправедливо правит Бронштейн, назвавшийся Троцким...

Нам не до митингов, наша задача—установить порядок, а потом, как неоднократно говорил Верховный Правитель, сам народ, через своих представителей в Национальном Учредительном Собрании, устроит свою судьбу.

За Русь, за Русь святую и могучую, за Великую Россию! Ура!

Генерал-лейтенант *Матковский*.

29 июля 1919 г., № 424.

За несколько месяцев перед этим в Тюмени было расстреляно около сотни восставших солдат; да был ли хоть один сибирский город, где бы не было восстаний и жесточайших усмирений?!

Когда офицерство поредело, надо было найти какую-то новую силу, цементирующую крестьянскую по существу армию. В Красной Армии таким цементом были рабочие и деревенская беднота. Белое командование стало формировать добровольческие егерские батальоны. Туда вовлекался в первую голову цензовый элемент, а затем, вообще, кто угодно.

К слову надо сказать, что, когда наши подпольные организации были разбиты и у них уже не было надежды на успешное восстание, они стали посылать членов партии добровольцами в эти самые егерские батальоны исключительно для их разложения. В этих батальонах они были организованы в ячейки и вели очень интенсивную работу. В самом Омске, во время нашего наступления на этот город, произошло восстание егерей, при чем оно началось с того, что наши коммунисты — их было в батальоне всего несколько человек — забросали гранатами офицеров, а затем весь батальон перешел к красным.

Офицерский состав белой армии поражал своею тупостью, некультурностью. Это признает и сам противник. В наши руки под Челябинском попал один интересный документ, приводимый мною ниже. Автор его, капитан Колесников — начальник штаба дивизии—был изрублен со всем штабом нашим разъездом, и нам достались его записки; бо̀льшая часть их потом затерялась. Но вот в одной из них Колесников предлагает ряд мер по укреплению белой армии.

Как он характеризует руководящий состав армии?

«Прапоры, поставленные во главе полковых пунктов, безграмотны в деле разведки... Занятия (с солдатами) носят характер нудный, утомительный, а знаменитые «беседы», при полной неподготовленности командного состава, носят не доказательный, а скорее увещевательный характер. Солдаты неверны и далеки от офицера, что видно из сводок.

Литература и пресса убоги и совершенно не соответствуют ни духу солдата, ни его пониманию, ни его укладу жизни. Сразу видно, что пишет барин. Нет умения заинтересовать, поднять дух, развеселить и непреложно доказать. Во главе прессы стоят люди, не только абсолютно не военные и далекие от солдат, но даже просто безграмотные в военной психологии, истории, незнакомые с душой солдата и его укладом жизни.

Наезды гастролеров, порющих беременных баб до выкидышей за то, что у них мужья ушли в Красную Армию, решительно ничего не добиваются, кроме озлобления и подготовки к встрече красных, а между тем

в домах этого населения стоят солдаты, все видят, все слышат и думают...

Порка кустанайцев (за апрельское восстание. *И. С.*) в массовых размерах повела лишь к массовым переходам солдат, на некоторых произвела потрясающее впечатление бесчеловечностью и варварством.

С одной стороны работают опытные политические деятели (у нас Политотдел состоял почти сплошь из питерских рабочих и возглавлялся Чугуриным, по профессии кровельщиком. *И. С.*), а с другой—безграмотные «прапоры».

А что же предлагает капитан Колесников?
Увы, ничего нового, вот послушайте:

«Для того, чтобы бороться с агитацией и переловить главарей, надо поставить во главе контр-разведки опытного офицера-жандарма.

Влить в полки добровольцев, не жалеть денег на их вербовку (!).

Уничтожать целиком деревни в случае сопротивления или выступления, но не порки. Порка, это—полумера (!). Открыть полевой суд с неумолимыми законами.

Духовенство заставить (!) ходить в окопы, беседовать о вере, поднимать религиозный экстаз, проповедывать поход против антихриста. Мулл—тоже».

Вот почти все, до чего додумались умнейшие из колчаковцев. Они, действительно, создали «дружины св. креста и полумесяца».

Смешно и жалко звучали эти призывы к защите веры в Сибири, где мужик совсем не религиозен.

Но попытку апелляции к религиозному чувству колчаковцы сделали.

Было выпущено воззвание епископа омского о том, может ли христианин убивать вообще, а большевиков в особенности. Без особого труда епископ доказывает, что не только можно, но и должно убивать. А командующий фронтом свой приказ № 87 закончил такими «истинно русскими и православными» словами: «Вместе со мною, каждый по своей вере, сотворите горячую благодарственную молитву богу, сыну его, Христу, и пророку Магомету за дарованную победу... Первый шаг, великий шаг к окончательной победе над антихристом-большевиком сделан. Г.-л. Дитерихс».

И всю эту чепуху подписал немец Дитерихс. Люди, действительно, пустились во все тяжкие. Если высший командный состав был так ограничен и некультурен, то что же было внизу?

У меня было в руках донесение одного белого полковника. Он писал буквально так: «По достоверным сведениям, имеющимся

у меня, красные, отступая от Уфы, оставили в ней 500 женщин, специально подготовленных для агитации среди наших солдат». Сколько надо выпить коньяку и самогону, чтобы превратиться в такого идиота!

Офицерство разлагалось, пьянствовало; Омск в этом отношении особенно выделялся. На фронте было меньше таких возможностей, но и там процветало пьянство. Вот доклад начальника контр-разведки, касающийся атамана Дутова, того самого Дутова, который в своих письмах Колчаку сам предлагает ряд мероприятий по оздоровлению белой армии.

Доклад № 8.

Начальника контр-разведывательной части при Главном Штабе.

Составлен 6 марта 1919 года.

Начальнику Осведомительного Отдела Главного Штаба.

Прибывшие с оренбургского фронта лица передают, что в армии генерала Дутова полное разложение: командный состав потерял всякий авторитет; с офицеров срывают погоны; большинство их, во избежание инцидентов, ходит без погон. Казаки массами переходят на сторону большевиков и разбегаются по домам. Общественное мнение обвиняет во многом генерала Дутова, занимающегося больше кутежами, чем порученным ему делом. Передают, что во время последнего взятия Оренбурга красными, когда последние заняли уже часть города, генерал Дутов продолжал кутить в одном из ресторанов в другой части города, и что, несмотря на угрожающее положение Оренбурга, эвакуация почему-то не производилась и даже не был эвакуирован кадетский корпус, благодаря чему дети-кадеты в последний момент в легкой одежде должны были эвакуироваться походным порядком.

Генерал-майор *Бабушкин*».

Белая армия держалась на репрессиях и дисциплине. Когда она понесла ряд поражений и этих средств оказалось мало для сохранения боеспособности армии, — вспомнили, что можно воздействовать на солдат убеждением. И вот начинается агитационная кампания.

29 июля Колчак обращается к населению с воззванием. Оно в течение недели, изо дня в день, печатается во всех сибирских газетах:

«29 июля 1919 г., г. Омск.

Солдаты и крестьяне!

Всех вас зову я на общее дело. Солдаты должны рассеять те банды богоотступников, которые защищают гибельное для русских самодержавие народных комиссаров

Крестьяне должны мешать продвижению большевиков и помогать нашей армии, идущей спасать наш умирающий народ.

Все вы должны свергнуть власть Советов, давших народу голод, войну, нищету и позор.

Спешите! Уничтожив самодержавие большевиков-комиссаров, вы, крестьяне и солдаты, тотчас же начнете выборы в Учредительное Собрание.

Я вам обещал это перед лицом всей России и целого света.

Порядок выборов в Учредительное Собрание уже выработан, но война, которую ведут комиссары с армиями, спасающими родину, мешает всем нам избрать хозяина Русской земли и навсегда наладить нашу жизнь так, как это решит сам народ.

Поднимайтесь же все крестьяне, которых вели на защиту родины и к победе Пожарский, Суворов и Кутузов, горожане, рабочие и купцы, которых в смутное время поднял Минин.

Я вас зову во имя России, во имя русского народа.

Вперед на народных комиссаров. К Учредительному Собранию.

К спасению России, к ее величию, богатству, счастью, славе.

Все подымайтесь! Все вперед!

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий армией *Колчак*».

2 августа им дается приказ о целях и задачах борьбы с большевиками. Он начинает его весьма знаменательно:

«Ко мне поступают сведения, что во многих частях до настоящего времени остаются неизвестными цели и задачи, во имя которых я веду и буду вести с большевиками войну».

Вспомнил о целях войны накануне своей гибели! Впрочем, крестьяне, солдаты и рабочие были явно неблагодарной аудиторией. Скоро агитация по их адресу прекращается. Колчак дает суровый приказ о мятежниках. Теперь все внимание сосредоточивается на возбуждении энтузиазма у цензового элемента. Но и здесь бойцов не находят.

Собирается 5-й казачий Круг; самым характерным на нем были не резолюции, а речь Волкова—казачьего офицера, одного из главных действующих лиц в перевороте 18 октября 1918 года. Волков поставил перед Кругом вопрос: есть ли белая армия? Ответил на это он, конечно, положительно. Но самая постановка вопроса знаменовала всю безнадежность положения колчаковцев. Казачья верхушка собирает казачий Круг с целью мобилизовать всю казачью силу, но казачья масса уже колебнулась.

Первыми отошли уральские казаки. В дни Октябрьской революции они раскололись на две неравные части. Меньшая из них после чехо-словацкого выступления и захвата ими жел. дороги

отступила с Урала под руководством Н. Каширина и Блюхера и вышла к третьей Армии.

Теперь эти советские казаки с Кашириным шли обратно в свои станицы.

А в станицах остались женщины, дети и старики. Встречали они наши полки угрюмо, ожидая жестокой расправы от победителей. Наши красноармейцы, в большинстве—веселая жизнерадостная молодежь, были очень далеки от каких-либо мстительных чувств, хотя им местами, на походе, в станицах даже воды не давали; тем не менее они к казакам отнеслись очень дружелюбно.

В разной степени, но все они сознавали, что несут с собою новую правду, и это чувство своей правоты, своего превосходства, давало особую окраску армии, так резко отличавшейся от армии Колчака. В то время каждый красноармеец был не только бойцом, но и агитатором за Советскую власть, а местами, в дни затишья, красноармейцы, к удивлению крестьян и казаков, выходили с ними в поле работать. Это было совершенно необычное явление; ничего подобного тому, что рассказывали им о Красной Армии, как о разбойничьем сброде, не было.

Настроение в станицах стало меняться. Однажды, незадолго до новых боев, в Челябинск, в Реввоенсовет явилась из станицы группа казачек. Они просили разрешения перейти фронт, разъискать своих мужей и уговорить их перейти на нашу сторону. Была опасность, что казачки могут рассказать противнику о наших силах (а сил было маловато).

После некоторого раздумья мы все же согласились на их просьбу—и хорошо сделали. Они ушли, и казачество стало возвращаться в станицы.

Мы их обезоруживали, но, помнится, за коней и седла платили деньги.

Чувство неуверенности все же было у них: ведь в станицах они встретятся со своими земляками из отряда Каширина, теми самыми одностаничниками, которых они раньше выгоняли с родных гнезд и основательно разорили.

Однажды в Реввоенсовет пришло трое пожилых казаков из вернувшихся от Колчака. Их волновала встреча с каширинскими казаками. Мы их успокоили, и они уехали в станицу до крайности изумленными, потрясенными тем простым товарищеским отношением, которое они встретили от простого красноармейца до Реввоенсовета. И я убежден, что они остались навсегда преданными Советской власти.

В то время как снизу зашаталось рядовое казачество, пошатнулось и офицерство казачье. Им-то было виднее безнадежное положение Колчака и они стали искать для себя выхода. Мы знали об этих колебаниях и исканиях; дабы полнее использовать положение, в передовые части был послан тов. Полюдов, сам бывший павлодарский казачий офицер. Ему удалось связаться с верхнеуральскими казаками, которые под руководством своего офицера Попова перешли на нашу сторону.

Несомненно, это отслоение продолжалось бы и дальше, если бы начавшиеся бои не ускорили и не разрешили окончательно вопроса с колчаковщиной.

В Челябинских казармах шла усиленная обработка мобилизованных. Прощупать настроение сибирского мужика, однако, было довольно трудно. Мне пришлось выступать на одном большом собрании, где было около 3.000 чел. мобилизованных. Я говорил им о значении войны с Колчаком и о задачах Советской власти после окончания гражданской войны. Слушали очень внимательно, вдумчиво, но особенного энтузиазма сибирский крестьянин не проявил. Он вообще на проявление энтузиазма очень туг.

В день отправления на фронт мобилизованных перед зданием Реввоенсовета собралось несколько тысяч отправляемых. Теплов, член Реввоенсовета, выступил перед ними. Только он с его могучим голосом и мог покрыть такое громадное пространство, занимаемое серой солдатской массой. Я внимательно смотрел из окна Реввоенсовета в лица отправляющихся. Они мне показались довольно суровыми, мрачными.

В ту же ночь мы с тов. Тухачевским, командармом 5, выехали на фронт. Нам приходилось обгонять эшелоны наших новых подкреплений. Когда мы приехали в дивизию, а потом в бригаду, то обнаружили, к величайшему своему огорчению, что по меньшей мере 50% мобилизованных не явились. Но затем, разъезжая из бригады в бригаду, мы всюду видели кучки тянущихся людей с котомками. Оказалось, что это те отставшие 50%, которых мы не досчитали в дивизии. Они сообразили, что воевать придется долго и не на шутку,—шли домой и основательно экипировались, так как армия, как выше было сказано, очень слабо снабжалась.

К началу боев пополнения пришли целиком.

Вот эти 24 тысячи мобилизованных челябинских крестьян и решили участь боев на Тоболе и Ишиме. На пространстве 200—300 верст между этими реками решалась участь Колчака.

Самым уязвимым нашим местом был недостаток патронов. На-

кануне боев, объезжая дивизии и бригады, мы откровенно говорили командному и комиссарскому составу, что дело с огнеприпасами у нас из рук вон плохо, что надо, во что бы то ни стало, захватывать у противника патроны.

Бригады вступали в генеральный бой, имея только по 7.000—10.000 патронов, а после первого же дня боя, например, 2-я бригада 26-й дивизии имела уже не 7.000, а 50.000 патронов, отбитых у белых.

В эти дни наши части практиковали атаки без выстрела. Рукопашные бои, ранее очень редкие, теперь были постоянными.

В один день в бою с Ижевской дивизией было заколото наших 338 чел., а белых—1.100, из них—более 50 офицеров. Это показывает, как ожесточенны были бои.

Впрочем, после первых 10 дней противник начал явно сдавать и часто отступал, не принимая штыкового удара.

В первые дни бои были очень ожесточенными. Особенно отчаянно сопротивлялась Ижевская дивизия, вначале состоявшая из ижевских рабочих (кажется, единственные рабочие, бывшие в армии белых), а затем сильно разбавленная башкирами.

Эта дивизия, одна из лучших у Колчака, была разгромлена 2-й бригадой 26-й дивизии, руководимой тов. Путна.

Белые отходили по всему фронту. Последняя схватка произошла на Ишиме в Петропавловске.

29 октября в 11 часов ночи 308-му полку, преследовавшему отступавшего противника, удалось захватить минированный и подожженный белыми мост и войти в город.

Утром 30-го к белым подошли крупные подкрепления и два бронепоезда. Они перешли в контр-атаку. Весь день шел бой на улицах города. Он продолжался и 31-го, и лишь 1 ноября противник окончательно отступил.

После Петропавловска белые отступали, не задерживаясь, вернее, они бежали, и чем дальше, тем быстрее и беспорядочнее.

Нам оставалось лишь не отставать от бегущих, не давать им опомниться, остановиться; и пятая Армия развила необычайную скорость движения: путь от Петропавловска до Омска в 300 верст был пройден в 15 дней.

Чтобы окончательно деморализовать белых, наши полки в эти дни стали практиковать ночные бои. Днем отдыхали, а вечером подымались в поход, шли ночь и неожиданным ночным или предутренним налетом наводили панику на противника.

Колчаковская армия докатывалась к Омску. В своих газетах,

издаваемых в Омске, белые еще печатали оперативные сводки, из которых можно было видеть, что армия будто еще достаточно тверда и боеспособна. В самом Омске, однако, была уже полнейшая паника. Был отдан приказ об эвакуации, и омские газеты того времени переполнены фельетонами и рассказами, касающимися эвакуации. 1 ноября, в субботу, в городской думе состоялось особое совещание с участием представителей общественных организаций, земства, промышленности и торговли. На совещание приехал Колчак и говорил о том, что Омску непосредственная опасность не угрожает. Предоставим, однако, слово омской газете «Сибирский Казак», где помещен краткий отчет об этом заседании.

«В субботу, 1 ноября, в два часа дня, в здании городской думы состоялось заседание особого совещания при начальнике добровольческих формирований, ген. Голицыне, с участием представителей общественных организаций, кооперации, земств, городского самоуправления и торговопромышленности, посвященное обсуждению вопросов текущего момента и ближайших мероприятий, в связи с событиями на фронте.

На совещании присутствовали Верховный Правитель и члены Совета министров во главе с премьером Н. В. Вологодским.

Заседание открылось приветственной речью профессора Болдырева, обращенной в Верховному Правителю. Затем с речами выступали представители общественных организаций. Представитель кооперации, Сазонов, призывал отвернуться от Иркутска и обратить свои взоры на Москву и итти добровольцами.

Представитель «Земсоюза», предложил от имени союза все его достояние делу добровольчества. В том же духе высказались и другие ораторы.

По окончании речей представителей общественности Верховный Правитель, обрисовав положение армии на фронте, указал, что Омску никакой непосредственной опасности нет, и судьба его будет решаться не здесь, а, может быть, за сотни верст; что Омск, как политический центр, не может быть отдан врагу; поэтому должны быть напряжены все силы к пополнению армии людьми, а также и к снабжению ее теплой одеждой.

Далее Верховный Правитель заявил, что пока не прибегнет к поголовной мобилизации, в надежде, что добровольчество даст хорошие результаты.

По окончании заседания профессор Болдырев от лица собравшихся выразил благодарность за заботу власти о нуждах населения, обещал приложить все силы к полной поддержке власти Верховного Правителя в деле организации защиты страны от большевиков».

Последние газеты накануне падения Омска целиком заполнены призывами к населению встать под ружье. Эти статьи написаны горячим сильным языком. Люди, действительно, понимали отчаянное положение, в котором они находились. В газете «Сибир-

ский Казак» от 5 ноября помещена характерная заметка «Опомнитесь», которую привожу дословно.

«Положение серьезно, но не безнадежно.

Омску пока не грозит никакой непосредственной опасности.

Красным до Омска немногим ближе, чем Деникину до Москвы.

Все, приезжающие с фронта, дружно говорят о незначительности сил, с которыми оперируют против нас красные.

Наша армия не утратила способности сопротивления.

Она только ждет помощи из тыла, чтобы, собравшись со свежими силами, дать новый щелчок красному шару, после которого последний начнет свое обратное движение.

Силы, необходимые для нашей армии, обязан дать тыл, который должен развить в этот критический момент максимум энергии.

Но тыл по самой своей природе аморфен.

Он только тот материал, который может использовать так или иначе власть.

Аппарат власти должен развить максимум работоспособности, на которую он способен, для того, чтобы привести в движение к определенной цели всю массу тыла.

Однако достаточно присмотреться к работе большинства наших правительственных учреждений, чтобы понять, что здесь в этом отношении обстоит не все благополучно.

Нашим корреспондентам за последние дни не удалось получить нигде почти ни одной заметки.

Все бездействует. Все опустили руки.

Управляющий областью должен сам писать бумажку: служащие не изволили явиться на службу.

Служащие совета министров облеклись на случай эвакуации в теплые пимы и бродят по своим апартаментам, как обитатели страны теней.

И так везде.

Опомнитесь, господа!

Да, опасность, которая повисла над Омском с запада, серьезна, но в десять раз серьезнее для всего дела возрождения России та опасность, которую носите вы в себе. И имя этой опасности—безволие и апатия, словом, психология лягушки, добровольно прыгающей в пасть неподвижно лежащего ужа».

На следующий день, 6 ноября, в той же газете была помещена передовая статья, озаглавленная: «К оружию, граждане!».

В этой статье Омск сравнивается с Парижем 1914 года, когда германцы осаждали Париж: население Парижа дружно вооружалось, и Париж был спасен. Заканчивается эта статья подсчетом своих сил и призывом к борьбе; указывается, что наличных сил в Омске больше чем достаточно для того, чтобы отразить напор Красной Армии. Оружия и технических средств в Красной Армии нет. Следовательно, «к оружию граждане, Омск не должен быть сдан и не будет сдан». Через 8 дней Омск был взят, можно ска-

зать, без выстрела. Дело было именно за гражданами: граждан, способных спасать колчаковское правительство, в Омске не нашлось.

В Омске собирались силы для защиты столицы. Около 30.000 человек свежего пополнения стояло в казармах. Но всем в Омске было ясно, что удержаться они не смогут, что пришел конец. Кто мог бежать, получить теплушку, лошадь,—бежал на восток, без представления о том, где же можно, наконец, остановиться, вздохнуть спокойно, не боясь красного кошмара, стихийно надвигавшегося с запада.

Колчак, министерства, штаб,—все были в вагонах и двигались из Омска.

Омск был взят 14 ноября 1919 г. за четыре дня до годовщины объявления Колчака Верховным Правителем.

Красных не ждали так скоро; город жил обывательской жизнью, когда Брянский полк, сделав на лошадях в сутки стоверстный переход,—утром неожиданно перешел только что замерзший Иртыш и ворвался в город.

Среди обывателей появились какие-то солдаты, весьма плохо и разнообразно одетые и без погон. Генерал Римский-Корсаков ехал на рысаке в присутствие. Опытный генеральский глаз заметил, что какие-то солдаты забыли субординацию и не отдают ему чести. Он остановился и стал распекать забывшихся нижних чинов.

«Земляк, да ты какой губернии?»—в ответ дерзко спросил его какой-то солдат. Наши брянцы окружили его, с хохотом вытащили из санок, вытряхнули из превосходной шубы и потащили с собой к командиру полка.

Первые выстрелы на улицах послужили сигналом ко всеобщему бегству. 30-тысячный гарнизон высыпал на улицу, по вместо того, чтобы защищать «столицу» Колчака, бросился грабить военные склады. Немало им в этом помогали и обыватели. К вечеру Омск был совершенно очищен от белых.

Через 2—3 дня Реввоенсовет пятой Армии был в Омске.

Белой армии уже не было. Толпы солдат и офицеров перепутавшихся частей сбились в один голодный озверелый ком, катившийся к Иркутску.

Они хватали у крестьян лошадей, хлеб, насиловали и бежали, бежали, бросая раненых и тифозных. На перерез им из тайги выходили партизаны, стреляли по бегущим, отсталых беспощадно убивали.

А из вагонов полумертвой Сибирской магистрали на эту армию с безумным ужасом смотрели казанские, самарские, омские беженцы.

За три дня до занятия Омска пятой Армией Колчак выехал на восток. 11 ноября он разослал своим представителям при европейских правительствах сообщение о временном перенесении столицы в Иркутск. Из Иркутска Колчак намеревался при помощи союзников продолжать борьбу с Советами.

Путь его теперь лежал по Сибирской магистрали, охваченной с юга и севера партизанскими отрядами; этот путь чем далее на восток, тем все более сужался; он закрылся перед самым Байкалом в Иркутске, где вспыхнуло восстание, на этот раз победоносное. Иркутск—столица—для Колчака стал сначала тюрьмой, а потом могилой.

Потеря Омска окончательно разложила колчаковскую армию. Если раньше восстания подымали солдаты, теперь в восстаниях искало выхода офицерство.

Среди них начинается движение за соглашение с Советской властью. Отчетливого представления об условиях соглашения у офицерства еще нет. Но прежде всего они стремятся свергнуть наиболее непримиримый высший командный состав.

7 декабря в Новониколаевске полковник Ивакин поднял Барабинский полк, арестовал командующего 2-й армией генерала Войцеховского и его штаб, образовал «Комитет спасения родины» и объявил населению и солдатам о прекращении войны с Советами.

Это восстание было подавлено польскими легионерами. Офицеры были арестованы, а часть восставших солдат расстреляна поляками.

9 декабря генерал Пепеляев арестовывает на станции Тайга главнокомандующего генерала Сахарова. Этот арест санкционируется председателем совета министров Пепеляевым-старшим.

Сахарова освобождает подоспевший со своим отрядом генерал Каппель. Между Пепеляевым и Каппелем происходит резкое объяснение. Силы у них примерно равные, они не осмеливаются на решение вопроса оружием; под давлением пятой Армии они вместе катятся дальше на восток.

В Красноярске начальник гарнизона входит в связь с эсерствующей интеллигенцией и делает попытку добиться перемирия с Красной Армией. Но последняя идет с огромной быстротой, и все эти движения не успевают оформиться, как города уже переходят в ее руки.

В эти страшные для Колчака дни, когда все кругом него рушилось, он получил от своего бывшего начальника штаба Лебедева сжатую оценку обстановки и совет—отказаться от громоздких, но небоеспособных армий и обломков государственного аппарата; выделить маленький, но верный отряд егерей и кавалерии, начальствование над которым Лебедев принимал на себя; отойти в отдаленный район, ждать перелома в настроении крестьянства и готовить кадр для новой войны.

Бывший начальник штаба фронта предлагал Верховному Правителю Колчаку перейти на положение партизана.

Но его ждала более горькая участь. В Нижнеудинске поезд Правителя захватывают чехо-словаки; Колчака везут заложником, выдают образовавшейся в Иркутске революционной власти, и этой ценой чехи получают выход из Сибири.

КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ.

ВИКТОР ЭЛЬЦИН.

ПЯТАЯ АРМИЯ И СИБИРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ.

КОЛЧАКОВЩИНА И СИБИРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО.

Небезынтересно отметить последние дни Колчаковщины в Омске. Пятая Армия в то время наступала стремительно. Путь от Петропавловска до Омска был пройден буквально в несколько дней. В этот период стало обнаруживаться в рядах противника замешательство. Сибирское казачество и его вожди стояли за решительную оборону Омска. Их девизом было—защищать Омск до последней возможности. Вот что пишет некто Шишкин в передовице газеты «Сибирский Казак»:

«Об эвакуации Омска можно сказать словами одного умного человека, что это больше, чем преступление—это глупость». Что верхи колчаковского министерства и сам Колчак в этом вопросе расходились с заправилами сибирского казачества—это доказывает, между прочим, тот вопль, который подняли казацкие атаманы накануне сдачи Омска. «Омск—все—вне Омска нет спасения».

«Потеря Омска—не потеря тактического и стратегического пункта, а конец сибирской государственности, смертный приговор всему, что служило и хотело служить здесь делу возрождения родины»—продолжает все та же передовица.—«Сзади в тайге—смерть, впереди—спасение»,—взывала передовица.

Мы знаем, что опасения их вполне подтвердились. В тайге они обрели смерть. Но в то время с этим омским патриотизмом не считались, хотя смутно сознавали, что Омск и весь Иртышский район с его закоренелым казачьим населением есть основная база так наз. «сибирской государственности».

В передовице: «Что делать казакам?», в 45-м номере «Сибирского Казака» делается нападение на тех, кто стихийно тащил армию из Омска:

«Я с чувством глубокого негодования читаю теперь истерические вопли тех жалких трусов, которые бежали из-за Урала, не сумев отстоять своего отечества, и теперь клевещут на сибирских патриотов, обвиняя их и казачество чуть ли не в сепаратизме»...

Далее автор передовицы продолжает: «теперь не время патриотических споров и поздних сожалений. Мы не будем бежать от своих земель... Мы должны шаг за шагом защищать свою казачью территорию».

Но таково было настроение только верхов казачества. В недрах казачьего населения наметился уже раскол. Недалеко от Омска 26-я дивизия в это время приняла в «добровольный» плен целую казачью дивизию. И через несколько дней Омск пал под ударами пятой Армии.

НА ПУТИ В АЛТАЙ;

Поезд приближает нас к Славгороду. Изредка мелькают одинокие станции, где нередко можно встретить лишь одного дежурного, который совмещает в своем лице и начальника станции, и телеграфиста, и сторожа.

Местность, которую мы проезжали, уже несколько недель представляла собой пограничную линию, которая отделяла «область» партизанских армий от колчаковской территории. Еще перед отъездом на ст. Петухово нас известили, что в Славгороде уже создана Советская власть, и там находятся некоторые части партизанских армий. Весь район за Славгородом, охватывающий треугольник, который одним углом упирается в гор. Камень, другим—в Барнаул, был местопребыванием партизанских войск, которые вот уже 8 месяцев, как беспрерывно вели борьбу с белыми, сохраняя свою военную организацию и подчас нанося врагам тяжелые удары. В голове каждого из нас мелькали мысли, догадки насчет того, что могли из себя представлять эти отряды вооруженных крестьян, сумевших так стойко отстаивать свою самостоятельность от Колчака в течение последнего года. Но никакие образы и сравнения, которые нам приходили на ум из прошлого опыта гражданской войны, не могли дать картину действительного положения дел. Размах и глубина этого движения были налицо. Больше того: перед нами было огромное, гигантское, еще невиданное в истории крестьянских войн зрелище, которое могло быть понято лишь после детального и тщательного ознакомления с ним на месте. Прежде, чем действовать и практически принимать те или иные решения, мы решили узнать корни и характер этого движения. Поэтому мы задались целью предпринять объезд всего «треугольника», посетить центры восстания, проникнуть в гущу восставшего крестьянства и выяснить состав партизанских армий.

Сидя в поезде, мы условились ничего не предпринимать за-

ранее, не составлять никаких «планов» и прочего. Вот, наконец, уже виднеется Славгород... Нас встречает на вокзале представитель «Сибирского Западно-Областного Исполнительного Комитета», тов. Голиков, и наскоро, в тот момент, пока нас быстрые сибирские лошадки подвозят к зданию местного Совета, успевает сообщить, что существуют три партизанские армии,—всего численностью в 120 тысяч человек; при чем считает необходимым подчеркнуть, что имеются штабы, корпуса, бригады, полки и даже существует главная ставка—в лице главнокомандующего Мамонтова. После заседания местного Совета, который скорее представлял из себя «сходку» (так как в одном только Ревкоме, который был выделен Советом, находилось 20—30 человек), мы воспользовались небольшим промежутком времени, пока запрягали лошадей, и «черпали» от Голикова сведения о восстании. Прежде всего—фигура самого Голикова. На ней нужно остановиться, так как она проливает отчасти свет на характер восстания. Худое, энергичное лицо, обросшее черной бородой, быстрые, мелькающие глаза, вздернутый немного кверху нос, порывистые движения и беспокойный взгляд говорили о том, что он весь чувствует на себе действие, дыхание разбушевавшейся стихии. Но, несмотря на это, в нем не чувствовалось, чтобы он был руководителем.

Его рассказы передавали весь пульс движения; но в них не чувствовалось, чтоб он понимал и трезво оценивал все силы, возможности и исходил бы от определенной задачи, которую себе поставил. Это скорее был «втянутый» в восстание, чем его вдохновитель. Настроен он был очень революционно, но в то же время сообщил нам, что по убеждениям он анархист. (В дальнейшем, если мне не изменяет память, он стал большевиком.) Живя в Томске, он с большевистской подпольной организацией связи не имел и действовал скорее «индивидуально», когда связался с крестьянскими партизанскими отрядами, которые организовались в районе Славгорода и Барнаула.

Он сообщил нам, что является председателем Западно-Сибирского Областного Комитета, который организован крестьянами из деревень этого восставшего «треугольника», и что этот Исполком в волостях и деревнях организовал ревкомы, которые подчинялись Рев. Районному Штабу, как высшей военно-гражданской власти Района. Из его слов не было понятно, представляет ли из себя Западно-Сибирский Исполком верховную власть, или же только «гражданскую», а военная исключительно принадлежит Мамонтову, как главнокомандующему.

Очевидно, все же можно было заключить, что в области военной Западно-Сиб. Исполком лишь только изредка «информируется». Почерпнув эти сведения, мы решили пуститься в далекий путь (мы объехали 500 верст по линии Славгород—Камень) и ознакомиться лично как с Западно-Сибирским Исполкомом, так и с самим Главным Штабом Мамонтова. Несмотря на огромнейшие расстояния, которые отделяют одно село от другого (по 40, 60 верст), весть о том, что едут «представители российского фронта» (так они нас называли), разнеслась быстро; мы в каждой деревне должны были останавливаться беседовать с крестьянами, информировать их о положении в России, на фронте, и, в свою очередь, расспрашивать о их жизни за период колчаковщины и восстаний. При въезде в село нас встречало все население; кричали «ура», и было видно, что все, старые и малые, переживают действительную радость. Никогда я еще не видел, чтобы люди так радовались, не помня себя. Эта радость была общей, массовой; каждый растворялся в ней и чувствовал себя уверенным в том, что все скверное, плохое позади; буквально, они в своих криках «ура» передавали это; каждый из нас чувствовал, что население действительно пережило в прошлом неслыханные жестокости и расправу со стороны белых. Население деревень состояло из стариков, женщин и детей, так как все молодое «ушло в партизаны». Бывало, спросишь в хате у хозяйки: «А где у тебя сын?». «Да в партизанах уже второй год», отвечает она; и этот ответ был обычный для всех крестьян—и бедных, и богатых. Что бросается сразу в глаза,—это поголовный уход в партизаны. Кулаки, так же, как и «бедняки» (слово бедняк имеет там особый, сибирский смысл, так как в Сибири за бедняка слывет тот, кто имеет 6, 8 десятин земли, 2 коровы, 1, 2 лошади) возмущались колчаковцами и ожидали с нетерпением прихода красных. Подъезжая к одной деревне, мы заметили огромную вереницу подвод с сеном, которая ехала в деревню. На мой вопрос, чем объяснить такое множество подвод, Голиков ответил, что, ввиду недостатка лошадей и транспорта в деревнях, крестьяне, под руководством ревкомов, сами организовали артельную подвозку сена для себя. Таким образом, сколько-нибудь сложные сельскохозяйственные работы производились обязательно артельно. Чем же была вызвана такая артельная организация, которая в России была редким явлением в годы гражданской войны и продовольственных затруднений? Вызвана она была прежде всего тем, что почти год восставший «треугольник» вынужден был все свои хозяйственные операции согласовать с требованиями, ко-

торые к нему предъявляла партизанская армия. Ведь стотысячная партизанская армия, хотя и связанная через отдельные части с теми деревнями, которые эти части организовали, требовала подвоза продовольствия и подвод для раненых, для оружия, вестовых, для связи фронта и райштабов и прочего. Все это по необходимости привело к мобилизации всего рабочего населения и всех средств для целей войны. Постои, отсутствие денег, одним словом, «замкнутое» натуральное хозяйство в районе «треугольника» должно было, по необходимости, привести к артельности в тех случаях, когда нужно было произвести для крестьян срочные работы. В целом ряде сел были организованы ремонтные мастерские, которые представляли собою объединения отдельных слесарей, кузнецов с разных деревень в одном месте со своим материалом. Это была своего рода «военная промышленность».

Революционный районный штаб состоял из трех человек: военного комиссара, завед. управлением и продовольственного комиссара, на обязанности которого было размещать вестовых, доставлять фураж, продовольствие и давать соответствующие наряды старостам.

В душной избе, где помещался районный штаб, находился писарь, который получал из Главного штаба и из Областного Исполнительного Комитета сводки и распоряжения, отпечатанные частью на гектографе, частью на машинке. Этот штаб был центром для целого района. В большинстве случаев членами штаба были местные крестьяне, обыкновенно из бывших солдат мировой войны, знавших уже опыт полковых и ротных комитетов, поэтому уверенно и серьезно выполнявших здесь в штабе свою работу. Весь этот «треугольник» был не чем иным, как крестьянским осколком военного коммунизма в сибирских условиях. Мы уже проделали свыше 100 верст, и, чем ближе приближались к месту пребывания Областного Исполнительного Комитета и Главного штаба, тем явственнее чувствовалось приближение центра восстания. Чаще попадались вестовые, подводы с имуществом, фуражом и патронами, которые делались путем начинки старых гильз (своеобразное изобретение крестьянских слесарей). Недалеко уже от того села, куда мы ехали, нам попалась случайно сожженная деревня. Из рассказов местных жителей оказалось, что она была взята штурмом польским отрядом, причем все население со всем скарбом ушло в лес и оставило полякам голые стены изб. Расположившись на ночь в пустых избах, польские легионеры на утро увидели недалеко от села, на бугорке, красный флаг. Немедленно, по приказанию начальника отряда,

флаг был снят. На следующее утро появился другой флаг. Его также сняли. На третье утро повторилось то же самое. Тогда раздосадованные поляки подожгли всю деревню. Мужики, как передал мне один крестьянин, «и по сю пору живут в лесу». Этот эпизод показывает, с каким упорством вели борьбу сибирские крестьяне. Сама партизанская армия как по своим настроениям, так и по методам борьбы была органически слита с крестьянством. Единственное «массовое» оружие, которого было вдоволь — это остроконечный набалдашник, надетый на огромнейшую палку (вид длинной кочерги); его называли пикой, а вооруженные только им носили кличку «пикаря». Вот эти-то «пикаря» и составляли ¾ партизанской «армии». На своих быстрых конях, с пикой в руке, они представляли собою огромные отряды, которые в главном штабе именовались «кавалерийскими дивизиями». Остановившись в одной избенке, мы случайно наткнулись на изображение такого «пикаря», при чем, что нас поразило, так это своеобразный костюм его: откинутая назад «папаха» с красным значком впереди, разный цвет брюк (одна штанина красная, другая черная) и различная обувь (на одной ноге валенок, на другой—лапоть). Если к этому добавить вздернутый нос, устремленные вперед глаза, наклонившуюся фигуру с вытянутой вперед рукой, держащей на перевес пику,—то картина получится полная. Хозяйка, заметив, что мы удивленно рассматриваем эту картину, засмеялась и сообщила нам, что на местном языке деревни такой «партизан» называется «валеткой», в противоположность командиру-партизану, которого зовут «терентием». При чем изображение «терентия» было такое же, с той лишь разницей, что последний имел полный «комплект» обуви, а также красную рубаху с откинутым воротом.

Когда мы подъезжали к месту пребывания Областного Комитета и Главного штаба, то все больше и больше попадались нам на пути «валетки» и «терентии». Мы убеждались, что за год борьбы местное население действительно схватило верно черты партизан. Выработался уже особый тип партизан. Это был, обыкновенно, молодой крестьянин, который, с тех пор как он ушел «в партизаны», свыкся с этим положением и считал себя уже партизаном по профессии. Среди бесконечного ряда набегов, отступлений, жизни в лесу, кочуя из одной деревни в другую, такой партизан вырабатывал в себе особые навыки, приемы, одним словом, становился особым общественным типом. Среди различного рода военных эпизодов, которые происходили на территории восставшего «треугольника», некоторые села принимали на себя главные удары

и становились оплотами партизанской борьбы. Так, одно село устроило настоящие позиции перед лицом белых и в течение нескольких дней оборонялось от противника. За такую оборону село получило кличку «Красный Петроград». Другое такое же село называлось «Красная Москва». Кто бы мог думать, что за полторы тысячи верст от Москвы, в глухой Сибири, можно наткнуться на другую «Красную Москву»!

И вот мы приближались к «Красной Москве»—резиденции Областного Комитета.

При нашем въезде партизаны решили показать, что они «имеют оружие и не уступят любой регулярной армии». По этому случаю был дан салют, и все партизанские отряды собрались к Областному Исполкому. После речей и приветствий мы устроили заседание Обл. Исполкома. Весь Областной Исполком, насчитывающий около 40 человек, состоял исключительно из местных крестьян. Значительное большинство из них были солдатами старой армии. Среди них попадались и такие, которые во времена Советской власти в Сибири служили в милиции, в волостных исполкомах, но таких было очень мало. Подавляющее большинство из всего состава Обл. Исполкома в свое время, когда на смену Соввласти пришла «учредиловка», были на стороне последней. Сейчас они были бесповоротно на стороне Советской власти и проклинали как Колчака, так и «учредиловцев». Главного штаба в этом селе не было. Он выехал вместе с Мамонтовым в Барнаул, который должен был со дня на день перейти в руки партизан. Нам сообщили, что сегодня занят г. Камень 2-м корпусом партизанской армии во главе с Громовым. Кроме того, в Обл. Исполкоме было известно, что главные силы партизанской армии вместе с Мамонтовым находятся около Барнаула. 3-я часть армии (две дивизии), во главе с Козырем, действует в районе г. Семипалатинска. Наш путь должен был лежать через те пункты, где были сосредоточены главные силы партизанских армий.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ В ВОССТАНИИ. ВОЖДИ И РЯДОВЫЕ ПАРТИЗАНЫ. КРАСНАЯ АРМИЯ И ПАРТИЗАНЫ.

Недалеко от г. Камня наше внимание было приковано следующим обстоятельством. Вначале изредка, а потом все чаще стали попадаться по дороге подводы с гвоздями, железом, домашней рухлядью, поломанными машинами, отвинченными кранами, самоварами, мануфактурой и прочим. Голиков разъяснил нам, что, очевидно, в городе нашли много «добра». Но крестьянин, который

нас вез, объяснил это проще: «Коли везут столько, значит, партизаны хорошо поработали»—сказал он. На наш вопрос, где они берут это добро, он ответил: «Почитай, что больше всего в лавках да магазинах. А почто не брать? Ведь, мы все боролись, а город и не шевельнулся. Там все колчаковцы. Они все против крестьян. Они только белым поддержку и давали».

В глазах сибирской деревни город, это—оплот колчаковщины. Из города выходят отряды польских легионеров, город формирует белогвардейские части из офицеров и студентов, наконец, город никогда сигнала к восстанию не давал, а скорее был всегда исходным пунктом колчаковского наступления и обороны. Тут сказались обще-сибирские условия—слабость сибирского пролетариата, неразвитость сибирской промышленности. Город в Сибири не был городом в нашем смысле этого слова. Такие города, как Камень, Барнаул, Семипалатинск, Бийск, Татарск, были центрами купечества, очень зажиточного кулачества, чиновничества, офицерства и казачества (как Семипалатинск). В глазах крестьян город был скорее тормозом партизанского восстания, чем его руководителем. Город никогда не выступал зачинщиком восстания. Помощи от города они не получали. Большевистские подпольные организации или отсутствовали, или были очень слабы и безжизненны. И в том, и в другом случае они не имели прочной связи с крестьянским движением (речь идет лишь об Алтайской области, но, думаю, что это положение можно распространить на всю Западную и Восточную Сибирь, за исключением разве Омска и Красноярска). Отсутствие политического руководства города было основным моментом и главной особенностью сибирского партизанского движения. Отсюда беспартийное, по своему существу (в смысле руководства), движение, неоформленность лозунгов, отсутствие строгой и определенной программы в период борьбы, случайность в подборе вождей и значительная роль последних, похожих скорее на «атаманов», чем на политических вождей восставшего крестьянства. Все эти черты должны были резко выступить наружу, как отрицательные и осложняющие явления, тогда, когда должен был наступить период соединения партизанской и Красной армий. Несмотря на всю революционность, энтузиазм, проявленный в некоторых случаях героизм, в недрах самого движения скрывались элементы разложения и стихийности, которые могли в любую минуту захлестнуть и опрокинуть всю партизанскую армию с ее революционных рельс. Любой неосторожный шаг и неумелый подход мог иметь при таком

положении дел губительные результаты. Первая задача—это придать всему движению политическое руководство. Кроме широкой политической работы, которая является необходимой предпосылкой для создания политического руководства, необходимо иметь центры и опоры политического влияния. Прежде всего мы договорились с Областным Исполкомом в том смысле, чтобы все его члены приняли участие в работах уездных и волостных ревкомов; при чем в каждом уездном и районном ревкоме мы оставляли по одному политическому работнику, могущему политически руководить всем составом ревкома.

Таким образом, впитав в себя старый Областной Исполком, мы тем самым оплодотворились элементами «партизанской власти» и стали действительным центром политического руководства для всей области и армии. Таким образом, мы могли действовать не только авторитетом Сибревкома, но и от имени местной партизанской власти, которая в данном случае разделяла с нами ответственность и работу.

Дальнейшая задача заключалась в том, чтобы сделать то же самое употребление из авторитета военных партизанских вождей. Как только ночью мы въехали в город Камень, мы сразу направились к Громову. О нем мы знали, что он—соратник Мамонтова, его правая рука. Так как было поздно ночью, то Громов спал. Дежурного в штабе не было, и во всей окружающей сонливой обстановке была заметна полная беспечность, хотя белые только позавчера оставили город и находились всего лишь в 28, 30 верстах от города. Выйдя к нам, сонный, он казался чем-то недовольным. Вся его фигура напоминала в то время на первый взгляд скорее беспечного сибиряка, который на весь мир смотрит заспанными и заплывшими глазами, чем на командира партизанского корпуса. Но в нем была одна сибирская черта: это—недоверчивое выражение лица старого сибиряка. Из разговора с ним мы выяснили, что корпус его стоит в городе вот уже два дня. За белыми они и не думали гнаться, хотя, как выяснилось из общего положения дел, легко можно было взорвать полотно жел. дор., уничтожить отступающий отряд белых и преградить путь частям колчаковской армии, которая отодвигалась к Новониколаевску. Но, очевидно, его корпус скорее изъявил желание «пожить немного в городе», чем совершать столь трудную операцию. Какое колос-

---

[1]) Как известно, тов. Громов был все время одним из преданнейших и честнейших борцов нашей партии. *(В. Э.)*

сальное различие между неповоротливостью этих партизанских частей и гибкостью, порывистостью и решительностью уральских рабочих боевых дружин! В различии тактики двух партизанских отрядов мы, по существу, имеем различие методов борьбы двух классов.

Из предварительных переговоров выяснилось, что Громов сам желает скорее объединения с Красной Армией. Дело состояло в том, чтобы найти верный путь к партизанам. На следующий день в город вошел полк 26-й дивизии. Мы воспользовались этим и устроили то, что теперь мы назвали бы «смычкой» между Красной и партизанской армиями. В честь вступившего полка партизаны дали салют, устроили парад. Салютовали не только из ружей, но и из «пушек», которые наполовину были сделаны из водопроводных труб и скорее употреблялись для запугивания белых, чем для настоящей стрельбы. После парада мы собрали партизан на митинги, и здесь нам предстояло, после долгого перечня всех их заслуг, нащупать почву, на которой можно было бы начать переговоры о слиянии их с Красной Армией и предварительного расформирования. Единственной почвой для этого оказались предстоящие крестьянские работы и необходимость пополнения измученной Красной Армии. В первый день нам эта операция удалась блестяще. Из шести тысяч партизан, составлявших 2 корпуса, 700 человек изъявили желание войти в Красную Армию; остальные решили пойти в деревню. Решение было принято без всяких осложнений, так что целый ряд командиров партизанских частей были уже поставлены перед совершившимся фактом. Прием 700 партизан в одну из бригад 26-й дивизии был также обставлен очень торжественно. В результате, через пару дней, в городе не стало уже партизан, и вновь созданный уездный ревком мог, наконец, приступить к работе. Дело в том, что за период стоянки партизан, не прекращавшееся изъятие товаров из лавок, «ловля контр-революционеров отдельными партизанами» и прочее вносили столько беспорядка в жизнь города, что всякая советская работа могла начаться лишь после ухода их с городской территории. На следующий день мы уже были в пути на Барнаул и с часу на час должны были столкнуться с центральным ядром партизанской армии. Не успели мы по приезде в Барнаул стряхнуть снег в комнате, как вдруг вбегает запыхавшийся человек и заявляет, что он местный коммунист и пришел сообщить нам, что партизаны на конях собрались на площади около Главного Штаба и требуют выдачи им Мамонтова для расправы. Из его слов мы успели лишь

разобрать, что, ввиду закрытия и вооруженной охраны винных складов нашим полком, партизаны собрались перед Главным Штабом с требованием отпустить им вина. Когда же они узнали, что некоторые командиры их частей сами пьют, то, раздосадованные, потребовали их к ответу. Это был бунт партизан против своих «атаманов». Что было бы дальше, если бы нами не были приняты меры—трудно сказать. Одному из наших товарищей, отличавшемуся громким голосом, удалось воздействовать на толпу заявлением, что против неистовствующих будут приняты меры, а конным партизанам он приказал в течение трех минут покинуть площадь; при этом заявил, что тот, кто останется, будет объявлен врагом Советской власти и Красной Армии. Последнее произвело на них такое впечатление, что через две минуты на площади никого не осталось. Это обстоятельство показывает нам, что авторитет Советской власти и Красной Армии был очень велик.

После такого происшествия мы поставили Мамонтову (главнокомандующему) вопрос ребром, может ли он отвечать за спокойствие в городе в такой момент, когда сегодня его командиры были сами освобождены нами от расправы со стороны партизан?! Подчиняются ли ему его командиры? Будет ли он работать рука об руку с Советской властью? Мы могли с ним так говорить, потому что только сейчас еще стояли между ним и его армией. Он чувствовал всю неустойчивость своего положения и дал согласие содействовать нам в нашей работе. Мы с своей стороны обещали ему поддержку, как командарму и вождю партизанской армии[1]). В этот момент в 8-ми верстах от города стояли белые, и наш полк, сделавший только сегодня 80 верст перехода, вынужден был вечером выступить против них, так как партизаны пока что занимались в городе ловлей контр-революционеров, которых сотнями приводили в ревком, «осматривали» оставленные склады с обмундированием и занимались «переодеванием». Город был мертв, так как жители боялись высунуть нос, не будучи уверенными, что их не сочтут за пособников белых и не арестуют. Ревком, сорганизованный совместно большевиками и бывшими левыми эсерами, занимался только тем, что выдавал записки всему населению в том, что «имущество его не подлежит конфискации и реквизиции».

По городу с песнями и криками разъезжали партизаны в раз-

---

[1]) Тов. Мамонтов вскоре сделался красным командиром, участвовал в советско-польской войне и, по возвращении в Сибирь, был убит кулаками в своей деревне. *(В. Э.)*

личных одеждах — от порванной поддевки до поповской рясы, с кадилами в руках, при чем на шеи лошадей были подвязаны кисти церковных одеяний.

Всего партизан было сосредоточено в городе свыше 12.000. Где находились отдельные отряды и как они расположились, не было известно, потому что командиры пьянствовали, а сами пикаря «шуровали» по складам и магазинам. Всякое промедление в принятии мер означало окончательный разгром города и полное разложение тех партизанских частей, которые еще сохранили хоть видимость военной силы. О разоружении их и расформировании не могло быть и речи до тех пор, пока предварительно не удалось бы морально и политически на них воздействовать. Поэтому, на-ряду с целым рядом воззваний и обращений к ним, мы, получив предварительно согласие Мамонтова, собрали их в цирке до 3, 4 тысяч. Все они пришли в полном вооружении. В течение 4-х часов беседовали мы с ними по ряду вопросов. Наконец, мы договорились, что часть из них, которая пойдет домой, сдаст оружие, часть вольется в пятую Армию, а остальные со своим оружием, не будучи расформированы, будут расквартированы в окрестных деревнях города Барнаула.

Таким образом удалось спасти город и самую партизанскую армию от гибельных последствий ее городского пребывания. Будучи у себя в селе, партизаны относились бережно к хозяйствам тех домов, где им приходилось останавливаться и располагаться. Другое дело — город. Здесь все чужое. Тут не мешает кое-чем и поживиться. Ведь все — буржуйское, колчаковское.

Такое отношение к городу коренилось, как я уже выше указал, в той роли, которую играл город в колчаковский период. Но это было бы полбеды. Главная опасность состояла в том, что город разлагал партизан. Из бойцов он делал их грабителями, из воинской единицы они превращались в группы кочующих и «шурующих» на территории города людей. Они не были грабителями сами по себе, так как то, что они брали и захватывали, они делали открыто, и под этим скрывалась не наклонность их характера, а их классовая вражда к городу и буржуазии; но для городского хозяйства, для советского строительства, для политического руководства рабочего класса это было, по существу, очень гибельным явлением.

По природе своей партизанская армия не может существовать на мирном состоянии в период бездействия. Она немедленно теряет свою военную силу и превращается в людей, просто выбитых

из колеи и представляющих фермент для всяческих движений и восстаний. Поэтому главной задачей является быстрое и, в первое время, пока они еще не разложились, безболезненное расформирование их и разоружение.

Опыт создания из них регулярных дивизий окончился неудачно. Об этом — в дальнейшем.

НАЧАЛО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ. ПРОНИКНОВЕНИЕ ЭСЕРОВСКОГО ЭЛЕМЕНТА. КАЗАКИ И КРЕСТЬЯНЕ В СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ. НА ГРАНИЦАХ МОНГОЛИИ.

До сих пор мы старались изобразить движение так, как оно было налицо. Интересно все же отметить, каким образом оно зародилось? Лучше всего это можно узнать из истории партизанской деятельности самого Мамонтова. Сын богатого крестьянина, он служил в советской милиции в 1918 году. После ухода Советской власти Мамонтов бросил службу и ушел «крестьянствовать». В начале колчаковщины, когда поборы и контрибуции участились, он повздорил (не то на личной почве, не то по поводу отдачи налога) с местным стражником и в один прекрасный день убил его. За ним началось преследование. Он собрал группу человек в двадцать «недовольных и обиженных Колчаком» и стал совершать налеты, главным образом, на белую милицию. Вскоре о нем разнеслась слава. Говорили и создавали всяческие легенды, что он один убил сразу десять человек, каким-то чудом спасся, и прочее, и прочее.

Чем больше стали повторяться случаи расправы с отдельными крестьянами и деревнями, тем шире росла его «шайка». Вскоре образовался уже целый отряд, который мог делать систематические налеты на белогвардейскую милицию, стражников и т. д. Походы польских легионеров, которые «железом и кровью» прошлись по алтайским селам, послужили поворотным пунктом для всего движения. Из руководителя небольшого отряда Мамонтов превратился в руководителя крестьянского восстания, целой армии крестьян против Колчака. Самый процесс восстания и стихия захватили его, и, будучи политически совершенно неразвитым, он был в то же время именем, вокруг которого стягивались крестьяне всей области. Приезд Голикова ничего не изменил по существу, так как Голиков все свои силы сосредоточил лишь на организации Областного комитета Советов, создании ревкомов и тем самым не касался военной области, которая захватывала тогда жизнь всего крестьянства.

Лозунг Советской власти выкинули сами крестьяне, а не их вожди. Мамонтов лишь последовал за этим лозунгом, который выбросила сама крестьянская масса.

То же самое мы наблюдаем и в Семипалатинске, где командир 4-го корпуса, Козырь, прямо заявил нам, что «он не может определить сейчас своего отношения к Советской власти, так как не знает еще, как будет поступать Советская власть в дальнейшем. Здесь явно пахнуло эсером, так как этот командир был старый офицер и к тому же чрезвычайно развитой политически. Приста-

Штаб бригады Мамонтова перед отправлением на Южный фронт.

вленный к нему еще Областным партизанским комитетом комиссар, некто Григорьев, был наполовину сумасшедший человек, которого он держал под пятой. В Семипалатинске — в этом центре казачьего населения—настроение партизан было боевое, и они решительно отказывались от расформирования, под предлогом необходимости борьбы в дальнейшем с окружающим казачьим населением. Имея в виду, что командир 4-го корпуса воспользуется всяким конфликтом между нами и партизанами для упрочения своего авторитета, мы на конфликт не пошли, а на митинге предложили им выступить против Дутова, который, имея около 800 человек, окопался в Сергиополе.

На следующий день, около 3, 4 тысяч партизан выступило из города. За время их пребывания в походе (за 3, 4 дня) мы установили в городе порядок, заставляли наши части нести гарнизонную службу (на что не соглашался вначале командир 4-го корпуса), а затем отправились в Усть-Каменогорск, где, по сведениям, предстояла резня между казачьим населением и партизанами.

Крестьянство этой области, в свое время угнетаемое казаками, решило отомстить оставшемуся казачьему населению и, подогреваемое партизанами, целиком сжигало станицы и убивало стариков и детей, которые были теперь единственным населением станиц.

Весь наш путь от Семипалатинска до Усть-Каменогорска был использован нами на внесение успокоения в ряды казачества и сдерживание партизан в их попытках уничтожить оставшееся казачье население. В самом Усть-Каменогорске мы собрали огромное собрание-сходку со всего уезда, с каждой деревни и станицы; на этом собрании произвели выборы делегатов, которые дали обязательство прекратить резню. Сам Усть-Каменогорск находится на границе Монголии. Богатый край, благодаря последним событиям, совершенно замер. С приходом пятой Армии он понемногу начал оживать, и можно было уже предпринять кой-какие заготовки кожи, хлеба, мяса для армии и населения. Монголы, которых за последнее время совершенно не было видно, стали появляться в кооперативах и в снабженческих дивизионных учреждениях с предложением продажи кожи и мяса. Вернувшись в Семипалатинск, мы узнали, что партизанские полки, выступавшие против Дутова, были разбиты и вернулись обратно в город. Теперь мы могли уже с ними говорить другим тоном. Они себя чувствовали подавленными и согласились частично разоружиться и, по крайней мере, выйти из города. Эсерствующий командир 4-го корпуса был отправлен в распоряжение Реввоенсовета пятой Армии. Один из полков 3-й бригады 26-й дивизии выступил против Дутова и через 2 дня известил нас о занятии Сергиополя.

ЕНИСЕЙСКАЯ ДИВИЗИЯ, ЕЕ СОСТАВ, КОМАНДИРЫ И СОЛДАТЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ. ПРОЦЕСС РАЗОРУЖЕНИЯ И РАСФОРМИРОВАНИЯ.

Настоящее описание партизанского движения касается Восточной Сибири, главным образом, Алтайской и Семипалатинской областей.

В Западной Сибири Реввоенсовет пятой Армии попытался про-

делать опыт создания регулярной дивизии из частей партизанской армии. Отряды известных сибирских партизан Кравченко и Щетинкина были сосредоточены в г. Ачинске, и решено было формировать из них Енисейскую стрелковую дивизию, при чем весь комсостав оставался партизанским, во главе с начальником Кравченко, а весь штабной и политический формировался из пятой Армии. Прибыв в Ачинск, мы заметили прежде всего, что Кравченко не только не содействует созданию регулярной дивизии, но стремится изолировать свой комсостав и партизан от присланного политического состава дивизии. Сами по себе отряды, сведенные механически в две бригады, представляли из себя смешение всяких элементов. Тут и революционно настроенные крестьяне, и бывшие колчаковцы, по дороге приставшие или пришедшие в армию Кравченко; бывшие капелевцы и просто примазавшиеся группы грабителей. При таком пестром составе трудно не только создать регулярную армию, но трудно и вообще политически руководить частью.

Что они отчаянно отстаивали, так это выборность комсостава. Они знали своего командира не только в боевом действии, но знали, что он «есть за человек». А при частных злоупотреблениях, самочинстве, «свой» командир мог прикрывать всяческие проделки. Что касается снабжения, то они привыкли «брать все необходимое у крестьян», и, несмотря на то, что мы наладили снабжение продовольствием, они по инерции продолжали питаться у местного населения. Опять-таки, чем дольше они находились в бездействии, тем сильнее они разлагались. Командиры и сам Кравченко усиленно пьянствовали. Выпив изрядное число спирта, он пускался в воспоминания и был страшно недоволен тем, что у него имеется комиссар, что его армия имеет политический аппарат и прочее. В таких случаях он расхваливал «партизанщину», как систему, и его мысли уносили его в те времена, когда он был вершителем судеб в Минусинске; по приезде в свою часть, он останавливался у командира части, выпивал с ним и любил обозревать своих партизан с видом атамана и покровителя. Сам он раньше имел хутор в 80-ти верстах от Красноярска. Будучи прапорщиком, он уклонился от военного призыва и должен был скрыться от колчаковских властей. С этих пор началась его карьера партизанского вождя. Военных способностей у него не было, но он мог ловко приспособить себе толковых людей и использовать их. Одним из таких полезных людей для него был Щетинкин. Настоящий сибиряк, добродушный, мужиковатый, характер которого привлекал к нему многих партизан, он сумел в ста-

рой царской армии выслужиться с фельдфебеля до штабс-капитана. Несмотря на свой чин штабс-капитана он и по нраву, и по кругозору оставался скорее рядовым солдатом. Таковы вожди и руководители ачинских и минусинских партизан. Здесь, как и в Алтае, движение опять не имело своих политических руководителей и не было прочно связано с городом, несмотря на то, что в Красноярске была сильная подпольная большевистская организация. Многочисленные митинги, спектакли, клубы, одним словом, политическое воспитание партизан, которое мы начали проводить, заставило Кравченко поспешить с кое-какими мероприятиями. Он решил подтянуть «свои» отряды из Минусинска. На митингах нам удавалось с некоторой частью партизан завязать большую связь и отколоть их, главным образом, от тех, которые были заведомо бывшие каппелевцы.

Прошло не больше 10 дней, как Кравченко поставил категорический вопрос о своей поездке в Минусинск. Несмотря на то, что Реввоенсовет ему не разрешил, он ночью пытался выехать. Но... уже штаб дивизии и связь, в распоряжении которой были транспортные средства, находились не в его руках. Он не сумел получить ни машины, ни денег. Всю ночь пропьянствовав, он наутро даже не успел отоспаться, — так как в этот момент был прислан приказ об его аресте и разоружении всей дивизии. В моем распоряжении был лишь отряд в 350 штыков, тогда как по двум сторонам от города, на расстоянии 25-ти верст были расположены две партизанские бригады.

Кравченко был арестован. По всем дорогам были расставлены заставы. В самом городе был разоружен без всякого сопротивления батальон партизан (разоружен был без применения вооруженной силы). Я с некоторым волнением, наконец, взялся за прямой провод и решил вести переговоры с бригадами по вопросу об их разоружении. Весь исход зависел от того, как бригады отнесутся к факту разоружения. Одной бригадой командовал Щетинкин, другой —молодой «агроном» из «лагеря» Кравченко. Прежде всего, от имени Военного Совета дивизии я предложил Щетинкину и его комиссару (назначенному нами) выехать в Ачинск на совещание. Через полчаса мне сообщили, что телефонная связь с бригадой Щетинкина прервана. Мои переговоры с 2-й бригадой окончились безуспешно, так как командир заявил, что он не уверен с кем говорит, «с белыми или с красными». При таком положении вещей оставалось послать делегацию для переговоров в целях выполнения приказа Реввоенсовета.

На следующий день из бригады Щетинкина прибыл комиссар бригады тов. Юшкин с делегацией от партизан. По его рассказам, когда распространилась весть об аресте Кравченко, началось сильное движение среди партизан. Комиссар предложил послать делегацию, при чем в ответ на то, что и ее арестуют, он предложил им оставить его заложником. Партизаны, собравшись, решили Щетинкина не отпускать, но делегацию послать, при чем во главе делегации послали комиссара бригады. Когда мы объяснили прибывшим делегатам, в чем дело, и поставили им вопрос о подчинении Советской власти, они согласились и заявили, что уговорят солдат разоружиться.

Возвратившись обратно, они, совместно с Щетинкиным, произвели сами разоружение всей бригады и доставили на подводах оружие в штаб дивизии. Но если так удачно дело кончилось с 1-й бригадой, то со 2-й бригадой было положение хуже. Питомец Кравченко решил спровоцировать бригаду на выступление. Он категорически отказался разоружиться, отказался сам приехать и не дал гарантии неприкосновенности делегации, которую хотели к нему направить. 2-я бригада была одна из развалившихся частей; местное население к ней относилось недружелюбно. В этот момент прибыла Интернациональная бригада во главе с Павловым, а с юго-запада подошла 27-я дивизия. В одну ночь было произведено разоружение 2-й бригады, правда, силами 27-й дивизии, но во всяком случае без попыток сопротивления и применения оружия. Но после всей этой операции должна была начаться настоящая работа. Нужно было суметь отсортировать негодный и преступный элемент, а остальных снабдить пособием и отпустить по домам. Из 12 тысяч партизан лишь 900 человек изъявили желание вступить в Красную Армию. Каппелевцев и колчаковцев оказалось свыше 2, 3 тысяч. Процесс расформирования и обследования продолжался 3 недели. За это время в различных частях дивизии была проведена политическая работа по разъяснению необходимости разоружения. Коренные крестьяне-партизаны понемногу успокоились, и весь осадок от разоружения, очевидно, у них постепенно стерся. Одни лишь командиры-партизаны (за исключением Щетинкина, несомненно, одного из честных командиров) остались недовольны, и, когда их всех отправили в распоряжение Реввоенсовета, было заметно, что многие из них долго еще не забудут этой «обиды». Но авторитет Советской власти и Красной Армии был настолько велик, что основная масса крестьян-партизан безоговорочно подчинилась. Дисциплина, порядок

и твердая политическая рука, которую несла с собою в Сибирь пятая Армия, заставляли не только население, но и партизанские отряды быстро освоиваться с новым положением. Партизаны-щетинковцы, одни из наиболее боевых, — тому пример. В разбушевавшуюся стихию крестьянского восстания, которая залила огромную территорию Сибири от Алтая до Иркутска, среди бесчисленного количества разрушений, восстаний, пожаров, — пятая Армия внесла свое политическое руководство, подчинила стихию задачам военного и хозяйственного строительства, переварила в своем организме партизанщину и заложила в Сибири твердые материальные и политические основы Советской власти.

ПРИКАЗ ПО ВОЙСКАМ ПЯТОЙ АРМИИ № 1117 26 ДЕКАБРЯ 1919 ГОДА

§ 1.

Палач рабочих и крестьян Сибири, царский генерал Колчак, разгромлен. Его армия распалась и десятками тысяч сдается Советской Красной Армии. Сотни орудий, пулеметов, тысячи винтовок, миллионы патронов и снарядов, приготовленные буржуазией для истребления рабочих и крестьян, отняты доблестной Красной Армией и партизанами. Сотни паровозов, тысячи вагонов, с награбленным буржуазией народным богатством, захвачены нами и возвращены трудящимся. Царство наших вековых врагов, помещиков и буржуазии, разрушено вооруженной рукой рабочего и крестьянина. У власти стал рабочий и крестьянин. Перед нами стоит задача—собрать расхищенное буржуазией достояние трудящихся и восстановить народное хозяйство. Мы должны воссоздать уничтоженные заводы, рудники, железную дорогу, восстановить разрушенное крестьянское хозяйство. Но, переходя к мирному труду, мы должны твердо помнить, что за спиной русской буржуазии стоит буржуазия иностранная, которая не может помириться с победой Советской власти. Чтобы обеспечить себе мирный труд и возможность строить Социалистическое государство трудящихся, рабочие и крестьяне должны твердо держать в руках винтовку и зорко наблюдать за разбитым врагом и его союзниками. В борьбе со своими угнетателями рабочий класс создал могучую Красную Армию, в которую входят только трудящиеся. Она прошла от Волги и до Оби, уничтожая дворянство и буржуазию, и ведет героическую борьбу на Южном и Западном фронтах. В ее славные ряды должны встать все, кто хочет счастья трудящимся, кто готов отдать жизнь за их освобождение. Навстречу шедшей в Сибирь Красной Армии поднялись тысячи восставших крестьян, соединившихся в полки. Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навеки врежется в память поколений, и имена их будут с гордостью произноситься нашими детьми. Ныне произошло соединение организованной Советской Красной Армии с партизанскими полками и отрядами по всей Сибири. Из этих двух сил мы должны создать единую могучую армию, способную отразить многочисленных врагов на всех фронтах Советской России. Во исполнение этого Революционный Военный Совет пятой Армии и Сибирский Революционный Комитет приказывает: 1) Все партизанские полки, объединенные в армию под командованием това-

рища Мамонтова, согласно приказания Совета Обороны Республики, зачисляются в ряды Красной Армии со дня получения первого боевого задания, т.-е. с 1 декабря, со всеми обязанностями и правами, отсюда вытекающими. 2) Все партизаны с момента зачисления в ряды Красной Армии (параграф первый) получают все виды довольствия: жалованье, вещевое, провиантское, приварочное и т. п., наравне с красноармейцами и пользуются всеми правами и преимуществами (пособия семьям, пенсии, освобождение от прямых налогов и т. п.), красноармейцам определенными. 3) Ввиду расстройства хозяйства и аннулирования колчаковских денег, всем партизанам, не исключая и комсостава, зачисленным в ряды Красной Армии, выдать единовременное пособие в размере пятисот рублей. 4) Всех партизан старше 35-ти лет, по примеру Красной Армии, уволить от службы. 5) Всех партизан зачислить в запасные полки армии для ознакомления со службой и организацией Красной Армии. 6) Весь командный состав зачислить на особые краткосрочные курсы для расширения кругозора, необходимого каждому начальнику, и для занятия впоследствии командных должностей в Красной Армии. 7) С момента зачисления на курсы, партизаны-комсостав получают оклад содержания по должности командира взвода, согласно приказа Революционного Военного Совета Республики за № 1901, т.-е. три тысячи рублей. 8) До прибытия кадра запасных полков в район Барнаул и Ново-Николаевск, Инспехарму 5 выехать с необходимым аппаратом в город Барнаул для проведения слияния партизанских полков с Красной Армией, за исключением Крестьянского корпуса, который получит особое указание. 9) Тов. Мамонтов, тов. Жигалин (начальник Штаба армии) и тов. Чека (интендант армии) назначаются Инспехарма 5. 10) Уплату денег за принесенное собственное обмундирование и лошадей производить согласно приказу по армии за № 893, § 3. 11) Реввоенсовет армии принимает на себя все расходы, ранее произведенные партизанами, по довольствию и имуществу.

Подлинный подписали:

Реввоенсовет 5. *Эйхе. Теплов. Смирнов.*

Сибревком *Фрумкин.*

С подлинным верно: Врид наштарма 5, Генштаба *Кутырев.*

(По Оперативному Отделу.)

А. ШИРЯМОВ.

ИРКУТСКОЕ ВОССТАНИЕ И РАССТРЕЛ КОЛЧАКА.

Со времени перехода Красной Армии через Урал для всех в Сибири стало ясно, что дни колчаковской власти сочтены—вопрос лишь во времени.

Вызывало сомнения лишь одно,—что советские войска, истомленные двухлетними непрерывными боями, могут временно приостановить наступление и зазимовать на Урале. Но когда пал Омск, и к нам в Иркутск посыпались в полном хаосе всевозможные учреждения и министерства, город стала заполнять спасающаяся от большевиков буржуазия,—это были лишь осколки уже павшей власти,—и последние сомнения исчезли.

Через головы отступавших белых на всем многочисленном протяжении колчаковского тыла чувствовалось это незримое, огромное влияние наступления Красной Армии и ее сокрушающих ударов.

Колчаковия разлагалась на глазах. Первыми закопошились земцы и всякого рода городские общественные деятели—эти ископаемые представители давно умершей старой общественности. Прошла полоса банкетов, совещаний, «нелегальных» съездов... Чужды они были духу времени и далеки от подлинной российской общественности; они наивно воображали, что что-то и кто-то будет торговаться с ними за мужика и рабочего.

Но они все же были по духу родственны уходившему строю, и правительство Колчака пыталось опереться на них, строя иллюзии о каком-то земском соборе и не понимая, что опереться на земство в 1919 г.—это значит опереться на пустое место.

Признанными предателями дела рабочих и крестьян оказались попрежнему эсеры и меньшевики. Объединившись с теми же земцами, они образовали в Иркутске так называемый Политический Центр, для попытки в последний раз одурачить трудовые массы Сибири и Дальнего Востока.

Начав с восстаний и чехо-словацкого мятежа против власти

Советов, вызвав к жизни Колчака и все кошмары белой диктатуры, они считали себя законными восприемниками колчаковии, чтобы довести теперь до конца начатое в 1918 г. предательское дело.

Они ставили себе задачей отделить от России ту часть Сибири, которая еще не была занята советскими войсками, установить здесь «под покровительством» великих держав демократическую власть, которая никак не хотела привиться на российской почве, и «заключить мир с большевиками», т.-е. добиться у Советской России договорных отношений на свое существование.

Практически это означало бы не более как превращение всего Дальнего Востока или в колонию Японии, или какой-нибудь иной «великой» своими грабительскими способностями державы; или же, что всего вероятнее, в новый опорный пункт для продолжения борьбы с Советской властью. Даже деятели колчаковщины, именно так оценивали то положение, которое складывалось для Сибири вне Советской власти. Один из членов Омского Правительства, Гинс, на докладе Колчаку так формулировал это положение: «...единая большевистская Россия, или большевистская Россия и небольшевистские окраины, но с риском, что они станут колонией иностранных государств».

Но для того, чтобы разговаривать с большевиками, надо было уже иметь какую-то территорию и власть в своих руках. Поэтому Политцентр повел подготовку восстания против Колчака.

Падение Колчака было неизбежным, недовольство им было всеобщим. Правительство было покинуто всеми. Даже земцы отказались разговаривать с ним. Армия, за исключением немногих фронтовых частей, была также настроена враждебно к Колчаку; восстания и уход к красным целыми дивизиями подтверждали это. Офицерство иркутского гарнизона было или эсеровским или безличным.

За исключением Иркутского уезда, вся Область находилась в руках партизан. При таких условиях конец был заранее предрешен—при подходе советских войск все восстанет и перейдет к ним. Но они были еще далеко. Надо было, следовательно, успеть перенять падающую власть до прихода красных.

Помимо указанных выше, был еще ряд условий, которые могли способствовать успеху эсеровского восстания. Не имея в массах никакого влияния, Политцентр опирался исключительно на интеллигенцию в городах и на офицерский состав гарнизона, т.-е. на ту же интеллигенцию, еще мечтавшую, хотя бы под дру-

гим соусом, отмежеваться от большевиков, а впоследствии и продолжать с ними борьбу.

Выставляя лозунг мир с большевиками, Политцентр правильно учитывал, что солдатские массы охотно пойдут на любое восстание, обещающее им этот мир; руководство же солдатской массой в лице офицерского состава было в руках эсеров. С рабочими Политцентр связи не имел, поэтому и самое восстание им подготовлялось исключительно как военное, рассчитанное на короткий уличный бой. Чехи обещали оказать восстанию активную поддержку.

Наша организация считала момент еще недостаточно подходящим для самостоятельного выступления с лозунгами Советской власти. Таким образом обстоятельства складывались для эсеров благоприятно.

Желая иметь нас на своей стороне, Политцентр попытался вступить в переговоры с Иркутской организацией партии и привлечь ее к участию в восстании под лозунгами, выставленными Политцентром.

Вначале эти переговоры велись довольно интенсивно. Но в ноябре в Иркутске состоялось совещание сибирских организаций партии (3-й Съезд Сибирских организаций). Выбранный на Совещании Сибирский Комитет, в который вошел и я, запретил не только выступления, совместные с буржуазными партиями, проводимые не под лозунгами Советской власти, но и выступления в губерн. городах вообще, не связанные с одновременными действиями Красной Армии.

В особом обращении к партийным организациям Сибирский Комитет определял положение колчаковского тыла двумя основными явлениями: 1) «сильно развитым партизанским движением, руководимым большевиками и захватившим всю периферию колчаковской Сибири, за исключением узкой полосы вдоль железной дороги», и 2) «стремлением эсеровской и меньшевистской интеллигенции в городах, имевшей связи в офицерском составе колчаковских войск, организовать военный переворот с целью захвата власти в свои руки для установления в Сибири демократической коалиционной власти...».

Не имея опоры в массах, эсеры, естественно, стремились использовать для этой цели наши организации. Наиболее характерным примером такого использования явилась организованная эсерами попытка восстания во Владивостоке, под руководством чехо-словацкого генерала Гайды.

Владивостокская организация послала своего представителя в штаб Гайды («Бюро военных организаций») и призвала массы к бою под чужими лозунгами.

Попытка была жестоко подавлена ген. Розановым при активной поддержке японцев и трусливом невмешательстве чехов. В результате ген. Гайда спокойно уехал на родину, а несколько сот портовых рабочих нашло себе преждевременную смерть под бело-зеленым знаменем.

Указывая на эту попытку, Сибирский Комитет ставил задачей сибирских организаций партии в этот мемент «... еще более углубить и сделать совершенно непроходимою ту пропасть, которая отделяет теперь эти партии (с.-р. и меньшевиков) от масс...».

«Партия,—говорится в заключение в письме,—которая попыталась бы, при существовании успешной партизанской борьбы населения Сибири за Сов. власть и приближающихся советских армий, призвать идущие за нею массы к поддержке мелкобуржуазных лозунгов,—перестала бы существовать, как партия пролетариата».

Представитель Иркутского Комитета был отозван из Политцентра, и переговоры прервались. Не входя в Политцентр, наша организации готовилась, конечно, принять в восстании самое активное участие.

Прежде всего надо было достать денег. С этою целью решено было потрясти крупные кооперативные организации, находившиеся в Иркутске,—Центросоюз, Закуп-сбыт, Потребительское О-во служащих Забайкальской жел. дороги и другие. Предложили им дать Комитету «заимообразно», до восстановления Соввласти, но на всякий случай предупредили, что в случае отказа, не остановимся перед эксом.

Таким способом было собрано до миллиона рублей, что для того времени являлось уже значительной суммой. Часть денег была разослана по организациям, другая в дни восстания пошла на организацию дружин и пр.

При комитете работал Военный штаб. Он держал связь со всеми партизанскими отрядами; почти во всех частях гарнизона имелись наши ячейки. Особенно прочною была связь с отрядом особого назначения, состоявшим в распоряжении Иркутского губернатора Яковлева. Здесь регулярно созывались делегатские собрания, и был разработан план освобождения тюрьмы на тот случай, если бы была сделана попытка к ее «ликвидации» белыми перед уходом их из города.

Общее положение перед восстанием было, примерно, таково: Фронта уже не существовало. Окончательно разгромленные белые бесформенной массой откатывались к Красноярску, тысячами сдаваясь в плен и поднимая восстания. Командующим, вместо Сахарова, был назначен ген. Каппель. Впоследствии остатки трех колчаковских армий, которые он сумел объединить вокруг себя, именовались уже просто группой Каппеля. Железная дорога была захвачена чехами, спешно уходившими на Восток с награбленным имуществом; они везли с собою все, что могло уместиться в вагонах: мебель, экипажи, станки, зеркала, моторные лодки, пианино, огромные запасы провианта, обмундирования, мануфактуру, военное снаряжение и пр. и пр.

В ленте их бесконечных эшелонов где-то двигался Колчак со своим поездом и двумя эшелонами золотого запаса России. Платя целые состояния за места в поездах, бежала на Восток буржуазия. Семенов не пропускал ее за Байкал, и она оседала в Иркутске.

Все пространство Сибири вокруг железной дороги было занято партизанами. В самом Иркутске, кроме правительства, всевозможных учреждений и буржуазии, находился довольно значительный гарнизон, стояли чешские части, на вокзале в вагонах находились все иностранные миссии с генералом Жаненом во главе; стоял эшелон японцев.

О готовящемся выступлении знали все, равно как и об его участниках. Числа 22 декабря власть решила приступить к ликвидации Политцентра. Было арестовано 17 человек, из которых часть совершенно непричастных к делу лиц. Позднее, при бегстве из города, все они были уведены на Байкал и там замучены.

Политцентр решил действовать; 24 декабря выступил стоявший в Глазковском предместье 53-й полк. Глазково отделено от города широкой и быстрой рекой Ангарой; через него проходит железная дорога. Кроме этого полка и чехов, в предместьи иных частей не было; сопротивляться было некому, и восстание тотчас же перебросилось на ст. Батарейную, в 30-ти верстах от города, где к восставшим присоединился гарнизон станции, стоявший на охране расположенных здесь богатейших складов снарядов и интендантского имущества. Из членов Сибирского Комитета в Глазкове находился в это время тов. Миронов; под его руководством к восстанию тотчас же примкнули железно-дорожные рабочие.

Успеху восстания много способствовало то обстоятельство,

что, незадолго до него—21 декабря—ледоходом сорвало понтонный мост, соединявший город с железной дорогой, и, таким образом, части гарнизона, находившиеся в городе, не могли быть двинуты в Глазково против повстанцев.

Чехи, всецело владевшие железной дорогой, сохраняли «нейтралитет». Когда начальник Иркутского гарнизона, генерал Сычев, предупредил их, что он начнет артиллерийский обстрел казарм 53-го полка, командующий всеми иностранными войсками в Сибири, генерал Жанен, ответил ему, что он в таком случае в свою очередь прикажет открыть огонь по городу.

Позиция, занятая чехами, вполне объяснима. В 1918 г. они начали восстание против Совласти с теми же эсерами. При их помощи в Сибири установилась диктатура Колчака. Десятки дотла сожженных деревень, тысячи разоренных, разграбленных хозяйств, десятки тысяч расстрелянных и замученных рабочих и крестьян—вот что оставляли после себя чехи, уходя на родину. Вернуться в свою страну с таким прошлым они не хотели. Чехо-Словакия только что вводила у себя демократический режим, и возвращавшимся полкам, вернее их политическим и военным руководителям, нужна была хоть какая-нибудь покраска полинявшей популярности «освободителей», с которой они начали свою карьеру в России.

Когда они увидели, что колчаковское правительство бессильно в дальнейшем оказать их продвижению на Восток какую-либо помощь, но зато бессильно и помешать ему, чехо-словацкое командование обратилось к союзникам с меморандумом, восхвалявшим доблести чехо-словацкого войска и описывавшим ужасы колчаковии.

Они отказывались признать свое участие в том застенке, в котором в течение двух лет истекала кровью крестьянская и рабочая Сибирь.

Никого он не обманул—этот меморандум, но это один из наиболее ярких документов, рисующих всю ту гнусную роль, которую сыграли чехо-словацкие войска в России; в нем есть такие места:

> «...Охраняя жел. дорогу и поддерживая в стране порядок, войско наше вынуждено сохранять то состояние полного произвола и беззакония, которое здесь воцарилось. Под защитой чехо-словацких штыков, местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии, по простому подозрению в политической

неблагонадежности,—составляют обычное явление, и ответственность за все перед судом народов всего мира ложится на нас: почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию. Такая наша пассивность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние русские дела...».

Чехи говорят, что они «не вмешивались в русские дела». Но дни власти Колчака были сочтены; стоило лишь без всякого риска пнуть его ногой. Именно это чехи и сделали, еще раз помогая эсерам восстановить свое господство в Сибири. Кроме того, им нужна была какая-нибудь вообще власть, которая, в хаосе крестьянских восстаний и распада фронта, могла бы обеспечить им перед русским населением свободный выход из Сибири. Такую власть в этот момент они видели в Политцентре, как позднее, когда Политцентр постигла участь Колчака, они искали сближения с ревкомом и непосредственно с большевиками. Они в любое время готовы были предать Политцентр большевикам, так же, как они предали Колчака Политцентру. Эсеры этого не понимали.

Таким образом Глазково оказалось отрезанным от города, и восстание стало быстро распространяться вдоль железной дороги. Через несколько дней колчаковская власть была ликвидирована во всей губернии; оставался город.

В ночь на 28 декабря началось восстание в самом городе. Его начал отряд особого назначения. Он занял телеграф и сгруппировался на площади против здания городской думы в ожидании известий о выступлении других частей гарнизона. Но гарнизон не поддержал восставших. Наоборот, стали поступать сведения о том, что юнкера готовятся к контр-выступлению, что прибыли семеновцы из-за Байкала. Эти слухи усиленно распускал губернатор Яковлев, убеждая отряд прекратить выступление. Чувствуя свою изолированность и малочисленность, отряд очистил город и отошел в Знаменское (ныне Маратовское) предместье за реку Ушаковку. Выступление в городе закончилось неудачей.

Но правительство и не думало сопротивляться. Уже начавшее в эти дни переговоры с союзниками об эвакуации за Байкал, оно ничего не предприняло в первый день против предместья. А здесь с утра уже закипела лихорадочная, боевая работа.

Свой штаб мы переименовали в Штаб рабоче-крестьянских дружин, и день и ночь в нем шло формирование дружин, которые тотчас же уходили на позиции. Мы добились выдачи нам

штабом Политцентра оружия, но больше мы его брали сами через наши организации в частях. Тотчас же организовали подвоз оружия и гранат со ст. Батарейной. В партизанские отряды послали гонцов с приказами стягиваться к городу. В эти дни освободили тюрьму; почти все освобожденные в тот же день влились в дружины.

Об освобождении тюрьмы в течение трех дней шли препирательства с Политцентром. Боясь чехов, он не давал согласия на ее освобождение. Пришлось заявить, что мы сделаем это без него. Тюрьма была под обстрелом города. Ночью наши отряды окружили ее и вывели всех политических заключенных; уголовные были оставлены. Тюрьма возвратила нам ряд товарищей, арестованных в Иркутске при летних провалах.

С вечера первого дня начались бои на Ушаковке. Стремясь парализовать волю противника, руководивший боями, назначенный Политцентром командующим нар.-рев. армией, капит. Калашников стремился удержать инициативу боев в своих руках. Два раза наши цепи врывались в город и принуждены были за малочисленностью уходить обратно, переходя долину речки Ушаковки, ровную, чистую, под пулеметным огнем противника. Десятки трупов оставались на льду, потери росли, бои отличались крайним ожесточением.

Со второго дня ген. Сычев, командовавший городом, начал обстрел предместья из орудий.

1 мая мы получили сведения, что к Глазкову подходят семеновские части. Поддержанные орудийным огнем со своего броневика, они пошли в атаку на предместье, но были на-голову разбиты частями 53-го полка и дружиной жел.-дорожных рабочих. При преследовании много их было перебито. Семеновцы отступили верст на двадцать к Байкалу, к деревне Михалево, и больше уже не пытались наступать.

Нам с позиции на Ушаковке жутко было слушать развертывавшийся в Глазкове бой. Орудийная пальба, доносившаяся иногда трескотня пулеметов, короткие, резкие ружейные залпы и завывание гудков паровозов в течение многих часов держали нас в напряженном до крайности настроении. В сущности, бой решался там. Возьмут семеновцы Глазково—и из осаждающих мы перейдем на положение атакуемых. Наконец, радостное известие облетело позиции,—семеновцы разгромлены, бежали...

Сопротивление города сразу упало. Началось разложение гарнизона; целые части стали перебегать к нам.

3 января в поезде Жанена начались переговоры с правительством о передаче власти Политцентру, и было заключено перемирие на одни сутки. 4-го, не ожидая конца переговоров, Сычев снял фронт и с остатками офицерства и министрами бежал к Байкалу, бросив город. Ночью мы стали занимать город, а 5-го днем все повстанческие войска торжественно вступили в город. Восстание закончилось. Всероссийского правительства Колчака более не существовало. Иркутск ликовал.

Вступив в город и заняв то здание, где помещался ранее совет министров Колчака, Политцентр почувствовал себя властью и обратился к «населению Сибири» с особым «манифестом», в котором ставил своими ближайшими задачами следующее:

«...1) Созыв на 12 января 1920 г. Временного Сибирского совета народного управления на основании особого положения, опубликованного Политцентром, и передачу ему всей полноты временной власти вплоть до созыва Сибирского народного собрания, составленного из представителей губернских и уездных земских собраний, съездов крестьян, казачьих кругов, городских самоуправлений и профессиональных рабочих объединений.

2) Вся полнота местной власти в отдельных губерниях передается губернским земским собраниям и их органам—губернским земским управам. В городах полнота местной власти осуществляется городскими думами.

3) Во всех областях, очищенных от реакции, немедленно начинается подготовка к выборам городских и земских самоуправлений на основе избирательных законов 1917 г.

4) Власть Политического Центра, власть гражданского мира, предпринимает немедленные шаги к установлению перемирия на Советском фронте и начинает переговоры с Советской властью, на основе гарантирования самоуправления областей, освобожденных от реакции, не занятых армией Совета Народных Комиссаров.

5) Политический Центр приступает к немедленному осуществлению договорных взаимоотношений с демократическими государственными образованиями, возникшими на Российской территории.

6) В отношении к Чехо-Словацкой и Польской Республикам его задача сводится к установлению дружественных взаимоотношений, обеспечению свободного пропуска их войск с сибирской территории, при условии невмешательства их во внутреннюю жизнь Сибири.

7) В отношении Держав Согласия и других иностранных держав, Политический Центр будет вести политику мирного разрешения претензий этих стран к России, при условии невмешательства их во внутреннюю жизнь страны».

Манифест заканчивался словами:

«...намечая в самых общих чертах платформу своей деятельности, Политический Центр глубоко уверен, что его последовательно-демократическая политика будет обеспечена солидарной поддержкой трудовых слоев деревни и города...».

Только что став у власти, Политцентр уже рассматривал армию Колчака, как свою собственную, и обещал ей перемирие с большевиками. По отношению к России он стремился занять положение, подобное Литве, Эстонии, Польше; он обещал союзникам мирное признание их претензий (долгов) «к России» (даже не к Сибири). Никаких уступок духу времени. Советы долой, их заменят земства и думы...

На поддержку такой, действительно, «последовательно-демократической» политики Политический Центр—«власть гражданского мира», а не гражданской войны,—призывал трудовые массы Сибири в то время, когда его собственное положение почти с первого же дня ничем не стало отличаться от положения только что свергнутого правительства.

Почти вся область была уже советской, и только Иркутск должен был занять выжидательную политику, вследствие присутствия в городе чехов и союзников.

Наша организация вошла в город уже значительной силой. В рабочих дружинах, подчиненных нашему штабу, насчитывалось свыше тысячи штыков, пулеметы, неограниченное число гранат, патронов и другого снаряжения из огромных складов ст. Батарейной. Мы поставили себе две цели: добиться созыва Совета раб. депут. и создать для него вооруженную силу, достаточную для отпора чехам.

Опираясь на дружины, мы с первого же дня восстания легализовали свою работу. Объявили запись в партию; с 7 января стали издавать газету «Сибирская Правда», первым редактором которой был назначен комитетом только что освобожденный из тюрьмы тов. Шнейдер.

«Сибирская Правда», резко нападая на Политцентр, открыла кампанию за Советы и вызывала ежедневные запросы чехов Политцентру о ее правах на существование.

Тотчас же по вступлении в город мы открыли широкую кампанию за выборы Совета рабочих и кр.-арм. депутатов. Из рабочих районов, с предприятий и из уездов к нам и в Политцентр стали десятками стекаться требования созыва Совета и передачи ему власти. Также быстро стал на сторону Совета и весь гарнизон, находившийся в подчинении штаба Политцентра. Двухнедельная кампания, проведенная здесь нами, закончилась рядом делегатских собраний от всех частей, которые вынесли то же требование. Политцентр вынужден был принять это требование,

была образована специальная избирательная комиссия, и созыв Совета был назначен на конец января.

Одновременно шло накопление наших вооруженных сил. Фактически с первого же дня вступления в город образовалось два центра и две власти. Один—это Политцентр со штабом нар.-револ. армии, и другой—Комитет нашей партии со штабом раб.-крест. дружин. Спешно проводились новые формирования, к Иркутску были подтянуты некоторые из партизанских отрядов; один из них, отряд Каландарашвили, стоял под самым городом.

Еще в дни восстания к нам присоединились левые эсеры. Они занимали в армии и в штабе Политцентра ряд командных должностей; при их посредстве ни одно распоряжение штаба не ускользало от нашего внимания. Только что выйдя из подполья, мы стремились собрать вокруг себя достаточно сил для борьбы за Советы, не против Политцентра, который никакой силы не представлял, а против чехов, ибо только с этой стороны мы в то время рассчитывали встретить серьезное сопротивление.

В сущности, с первого же дня после занятия города и широковещательного манифеста Политцентра, началось и его разложение. Вступить в него мы отказались, но представителя Комитета послали с мандатом «присутствовать на заседаниях с информационной целью».

Эта «информационная цель» особенно нервно настраивала членов Политцентра. Они заявляли нам: «вы обязаны оказывать нам поддержку, а если не хотите—берите власть в свои руки». Но брать власть Комитет считал еще преждевременным.

Наша позиция метко схвачена одним из колчаковских министров в одной из книг, вышедших в Харбине (Гинс. «Сибирь...», стр. 537), где говорится.

> «...В то время как 5 января Политический Центр рассылал своих комиссаров по правительственным учреждениям, рабочие-коммунисты прислали свои телеги к зданию гостиницы «Модерн» и увезли оружие, разбросанное уходившими с фронта солдатами. Это было практичнее. Они организовали силу, в то время как эсеры ее теряли».

Недовольство Политцентром в армии чувствовалось все сильнее. Его штаб не мог не способствовать этому. Он оставил на своих местах почти весь старый командный состав, из которого многие участвовали в карательных экспедициях или по другим причинам вызывали недовольство нар.-армейцев. В частях шло брожение, начались попытки самосудов, один из таких командиров был убит. Штаб нар.-рев. армии все более терял влияние

и авторитет в своих частях, и пропорционально возрастало влияние нашего штаба. Конец этой «власти» был ясен, но эсеры надеялись обмануть нас другим путем.

В первые же дни после занятия города Политцентр командировал в Ревсовет пятой Армии в Красноярск и Омск своих представителей для переговоров о перемирии; точнее, о приостановке наступления советских войск и признания за Политцентром прав на образование буферного государства.

Мы, с своей стороны, добились посылки и пропуска через фронт, вместе с представителями Политцентра, делегата от Комитета, чтобы он мог обрисовать в Москве истинное положение у нас и воспрепятствовать этому соглашению.

Чехи, заинтересованные в перемирии, обязывались пропустить всю делегацию через свой фронт.

С такою миссией комитетом был командирован тов. Краснощеков, освобожденный во время восстания из тюрьмы, где он сидел под чужой, конечно, фамилией.

На заседании Комитета Краснощекову был дан соответствующий наказ, и он обязался отстаивать выдвинутое Комитетом положение о движении Красной Армии вперед и занятии Иркутска.

Лишь позднее, когда власть была уже в наших руках, а в Иркутск вступили части пятой Армии, мы узнали, какую роль сыграл Краснощеков в этой делегации. Сообщив Реввоенсовету позицию Комитета, он приложил далее все усилия, чтобы помочь Политцентру добиться соглашения на образование буфера.

К счастью, соглашение это опоздало притти к нам на пару дней, и Политцентр был устранен нами в результате ряда крупных событий, которых мы не ждали.

Одним из таковых была выдача чехами Политцентру Колчака с согласия союзников. Фактически Колчак был арестован чехами еще в Нижнеудинске, где ему предложили распустить свою охрану и отдаться «под защиту союзников». Особым постановлением союзное командование обещало ему свое покровительство и доставку в место, какое он сам пожелает. Колчак распустил свой конвой и под охраной чехов был доставлен в Иркутск. Здесь он, как и все ехавшие в его поезде, был передан Политцентру. Наряд одной из наших дружин, под командой членов нашего штаба, принял его и отвез в тюрьму, вместе с рядом других лиц, в том числе и с бывшим председателем совета министров Пепеляевым.

Чем была вызвана эта выдача?

Объяснение имеется простое.

Крушение Колчаковского правительства было полное и безнадежное. Оставалась одна надежда отсрочить приход большевиков попыткой установления эсеровской власти. Без власти Колчак никакой ценности ни для союзников, ни для чехов не представлял; по своим же личным качествам, прямой и резкий, пытавшийся отстаивать «суверенитет Российского правительства» от притязаний союзников, он давно уже находился в остром конфликте с союзниками, а тем более с чехами.

Белые армии были разгромлены, арьергард чехов входил в непосредственное соприкосновение с красными.

Польская дивизия, шедшая в хвосте чешских войск, настигнутая красными, была ими почти полностью уничтожена. Чехи знали, какою ненавистью они пользуются не только у красных, но и у населения Сибири вообще. Спокойный уход их при этих условиях из Сибири ставился под угрозу.

Единственная надежда была на новую власть и соглашение через нее с большевиками. Голова Колчака должна была служить выкупом за свободный уход на Восток.

Выдавая Колчака Политцентру, союзники значительно укрепляли положение последнего перед Москвой. С Колчаком в руках, эсеры могли с большим успехом вести переговоры о своем существовании в качестве буферной власти и обеспечить чехам свободный путь через Сибирь.

Одновременно с Колчаком в Иркутск прибыл и также был передан Политцентру «золотой поезд», заключавший в себе свыше десяти тысяч пудов золотого запаса России, захваченного эсерами при мятеже 1918 года. Золото это должно было оставаться под двойной охраной чехов и русских до ухода последнего чешского эшелона со ст. Иркутск.

Мы приняли все меры к тому, чтобы поезд не мог быть уведен на Восток. Одна из наших частей стала на его охрану. Поезд был поставлен в тупик, опутан проводами и сигнализацией. В депо под парами всегда держался паровоз, который был бы брошен на поезд при первом его движении из тупика. По линии нашим организациям были даны приказы—при получении извещения о движении поезда, спустить его под откос в любом месте и т. д...

Другим событием, толкнувшим нас на быстрые и решительные действия,—было появление за Нижнеудинском группы Капеля.

Чешские сведения говорили, что с ним идет до 35.000 отбор-

ных войск—все, что осталось от Колчаковского фронта. По нашим сведениям их было до 12.000, при чем около двух тысяч небоеспособных, больных и т. д. Они заняли Нижнеудинск, произведя там резню среди рабочих.

Лишенная возможности воспользоваться железной дорогой, занятой чехами, группа двигалась вдоль полотна по тракту на подводах или на конях; жестокие сибирские морозы и тиф безжалостно косили людей, но все же для нас это был серьезный враг.

Каппель вел за собой наиболее стойкие и упорные в борьбе с Советской властью части, выдержавшие всю двухлетнюю кампанию. Они знали себе цену, знали, что́ их ожидает в случае встречи с красными, и их путь, этот «Ледяной поход», сопровождался неописуемыми жестокостями, расстрелами, грабежами и издевательством над мирным населением. Занимая деревни, они забирали все, что можно было забрать: одежду, лошадей, провиант, деньги, вещи; за малейший протест зверски расправлялись с крестьянами.

Они заразили тифом поголовно все население местностей, через которые проходили. Сотни трупов замученных ими людей оставались после их прохода.

Что предпримет против этой банды Политцентр?

Этот вопрос мы поставили в Комитете на обсуждение. Сопротивляться он не мог, да, пожалуй, и не хотел. Никаких мер к обороне города не предпринималось. Члены Политцентра говорили, что нужно не сопротивление, а соглашение; они надеялись и тут на чехов. Гарнизон насчитывал 3.500—4.000 штыков из разношерстных, полуразложившихся войск, с командным составом, которого никто не слушался и который вряд ли повел бы эти части против Каппеля.

Политцентр мог только вступить с Каппелем в переговоры, которые привели бы к занятию им города, а затем к полному его разгрому.

Время для нашего выступления настало. В наших руках были Колчак, золото и город, полный всевозможных запасов,—надо было отстоять эту добычу. Решено было устранить Политический Центр и организовать защиту города. Сопротивления со стороны Политцентра мы не ждали, но, на всякий случай, был разработан и план «захвата власти».

20 января Комитетом партии был назначен Военно-Революционный Комитет из пяти членов, в который вошли: я, Чудинов, Сурнов, Снοскарев и от левых эсеров Литвинов.

Все обошлось, впрочем, мирно и в полном соответствии с принципами существующей демократической власти. 21 января на совместном заседании с Политцентром состоялась официальная передача власти Ревкому.

Постращав нас сначала той огромной и невыполнимой ответственностью перед всей Россией, которую мы берем на себя без ведома Москвы, и предупредив, что мы горько пожалеем об этом в будущем, Политцентр «подчинился обстоятельствам». Один из членов Политцентра, Гольдман, показал мне пакет и сказал, что, для оправдания себя и увековечения своего пророчества, они, члены Политцентра, описали все предвидимые ими роковые последствия нашего необдуманного шага в особом акте, который представят «истории».

Нас это мало обеспокоило, и «истории» понадобилось всего лишь час времени, чтобы в последний раз и уже навсегда покончить с иллюзией утверждения где-либо в России господства эсеровской власти.

«Переворот» был совершен с пролитием... лишь небольшого количества чернил.

5 января Политцентр торжественно манифестировал перед населением Сибири о своем приходе к власти, 21-го он уже навсегда сошел со сцены. Он, воистину, оказался «мавром».

Вот текст соглашения, подписанный в тот вечер нами.

Акт.

1920 года, января 22 дня, мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны—Политический Центр, действующий во исполнение постановлений Вр. Совета Сибирского Народного Управления от 21 января, и с другой стороны—Военно-Революционный Комитет, действующий на основании постановления избравших его Сибирского Комитета РКП, Иркутского Комитета РКП, Бюро Сибирских групп левых эсеров и Центрального Штаба Рабоче-Крестьянских Дружин от 20 января—составили настоящий акт в нижеследующем:

1) Политический Центр на основании постановления Вр. Совета Сибирского Народного Управления, передает с сего числа всю полноту принадлежащей ему государственной власти на всей территории, освобожденной от власти реакции, Военно-Революционному Комитету, принимающему на себя эту власть с сего числа.

2) Военно-Революционный Комитет обязуется созвать на 25 января 1920 г. в г. Иркутске Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которому передает всю полноту власти, сложив с себя таковую.

3) Передача дел по отдельным отраслям управления производится Политическим Центром через его уполномоченных по отдельным ведом-

ствам и учреждениям — уполномоченным Военно-Революционного Комитета.

4) Принимая на себя всю полноту власти, Военно-Революционный Комитет и избравшие его организации гарантируют: а) беспрепятственный пропуск чехо-словацких войск на Восток с оружием в руках, при условии полного их невмешательства в русские дела и передачи Военно-Революционному Комитету золотого запаса, находящегося ныне под охраной чехо-войск; б) полную личную неприкосновенность демократии, боровшейся против власти Колчака.

Изложенное подтверждаем своими подписями:

Председатель Политического Центра *Ф. Федорович.*
Члены Центра: *А. Самохин, Л. Гольдман, А. Иваницкий-Василенко, В. Косьминский.*
Секретарь: *И. Ваксберг.*
Председатель Военно-Революционного Комитета *А. Ширямов.*
Члены Военно-Революционного Комитета: *Д. Чудинов, В. Литвинов, Сурнов, А. Сноскарев.*

Через два дня была получена телеграмма о согласии Москвы на существование Политцентра,—миссия Краснощекова увенчалась полным успехом, но было уже поздно.

Чехи приняли известие о нашем официальном появлении у власти спокойно. Деваться им было некуда. Еще до принятия решения об устранении Политцентра мы сообщили им о неизбежности этого переворота и получили ответ, что они сами видят все бессилие Политцентра и что их здесь интересует лишь сохранение в силе их соглашения с Политцентром об обеспечении им свободного выхода на Восток.

Представитель чешского командования присутствовал на заседании, где решился вопрос о переходе власти, и мы официально подтвердили соглашение.

Времени до встречи с Каппелевцами оставалось всего несколько дней. За это время надо было проделать огромную работу. С этого дня и вплоть до вступления в город соввойск мы не знали отдыха ни днем, ни ночью. Ревком работал круглые сутки; спали мы тут же в зале заседаний. Таким же темпом работал и наш штаб, теперь полностью сменивший штаб Политцентра.

В течение трех дней были переформированы части и сведены в крупные единицы по советскому образцу, о котором мы, впрочем, знали лишь по наслышке; это была большая работа. Понадобилось устранить старый командный состав и заменить его своим. Командующим был назначен начальник одного из партизанских отрядов тов. Зверев,

После первых мирных дней, отношения с чехами вскоре стали также портиться. Мы лишили их некоторых привилегий, которыми они пользовались ранее; затем одним из партизан, из отряда Каландарашвили, был убит на улице адъютант д-ра Благожа, официального представителя Чехо-Словацкой республики, находившегося в Иркутске.

Сейчас я с улыбкой вспоминаю последовавший за этим событием обмен «нотами» между Ревкомом и чешским командованием и ту вооруженную демонстрацию, которой ответили нам чехи на «непринятие нами мер к охране жизни их высших представителей»; гроб с телом убитого, в сопровождении, примерно, батальона пехоты и полубатареи, чехи провезли по городу; но тогда эта дикая выходка каландарашвильцев значительно ухудшила наше положение.

Не помню точно, в какое время, но вскоре после образования Ревкома мы провели выборы в Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов и открыли его. Совет подтвердил полномочия Ревкома, но переизбрал его, уменьшив его состав до трех человек. В новый состав Ревкома вошли: я, Снoскарев и от левых эсеров Левенсон.

Опираясь на Совет, мы стали готовиться к отпору каппелевцам, а заодно и чехам. Решено было выдвинуть к ст. Зима заслон, который должен был принять первый удар и затем оттянуться к городу, выяснив силы противника. Выслали группу примерно около 800 чел. под командой тов. Нестерова с комиссаром тов. Грингофом. Чехи не препятствовали ее проезду по жел. дороге и дали обещание не вмешиваться в бой и не оказывать никакого содействия каппелевцам при условии соблюдения 3-верстной нейтральной зоны вдоль линии железной дороги.

Группа ушла, а с чехами в это время было заключено другое соглашение; они давно уже вели арьергардные бои с наседающими головными частями пятой Армии. Каждый такой бой кончался поражением для чехов, тяжелыми потерями для них, и они спасались лишь тем, что взрывали за собой мосты, задерживая наступление красных частей.

Около ст. Нижнеудинск части 30-й дивизии нагнали чехов. Начался бой, в котором чехи потерпели жестокое поражение, потеряв броневые поезда, часть артиллерии и обратившись в паническое бегство. Паника распространилась по всей линии вплоть до Иркутска. Напуганное неизбежным разгромом, чешское командование в Иркутске обратилось к нам с просьбой помочь воз-

обновить переговоры с пятой Армией. Нас это ни к чему не обязывало, и мы договорились о посылке делегации от Комитета, которую чехи брались передать в передовые части пятой Армии через фронт; одного представителя посылали чехи.

От нас были посланы двое: член Ревкома тов. Сурнов и член Комитета партии Рябиков.

В это время начался бой нашей группы с каппелевцами у ст. Зима. Первые сведения о нем были самые благоприятные,—бой развертывался с успехом для нас. Затем сведения прекратились. А утром мы узнали о полном разгроме нашей группы. Узнали горькую правду: в самый разгар боя чехи напали на левое крыло расположения группы, смяли его и решили участь группы. Разгром был полный, группа рассеяна без остатка, лишь часть ее, успевшая отойти на жел. дор., была обезоружена чехами и позднее доставлена в Иркутск, в том числе Нестеров и Грингоф.

Возмущение в городе этим предательством было так велико, что с большим трудом удалось удержать наши части от немедленного нападения на чехов. Разодраться с чехами сейчас было бы большим безрассудством,—мы были не в состоянии повести борьбу одновременно и с чехами и с каппелевцами. Но ожидать от чехов мы теперь могли всего.

Благож поспешил дать нам объяснение событий под Зимой. По его словам, штаб ничего не знал о случившемся; как раз в это время под Зимой оказались части, попавшие под разгром красных около Тулуна; да и вообще остающиеся сейчас на фронте чешские войска уже потеряли дисциплину, и командование существует лишь формально,—части ему почти не подчиняются. Кроме того, в хвосте идут румынские и сербские отряды, мало считающиеся с чешским командованием. Благож высказал мнение, что нам не удастся отстоять город, что у Войцеховского (Каппель умер в дороге, и командование группой принял ген. Войцеховский) до 20.000 способных к бою солдат и т. д...

Настали последние решительные дни.

В нашем распоряжении оставалось четыре дня. Прежде всего надо было обезопасить себя от чехов. Чехам предложено было Ревкомом в суточный срок вывести из города все свои части и две стоявшие в городе броневые машины.

После недолгого препирательства с нами командующего чеховойсками полк. Крейчий, чехи очистили город и ушли на вокзал.

В два дня город стал неузнаваем. На призыв организаций энтузиазм последнего боя охватил рабочие массы города. В эти два дня около 2.000 новых бойцов влилось в дружины,—нехватало оружия. Наиболее испытанные части из бывшего гарнизона и дружин были выдвинуты навстречу Каппелю за 60 верст от города. Они должны были принять первый удар противника а вместе с тем прикрыть Якутский тракт, с которого легко можно было ворваться в город. Штаб выехал на тот же тракт. В случае занятия города противником, он должен был сохранить боевое руководство операциями. Город, составляя левый фланг общей позиции, был выделен в самостоятельный боевой пункт с особым командованием. Улицы покрыты рядом баррикад, завалены бревнами, созданы опорные пункты, вся первая линия домов по набережной Ангары очищена от жителей и занята цепями стрелков и т. д.

Заставив чехов очистить город, мы вывели в свою очередь все свои отряды из Глазковского предместья, где проходит жел. дорога. Мы готовились к бою и с каппелевцами, и с чехами; в последнем случае бесполезно было оставлять в их расположении несколько слабых отрядов,—при столкновении с чехами они были бы обречены на немедленное уничтожение.

Юнкерское училище и часть взятого на учет белого комсостава были интернированы в пересыльных бараках Иркутской тюрьмы.

5 февраля начались бои. Головной отряд группы Каппеля, который определялся нами тысяч в шесть, пытался опрокинуть выставленный заслон и пробиться на тракт. Ожесточенный бой длился несколько часов. Натиск был отбит, и противник откатился к железной дороге. Бой шел при 30-градусном морозе и отличался огромным упорством, пленных не было. Раненые противники замерзали на месте, в наших частях было много обмороженных.

По уговору с чехами мы не могли вести боя у жел.-дор. полотна, поэтому не могли преследовать противника, который уходил в эту «нейтральную» зону. Перестроившись, он продолжал свое движение к городу.

Вечером 6-го я объехал город. Он замер и опустел в ожидании боя, движение прекратилось, погасли огни, население попряталось по домам, на улицах только конные патрули; не было даже передвижения частей—все были на своих местах.

Еще до боя у Зимы мы пытались завязать переговоры с каппелевской группой. Сначала эти переговоры велись через Бла-

гожа. Войцеховскому было предложено сложить оружие во избежание бесполезного кровопролития. Ответ пришел такой, какого и следовало ожидать. В ответ на предложение сдаться, Войцеховский требовал вывода из города наших войск «на сто верст к северу», провизии и золота на 50.000 человек, выдачи Колчака и тому подобные «пустяки». За это он обещал занять город на два-три дня и затем проследовать за Байкал.

Потерпев здесь неудачу, мы пытались войти в непосредственное соприкосновение с солдатской массой группы. Обратились к ним с особым воззванием, которое разбросали с аэроплана. В составе группы шли остатки Воткинской и Ижевской дивизий. Часть семей рабочих, составлявших ядро этих дивизий, жила в Иркутске. Они предложили нам послать в дивизию ходаков. Два делегата от них ушли в группу, но вернуться уже не успели—группа подошла к Иркутску.

Рабочие этих заводов, вовлеченные в свое время в чехо-словацкий мятеж, выделялись своей жестокостью даже среди колчаковцев. Дивизии пополнялись разным сбродом; среди них было много татар, отличавшихся особой жестокостью; пытки и издевательства над пленными, насилия над женщинами в большинстве приходились на долю этих «славных», не раз отмеченных в приказах Колчака, дивизий.

Слишком много зла они сделали трудовому населению Сибири и России, чтобы ожидать себе прощения. И они остались до конца врагами трудовой власти. Позднее, уже под Читой, они в кровопролитных боях отстаивали господство атамана Семенова и японцев с таким же отчаянным упорством, с каким когда-то вышли на защиту учредительного собрания.

В этот же период каппелевцы, включаясь в провода телеграфа, пытались спровоцировать нас на нападение на чехов.

Однажды ночью меня вызвали к прямому проводу. Подхожу. После справки, кто говорит, получаю приказ (цитирую на память): «Я, начальник такой-то бригады 30-й Советской дивизии такой-то. По приказанию Ревсовета пятой Армии передаю приказ—немедленно начать общее наступление на чехов по всей линии и т. д.»...

Я заявил, что это не входит в наши планы, и получил в ответ угрозы об ответственности перед Ревтрибуналом и прочее.

Приказ этот мы рассмотрели на совещании со штабом и решили в конфликт с чехами все-таки не вступать. Нам, стремившимся сохранить за собой золото, город, полный огромных запасов, тун-

нели Забайкальской жел. дор., такая авантюра могла стоить потери всего.

Но когда позднее я связался проводом с председателем Реввоенсовета 5 И. Н. Смирновым и услышал от него как раз обратное распоряжение—ни в коем случае не ввязываться в бой с чехами, я понял, откуда исходят эти приказы. Мне еще раза два подавали ленту с подобными же приказами, а затем они прекратились.

В эти дни была решена и участь Колчака.

С момента ареста Колчак содержался в Иркутской тюрьме. Особо надежный отряд стоял на его охране, и условия ее ежедневно проверялись.

Созданная еще при Политцентре и реформированная нами, следственная комиссия вела следствие и производила допросы Колчака и других членов правительства.

Город был занят нами в момент, когда в нем скопилась масса контр-революционных элементов: буржуазия, застрявшие офицеры колчаковских армий, десятки всевозможных учреждений, юнкера и пр. и пр. В дни боев многие припрятали оружие, и его часто находили при обысках, находили части пулеметов, пулеметные ленты, гранаты, винтовки и т. д. Появились черносотенные прокламации, восхвалявшие Колчака, как мученика, призывавшие стоять за него... Я в этих прокламациях величался Ширямзоном.

Готовясь к бою, мы приняли все меры к предупреждению восстания у себя в тылу, интернировали юнкеров, провели ряд арестов, в специальном приказе Ревкома предупредили буржуазию и белогвардейщину, что, в случае какой-либо попытки к восстанию, пощады не будет никому; и все же полной уверенности в том, что во время боя город останется спокойным, у нас не было.

Организующим центром этого восстания, его лозунгом оставался попрежнему Колчак.

Председателю следственной комиссии, тов. Чудновскому, было дано распоряжение—держать наготове специальный отряд, который, в случае боя на улицах, должен был взять Колчака из тюрьмы и увезти его из города в более безопасное место.

Но числа 3 февраля след. комиссия представила в Ревком список человек в 18, роль которых в колчаковщине была достаточно выяснена. По мнению комиссии, они подлежали расстрелу. В числе их был Колчак.

Ревком выделил из списка только двух: Колчака и пред. сов.

мин. Пепеляева. Все же в тот день вопрос о Колчаке был оставлен открытым.

Находившемуся в штабе пятой Армии тов. Сурнову было по прямому проводу передано поручение выяснить, как отнесется Ревсовет к расстрелу Колчака. Чехи нашим переговорам не препятствовали. Ответ я получил от тов. Смирнова в том духе, что если парторганизация считает этот расстрел необходимым при создавшейся обстановке, то Ревсовет не будет возражать против него.

Ночью постановление Ревкома было передано тов. Чудновскому для исполнения.

Вместе с Колчаком был расстрелян палач, приводивший в Иркутской тюрьме, в период колчаковщины, в исполнение смертные приговоры, китаец, отвратительное существо.

Оставшись «без работы», он предложил нам свои услуги, и мы присоединили его к Колчаку.

На рассвете, 7 февраля, Верховный Правитель всея России, его первый министр и его первый палач были расстреляны нарядом лево-эсеровской дружины в присутствии пред. след. ком. тов. Чудновского и члена Военревкома тов. Левенсона.

Трупы их были спущены в прорубь реки Ангары.

«Постановление № 27

Иркутского Военно-Революционного Комитета.

7 февраля 1920 года.

Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и пр.; установлено таинственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения; по городу разбрасываются портреты Колчака и т. д.

С другой стороны, генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего «ответа» упоминает о выдаче ему Колчака и его штаба.

Все это заставляет признать, что в городе существует тайная организация ставящая своею целью освобождение одного из тягчайших преступников против трудящихся—Колчака и его сподвижников. Восстание это, безусловно обреченное на полный неуспех, тем не менее может повлечь за собой еще ряд невинных жертв и вызвать стихийный взрыв мести со стороны возмущенных масс, не желающих допустить повторения такой попытки.

Обязанный предупредить эти бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлений Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, объ-

явивших Колчака и его правительство вне закона,—Иркутский Военно-Революционный Комитет постановил:

1) Бывшего «Верховного Правителя»—
Адмирала Колчака и
2) бывшего председателя совета
министров Пепеляева—
расстрелять.

Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв.

Председатель Иркутского Военно-Революционного Комитета *А. Ширямов.*
Члены: *А. Сноскарев, М. Левенсон.*
Управделами *Оборин*».

Между тем бои под городом проходили с полным успехом для нас. Еще несколько раз каппелевцы пытались пробиться на Якутский тракт. Сильный бой произошел у деревни Усть-Куда. Всюду отбитые, неся огромные потери, они подошли к Иркутску уже бесформенной массой, смешавшись с наседавшими на них собственными обозами. Уходившие ранее в сторону, при движении группы, партизанские отряды догнали ее, рубили отстающих, захватывали обозы. Около одной из деревень партизан Буров разгромил прикрывавший движение группы отряд ген. Волкова. Сам Волков был убит в бою.

7-го утром мы получили сообщение, что между чехами и пятой Армией заключено соглашение о мирном пропуске чехов на Восток. В тот же день разъезды противника появились в виду города. Обстрелянные нами, они скрылись. Напасть на город противник уже не решился. Пользуясь тем, что Глазково занимали чехи, и там не было наших частей, противник перешел жел. дор. около ст. Иннокентьевская, прошел через Глазково в обход города и вышел снова на тракт верстах в 50-ти по р. Ангаре выше него.

Нейтральная полоса вдоль жел. дор. помешала нам закончить бои у города захватом всей группы в плен. «Нейтралитет» чехов спас эти последние, самые гнусные по своей бессмысленной жестокости, проявленной к населению, остатки трех армий Колчака.

Брошенные из города вдогонку части захватили лишь хвосты бежавшего противника, отбили остатки обоза и до Байкала преследовали его. Головная группа, не пытаясь ввязываться в бой, успела перейти Байкал ранее, чем к нему подошли наши отряды.

Все было кончено.

Вся история последних дней колчаковщины развернулась на протяжении одного с небольшим месяца.

Успешное восстание против Колчака, организация власти Политцентром, накопление наших сил, кампания за Совет Раб. и Кр. Депутатов и его выборы, устранение Политцентра, организация обороны, бои с каппелевцами, расстрел Колчака,— все эти события следовали с головокружительной быстротой.

Заканчивался грандиозный поединок двух классов, двух миров. В этот поединок пролетарская Россия бросила одну из лучших своих армий, и под ее стремительным натиском с грохотом рушилось здание белой диктатуры.

Иркутские события были лишь одним из моментов, хотя, может быть, и самым красочным из всей двухлетней борьбы за Сибирь и ее хлеб.

Но понадобилось величайшее напряжение сил всей Иркутской организации и рабочих масс города, вся энергия работников, выкованная годами борьбы способность к ориентировке в событиях, сменявшихся с быстротою кино-ленты,— чтобы не быть погребенными под развалинами рушившегося строя, отстоять богатую добычу и выйти победителями из этой последней схватки.

История в последний раз упомянула имя Колчака, поставив его рядом с палачом, и последний акт кровавой сибирской трагедии, именуемой колчаковщиной, был окончен.

Через две недели передовые части пятой Армии вступили в Иркутск.

И. СМИРНОВ.

КОНЕЦ БОРЬБЫ. ПЕРЕМИРИЕ С ЧЕХО-СЛОВАКАМИ.

Последний отряд вооруженной реакции, боровшийся под руководством Колчака с Советской Россией, был по иронии судьбы тот, который одним из первых поднял восстание против Советов в 1918 году—чехо-словацкая армия.

Им обязана первая Советская власть на Урале и в Сибири своим падением. Без вмешательства этой чуждой силы эсеры в Сибири в 1918 году не смогли бы свалить Советы.

Чехо-словаки, искавшие пути на родину, не видели его на Западе. В революцию в Германии и Австрии они не верили (а она была так близка), и они избрали другой путь, долгий, тяжелый и позорный.

Двигаясь от Пензы через Самару, Уфу, Омск на Восток к океану, они свергали Советы в союзе с демократией—эсерами и при попустительстве меньшевиков; но, углубившись в Среднюю Сибирь, они дальше не смогли продвинуться, ибо Антанта, от которой они всецело зависели, задумала использовать их в качестве орудия для дальнейшей борьбы с Советами.

И чехи остановились в Сибири. Правда, их участие в боях против Красной Армии ограничивалось отдельными эпизодами, но основную порученную задачу они выполняли хорошо. А именно: им поручили охрану Сибирской магистрали, занятой подвозкой пополнений и боевых припасов Колчаку.

Железная дорога все время была под ударом.

Крестьяне, весьма спокойно смотревшие раньше на падение неокрепшей Советской власти в городах, почувствовавши военно-дворянский режим Колчака, по всей Сибири сначала неорганизованно, а затем отрядами и даже армиями повели жестокую, упорную борьбу с пришельцами.

Конечно, лучших войск против сибирских крестьян, чем иноземные поляки и чехи, Колчак не мог выдвинуть.

Они не могли «разложиться», не могли войти с крестьянами

в связь. Не могло быть дезертирства. Заброшенные в чуждый им крестьянский край, польские легионеры и чехи держались обособленно. Дорога им была необходима как единственный будущий путь на родину. И они ее защищали с остервенением от нападения партизан. Жестокостей с обеих сторон было достаточно много.

Защищая железную дорогу, они защищали Колчака, а потому ни Колчаку, ни союзникам не было никакого расчета выпускать ни чехов, ни поляков из Сибири. Таково было положежение этих новых своеобразных ландскнехтов нашего времени.

На Тоболе и Ишиме Колчаку были нанесены смертельные удары.

Белая армия покатилась на Восток без боев. Омск был взят без выстрела, хотя в нем было до 30.000 гарнизона. Новониколаевск, Томск, Барнаул так же легко переходили в наши руки.

Белая армия была явно небоеспособна.

Все стремились на Восток.

Сибирская магистраль была забита эшелонами. Они двигались в день по 50 и менее верст. А вдоль дороги бежала потерявшая всякую организацию армия. Был страшен не Колчак, не его армия, а новый враг—тиф, свирепствовавший в белой армии, перешедший и к нам.

Все города были переполнены тифозными. Больные, которых белые хотели эвакуировать, были брошены ими в поездах, и нам, привыкшим уже ко всему, становилось иногда жутко, разгружая целые эшелоны замерзших, тифозных белых.

Красная Армия таяла теперь от тифа. Переболели почти все. В Реввоенсовете пятой Армии от тифа умер начальник штаба Ивасиев. Болели члены Реввоенсовета: Грюнштейн, Теплов, Гончаров, командующий Эйхе; умер управделами Реввоенсовета Седенков.

Кажется, в Реввоенсовете только один я избавился от тифа, очевидно, потому, что еще раньше перенес его.

Заболевшие красноармейцы оставались в деревнях по пути армии. Санитарная часть должна была по всей дороге организовать особые сборные пункты для тифозных. От тифа пятая Армия потеряла больше людей, чем от ранений.

После боя на Ишиме первое новое боевое столкновение было у ст. Тайга, но уже с польскими легионерами.

Принявши нашу 27-ю дивизию за партизан (одеты были кто во что), легионеры смело дали бой.

На месте их осталось до 4.000 человек. Был лютый мороз; раненые не могли уйти и замерзали.

После этого польские легионеры уже не пытались ввязываться с нами в дело и под Красноярском положили оружие.

Следующим и последним еще боеспособным отрядом были чехо-словаки. Их было до 30.000 человек. Они были превосходно вооружены и занимали магистраль от Красноярска до Иркутска.

Положение их было весьма тяжелое. Повидимому, им ничего не оставалось, как уходить вместе с белыми на Восток.

Но дорога была забита эшелонами; красные шли быстрее поездов, и рано или поздно мы должны были их настигнуть.

С другой стороны, крестьянство поднялось всей массой, и прорыв дороги мог произойти ежедневно.

Принимать на себя удар пятой Армии и удар партизан значило бы обречь себя на гибель.

Чехи искали новых путей спасения.

В Нижнеудинске они задержали Колчака.

Последний тоже плыл по течению на Восток. Сначала его поезд пользовался преимуществом: его пропускали вне очереди. В одном месте даже сделали обходную колею мимо запруженного беженцами главного пути.

Но это была последняя дань гибнущей власти.

Затем, поезд Колчака попал в бесконечную цепь эшелонов и двигался со скоростью, не превышавшей 100 верст в сутки.

Все обаяние власти исчезло.

В Нижнеудинске чехи, предварительно расставив на вокзале пулеметы, окружили поезд Верховного Правителя и объявили ему, что он арестован.

Никто не встал на защиту Колчака: ни бегущая мимо армия, ни даже его личный конвой.

Колчак, уже пленником в своем поезде, был доставлен в Иркутск, где в это время произошел переворот, и был чехами передан Политическому Центру, в то время возглавлявшему восставший Иркутск.

Мне передавали потом чехи, что, когда Колчак уходил из своего поезда в тюрьму, он захотел проститься со своими «свитскими» офицерами.

И эти господа, еще вчера раболепствовавшие пред Верховным Правителем, не приняли его протянутой руки.

Вместе с Колчаком двигался эшелон с золотым запасом.

Он тоже был захвачен чехами и стоял теперь на Иркутском вокзале под смешанным караулом—чехов и русских.

О том, что Колчак арестован, мы знали еще в Омске; подроб-

ности нам были неизвестны. Были слухи о колебаниях чехов и о их намерении начать с нами переговоры.

Сибирский Революционный Комитет, состоящий тогда, кажется, из трех человек: М. И. Фрумкина, В. М. Косарева и меня, посовещавшись, решил послать меня поближе к чехам, дабы использовать положение возможно полнее и лучше.

В то время как я двигался на Восток, наша 30-я дивизия в Нижнеудинске вошла в соприкосновение с чехами.

Если в Москве, откуда мы получали соответствующие указания, и в Омске не хотели никаких столкновений с чехами, то красноармейцы и партизаны на этот счет были особого мнения.

И на самом деле: мы занимали город за городом; крестьяне нас встречали восторженно; партизаны вливались в наши полки; наши больные оставались где-то позади и их не было видно; враг бежал перед нами.

Зачем же искать мира? Надо бить, итти вперед и бить всех, кто еще остался от Колчака—поляков, чехов, румын.

Таково было настроение армии и крестьян. Особенно партизаны не могли понять, как это с чехами можно мириться.

И наше желание «дипломатическим» путем разрешить вопрос в Нижнеудинске сорвалось неожиданным образом.

Кажется, 2-я бригада 30-й дивизии наткнулась на чехов. Завязался бой, в результате которого чехи отступили.

4 февраля из Нижнеудинска я телеграфировал М. И. Фрумкину:

«Информирую о положении на фронте: после столкновения у Нижнеудинска, где две тысячи чехов потеряли 4 бронепоезда и 118 теплушек, они в панике отступили походным порядком. Следующее столкновение произошло за Тулуном, где они после короткого боя вновь отошли, оставив нам девять эшелонов. Нам сдались два батальона юго-славян с командным составом; имеется группа партийных людей среди них; необходимо выслать им литературу на русском языке и информировать их о положении дел в Европе. Сегодня прибыли три делегата из Иркутска: чешский офицер Губ от командования чехо-войск, член Иркутского Ревкома Сурнов и член Комитета Рябиков. Предлагают заключить перемирие с чехами в целях сохранения жел. пути, который чехи, отступая, разрушают. Перемирие на условиях, выработанных Реввоенсоветом, заключено на 12 часов. Я выезжаю сейчас в Тулун для окончательного разрешения этого вопроса. Делегация выехала из Иркутска вечером тридцатого. Положение Иркутска было устойчивое, с чехо-словаками отношения иркутян—дружественные. Слухи о занятии Иркутска Каппелем сомнительны. Золотой запас находится в Иркутске. Черемховские копи бастовали, рабочие ушли в Красармию, угля мало. Надеюсь, кризис разрешится благополучно. Сообщите об этом Москве».

В Нижнеудинске чехи взорвали ж.-д. мост.

Наше наступление замедлилось. Армия устала бесконечно. Хвост ее тянулся от самого Челябинска.

Половина армии лежала в тифу. И если бы мы не получали все время пополнений из партизанских отрядов, то армия не могла бы двигаться вперед.

Первое столкновение чехов убедило их, что перед ними настоящая регулярная армия, к тому же охваченная энтузиазмом.

Они учли это и стали избегать боев, уходить к Иркутску, взрывая мосты, нанося нам этим колоссальный ущерб.

Надо было во что бы то ни стало прекратить это разрушение.

Еще в Нижнеудинске я узнал, что в наш передовой полк прибыла делегация, в составе которой находился чешский офицер.

Помню, как, в ночь с 5-го на 6 февраля, меня вызвали в штаб дивизии к проводу. Из Тулуна, где стоял наш передовой полк, сообщили, что чехи предлагают на 12 часов перемирие и те основные условия, на которых они могут начать переговоры о полном прекращении враждебных действий.

Я связался с Реввоенсоветом пятой Армии и Сибревкомом и, получая из Тулуна пункты чехов, передавал их в Красноярск и Омск и тут же отвечал в Тулун по всем пунктам.

Всю ночь пришлось просидеть у аппарата и только на рассвете уйти на квартиру.

Было дано согласие на перемирие. В тот же день я поехал на лошадях в Тулун.

В то время как делегация сидела у нас в Тулуне, к Иркутску, где был уже Революционный Комитет, сменивший Политический Центр, подступали остатки колчаковской армии.

Это были самые крепкие физически и духовно люди. Они отступали от Омска до Иркутска. Все слабые уже погибли от тягостей этого безумно долгого похода.

Остались те, кто не ждал пощады от красных и сам никого не щадил.

Перед ними, голодными, замерзшими, был богатейший город с запасами одежды, хлеба, боевых припасов.

Овладеть городом, хотя бы на день, чтобы одеться, обогреться, было их заветной мечтой. Ведь дальше, за Байкалом, опять сотни верст пути, где опять голод и холод, где их ряды опять будут таять.

Руководитель этих отрядов, Каппель, погиб в дороге: он отморозил ноги и умер.

Сейчас отряд возглавлял генерал Войцеховский. Они двинулись на Иркутск.

В Иркутске был гарнизон около 5.000 человек. Были тысячи рабочих.

Но как они сорганизованы? Смогут ли дать отпор? Уверенности в этом большой не было.

На запасном пути Иркутского вокзала стоял поезд с золотым запасом, который нас интересовал в данный момент больше, чем сам «Верховный Правитель».

Из-за Байкала каждый день можно было ожидать атамана Семенова или японцев, стоявших в Верхнеудинске.

В Иркутской тюрьме сидели Колчак и его министры, а среди них его правая рука—Пепеляев. Что с ними делать? Еще, кажется, в Красноярске я получил от Владимира Ильича шифрованную телеграмму относительно Колчака, в которой он решительно приказывал К о л ч а к а н е р а с с т р е л и в а т ь.

Обстановка изменилась. Войцеховский мог ворваться в Иркутск, мог освободить Колчака, и кто знает, не будет ли он некоторым знаменем для сохранившихся реакционных сил?

Запрашивать Москву было некогда, и решение было принято.

6 февраля я телеграфировал в Сибревком:

«Информирую о положении на фронте и в Иркутске: сегодня в час дня мною подписаны условия мирного соглашения с чехо-словаками. Эти условия вам сегодня передаю вне всякой очереди. Сегодня остатки каппелевских отрядов не свыше 4.000 штыков атаковали предместья Иркутска, но были отброшены к югу на 15 верст. Чехи соблюдают нейтралитет. В Иркутске полная уверенность, что с бандою справятся. Каппель умер. Командует Войцеховский. Положение в Иркутске таково: 20 января, после совещания активных партийных работников, решили устранить Политический Центр, неспособный организовать вооруженной силы для охраны города от уцелевших отрядов Каппеля и возможных выступлений чехов. Вошли в соглашение с левыми эсерами, которые требовали немедленного созыва Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских Депутатов. По техническим соображениям, выборы произвели только рабочие и крестьяне. Норма—от 50—один, в Совет вошли представители Комитета левых эсеров и коммунистов. Меньшевиков и правых эсеров не допустили, но этот вопрос снова поставлен. Исполком состоит из 13 лиц: 9 коммунистов, 4 левых эсеров. Председатель Ширямов, просвещения Чудинов, труда Шумятский, социального обеспечения Миронов, продовольствия Сенотрусов, секретарь Анучин, финансов Литвинов, земельный Клингофен, здравоохранения Юдин. Чехи сдали 7 вагонов серебра и 29 вагонов золота. Хранится на вокзале под смешанным караулом; в Иркутске 5.000 штыков, командует Зверев, по тракту 3.000, командует Бурлов, продовольствия хватит для города на один месяц.

Заготовка идет чрез Кредит. Союз в Балаганском уезде около Уяша. С топливом плохо, заготовка дров вокруг Иркутска в Ушаковке, Ульяно-Байкальской, Михалево, но много рабочих вступило в отряды и ушло с работ. В Черемхове угля нет, остался угольный мусор, которым топят. Рабочие Черемховских копей—в большинстве в отрядах. В городе взято на учет много мануфактуры японского изделия. Комитет РКП: Красновцев, Чудинов, Ширямов, Сурнов, Миронов, Гаврилов, Рябиков, два представителя от бурят и латышей. По сведениям, в Забайкальи организовался Политцентр, и партизанщина превратилась в восстание. Последние известия говорят, что Штаты предъявили требование Японии о невмешательстве во внутренние дела и выводе войск. Все миссии находятся в Верхнеудинске. Прошу Сибревком сообщить мнение об Иркутском Исполкоме; я предполагаю преобразовать его в Ревком из трех лиц; все остальные сохранятся как заведывающие отделами. Совет будет или распущен или номинален. Изменение личном составе считаю излишним. Сегодня по прямому проводу мною дано распоряжение расстрелять Колчака. Отвечайте немедленно мне—Зима. Рабочим Черемхово выдают по 1.000 рублей.

Смирнов.

Тулун, где стояли наши части, находится от Иркутска что-то около 500 верст. Эту часть железной дороги еще занимали чехословаки.

Нас отделял от них взорванный мост.

Каким же образом нам удавалось сноситься с осажденными в Иркутске товарищами? И даже по такому щекотливому вопросу, как судьба «Верховного Правителя»?

К немалому нашему удивлению, чешское командование, давая нашей делегации провод для сообщения в Иркутск о ходе «мирных» переговоров, не чинило препятствий к передаче вышеуказанной телеграммы Иркутскому Ревкому.

В селе Куйтун я встретился с делегацией, в которой были члены Иркутского Губкома—Сурнов и Рябиков.

Из их сообщений видно было, что положение в Иркутске, отделенном от нас 500 верст, занятых чехами,—довольно тяжелое.

Хлеб Иркутск получал всегда из Енисейской губернии, частью из Манчжурии. В Манчжурии атаман Семенов и японцы, а здесь чехи взрывают мосты, восстановить кои почти невозможно.

Может случиться и так, что мы получим город со стотысячным населением без возможности его прокормить эту зиму.

Перемирие нужно было заключить во что бы то ни стало.

Первая встреча с чешским уполномоченным поручиком Гаупе, или, как мы после упрощенно его именовали, «Губ», произошла, кажется, 5 февраля вечером.

Он не произвел на меня хорошего впечатления. Это был высокого роста, молодой, лет 28, человек; очень плотный, чрезвычайно болтливый, и мне он показался сомнительным уполномоченным.

Я почти был уверен, что его прислали к нам для выигрыша времени.

Но, в сущности, нам в данное время нечего было терять. Сил у нас было только два полка, остальные, на расстоянии около 300 верст, отстали.

Орудий не было, и против их бронепоездов наши винтовки были малодействительны. Поручик Губ внушал нам, что, вообще, среди чехо-словаков настроение не разговаривать с нами, и лишь небольшая часть командного состава—за переговоры, и давал понять, что именно он, Губ, так сказать, организует общественное мнение чехов в пользу переговоров.

И надо сказать, что он, действительно, старался. Но не только заключить перемирие, а и перестать стрелять друг в друга нам было почти физически невозможно.

Чехи явно боялись нас и при малейшей тревоге открывали стрельбу, рвали телеграфную и телефонную связь, и ежеминутно мы ждали, что взорвут мост.

К несчастью, в арьергарде у них стояли румыны,—самые панические части,—и с ними то и дело происходили недоразумения.

Командовал ими полковник Кадлец, задира и, повидимому, порядочный трус.

Его вызывающее поведение едва не сорвало переговоров. Нужно было проявить немалую волю, чтобы сдержаться и не двинуться вперед. И лишь боязнь за целость мостов нас останавливала.

Первое заседание делегации было 5 февраля.

После небольшого вступительного слова с нашей стороны мы вплотную приступили к делу. У нас были заранее выработаны условия перемирия. Они сводились к тому, что мы не препятствуем и содействуем движению чехов во Владивосток, обеспечиваем их необходимым количеством угля с Черемховских копей (копи были в руках чехов).

Свое движение вперед производим по намеченному плану, принимая от них станции и мосты.

Нашей задачей было сохранить жел.-дор. мосты, уничтожение которых отрезало бы подвоз в Иркутск съестных припасов.

Продолжать с чехами борьбу, довольно трудную для нас, в тот момент было еще и потому излишне, что если бы мы их даже разбили и взяли в плен, то ничего, кроме обузы, не получили бы. Пленных колчаковцев и поляков было уже столько, что наша армия превращалась в какой-то конвой при них.

А между тем мы имели тысячи партизан, сорванных с своих хозяйств, и еще не ясно было, какую позицию они завтра могут принять в отношении Советской власти, пришедшей не только для уничтожения колчаковщины, но и за хлебом для Москвы и Петрограда.

Через несколько месяцев ряд движений в Западной и Средней Сибири показал, что в Сибири, как и на Украине, была почва для махновщины.

Наконец, золотой запас фактически был в руках чехов. Они могли его увезти с собой. Для нас это был бы громадный удар, ибо это золото равнялось почти половине имевшегося в Москве запаса.

Вл. Ильич из Москвы приказывал заключать мир во что бы ни стало. Если чехам нельзя пробраться на Восток, то обещать пропустить их на Запад через всю Россию.

Однако и наш молодой командный состав, и красноармейцы, и партизаны были настроены чрезвычайно активно.

Помню, как 6, кажется, февраля, после того как от чехов мы не получили в условное время ответа на наши предложения, к нам в штаб явился партизан Бурлов, действовавший от Братского острога к Балаганску.

Вошел огромного роста сибиряк с шашкой через плечо, обвешанный бомбами, болтавшимися у него на поясном ремне, как луковицы. Он до крайности огорчился, что мы с чехами разговариваем. Я ему объяснил, почему нам нужно с ними договориться, указал на взорванные мосты. Это Бурлова мало трогало: Братский острог, где он жил, все же был около 300 верст от жел. дор., и его она, повидимому, мало интересовала.

И когда, не дождавшись от чехов ответа, я дал ему приказ немедленно итти на перерез чехам, беспощадно уничтожая всех вооруженных, тов. Бурлов поистине воскрес.

Красноармейцы тоже ворчали и косились.

Начдив Лапин и комбриг Грязнов относились к чехам с полнейшим презрением после Нижнеудинского боя.

После первого заседания с делегацией наш представитель тов. Сурнов вместе с поручиком Губ отправился в чешский

арьергард для передачи достигнутого соглашения и получения чехами санкции от командования.

Прошел целый день ожидания. Нам донесли, что чехи, не считаясь с переговорами, разрушают телеграфную связь.

Опять возникли сомнения; командир бригады тов. Грязнов и командир дивизии тов. Лапин явно не верили в благоприятный исход переговоров и считали ошибкой Сибревкома эти переговоры.

На следующий день поздно ночью, не получая от чехов никаких сведений, я согласился на переход в наступление.

Было два часа ночи, когда я вышел из штаба бригады. На улице большого сибирского села шла большая суматоха. Рокотали свистки командиров рот. Крестьяне быстро запрягали лошадей. Красноармейцы бросались по-трое в сани и уносились в морозную темную ночь, навстречу врагу.

«Садись», «садись»—слышалась команда; через какой-нибудь час село затихло, полк весь уехал.

К счастью для обеих сторон, под утро вернулся уполномоченный чехов пор. Губ и привез телеграмму от своего командования, которое соглашалось в принципе на наши условия.

Переговоры возобновились; стали спорить о деталях; столкновение, почти неизбежное, устранилось.

Переговоры осложнялись мелкими инцидентами, неизбежными в таких случаях.

Стоявшие перед нами чехо-словацкие части держались вызывающе. Вступить с ними в связь было очень трудно. Как иллюстрацию, приведу дословно доклад командира роты, бывшего унтер-офицера, посланного нами с пакетом к чехам:

«Командир 8-й роты
263-го стр. полка
5 февраля 1920 г.

Командиру 1-й бригады 30-й стрелковой дивизии.

Докладная.

4 февраля 1920 года мне вручен был пакет с приказанием компполка 263, во что бы то ни стало, вручить его командиру чехо-войск и получить ответ к 19 часам. Я, с товарищем Косолаповым, двинулся на станцию Куйтун в 14 часов с заимки, в 5 верстах от станции. Мы подъехали к станции на расстояние 200—250 сажен, где нас без всякого опроса обстреляли с поста, который оказался сзади, справа. Мы остановились, объяснили, кто мы такие, и попросили разрешения двигаться дальше. Отъехав шагов десять, нас вновь обстреляли с указанного поста. Мы остановились и попросили доложить командирам чехо-войск, что прибыли делегаты Советской Красной Армии, на что

ответа не последовало, и мы продолжали кричать в течение часа, в который на станции была полная тишина и слышны были разговоры у эшелонов. Наконец, нас опросил пост, стоящий у линии, и велел подождать. Но в это время на станции поднялся крик, шум, последовал выстрел из орудия и вспыхнуло станционное здание. Мы вынуждены были уехать и доложить о происшедшем комполка 263. Мы получили вновь приказание, во что бы то ни стало, вручить пакет. На станции же чехов не оказалось, и мы вынуждены были ехать на станцию Кимильтей.

Не доезжая станции Кимильтей на две версты, мы выслали подводчика с объяснительной запиской на станцию, откуда получили предложение ехать вперед. Нас встретили и поместили в караульном помещении, куда прибыли некоторые командиры, с которыми завязалась беседа. Они убеждали в невыгодности военных действий, так как они будут взрывать все мосты, сжигать станции и прочее, убеждали, что Советская власть неустойчива, должна быть середина, и что на нашей стороне участвуют в строительстве каторжники, что, по ихнему мнению, плохо, и так далее.

На это я попросил прекратить разговоры, иначе я могу его оскорбить. После этого они нас оставили. Через часа два нас повезли в штаб, где прочитали ответ и взяли подписку от тов. Косолапова в том, что он соглашается остаться у них.

После чего мне предложили отправиться, гарантировав безопасность до заставы. За дальнейшее продвижение не отвечали. В 5 верстах от заставы, на тракте на селение Листвянку, я был обстрелян с заимки. Отношение командиров было высокомерное, убеждали в боеспособности своих войск, и один командир выразился так: «Я бы подрался с большевиками, если они нарушат перемирие переходом демаркационной линии» (он, видимо, отправлялся вперед).

Делегат по передаче пакета и приеме ответа *Никифоров*.

Как видим, тов. Никифоров поддерживал достоинство молодого Советского государства всеми имевшимися у него средствами.

Последнее заседание было 7 февраля, когда и был подписан помещаемый ниже договор о мирном соглашении.

На основании договора, мы послали своих представителей через чешские войска в Иркутск и Черемхово. Для овладения жел.-дор. движением поехал тов. Рудый, он проявил исключительную энергию, и через неделю жел. дорога фактически была в наших руках.

Чехов стали вывозить скорее, чем они сами того желали. В Иркутске в это время конструировалась Советская власть. Последние отряды Каппеля ушли за Байкал.

Там, в Верхнеудинске, стояли японские части, охранявшие и прикрывавшие атамана Семенова. Не в наших интересах было искать столкновений с Японией.

Нужно было придумать какое-то средостение между японцами и нами, которое, до поры до времени, прикрывало бы Советскую Россию с Востока. Форма нашлась. Была организована Дальне-Восточная республика. Она просуществовала около двух лет; она вела борьбу с Семеновым, бароном Унгерном и Меркуловым.

Последние волны реакции, поднявшей на своем гребне Колчака, откатывались все дальше, к Тихому океану, оставляя после себя разрушенные села и города.

В марте последний эшелон чехов оставил Иркутск; следом за ними вступила в город 30-я дивизия, проделавшая сказочный зимний поход от Омска до Иркутска, около 2.000 верст.

Весь Иркутск вышел навстречу еще новой для него Красной Армии, создавшейся под Казанью и с боями прошедшую Урал и Сибирь.

На улице, рядом с триумфальной аркой, стояла гигантская статуя рабочего, высеченная скульптором Файтом изо льда.

Кончилась тяжелая вооруженная борьба рабочего класса и крестьян с помещиками и буржуазией здесь, на Востоке. Кончилась великой победой трудящихся, но вся Сибирская магистраль и весь Урал, где прошли обе армии, были разрушены; мосты, водокачки взорваны, дома сожжены, лошади у крестьян пропали.

И десятки тысяч партизан обращались к Советской власти с требованием—помочь им восстановить их сожженные дома, поднять их хозяйство.

Справимся ли? Притаившиеся белые не сомневались, что через два-три месяца все в Сибири развалится, и мы волей-неволей уйдем оттуда.

Освобожденная Сибирь лежала, как тяжело больной после смертельно-опасного кризиса. Но был такой энтузиазм, такой подъем и среди крестьян, и в армии, и даже среди значительной части обывателей, что все разрушенное восстанавливалось со сказочной быстротой.

Мосты, взорванные чехами, строились в 40-градусные морозы и нашими частями, и пленными немцами.

Этим последним было дано обещание отправить их на родину немедленно (и оно было исполнено) по восстановлении мостов, и они, полураздетые, полуобутые, в лютый холод, днем и ночью, без устали работали.

Около 150 больших и малых мостов было восстановлено, прежде чем тронулась весенняя вода.

Это был необычайный труд. Он стоил любой выигранной битвы.

За эту истинно героическую работу руководитель ее тов. Рудый получил орден Красного Знамени.

И эта же работа показала, на что способны наш красноармеец и рабочий на новом поле битвы.

Лучшие политические работники армии немедленно двинулись на копи, жел. дороги и обратно на Уральские заводы.

После героической борьбы с Колчаком с тем же энтузиазмом пятая Армия вошла в новую борьбу — с разрухой.

Эта миновавшая эпоха борьбы 1919 и 1920 годов навсегда останется у всех участников в воспоминании, как самые важные, неповторяемые и счастливые годы их жизни. И они их никогда не забудут.

И. СУРНОВ («ГЛЕБ»).

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ПАРТИЗАН С КРАСНОЙ АРМИЕЙ.

22 января 1920 года Иркутск и все прилегающие к нему районы — Черемхово, Балаганск и т. д. — стали советскими. Власть от эсеро-меньшевистского Политцентра перешла безболезненно в руки большевистского Военно-Революционного Комитета.

Перед молодой Советской властью в Иркутске встали большие трудности. Эти трудности заключались, во-первых, в том, что связи с двигающейся на Восток регулярной Красной Армией еще не было. Она находилась на пути между Красноярском и Иркутском, верстах в 500 от последнего. Во-вторых, Советской власти в Иркутске с первых же дней пришлось иметь дело с чехо-словаками, румынами, японцами и прочими «защитниками» Сибири от сибирского населения, в руках которых находилась вся железнодорожная магистраль и довольно много боевых припасов и снаряжения.

К тому же все они прекрасно были вооружены и технически прекрасно подготовлены.

В военном отношении эти силы—и количественно и качественно—далеко превосходили нас. В любую минуту они могли повернуть штыки против нашей малочисленной и технически малоподготовленной партизанской армии.

Приходилось принимать все меры к тому, чтобы избежать открытого конфликта с чехо-словаками и в то же время как можно быстрее связаться с Красной Армией.

Развернувшиеся события подтолкнули Ревком к быстрому разрешению этой задачи.

При переходе власти от Политцентра к Ревкому трудно было судить о том, как мы «сговоримся» с чехо-словаками и пр. иностранной публикой.

Воевать с ними мы не собирались, хотя на крайний случай были готовы и к этому. Нам, совершенно неискушенным в дипломатии, выпало на долю вести хитрые разговоры с вооруженным противником.

Для этого мы в тот же день, т.-е. 22 января, назначили заседание Ревкома (в гостинице «Гранд-Отель»), которое должно было привести нас к тому или иному решению в отношении чехов и японцев. На заседание Ревкома был вызван уполномоченный Чехо-Словацкой республики в Сибири д-р Благож и член высшего чешского командования.

Неожиданный случай помог нам.

Перед заседанием на телеграф вызвали представителя Ревкома к прямому проводу. Так как я ведал в то время всеми разговорами по прямым проводам, то мне пришлось выехать на телеграф, что я срочно и сделал.

У ключа аппарата произошел следующий разговор между мной и оказавшимся по ту сторону провода Советским парламентером тов. Онегиным (кажется, так была фамилия товарища).

— Кто у аппарата? Представитель Политцентра?

— Нет, представитель Военно-Революционного Комитета Сурнов, так как Политцентра более не существует в Иркутске и прилегающих к нему районах. В Иркутске в ночь на сегодня установлена Советская власть; говорите, в чем дело и подробно, кто вы.

— Я—советский парламентер тов. Онегин. Мы не знали, что в Иркутске произошел переворот. Но раз случилось так, то тем лучше. Передаю вам указания, которые хотел передать Политцентру, следующего порядка. Нами с чехо-словаками заключено перемирие и приостановлены взаимные военные действия. Постарайтесь их не тревожить и не вступайте с ними в конфликт. Ждите дальнейших распоряжений. Поздравляю с образованием Советской власти в Иркутске. До свидания.

— Ваше распоряжение будет передано Военно-Революционному Комитету. Передайте привет Красной Армии и сообщите срочно, если можно, по радио или телеграфом, в Красную Москву, во все концы Советской республики о том, что Иркутск стал советским. Ждем скорее к нам. Да здравствует Красная Армия, да здравствует Советская власть!

— Сегодня же все передам по назначению. До свидания [1].

Возбужденный и радостный, полетел я в Ревком сообщить полученные вести. Там я застал чехо-словаков, тоже радостных и возбужденных, поздравляющих нас со взятием власти. Я был в полном недоумении. Все мы ждали осложнений и неприятно-

[1]) Цитирую по памяти.

стей, — а тут тебе трясут руку и говорят: «Советская власть хороша, мир надо» и т. д. Однако недоумение мое быстро рассеялось, когда я узнал, что чехи получили соответствующее аналогичное уведомление о перемирии, с предложением не ввязываться с нами в бой.

Все уладилось благополучно. Основная военная сила, которая могла быть против нас, теперь для нас была неопасна.

Японцев же было в Иркутской полосе что-то около батальона, и мы с ними долго не разговаривали. На наше предложение немедленно очистить Иркутск и Иркутскую губ. они 23 января, в течение суток, ответили тем, что ни одного японского солдата не осталось на нашей территории.

С чехо-словаками установились самые мирные отношения. Даже больше того, они нам передали часть военного имущества, отягчавшего их путь на Восток. Помню, мы от них получили несколько санитарных повозок и автомобилей, несколько орудий и снаряды к ним и т. д.

Но такая полоса мирного сожительства длилась не долго. Во время заседания Пленума Иркутского Совета Р. и Кр. Депутатов 25 января (в здании 1-го общественного собрания) мы получили известие, что чехо-словаки волнуются, на улицах заметны их патрули и цепи и что вообще что-то творится неладное.

Председательствующий тов. Чудинов прервал в 10 часов вечера заседание Совета, и мы быстро принялись за выяснение положения. На всякий случай были отданы распоряжения о вооружении рабочих и организации из них дополнительных дружин. Наши военные части начали готовиться к возможному бою.

На улице царила тревога. Везде суетились люди, стояли кучками вооруженные чехи.

Пройдя в здание Ревкома (б. Русско-Азиатский Банк), мы вызвали Благожа для переговоров.

Оказалось, что Красная Армия вступила снова в бой с арьергардом чехов, и чешское арьергардное командование сообщило об этом в Иркутск. Как быть, как выйти из положения?

В бой нам вступать не хотелось, да в этом мы видели мало смысла. Шансов на благоприятный исход было мало. Противник численно и качественно нас превосходил. Мы были застигнуты врасплох, опытных военачальников и хорошо обученной силы у нас не было. Терять Иркутск не хотелось (на случай возможного поражения при схватке с чехами можно было отступить), и как хороший стратегический пункт, и как базу снабжения нас

военными припасами, деньгами и хлебом. Всего увезти на случай отступления мы все равно не смогли бы. Кроме того, в руках чехов была ж.-д. магистраль и все туннели на Байкале; чехи, сопротивляясь, могли пойти на взрыв туннелей, а это грозило большими осложнениями.

Подробно обсудив на заседании Ревкома создавшееся положение и выяснив, что чехам тоже не особенно хочется ввязываться в бой, мы решили устроить с ними сепаратный мир. Наше предложение чехи приняли. Но это не решало еще вопроса. Мы великолепно понимали, что, при создавшейся обстановке, без разрешения основного вопроса — урегулирования в благоприятную сторону взаимоотношений чехо-словаков с регулярной Красной Армией, воевать придется. Не итти же вразрез с интересами Красной Армии!

На нашу беду, мы получили по прямому проводу (при разговоре по прямому присутствовали командующий нашими войсками Зверев, я и член Ревкома Снoскарев) от Советского командования (кажется, через того же тов. Онегина) приказание — немедленно открыть бой с чехо-словаками, расстроить их тыл и тем помочь Красной Армии в боях с ними. Вызывалось это, как мы узнали из того же разговора по прямому, тем, что чехо-словаки нарушили перемирие, взорвав ж.-д. мост через реку Бирюсу (около Нижнеудинска), и вступили в бой с частями Красной Армии.

На наши заявления, что этого мы не можем сделать ни в коем случае, что это ничего не даст по мотивам, приведенным выше, мы получили ответ:

«Вам отдается Красным Командованием боевой приказ, который надо выполнить. Если вы хотите действовать в контакте с Красной регулярной Армией, поступайте так, как вам приказывают, а не так, как вы хотите. Никаких объяснений принято не будет. В противном случае вы отвечаете персонально головой за всех ответственных за это дело товарищей».

Получив такое краткое распоряжение, Ревком вновь собрался обсудить создавшееся положение (26 января). Отношения с чехами к этому времени успели несколько испортиться. Партизанами из отряда Каландарашвили был убит адъютант д-ра Благож. Это вызвало со стороны чехов вооруженную демонстрацию протеста, выразившуюся в том, что они провезли по городу гроб убитого в сопровождении воинских вооруженных частей. Взаимоотношения обострились до крайней степени. Кое-как пришлось уладить этот конфликт, заверив чехов, что это случилось без

ведома Ревкома, что и было на самом деле, и что будут приняты меры к недопущению таких явлений в дальнейшем.

Но это мало устраивало нас. Взаимная вражда между нашими частями и чешскими частями возрастала все больше и больше.

Можно было ждать новых осложнений.

И ревком решился на последний шаг, кажется, предложенный чехами: послать делегацию для непосредственных переговоров с пятой Армией о возобновлении с чехами мирных переговоров.

27 января делегация была избрана в следующем составе: от Ревкома—я, от комитета РКП—тов. Рябиков и от чехо-словацкого командования — поручик Гаупе («Губ»).

Наша делегация, быстро собравшись, выехала. Предстояло пройти прифронтовую полосу. Задача — не из легких. На всякий случай мы прихватили с собой пять вооруженных красноармейцев-партизан для охраны вагона делегации, а сами поехали без оружия (соблюдая установившийся в этих случаях обычай: мирная делегация не может иметь при себе оружия).

Помню, как мы сели в вагон-салон I класса и уже поздно вечером 29 января двинулись по направлению на запад. Путешествие наше началось довольно благополучно. Чех оказался довольно болтливым парнем и все вел разговоры о том, что, как ни трудно попасть в расположение частей армии, все же мы попадем. В карманах у нас лежали охранные грамоты Благожа, и мы были спокойны. Договорились с чехом так: пока мы едем в полосе, занятой чехо-словаками, он ведет все переговоры о цели и назначении нашей делегации, мы же берем это на себя при въезде на Советскую территорию. Для распространения среди посланных против каппелевцев наших частей мы везли несколько тюков литературы. Среди этой литературы было несколько воззваний ко всем солдатам каппелевских и колчаковских войск о переходе к нам с гарантией сохранения им жизни.

До поздней ночи мы протолковали о планах перехода нашей делегации в лагерь расположения красных войск. Настроение было спокойное, бодрое и радостное. Еще бы! Мы ехали туда, куда страстно стремились почти два года. Кошмары колчаковщины отошли на задний план, мы чувствовали близость Красной Армии и с замиранием сердца думали о том, как-то нас встретят там.

Поздним утром, часов около 11-ти, мы проехали Черемхово (122 версты от Иркутска). Спокойная до сего времени дорога стала несколько тревожной. Мы получили сведения, что на ст. Зима

(235 верст от Иркутска) находятся каппелевцы со своим командованием и что они производят насилия над населением.

Через несколько часов продвижения вперед (мы двигались верст по 20, 30 в час) на всех дальнейших остановках мы стали встречать одиночек и группы рабочих, бегущих по направлению от ст. Зима. Узнав, что к Зиме двигается Советская делегация, они просили не ездить туда и вернуться назад.

У меня сохранилось случайно несколько протоколов опроса этих рабочих, и по ним можно судить, какое положение было на ст. Зима, когда мы подъезжали к ней. Привожу один из протоколов этих показаний.

«Протокол № 1.

Я, нижеподписавшийся, товарищ, главный кондуктор Зиминского резерва, Гринчик Николай, показываю следующее: вчера в 4 часа дня чехами была обезоружена, в то время, когда шел бой, часть революционных войск численностью около .500 человек. Сначала часть их направляли без оружия на фронт, а потом на воинский путь, обыскивая и издеваясь над нашими товарищами. Кроме того, в этот момент чехами же вдоль по полотну жел. дор. были пропущены каппелевцы численностью в 25 человек конных, которые перерезали телеграфную и телефонную сеть и сняли посты в городе Зиме. После этого началась ловля революционных солдат и обезоружение их, затем наступило затишье, и каппелевцы проследовали на село Зиму.

Подписал *Гринчик*.

Адрес: г. Зима, 2-я улица, дом № 42.

31/I—1920 года.

Лиц, кои могут подтвердить показания, указываю следующих: Толик (1-я улица, дом Боброва), конторщик Фома Тук.

Гринчик».

Все прочие протоколы аналогичны приведенному.

По дополнительным расспросам бежавших из Зимы товарищей, выяснилась следующая картина:

К ст. Зима подошли каппелевские части, с которыми наш отряд, во главе с тов. Нестеровым и тов. Грингофом, вступил в бой. Сначала успех был на стороне нашей группы. Но в самый разгар боя чехи (по описаниям очевидцев, чешские гусары, в красных штанах с золотыми лампасами) предательски напали на левое крыло группы, смяли его и дали каппелевцам возможность оправиться.

Разгром был полный, в группе началась паника, и часть ее, оставшаяся в живых, бежала, но была задержана и обезоружена чехами.

Среди арестованных оказались товарищи Нестеров и Гринтоф. Каппелевцы ворвались на станцию и в поселок Зима, и начался кровавый разгул, длившийся целые сутки. Били и издевались над нашими партизанами, над мирным населением. Сотни трупов остались разбросанными по снегу на улицах и площадях. Среди них было много трупов женщин и рабочих.

Позднее, когда я уже после переговоров возвращался в Иркутск, я лично убедился в тех ужасах, которые творили каппелевцы на ст. Зима и по пути следования. Об этом мной был составлен особый доклад на имя Ревкома.

Получив такую информацию и предупреждения товарищей, бежавших со ст. Зима от каппелевских ужасов, мы все же двинулись дальше, решив, во что бы то ни стало, выполнить свое поручение.

Наш поезд медленно двинулся вперед. С тревогой мы ожидали дальнейших событий. Часов в 6 вечера мы въехали на ст. Зима. Наш вагон немедленно окружили чехо-словаки и каппелевцы. Среди последних было много офицеров в золотых погонах.

Поручик Губ по-чешски передал подошедшим чехам, в чем дело. Очевидно, каппелевцы, долго соприкасаясь с чехами и понимавшие их язык, поняли, в чем дело, так как среди них произошло движение, и к вагону побежали вооруженные люди.

Мы сидели в глубине вагона и спокойно ждали, что будет. Через некоторое время мы услышали около вагона большую ругань. Оказалось, что каппелевцы требуют входа в вагон и расправы с нами. Наша охрана взялась за винтовки. Вид наших ребят с красными лентами через шапку еще более возбудил каппелевцев. Весь перрон был усеян этой сволочью. Положение было пиковое. Еще момент — и от нас ничего не останется. К счастью, в этот момент к вагону подошла вооруженная большая группа чехов и оттеснила каппелевцев назад. Нас взяли под усиленный конвой чехов и быстро провели в помещение вокзала. Уходя, мы просили чехов обезопасить от расправы каппелевцев нашу охрану; они обещали это сделать. К сожалению, я не знаю, что случилось с нашими ребятами из охраны, так как больше их видеть не пришлось, и в наш вагон мы больше не возвращались. Позднее, на обратной дороге, я видел наш вагон ободранным основательно, так что от него осталось только одно воспоминание.

В вокзальном помещении нас встретил начальник чехо-словацкой дивизии Прхала. Объяснив ему цель и задачи нашей делегации, мы попросили его двинуть нас дальше на Запад.

Не успели мы изложить своей просьбы и показать Прхала свои мандаты от д-ра Благож, как в комнату вошел статный казачий офицер, который, взяв под козырек, быстро отрапортовал:

«Генералу Войцеховскому стало известно, что на ст. Зима только сейчас прибыла делегация большевиков, следующая по направлению на запад, в расположение Советских войск. Генерал просит передать их немедленно ему в руки, так как их движение по линии под чешской охраной нарушает нейтралитет чехов в отношении железной дороги, который должен быть для всех русских одинаков. Ждем срочно вашего ответа, в противном случае генерал Войцеховский вынужден будет принять соответствующие меры». Отрапортовав таким образом и что-то вручив Прхала, молодой человек, как это выяснилось потом, оказавшийся личным адъютантом Войцеховского, щелкнув шпорами, вышел обратно.

Прхала заметно волновался и не знал, что делать. Мы заявили ему, что уважение к самим себе заставляет чехо-словаков двинуть нас дальше. Ведь наши командировочные документы подписаны не кем иным, как уполномоченным Чехо-Словацкой республики; а он, очевидно, знал, что делает, и, очевидно, дисциплина в чешской армии такова, что командир дивизии должен выполнять приказания своего высшего начальства. Относительно передачи нас генералу Войцеховскому едва ли может итти речь, так как наша делегация выполняет миссию и в интересах чехов. Растерянность «бравого» командира дивизии была настолько велика, что он, забыв, что мы—члены мирной делегации, начал вслух вычислять, сколько у него вооруженных сил и смогут ли они противостоять каппелевцам. Из его сообщений мы узнали, что каппелевцев в данный момент на ст. Зима больше, чем чехов, и что командует ими сам генерал Войцеховский. Каппель же несколько дней тому назад, невдалеке от ст. Зима, будучи раненым в бедро, замерз на своих подводах.

На это мы возразили, что каппелевцам из-за нас вступать в бой с чехами нет смысла, так как они рискуют по всей линии подвергнуться нападению чехов за столкновение в Зиме и тем самым погибнуть, так как чехи их, несомненно, сумеют уничтожить, превосходя численностью и вооружением.

После краткого совещания решено было нас Войцеховскому не выдавать, а, посадив в простой товарный вагон, двинуть с паровозом дальше. Уже поздно вечером мы вышли из маленькой накуренной комнатки вокзала и быстро прошли в наше новое убежище. Из-за темноты среди чехов каппелевцы нас не заметили

и мы благополучно добрались до вагона. Без сигналов и свистков двинулись дальше. Ехали очень тихо. Ночь стояла морозная и лунная. Из окна мы видели пикеты чехов и румын вдоль полотна железной дороги и длинные обозы каппелевцев, тянувшиеся по ездовой дороге с правой стороны полотна.

Днем 1 февраля, кажется, часов в 11, мы приехали в конечный пункт расположения арьергардных чешских войск, на разъезд Нюра, находящийся в 5 верстах от большой станции Тулун и в 360 верстах от Иркутска.

По приезде мы немедленно прошли в вагон штаба дивизии, где нашли командующего румынской дивизией, полковника Бируля.

Губ объяснил, в чем дело.

Бируль внезапно раскричался и заявил, что он ничего не знает, что высшее чешское командование, сидящее в Иркутске, ничего не знает о том, что творится здесь на месте, и поэтому посылает всякие делегации.

Видимо, почтенный полковник со своей дивизией получил здоровые затрещины от красных войск и поэтому так петушился. Накричавшись вдоволь и сбавив тон, он заявил примерно следующее: «Я против всяких делегаций и против мира с красными, но, считаясь с тем, что вы имеете на руках документы, я не возражаю против вашего проезда дальше. Это дело ваше. Здесь кончаются наши цепи, дальше я не знаю, что делается; идите под свою ответственность».

На вопрос, не знает ли полковник, где, примерно, находятся красные, он ответил: «Нет, не знаю, целые сутки мы не имеем соприкосновения с ними, и где они, трудно сказать. К тому же мы все время отступаем».

Наш разговор, однако, кончился хорошо. Бируль угостил нас чаем, сигаретами и шоколадом. Его воинственный пыл стих, и мы даже уговорили его дать нам лошадей для дальнейшего следования.

Через 10 минут пара крепких лошадей, впряженных в возок, была подана к вагону. Мы, распрощавшись с Бирулем, вышли из вагона. Но сесть на лошадей так и не успели.

Совершенно внезапно, где-то вблизи, по эшелону румынских войск открылась артиллерийская стрельба и настолько удачная, что от эшелона в минуту почти ничего не осталось. Румыны, успевшие выскочить из вагонов, рассыпались цепью. Их броневик двинулся на запад и открыл также артиллерийскую стрельбу. Кругом рвались снаряды, жужжали пули и царил целый ад.

Противника, однако, видно не было. Мы бросились все вместе под укрытие и там, в своеобразной обстановке, открыли совещание по вопросу, как быть дальше.

Канонада усиливалась, бой разгорался во-всю.

Чувствовалось, что это действуют красные. Значит, они близко, и Бируль обманывал нас, что он не знает, где они.

А может быть, это и было одним из встречающихся в военной практике неожиданных ударов противника?

Сидеть дальше под огнем было довольно рискованно. Умереть от пуль Красной Армии нам, так страстно и долго добивавшимся встречи с ней, не хотелось.

Мы быстро решили пойти пешком в сторону от железной дороги в тайгу, чтобы там подумать о выходе. Румыны нас не трогали, они были отвлечены стрельбой.

Пошли. Не успели сделать нескольких десятков шагов, как возле нас в нескольких саженях разорвался огромный снаряд, осколки которого высоко пролетели над головой, а нас чуть-чуть обрызгало мерзлой землей. Прибавив шагу, мы пустились, в конце концов бежать, и углубились в тайгу. По всей тайге стоял невообразимый грохот от канонады. Кое-где падали снаряды, ломая сосны и поднимая облака снежной пыли. Но здесь было уже безопасно от снарядов, и мы спокойно двигались вперед, увязая по пояс в рыхлом снегу. Вечером, часов в 5—6, канонада затихла, кругом до жути стало тихо. Встал вопрос, где мы? Направление потеряли. Потные от тяжелой ходьбы по глубокому снегу, с окоченелыми руками и ногами, мы присели на пни. Хотелось закурить; оказалось, что спички и папиросы подмокли. Наступила долгая зимняя ночь. Томила неизвестность — где мы? Но не замерзать же здесь в тайге! Решили, собрав последние силы, двинуться дальше. Но куда? Все трое, мы по-разному толковали направление. Выбрали среднее из всех показанных направлений. Пошли. После двух часов борьбы со снегом и валежником вышли на какой-то обрыв. Увидев телеграфный столб, поняли, что попали к железной дороге. От сердца отлегло.

Встал новый вопрос, в какую же сторону по жел. дор. итти. Решили двигаться по одному направлению и смотреть верстовые столбы, для того, чтобы определить, куда итти. Мы знали, что на запад цифры верстовых столбов должны уменьшаться.

Оказалось по цифрам, что мы идем от Иркутска, а не к нему. По пути не попадалось ни одной живой души. Встречались изредка ж.-д. разрушенные будки; в одной из них мы обнаружили

даже телефон, но он не действовал. Из выемки вышли на высокую насыпь. Слева расстилалось огромное пространство—даль, без признаков жизни, справа стеной чернела угрюмая тайга.

Вдруг вдали мелькнул огонек. Прибавив шагу, мы быстро подошли к жел.-дор. будке. Постучались. Нас спросили—кто? Как ответить, сначала не знали. Сказали, что красные; нас впустили. В помещении нас встретил рабочий-железнодорожник, которого очень смутил вид чеха. Мы объяснили, что мы красные, чеха ведем в штаб Красной Армии, но потеряли с ним связь и не знаем, куда итти. Отогрев и напоив нас чаем, железнодорожник вызвался нас проводить, сказав, что красные—в двух верстах отсюда, в селе Тулуне. Выйдя с проводником из сторожки, мы направились в сторону села. Предстояло перейти речку Ию, через которую чехами только вчера был взорван ж.-д. мост. Чехи, в интересах самоохраны, шли на всякие пакости, не останавливаясь перед разрушением ценнейших инженерных и технических сооружений.

Перейдя речку, мы вошли в село. Ни звука, ни души. Уж не обманул ли нас провожатый? Не может быть, чтобы в маленьком селе не видно было огромных частей Красной Армии. Такие мысли бродили в голове, когда мы шли по пустынному на вид селу. Только в самом центре села мы встретили обоз с красноармейцами, которые подозрительно на нас поглядывали. Правда, одеты мы были так, что, пожалуй, действительно, внушали подозрение. Чех был в полной военной чешской форме, тов. Рябиков—в коротком пиджачке домашнего покроя, а я—в шубе английского фасона и в огромной сибирской папахе.

Прошли мы по селу, однако, благополучно. Остановиться решили у знакомого тов. Рябикову по прежней работе какого-то кооператора. Там мы узнали, что в селе стоит штаб бригады и что к селу подходят все время красноармейские части. Обогревшись и закусив, мы было двинулись разыскивать штаб бригады. Но этого делать не пришлось. За нами уже явились красноармейцы, которые попросили нас следовать за ними в штаб. Мы оказались на положении арестованных «до выяснения личности». Не без волнения шли мы в штаб, думая о том, как там нас встретят.

В штабе нас встретил командир этой бригады—черноволосый, энергичный, еще довольно молодой тов. Грязнов. Встретил он нас довольно «грозно»: «Кто такие, зачем сюда попали, что вам надо?».

Мы в ответ представили свои удостоверения членов Иркутского Совета и командировочные мандаты. Попросив удалить чеха, он

спросил нас: «А этот зачем с вами?». Мы объяснили. После краткой, уже дружественной беседы тов. Грязнов заявил нам приблизительно следующее: «Зачем вам мир с ними (чехами)? Я лично несогласен с вами, но это дело не мое. Я выполняю боевые приказы и буду их выполнять. Для разрешения вопроса в том или ином духе вам надлежит обратиться в штаб дивизии, который прибудет сюда, вероятно, завтра. Пока же суть да дело, мы будем все-таки чехов бить, и я уверен, что делать это мы будем с успехом, двигаясь верст по 60 в сутки. Силами и снаряжением для этой цели мы достаточно обеспечены». Военком бригады тов. Кожевников разделял мнение командира.

Попросив тов. Грязнова от нас чеха не изолировать и принять меры к его охране, мы, полные надежд на завтра, вернулись на квартиру и заснули, как убитые.

Утро застало нас свежими и бодрыми.

Штаб дивизии еще не приехал в село, и в бригаде нам сообщили, что, возможно, он сегодня еще не будет. Так как нам не терпелось, то мы на лошадях двинулись в Будагово, где, по сведениям, находился штаб дивизии. Оказалось, однако, что мы с ним разъехались на пути, и нам пришлось вернуться обратно в Тулун.

Часов в 5 вечера, 2 февраля, мы находились уже в штабе дивизии у начдива тов. Лапина.

Встретил нас он очень хорошо. Но нас несколько разочаровало его отношение к нашей миссии. Он не хотел перемирия с чехами, как и его подчиненные по бригаде. Помню его фразу, сказанную после наших разговоров примерно такого содержания:

«Нет, ни в коем случае. После того, как чехи принесли нам столько вреда и продолжают вести себя как хозяева положения: разрушают железную дорогу, мосты, грабят Сибирь и ее население,—мириться с ними нет смысла. Если перемирие произойдет. я не останусь на этом фронте и буду просить перевода на другой фронт».

Сказано это было с такой силой, с такой ненавистью к врагу, что мы начали терять надежду на успех нашего предприятия. Успокоил нас военком дивизии тов. Невельсон, который, внимательно выслушав нас и наши мотивы в пользу перемирия, заявил, что дело это серьезное, мотивы веские и что надо все это продумать основательно. Тут же он нам разъяснил, что для решения этого вопроса необходимо связаться с Реввоенсоветом пятой Армии, находящимся в Красноярске.

Зная, что с чехами идут бои, и опасаясь, что это вызовет осложнение в Иркутске, мы просили его срочно связаться прямым проводом с Реввоенсоветом и, как можно скорее, выяснить волнующий нас вопрос.

Через час тов. Невельсон сообщил нам, что в Тулун выехал на автомобиле член Реввоенсовета 5 И. Н. Смирнов, и что, по его приезде, мы приступим к детальным переговорам.

Кажется, в тот же вечер в Тулун приехал И. Н. Смирнов. 3 февраля мы были уже у И. Н. Смирнова и подробно излагали ему сущность предложений Иркутского Революционного Комитета. Иван Никитич внимательно слушал нас, изредка перебивая вопросами, очень подробно расспрашивал о перевороте в Иркутске, о создавшемся там положении, о состоянии наших сил, о ближайших планах деятельности, и т. д.

Мы, в свою очередь, подробно изложили ему все, передав просьбу Ревкома о возобновлении перемирия и мирных переговоров с чехами.

В пользу перемирия мы привели главным образом тот основной мотив, что расстроить силы противника в тылу мы не в состоянии, так как технически и организационно к этому мало подготовлены, при значительном перевесе сил противника, и что главная магистраль, которая является очень сильной опорой в руках чехов, изолирована от нас. При попытке захватить отдельные участки жел. дор. мы могли потерять на взрыве чехами мостов и туннелей на Байкале. Кроме того, мы указали, что надо иметь в виду, что Колчак и золотой запас фактически в наших руках, но, в случае боя, мы могли их потерять. Затем мы обратили внимание на то, что сами чехи, в лице их высшего командования, не прочь заключить мир с Красной Армией на известных условиях, о чем свидетельствует наличие в составе делегации их представителя и наличие в наших карманах чешских мандатов.

Касаясь положения в Иркутске, мы отметили, что между Ревкомом и чешским командованием установились мирные отношения, которые могут быть нарушены, в случае отказа от перемирия, не в нашу пользу. Кроме опасностей для нас, вытекающих из конфликта с чехами, мы отметили опасность нападения на Иркутск продвигающихся к нему с запада каппелевских частей, что, при одновременном конфликте с чехами, заставило бы нас покинуть Иркутск и отойти либо к северу, либо к югу, оторвавшись от военно-продовольственной базы.

Выслушав нас и получив исчерпывающую информацию о по-

ложении в Иркутске, тов. Смирнов обещал дать свое заключение по поднятым вопросам завтра, т.-е. 4 февраля.

На завтра мы получили сообщение, что Реввоенсовет 5 согласен на перемирие.

Наша задача была выполнена; и мы несказанно были рады этому. Встал вопрос о передаче согласия в Иркутск чехам. Со стороны Красной Армии был отдан приказ приостановить военные действия по всему боевому участку и вручить арьергардным частям чехо-словаков и румын сообщение о желании возобновить с ними перемирие. Но оказалось, что сделать это не так уж легко. Напуганные наступлением Красной Армии, чехи и румыны нервничали и неоднократно обстреливали посланных с пакетами о перемирии ординарцев.

Тов. Смирнов приступил к выработке условий перемирия, и мы все 5 февраля, во главе с ним, выехали на автомобилях из Тулуна, кажется, в село Шерагул. Там, помню, мы встретили кого-то еще из партизан, пришедших с севера от Балаганска для переговоров с Красной Армией.

К вечеру 5 февраля условия перемирия были готовы, и И. Н. командировал меня, вместе с двумя товарищами из дивизии и охраной из красноармейцев, в арьергардное расположение чешских войск для передачи мирного предложения и для ведения по ним соответствующих переговоров. С нами поехал Губ. Помню, как мы уже поздно вечером 5 февраля выехали на двух автомобилях вдоль полотна железной дороги по направлению на село Кимельтей, где предполагали встретить чехов. На переднем автомобиле ехали члены делегации, на заднем—охрана. Ехать было довольно жутковато, так как, во-первых, мы не знали, где остановились чехи, которые в любую минуту могли нас обстрелять, и, во-вторых, мы могли встретиться с одним из партизанских отрядов, бродивших в окрестностях, который смаху мог наделать также кучу неприятностей. Несмотря на это, мы ехали с полными огнями средней скоростью... Помню, дорога была ужасно плохая, с уймой выбоин, и мы то и дело застревали. Один раз сбились с дороги совсем и нам пришлось несколько возвращаться обратно. Так мы ехали всю ночь. В одной небольшой деревушке мы все же встретились с партизанами. Подняв высоко над головой ручные гранаты, они с криком остановили наши машины, и послышалось грозное: «Руки вверх, вылезай!».

Однако мы скоро сумели объясниться, передав партизанам, что между регулярной Красной Армией и чехо-словацкими вой-

сками заключается перемирие, и чтобы партизаны не мешали этому своими действиями. Затем мы двинулись дальше.

На рассвете осторожно въехали в с. Кимельтей. Ни души; в селе чехов не оказалось. Постучались в первую избу, чтобы узнать у населения, в чем дело, во вторую и т. д.—никакого ответа. Все избы оказались брошенными и пустыми. Однако при более тщательном осмотре изб мы в одной избе обнаружили в подвале перепуганную старуху. Оправившись от испуга и узнав, кто мы, она нам сообщила, что чехи только вчера ушли на Зиму и ни одного чеха теперь в Кимельтее нет, и что все население, опасаясь военных действий, ушло в тайгу. Очевидно, народ был недалеко, так как мы скоро заметили, что по селу идут люди—жители этого села. От них мы узнали то же, что и от старухи. Никто точно не знал, где чехи. Одни предполагали, что чехи верстах в пяти от села, что в этом месте у них засада, другие говорили, что чехи на ст. Зима, и т. д.

Пришлось ехать дальше и «догонять» быстро уходивших на восток чехов. На беду, у одной машины что-то при выезде из Кимельтея сломалось, и мы, оставив охрану с автомобилем, двинулись на одной машине дальше. На всем пути от Кимельтея до ст. Зима нам навстречу не попалось ни одной души. В двух местах прямо на дороге мы нашли брошенные трехдюймовки со снарядами к ним, разбросанными в одиночку и целыми ящиками. Объезжая под самой Зимой, верстах в трех от нее, одну такую трехдюймовку, мы засадили свой автомобиль в снег, так, что не смогли его вытащить. Опасаясь обстрела со стороны чехов по хорошо видимой цели, мы бросили автомобиль и пошли пешком. Станции из-за пригорка еще не было видно, но мы слышали гудки и шум паровозов и видели дым от них. Стояло прекрасное морозное утро. Настроение было бодрое и веселое. В одной версте от ст. Зима нас догнал первый автомобиль.

Часов в 11 утра мы быстро с пригорка въехали на станцию. Наше появление для чехов было неожиданным; они, схватив винтовки, бросились к машине. Губ по-чешски объяснил им, в чем дело, и чехи успокоились. Нас под сильным конвоем отвели на станцию и посадили в сторожку, приставив караул у двери. Губ куда-то исчез, и мы оказались на положении арестованных.

Проходя по перрону, мы заметили, что на станции царила паника. Все пути были беспорядочно забиты эшелонами с чешскими и румынскими войсками и продовольствием. Самый перрон был усыпан крупой, мукой, овсом и разными продуктами. В воздухе

стоял шум от возбужденного говора сотен людей; чехи нервничали.

Часа через два к нам явился Губ, и нас перевели в какой-то вагон, где находились румыны.

Конвой был снят, но за каждым шагом нашим следили. Через Губа мы попросили передать чешскому командованию о нашем прибытии и о назначении времени для переговоров. Ждать нам пришлось, однако, довольно долго. Причиной этому, как позднее выяснилось, явилось семейное событие у одного из высших чинов чешского командования. У него, к несчастью, во время прибытия нашей делегации жена оказалась именинницей, и он в кругу своих друзей устроил в честь этого «важного» события маленький семейный бал. Не знаю, сколько длился бы этот бал, если бы я, возмущенный такой бестактной выходкой, не заявил прибывшему чеху (не помню, кто это был по фамилии и должности, но знаю, что это было важное лицо в чешском командовании), чтобы он назначил время для переговоров, или, в противном случае, мы уезжаем и скажем Советскому Командованию, что переговоры не состоялись по такой-то причине, со всеми, вытекающими отсюда последствиями. Чех растерялся и объявил, что они приступят к обсуждению советских условий немедленно и, по обсуждении, свое заключение передадут нам.

Время с 11 часов утра до позднего вечера я использовал для переговоров с Иркутском. Вызвав к проводу председателя Иркутского Ревкома тов. Ширямова, я шифром подробно передал ему все подробности нашей поездки и получил сведения о положении в Иркутске.

Как выяснилось из переговоров, положение Иркутска было не важное. К нему подошли вплотную каппелевские части, численностью около 6.000 чел., приготовившиеся к бою за захват города. В городе обнаружено несколько тайных складов оружия, бомб и пулеметных лент и т. п. В некоторых местах города разбрасываются портреты Колчака с призывом встать на его защиту и т. д.

Город приготовился к обороне и решительному бою. Я хорошо запомнил слова тов. Ширямова, переданные им мне по проводу:

«Настроение у нас бодрое, несмотря на предстоящий бой. Я только что осмотрел город, он укреплен и приготовлен к защите. Думаю, что с каппелевцами справимся, хотя не исключаем, в крайнем случае, возможности отступления, к которому мы также готовы».

Тов. Ширямов нас подробно информировал об имевшей место

успешной стычке нашего заслона с каппелевцами под городом и о переговорах с каппелевской группой, окончившихся ничем. Ревком предложил Войцеховскому сдать оружие во избежание напрасного кровопролития, но последний вместо этого потребовал очистить город от наших частей, обеспечить его 50.000 человек (?) продовольствием и золотом и выдать Колчака. За все это он «милостиво» обещал «занять» город на три дня и проследовать дальше на восток.

Спросив в заключение переговоров тов. Ширямова, как дело с Колчаком, я получил ответ, что, при создавшейся обстановке, возможно, придется пойти на расстрел его, и просьбу запросить по этому вопросу мнение Реввоенсовета 5.

Закончив переговоры с тов. Ширямовым, я связался с И. Н. Смирновым и подробно передал ему свой разговор с Иркутском.

По вопросу о Колчаке я получил поручение передать в Иркутск Ревкому следующее мнение Реввоенсовета:

«Желательно Колчака сохранить и доставить в наше распоряжение, но если обстановка сложится такая, что о сохранении Колчака нечего и думать, Реввоенсовет против расстрела не возражает».

Это мнение Реввоенсовета я поспешил передать тов. Ширямову. Одновременно со мной в аппаратной ст. Зима вел переговоры с чешским командованием в г. Иркутске и поручик Губ.

Поздно ночью 6 февраля я получил от начальника чехо-словацкого арьергарда, полковника Кадлеца, уведомление, что условия мирного соглашения высшим чехо-словацким командованием и уполномоченным Чехо-Словацкой республики д-ром Благож приняты с незначительными изменениями, о которых меня просили довести до сведения Реввоенсовета 5.

Ранним утром 7 февраля мы в вагоне выехали на запад до разъезда Харик, откуда и сообщили И. Н. Смирнову результаты переговоров.

Тов. Смирнов ответом не задерживал. 7 февраля, в 5 ч. 30 м. утра, он сообщил, что против изменений и дополнений, внесенных чешским командованием, он не возражает и просит выслать в Кимельтей уполномоченного по подписанию условий достигнутого соглашения.

7 февраля, кажется, днем, мирное соглашение было подписано, и миссия нашей делегации была на 100% выполнена.

Позднее мы узнали, что Иркутск выдержал нападение каппелевцев и, разбив их на голову, далеко отбросил за Байкал.

Таким образом по Байкал территория Сибири была окончательно очищена от белогвардейцев и колчаковцев, сам Колчак погиб, и Красная Армия спокойно, уже без боев, двигалась на восток, занимая постепенно, согласно мирным условиям с чехами, территорию Сибири.

Чехи планомерно отступали на восток, оставляя в сердцах сибирского населения жгучую ненависть и печальную память о себе и своем предательском поведении.

Я после выполненного поручения поступил в распоряжение тов. Смирнова, который командировал меня срочно в Иркутск для ремонта и подготовки казарм и помещений под расквартирование двигающихся в Иркутск частей Красной Армии и ее командного состава.

Наше восхищение перед мужеством, стойкостью и дисциплинированностью Красной Армии передавалось быстро среди населения, и все с нетерпением ожидали столь долгожданной встречи с Красной Армией.

Такой радостный момент настал скоро. Иркутск, почти два года изнывавший под ярмом колчаковщины и не видавший еще совсем частей регулярной Красной Армии, 6 марта 1920 г. торжественно и радушно встретил измученных долгой тяжелой дорогой и боями, но жизнерадостных и загорелых от пороха красноармейцев.

Партизанский красный Иркутск, долгое время боровшийся за удержание молодой Советской власти и перенесший немало испытаний и невзгод, почти в течение двух месяцев отделенный от Советской страны и регулярных частей Красной Армии стеной врагов,—праздновал в эти дни присоединение к Советской России и победу над заклятыми врагами.

С. КОЖЕВНИКОВ.

КОНЕЦ БОРЬБЫ С ЧЕХО-СЛОВАКАМИ.

В последних числах декабря 1919 года 30-я стр. дивизия, разоружив польские колчаковские легионы, заняла город Красноярск. После двух-трех дней отдыха 88-я Красноуфимская бригада двинулась дальше на восток по линии Сибирской жел. дор. Бригада двигалась в вагонах до города Канска (Енисейской губ.). Наши передовые части застали в Канске лишь хвост уходящих чехо-словацких войск.

88-я бригада двинулась вслед за чехами и, не встречая сопротивления, дошла до ст. Юрты. У чехов, вследствие отсутствия угля для паровозов, произошла закупорка, и они арьергардом стояли на следующей станции Тайшет. Между этими станциями протекает река Бирюса, через которую переброшен значительный жел.-дор. мост. Чехо-словаки хотели оказать на этом месте некоторое сопротивление, чтобы задержать наши части. Мирное настроение сменилось боевым. В это время 88-й бригадой командовал тов. Грязнов И. К.

Бригада была лучшей в 30-й дивизии с прекрасным пролетарским ком- и политсоставом. Бригада, безусловно, могла выбить чехо-словацкий арьергард с Тайшета, что и предполагалось. Но в это время начальник дивизии (Лапин А. И.) передал приказание тов. Смирнова Ив. Ник., чтобы от бригады были высланы парламентеры к чехо-словакам. Временные мандаты приказано было выдать командованию бригады. Парламентеры должны были предварительно договориться о перемирии на следующих основаниях:

1) Чехо-словаки уходят на восток, не разрушая станций железных дорог, не увозя и не портя инвентаря, особенно телеграфного, телефонного имущества и оборудования.

2) Части Красной Армии двигаются вслед, на одну деповскую дистанцию, не ведя боевых действий.

3) Части Красной Армии ведут борьбу с остатками колчаковцев и вообще русских белогвардейцев.

Мы немедленно выполнили это приказание и снарядили «по-

сольство»; во главе парламентеров был помвоенкома 263-го полка Удилов Петр. С ним пошел ротный командир и еще кто-то. Подойдя к полустанку, кажется, Венгерка, перед станцией Тайшет, на которой стояли чехо-словаки, Удилов позвонил по телефону, что вот, мол, я—парламентер. К нему был выслан офицер с несколькими солдатами и провел Удилова к начальнику чехо-словацкого арьергарда майору Змек. Чехи приняли его по джентльменски, согласились с доводами о целесообразности мирного движения на вышеуказанных условиях. Проговорив около двух суток или немного меньше, чехо-словаки, придравшись к тому, что бригада красных выдвинула слишком вперед свой правый фланг, прервали «мирные переговоры», вежливо попросили тов. Удилова перейти обратно мост через реку Бирюсу и, как только он перешел реку, взорвали мост.

Возмущению красных войск не было предела. Грязнов быстро отдал распоряжение наступать на Тайшет и догнать чехов. Вопреки всяким нормам, бригада сделала большой переход, но Тайшет оказался совершенно пустым: не было не только паровозов, но даже вагонов. Станция, телеграф были разрушены, мост через реку Бирюсу взорван, и, следовательно, пришлось итти пешком.

Чехо-словаки почему-то не разрушили телеграфную станцию в селе Тайшет, которая была совершенно исправна и хорошо оборудована. Она имела связь с Иркутском и Красноярском. Вызвали Иркутск, подошел тов. Колос. В Иркутске уже произошел большевистский переворот и там была революционная власть.

Тов. Колос, кажется, не поверил, что с ним разговаривают представители Красной Армии, и поэтому договориться, как следует, мы не сумели. Но зато мы узнали, что Колчак в тюрьме, что около Иркутска каппелевцы, что они могут взять Иркутск.

Подтянув к Тайшету части, мы двинулись вслед за чехами, все время догоняя их арьергардные бронепоезда, при чем один из них отобрали. Чехи, отбиваясь, уходили, но их задерживало на станции Зима и станции Черемхово отсутствие угля. Кроме того, их беспрерывно беспокоили нападениями красные партизаны. На ст. Тайшет наши силы увеличились: к нам влился большой партизанский отряд пехоты и конницы под командой тов. Будды, соратника Яковенко, и под политическим руководством старого большевика-ссыльного тов. Богдановича. Пехота влилась в полки бригады, а конница, под командой тов. Будды, была оставлена отдельной единицей в составе нашей бригады.

Бригада пополнилась партизанами и громадным обозом трофеев (продовольствием, обмундированием); она двигалась по 50 и больше верст в день, и в конце января наши части подошли к гор. Нижнеудинску. Чехи нас не особенно ждали. На ст. Нижнеудинск стояла чешская дивизия, ряд хозяйственных частей, несколько бронепоездов и т. д. Обойдя город низиной реки Уды, мы напали на станцию. Чехи не могли оказать большого сопротивления нашему налету и бежали, бросив эшелоны, броневики, припасы и взорвав уже минированный мост. Мы одержали победу, но мост был взорван, и бригада должна была опять двигаться пешком.

Несколько часов мы отдыхали в Нижнеудинске. Части обогрелись и собрались было уже двинуться дальше, но кто-то из командиров заявил, что нас желает видеть какой-то человек. Привели. Вошел высокий, уже пожилой человек, в черном френче, изысканно-вежливо поклонился. «Генерал Шерпантье»,—отрекомендовался он. «Как? в чем дело?». Рассказывает: она идет из Иркутска с эшелоном, везет замки от двухсот французских орудий. Замки были сняты и вывезены из Красноярска. Сам он—генерал русской службы, у Колчака был начальником артиллерии французских формирований.

«Почему же вы везете замки красным?»—спрашиваем.
«Видите ли,—отвечает генерал,—я дал себе слово возвратиться в Россию только с этими замками. Кроме того, у меня вышла ссора с Колчаком, который меня, генерала николаевского времени, третировал, как будто я такой же новоиспеченный, как многие колчаковские генералы. Нет, я—старый генерал и не позволю мальчишке Колчаку меня оскорблять».

Мы пожали плечами и направили генерала Шерпантье через начдива к тов. Смирнову.

Мы двинулись дальше. Через сутки мы были на разрушенной чехо-словаками станции Куйтун и остановились в селе Куйтун.

К нам приходили партизаны и присоединялись к нашей бригаде. В это время попал к нам очень оригинальный приказ начальника 2-й Братской партизанской дивизии. Примерно, его содержание таково: «Командиру 2-й роты, тов. Панфилову. Ты, тов. Панфилов, выди на железную дорогу, да чехов подюзгай[1]), да смотри, где-то наши ребята[2]) идут, так того, осторожнее. Начальник 2-й Братской (такой-то)».

---

[1]) Потревожь.

[2]) Красная Армия.

Хохотали мы над приказом, хохотали от удовольствия, радости. Ведь этот аляповатый приказ—смерть контр-революции, это—сила.

Приехал Иван Никитич Смирнов. Тов. Смирнов приказал опять выслать парламентеров, но они не могли пробраться к чехам. Чехи же в это время, очистив ст. Тулун, взорвали опять мост через реку Ия (или Ока). Мы были вне себя от злости.

Чехо-словаки, после их разгрома на ст. Нижнеудинск, за что-то расстреляли своего начальника арьергарда майора Змек и, желая спасти себя, поставили в арьергард румынский легион под командой колонеля Кадлец и начальника штаба колонеля Петровского. Это были темные, забитые, некультурные румынские части, зараженные сифилисом, пьяные, дикие банды, совершенно небоеспособные, но способные на всякие безобразия и бесчинства. По дороге они разрушали все; и мы решили их ликвидировать.

Но вот неожиданно на ст. Тулун к нам приходят два иркутских товарища: Глеб Сурнов и Рябиков и с ними чех поручик Губ. Последний предлагает вступить в переговоры. В это время с нами уже был Ив. Никитич Смирнов. Он повел переговоры, которые закончились заключением мира.

С этого момента наладились «международные» сношения. Чехи посылали нам хороший английский табак, а мы им... большевистские газеты. Мы были довольны, они, кажется, не совсем. В этот период мы познакомились с бытом и настроениями чехословаков.

Чехо-словацкие части уже не представляли большой силы. Они разлагались. Многие понимали, что их обманули, бросили в авантюру.

Чехи издавали свой иллюстрированный журнал «Качели». В нем были очень едкие остроты и карикатуры. Помню я такие картинки.

Первая—1880 год. Сибирскую магистраль строят каторжане в колодках.

Вторая—1920 год. Сибирскую магистраль охраняют чехо-словаки, закутанные от холода, с колодками на ногах; на колодках написано «союзники». И это почти в официальном издании.

Дальше картинка.

Берег Тихого океана. На берегу стоит глубокий старик в военной чехо-словацкой форме, на голове у него выросли грибы, сам он оброс мохом. Написано—1979 год.

Две рыбки высунули головы из воды и разговаривают:

— Скажи, подруга, что это за дикарь в культурной Азии?

— Это последний чехо-словак ждет, когда ему подадут пароход союзники.

Чехи острили над упадком дисциплины, над пестротой обмундирования, над семьями, детьми, которых чехи завели и прижили в России и т. д. Были явно враждебные карикатуры на Массарика, на доктора Благож (политического представителя чехо-словацких войск в России) и т. д.

Пьянство, разврат, мародерство были обычными явлениями в чешских войсках. И они стремились уйти скорей из России.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

I

РАЗЛОЖЕНИЕ КОЛЧАКОВСКОЙ АРМИИ.

1.

Рапорт капитана Колесникова.

Рапорт начальнику N-дивизии.

Дивизия, несомненно, больна, и при текущих условиях жизни она не только не оздоровится, но может угрожать полным истреблением офицерского состава. Причины, разлагающие ее, кроются в нижеследующем:

1. Несомненно, в рядах полков свили свои гнезда умелые работники Советской власти, которые ведут за собой идейно всю маломыслящую массу. Арест и расстрел якобы «главарей» весьма сомнительны в том смысле, что расстреляны главари, а не просто наиболее решительные и смелые из проникнутых духом красноармейцев.

2. Громадный не-комплект офицеров, при современной войне требующий дробления до взводов, поставки на взвод офицера.

3. Полное отсутствие добровольцев, которые, как, напр., во 2-й дивизии, безусловно вносят здоровую струю национализма в солдатскую душу.

4. Необходимость ставить по избам ведет к более успешному частичному разложению, и в этом отношении может быть ущерб в тактике; палаточное расположение лучше.

5. Работа контр-разведки не только совершенно не приносит пользы,—но вредна, ибо она дает солдатам знать, что за ними следят, и в то же время эти слежки бесполезны. Прапоры, поставленные во главе полковых пунктов, безграмотны в деле разведки; агентов нет, руководить некому. Денег нет.

6. Егерский батальон, так сказать, опора дивизии, невооружен, и идет переписка и пререкание из-за 200 сабель, которые насущно необходимы.

7. Люди одеты оборванцами, без признаков формы и по внешнему виду напоминают Красную гвардию. Это при малой культурности нашего солдата, видящего в форме гораздо более, чем мы полагаем, ведет к расхлябанности, вялости и апатии.

8. Занятия носят характер нудный, утомительный, а знаменитые «беседы», при полной неподготовке младшего командного состава, носят не доказательный, а скорее увещевательный характер. Солдаты неверны и далеки от офицера, что видно и из сводок.

9. Литература и пресса убоги и совершенно не соответствуют ни духу солдата, ни его пониманию, ни укладу жизни. Сразу видно, что пишет барин.

Нет уменья заинтересовать, поднять дух, развеселить и непреложно доказать. Во главе прессы стоят люди, не только абсолютно невоенные и далекие от солдат, но даже просто безграмотные в военной психологии, истории, незнакомые с душой солдата и его укладом жизни. Наконец, жалкие №№ газет приходят разрозненными, недостаточными, непонятными по стилю. Нет руководства по воспитанию духа, а сейчас—дух все.

10. Жалкая артиллерия—две пушки—и нищенство в пулеметах ведет к невыгодному сравнению с силами противника не в нашу пользу. Это убивает веру, гасит огонь.

11. Полное отсутствие средств связи у нас и обилие таковых у противника ведут к возможности всюду парировать удары, удобно управлять участком и успокаивают человека, страхуя его от обходов, охватов и возможности быть отрезанным. Наконец, это дает общность сознания, что выделенный один общий организм,—одно тело с ядром.

12. Порка кустанайцев в массовых размерах повела лишь к массовым переходам солдат, на некоторых произвела потрясающее впечатление бесчеловечности и варварства.—«Нам невозможно служить, мы драные».

13. Население совершенно не принимается в расчет, а наезды гастролеров, порющих беременных баб до выкидышей за то, что у них мужья ушли в Красную армию, решительно ничего не добиваются, кроме озлобления и подготовки к встрече красных, а между тем, в домах этого населения стоят солдаты, все видят, все слышат и думают.

14. Духовенство далеко, и не видно его непосредственного воздействия.

15. Пропаганды с нашей стороны и агитации никакой. Впечатление следующее: в штабе армии «приказали» назначить в дивизиях, дивизии—в полках. Но это еще не значит, что агитация есть. Как меня ты ни назначай корабельным инженером, но подводной лодки я не построю, — ибо не умею.

Свелось все к отбытию номера и полному бездействию, с одной стороны, в то время когда все пылает, горит и полно злобы и мести, с другой стороны,— противник заваливает не только части, но и весь район своей вызывающей, но понятной народу литературой.

Не считая себя вправе, как солдат и гражданин, молчать об отрицательной стороне положения вещей, я полагаю, что есть целый ряд средств оздоровить и поставить на должную высоту положение дивизии. Для этого только необходимо не ограничиваться одними «приказами» и стараться все сделать без затрат от казны, а наоборот, довести все это до сведения высшего командования, дабы оно могло помочь в том деле созидания, в котором мы бессильны, ибо стоим с голыми руками перед вооруженным с головы до ног противником.

Нужны, деньги, нужны люди, нужна система, т.-е. то, чего у нас нет.

1) Для того, чтобы бороться с агитацией и переловить главарей, надо поставить во главе контр-разведки в дивизии опытного офицера-жандарма. Мною был запрошен полковник Злобин, начальник всей контр-разведки, и он мне ответил, что без ходатайства от штаба армии он не может мне командировать просимого начальника-жандарма и 4 агентов. Наконец, вознаграждение начальнику контр-разведки положено по должности комроты. Скажите, пожалуйста, кто же пойдет?

Вот это-то совершенно недопустимое и непонятное отношение к силе контр-разведки, как оружия, ведет к тому, что, с одной стороны, работают опытные политические деятели, а с другой—безграмотные «прапоры».

Не жизнь должно подстригать под штаты, а штаты под жизнь. Дайте денег и платите хорошо тем людям, которые оздоровят армию, создадут этим ее силу и уберут негодяев. Если же мне на это скажут, что таковых руководителей нет, то это не оправдание. Можно было давно открыть школу, набрать подходящих людей, обучить и послать в части.

В академии очень много говорилось о Наполеоне и Фридрихе II, о постановке шпионажа, о немцах и их системе, а в дивизиях опять все легло на плечи прапоров. Это недопустимо.

2) Необходимо пополнить ряды офицеров теми из солдат, которые этого заслужили. Производство из солдат будет демократично, соответствовать духу, откроет солдатской массе двери в рай и оправдает все надежды. Что из того, что он не будет говорить по-французски и сморкаться в платок. Манеры нужны в гостиной, а не на войне. Между прочим, совершенно непонятно отсутствие таких производств, и в прапорщики обязательно, а не в подпрапорщики, как по-русски—все середка да половинка. Они должны быть приняты в офицерскую среду, как равные, ибо чины получили ценою крови и доблести. Это одушевит солдат. Они будут видеть, что офицеры—это тот же их брат, только более смелый, более храбрый, более умный.

3) Влить в полки добровольцев, не жалеть денег на их вербовку и не стараться выполнить несколько грошей экономии. Увеличьте оклады добровольцев, и пойдут люди, которые поднимут дух и зажгут своей верой массу.

4) Ставить части преимущественно в башкирских деревнях, как наиболее чистых от заразы большевизма. Очищать деревни от пропаганды, что возможно руками агентов.

5) Сеть контр-разведки должна быть не только в полках, а вообще в полосе района, отведенного дивизии, а это потребует не менее 30—50 агентов, если принять во внимание число частей и протяжение фронта.

Эта сеть должна обслуживать и население и перехватывать проходящих линию фронта, и делать рейсы по ту сторону фронта. Привлечь женщин и население к шпионажу. Надо иметь костюмы, документы, а, главное, деньги и деньги; между тем кроме приказаний «поставить на должную высоту» контрразведку ничего нет, а нужны инструкции, учебники, руководства. Скажите, как и какими средствами?

Приходится самому по памяти составлять фантастическую инструкцию и соваться в ту область, в которой мало одних знаний, но нужен и опыт. Между тем агенты и офицеры сидят в Омске, Томске и др. городах, где они не так нужны, ибо там есть уже милиция и иностранные войска; а главное, время открыть школу и созвать туда контр-разведчиков. Фронт же ждать не может, а ему предлагают ограничиться кустарным способом.

6) Егеря плохо вооружены, и еще когда дивизия и ее штаб стоял в Алеше, т.-е. в середине мая, был обещан отпуск 200 сабель, но переписка идет до сих пор, т.-е вот уже месяц, и люди невооружены.

7) Надо одеть солдата немедленно. Ссылки на то, что нет готового и нового, мало утешительны и для него ничего не говорят. Защитная же одежда кругом есть... Вся деревня одета в защитный цвет. Надо скупить и передать солдату. Надо ему дать, а потом требовать. Егеря просят сами погоны, шнурки и лампасы. Видно, что они любят это, а их держат в лохмотьях. Дайте денег, разрешите одеть, обуть, послать в тыл, купить, и будет дивизия—сила.

8) Нельзя требовать занятий и учения, когда нет уставов, учебников, руководств. Беседы сейчас имеют доминирующее значение, по о чем говорить, о чем беседовать, где взять материал и как вести беседу—никто не знает. Очевидно, попытки получить ряд таких брошюр были, что можно судить о призыве на конкурс в 500 руб., объявленном к «Русской Армии». Дело провалилось. Писали преимущественно одни прапоры. Хотите иметь хорошую книгу—заплатите очень хорошие деньги, а не держитесь системы «без затраты от казны». Ведь результаты этих затрат стоят гораздо дороже.

9) Газета должна быть армейской, руководить ею должен офицер генштаба, имеющий литературный опыт; она, должна включить целый ряд того, чего в ней не будет, пока стоит кто попало во главе ее. Здесь не время и не место говорить о том, какие отделы насущно необходимы и пользуются симпатиями солдат. Доставка газет должна итти не снизу вверх, а сверху вниз. Впрочем, об этом, в свое время, я говорил и писал очень много. У нас до сих пор на прессу смотрят, как на холуев, и совершенно не видят в ней могущественное оружие. Военная газета, это—сконцентрированная военная мысль, это—знамя духа. Это—солнце, озаряющее тьму человеческого мозга. Создайте военную прессу,—и вы увидите снова армию. Передайте военное дело военным. Эта старая азбука, после экспериментов господ Керенских, Гучковых и Крыленко, все еще живет имитациями военного дела в руках профанов. Военная пресса—оружие в руках военного человека и разврат в руках штатского, хотя бы он горел каким-угодно огнем патриотизма. Надо дать пушки и пулеметы. Пушками и пулеметами только и держится Красная армия. Шагу не сделаешь без пулеметов. Дайте солдату пушки и пулеметы,—и вы увидите, что перебежки на ту сторону прекратятся сами собой. Потому—невыгодно, ибо здесь сила.

10) Надо открыть подвижные солдатские лавки; туда везите, хотя бы с убытком, булки, хлеб, колбасу, сыр, селедки, спички, табак, иголки, нитки, бумагу. Устройте дешевое чаепитие. Это выгодно и для агентов к.-р.; это выгодно и потому, что солдат увидит заботу. Военная газета, армейская, должна иметь в корпусах свои депо, в дивизии—отделения и в полках—пункты. Главное депо, т.-е. армейское, посылает в корпусные депо: 1) газеты, брошюры, воззвания, 2) книжечки, листовки (вот где арена пропаганды), 3) лубок (для деревень), 4) подарки, 5) ораторов, устроителей бесед (в деревне), 6) кинематограф, 7) подвижной театр (?), 8) оркестр, 9) организаторов игр, 10) отделы солдатских лавок.

11) Необходимо части снабдить телефонным имуществом и кабелем.

12) Нужно немилосердно истреблять главарей, но после порки отправлять на фронт не следует.

Причины разложения в тылу:

а) Отсутствие программы и системы обучения;

б) малое наблюдение офицерства;

в) неорганизованный шпионаж.

13) Уничтожать целиком деревню в случае сопротивления или выступления, но не порки. Порка, это—полумера. Открыть полевой суд с неумолимыми законами. Выделение и поощрение семей павших добровольцев. Конфискация имущества красноармейцев.

Все это проводится в жизнь не войсками, а специальными расследовательными комиссиями в фронтовой полосе. Семьи красноармейцев наряжать на

тыловые работы в помощь инженерным дивизионам для прокладки дорог, постройки мостов и т. д. Мне кажется, это было бы более целесообразно. Также в деревнях вывесить большие объявления, где напечатать, что разговор с войсками на политические темы, агитация и осуждение действий правительства накажутся расстрелами; а то приказы дальше канцелярии не идут. Сообщить, что правительству, через своих агентов, все известно, и оно все видит и все знает, а поэтому, прежде чем наказывать, оно предупреждает. Эти афиши передавать старостам для прочтения. Отбирать расписки в прочтении и расклеить в деревнях.

14) Духовенство заставить ходить в окопы, беседовать о вере, поднимать религиозный экстаз, проповедывать поход против антихриста. Мулл тоже.

15) Агитационную деятельность в фронтовой полосе среди населения и войск надо и можно сосредоточить в армейской газете и ее отделах, поставив руководителем офицера генштаба, а агитацию в районе противника вести помощью контр-разведки и разведки частей и воздушной переброской при помощи аэроплана. От той же армейской прессы могут быть командированы наклейщики и разносчики, которые совместно с наступающими частями или делающими набеги распространят литературу.

Таким образом деятельность всей организации выразится в виде прилагаемой схемы.

Все предлагаемые мною меры имеют одну конечную цель—доведения моральных качеств стрелка до наивысшего напряжения путем воспитания, наблюдения, агитации, уклада жизни, развлечений и отдыха, обмундирования и, наконец, преследования виновных. Все это достигается применением предлагаемой программы. Жизненность ее и плодотворная работа проверялись военной историей неоднократно, а значение средств развлечения показал французский фронт и дух солдат этой армии. Таким образом произойдет не только оздоровление частей, но будет уничтожена их спячка и инертность, будет к ним привита самоуверенность и смелость, и они будут проникнуты идеей святости и смысла войны.

Время идет, и надо спешить, а то будет слишком поздно.

Начальник Штаба, Капитан *Колесников.*

2.

Телеграмма Колчака своим послам при европейских правительствах.

Тов. мин. иностранных дел. Прошу зашифровать и отправить мин. ин. дел Сазонову, высоким комиссарам и послам Крупенскому, Кудашеву и Бахметьеву, Управляющему мин. ин. дел—для сведения.

«Крайне тяжелые условия снабжения войск Сибирского фронта и значительное численное превосходство большевиков вынудили сибирские войска к глубокому отходу и временному оставлению г. Омска—резиденции Российского правительства. Подобно тому, как Французское правительство в 1914 г., под влиянием обстановки на фронте, вынуждено было оставить на время Париж,—Российское правительство временно переносит свою резиденцию в г. Иркутск.

Российское правительство приносит эту жертву во имя сохранения армии для дальнейшей борьбы с большевиками,

Высокий моральный дух, проявленный войсками в тяжелых боях последних месяцев, преисполняет правительство твердой верой, что после некоторого отдыха, укомплектования и пополнения недочетов в материальной части, сибирские войска вновь приобретут могучий наступательный порыв; пробуждение национального чувства в русском народе в его борьбе с грубыми узурпаторами власти большевиками-интернационалистами. и все крепнущая в народе ненависть к этим насильникам—позволяют правительству спокойно взирать на будущее с полной верой в конечный успех.

Ярким доказательством народной ненависти к большевикам служит массовое бегство населения перед волной наступающих большевиков: рабочие Воткинских, Ижевских, Златоустовских и Саткинских заводов почти в полном составе бежали от большевиков; казаки Оренбургского и Сибирского войск, крестьяне Приволжья, Урала и части Западной Сибири покинули с женами и детьми свои родные станицы, уходя от насилий большевистских банд.

Примирение с большевиками, ненависть к которым пустила столь глубокие корни в народе,—невозможно; возможна только беспощадная борьба до полного уничтожения Советской власти.

Россия обращает внимание дружественных держав, что, принося неисчислимые жертвы в борьбе с большевиками, она выполняет тем самым не только свою национальную задачу, но и борется с мировой опасностью—большевизмом, который, в большей или меньшей степени, угрожает всем нациям мира; в частности, большевизм в Сибири является серьезной угрозой для всех государств Азии.

Российское правительство, которое всегда сохраняло неизменную верность своим союзникам во время великой войны, обращается к правительствам дружественных ей держав: Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов Северной Америки, Польши, Чехо-Словакии и Китая с полной уверенностью, что они не оставят его своей дальнейшей поддержкой и помощью.

При таких условиях Российское правительство, возглавляющее все русские силы, ведущие борьбу с большевиками, будет исполнено твердой уверенностью, что оно доведет эту борьбу до победного конца.

Подлинный подписал: Верховный Правитель Адмирал *Колчак.*
Главнокомандующий Армиями Восточного фронта
Генерал-лейтенант *Сахаров.*

Омск. 11 ноября 1919 года.

3.

Телеграмма Колчаку арестованного Главнокомандующего Сахарова.

Копия Главковостоку Чита генералу Семенову, Командармам 2 и 3.
Из ИО ЛТ АЗ 4/4. БО 23. 9. 40. Только Верховному Правителю. Принята 23/XII 1919. От (неразборчиво), принял (неразборчиво).

В телеграмме нр. 216/П ваше высокопревосходительство изволили выразить, что в моих интересах возможно скорейшая реабилитация путем всестороннего расследования по неизвестным для меня тяжким обвинениям, предъявленным предсовмином Пепеляевым. Вся моя деятельность на различных постах была направлена исключительно на служение родине, а с начала

революции я пошел путем русского офицера, стремившегося: первое—удержать армию от развала и, второе—создать наиболее прочную и крепкую русскую воинскую силу, чуждую какой-либо партийности, а тем паче чьих-либо личных целей. Эта моя служба России и народу проходила у всех на глазах, была настолько пряма, что вызвала мой арест Керенским в сентябре 1917 года совместно с генералом Корниловым, вторично в феврале 1918 года я был захвачен большевиками на донской территории, когда шел с небольшим отрядом на присоединение к Корнилову и Алексееву, после чего пришлось просидеть в большевистских тюрьмах шесть месяцев. Вырвавшись оттуда, я пробрался в октябре прошлого года в Сибирь, и здесь вся моя служба, работа и деятельность, равно мысли, их направлявшие, известны вашему высокопревосходительству. Беру на себя право и смелость сказать, что не боюсь не только расследования и суда современников, но и суда истории, так как вся моя служба России и народу чиста. В день георгиевского праздника 9 декабря н. стиля на станции Тайга предсовмин Пепеляев совместно со своим братом генлейтом Пепеляевым командармом первой произвели вооруженное выступление и арестовали меня и штаб до сдачи главнокомандования, не предъявив на то вашего разрешения или приказания. Арест был с меня снят фактически только после прибытия на станцию Тайга нового главнокомандующего генерала Каппеля. За два дня до этого такое же вооруженное выступление произведено было на станции Новониколаевск начальником 1-й Сибирской дивизии полковником Ивакиным, арестовавшим частями той же первой сибирской армии командарма второй генерала Войцеховского и его штаб. При этом полковник Ивакин захватил частями первой сибирской дивизии город Новониколаевск, образовал комитет спасения родины, имея целью прекращение борьбы с большевиками, заключение с ними мира и образование социалистического правительства. Одновременно пропаганда и разложение частей первой армии велись в Томске с целью вовлечь войска в государственный переворот и заключить мир с большевиками, в результате чего и произошло восстание в Томске, захват его красными бандами и переход на их сторону некоторых войсковых частей. Кроме чисто внешней связи, я усматривал несомненность внутренней связи между событиями в Новониколаевске и Томске и вооруженным выступлением с арестом главнокомандующего 9 декабря на станции Тайга. Эта внутренняя связь устанавливается следующими обстоятельствами: первое—предъявление верховной власти ультимативного требования о смене главнокомандующего; второе—подкрепление этого требования ссылкой на настроение частей первой армии; третье—одновременность и одинаковая планомерность вооруженных выступлений в Новониколаевске и на станции Тайга; четвертое—подготовка этих выступлений широкой пропагандой в пользу слияния с социалистами; пятое—заявление командарма первой генлейта Пепеляева, что он подчиняется генералу Каппелю временно до прибытия генерала Дитерихса; шестое—заявление его же главнокомандующему с предъявлением требования, чтобы была сохранена жизнь осужденным офицерам, виновным в попытке вооруженного переворота в Новониколаевске; седьмое—разрешение, данное генлейтом Пепеляевым полковнику Ивакину, не исполнить мое, главнокомандующего, приказание о явке в штаб фронта, отданное мною еще в конце ноября. Помимо этих явных государственных преступлений вооруженное выступление на станции Тайга лишило фронт на несколько дней управления, нарушило связь, создало на станции пробку,

расстроив и без того трудную эвакуацию по железнодорожной магистрали и внесло преступную деморализацию войск, вовлеченных в политические перевороты. Не получив до сего времени ни одного пункта фактического обвинения от предсовмина Пепеляева, я вновь докладываю, что вся моя служба родине была чиста и проходила на глазах всех и вашего высокопревосходительства, почему, я и утверждаю, что если обвинения имеются, то это инсинуация, имевшая единственную цель устранить меня, как нежелательного активного борца за единую Великую Россию и непримиримого врага социалистов-большевиков. Арест же меня на станции Тайга, после того как цель, поставленная братьями Пепеляевыми—устранение меня от главнокомандования—была достигнута, может быть объяснен лишь желанием произвести преступный акт и тем еще более деморализовать войска, сделав их орудием для достижения дальнейших политических целей. На основании всего изложенного считаю, что всесторонне гласное и широкое расследование всей моей деятельности по командованию армией и главнокомандованию фронтом является необходимым не только в моих личных видах, но, главным образом, и для русского дела. Для русского же дела необходимо расследование той же комиссией деятельности предсовмина и командарма первой и связанных с ними лиц, использовавших тягчайшее положение армии и разруху тыла для достижения целей, стоящих вне интересов России и народа. Ввиду того, что все лица и материалы, необходимые для предстоящего расследования, находятся на фронте, здесь же протекли последние полгода моей работы, полагаю, что комиссия может быть образована только при штабе фронта повелением вашего высокопревосходительства из лиц, кои своею незаинтересованностью могли бы обеспечить беспристрастность и правдивость расследования.

Генлейт *Сахаров.*

20 декабря, ст. Итат. НР 0501.

4.

Последнее письмо атамана Дутова Колчаку.

31 октября 1919 г.
г. Кокчетав, № 2985.

Совершенно секретно.

Ваше высокопревосходительство
многоуважаемый Александр Васильевич!

Оторванность моей армии от центра и ежедневная порча телеграфа совершенно не дают мне сведений, что делается на белом свете. Сижу впотьмах. Единственный раз получил газету «Русь» и «Сиб. Речь», один № от 18/X, вот и все сведения. Кое-как удается получать только директивы и почти никаких сводок.

В народе и армии тьма слухов, один нелепее другого; то все разбежались, то вас уже нет в Омске, то пр-во выехало в Павлодар, то в Иркутск и т. д. Развеять их не могу, ибо нет ни газеты, штаб не сформирован, вся армия в движении, согласно новой директиве; кроме того армия формируется вновь, свертываясь из пяти в два корпуса и т. п. К тому же огромные пространства без телефона. Есть 20 мотоциклов, но они сейчас не работают, ибо грязь

и снег. Автомобилей нет. Имею только два своих. Грузовики—исправных только пять. В общем я получил от южной армии ужасное наследство.

Но главный наш ужас—это полное отсутствие хотя бы какой-либо одежды. Кровью обливается сердце, смотря на войска. Холод, где грязь, где снег, населенные пункты редки и очень малы, тиф косит и направо и налево.

Бывшие штабы южной армии, оставшиеся расформированными, поступили по-свински—уехали в Омск на автомобилях и экипажах и назад ничего не вернули.

Я совершенно без перевозочных средств. Сапог нет, а валенки, в малом числе, есть, но сейчас грязь.

Я реквизирую везде, где могу, но только озлобляю население, и что из этого выйдет—не знаю. Настроение в частях вверенной мне армии удовлетворительное, а в 4-м корпусе даже хорошее. Будь теплое и сапоги, шинели и полушубки, тогда бы армия была стальной. То, что в ней осталось, закалено и испытано, и только ее одеть, дать артиллерию и винтовки, и она будет драться до последнего.

В 1-м корпусе у меня только 5 орудий на весь корпус, из них три французских, часть орудий на быках. Больше всего меня смущают больные—их уже до 3.000; все тиф; куда их девать, жел. дор. нет и транспорта тоже, теплого ничего. Принимаю все меры, но достаю только десятки, когда нужны тысячи. Верю в бога, в правду и честь русскую, и это дает мне силы работать.

Я объехал все части свои, и то, что я пишу вам, есть результат осмотра.

Мой фронт—это необъятная степь, и расстояния громадны.

Я пишу, как всегда вашему высокопревосходительству, совершенно открыто и правдиво.

Меня не пугает обстановка, я к ней привык и не вижу ничего страшного.

Я только прошу вас, если возможно, лично приказать прислать мне винтовок, орудий, теплое, патроны, белье и табак. Если можно, то георг. крестов. Было бы очень важно получить это именно от вас и с вашим посланным от вашего имени.

Буду бороться, пока есть силы. Будьте уверены, ваше высокопревосходительство, что Оренбургская армия, первая вас признавшая, вас поддержавшая, всегда будет с вами и за вас, только помогите нашим действительным нуждам.

Всегда преданный вам и верный вам

Атаман *Дутов.*

5.

Письмо Колчаку бывшего начальника штаба, Лебедева.

1 декабря 1919 г.
д. Ярки.

Ваше высокопревосходительство!

Обращаюсь к вам, как бывший ваш ближайший помощник, в тяжелые дни, ныне для нас наступившие.

1) Я не считаю себя в настоящее время обычным офицером и служакой. Я один из первых начал борьбу с большевиками и организовал ее по всей России. В настоящее время я чувствую, что все фронты переживают кризис,

что переживает кризис общее дело борьбы с большевиками. Я последние месяцы провел в самой толще нашей армии и населения, и я уверен, что нужно искать новых методов борьбы с большевиками, не строя все на исходе чисто военной борьбы.

Вашему высокопревосходительству известно мое отношение к вам, и я обращаюсь к вам с просьбой: не откажите мне в нескольких строках и ориентируйте в происходящих событиях и общем положении. Прошу не счесть это любопытством, а желанием узнать ход вещей человека, кровно заинтересованного в борьбе с большевиками.

2) В настоящее время основным вопросом нужно считать, что мы вошли в район, совершенно не испытавший большевизма, где население ждет Советской власти, как чего-то нового и хорошего. Нужно сберечь кадры и дать время населению пережить медовый месяц Советской власти. Я считаю, что основной вопрос сейчас—это ждать отрезвления сибирского населения и готовить к этому времени небольшую, но крепкую армию, не жалея потери пространства.

3) Я сейчас нахожусь в глубине армии и населения и предвижу возможность, при известных обстоятельствах, больших потрясений в ближайшем будущем. В силу этого считаю, что вам необходимо в районе вашего пребывания иметь вполне достаточную и действительно надежную вооруженную силу, чтобы случайность не разрушила организованной борьбы. И я предлагаю вам вызвать и в непосредственном своем подчинении иметь мой егерский отряд и партизанскую кавдивизию. В то же время, если это будет вами сделано, я не останусь на фронте без них и прошу тогда вызвать меня в качестве начальника этих двух частей.

4) Пишу вам из д. Ярки, куда прибыл из штаба генерала Каппеля, который меня вызывал к себе, но не знаю для чего, и сейчас я ищу уральскую группу, которую покинул две недели тому назад.

Прошу извинить меня за отнятое у вас время и пожелать вам сил и спокойствия продолжать борьбу с большевиками до решительного конца.

Преданный вам *Д. Лебедев.*

II.

УСЛОВИЯ МИРНОГО СОГЛАШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР С ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ВОЙСКАМИ В СИБИРИ.

Копия.

6.

Протокол заседания мирной делегации от 5 февраля 1920 года в г. Тулуне.

Присутствовали: предсибревкома и член Реввоенсовета 5 *Смирнов*, представитель чехо-войск поручик *Губ*, члены делегации *Сурнов и Рябиков*, предпарткома Иркутска *Краснощеков*, начдив 30 *Лапин*, военкомдив 30 *Невельсон*.

Тов. Смирнов указывает, что не в намерениях Российской Социалистической Федеративной Советской Республики воевать с кем бы то ни было, что это свое желание она уже неоднократно выявляла путем предложения мира всем находящимся в состоянии войны с ней государствам.

Приезд чешской делегации дает возможность еще раз подчеркнуть миролюбивое настроение Советской республики.

Предлагая немедленно приступить к переговорам, надеется, что вторичный приезд чешской делегации приведет к желательным и окончательным результатам.

Поручик Губ с своей стороны свидетельствует искреннее желание командования чехо-войск заключить перемирие; ввиду абсолютного отсутствия каких бы то ни было причин для продолжения войны между близкими по настроению войсками, надеется, что данное совещание приведет, наконец, к столь желанному перемирию.

Далее, приступают к чтению условий перемирия, выдвигаемых со стороны Советского правительства; после внимательного обсуждения и корректировки, принимается для представления командованию чехо - войск определенная редакция.

После выработки «Условий перемирия» принимается, чтобы поручик Губ с членом делегации тов. Сурновым направились на ближайшую станцию для передачи условий чешскому командованию и установления связи с авангардом Советских красных войск.

Сроком представления ответа назначается по местному времени 8 часов 6 февраля.

7.

Командир 1-й стрелковой бригады командиру Румынского легиона Трансильванско-Буковинских стрелков. Копия поручику Губ.

Срочно.

Секретно.

№ 28/оп. С. Куйтун. 6 февраля 1920 г., 23 час. 55 мин.

На ваше сношение от 6 февраля за № 104/оп. на имя начальника 30-й стрелковой дивизии, извещаю:

I. а) Слишком продолжительное молчание командования чехо-словацких войск на ответное предложение условий мирного соглашения, переданное членом Реввоенсовета пятой Армии товарищем Смирновым через уполномоченного чехо-войск поручика Губ;

б) непринятие мер к установлению взаимной технической связи для переговоров об условиях перемирия, согласно обязательства уполномоченного чехо-войск поручика Губ;

в) перерыв уже восстановленной нами связи со ст. Зима и продолжающееся уничтожение проводов на участке разъезда Перевоз—ст. Зима;

г) укрепление и приведение в боевую готовность района гор. и ст. Зима создали убеждение, что командование чехо-словацких войск не имеет намерения к установлению мирного соглашения, согласно им же предложенных условий, почему—

II. Авангард Советской Красной Армии начал движение на восток и и достигнет меридиана селения Кимельтей, где и будет ожидать ответа через наших уполномоченных на ст. Зима на наше предложение мирного соглашения от командования чехо-войск.

III. Прекращение военных действий продолжается в демаркационной полосе: со стороны Советских красных войск по меридиану восточной окраины с. Кимельтей, со стороны чехо-войск по меридиану западной окраины ст. Зима.

IV. Для прямых сношений представителей Советских красных войск и чехо-войск, чехо-словацкие войска в экстренном порядке восстанавливают техническую связь на запад от ст. Зима. Советские красные войска продолжают восстановление связи от разъезда Перевоз на восток.

V. Для взаимного сношения обеих сторон устанавливается пароль: для чехо-словацких войск—«Москва», для Советских красных войск—«Прага».

VI. Перемирие кончается и устанавливается мирное соглашение, в зависимости от полученного нашей делегацией ответа командования чехо-войск из Иркутска.

Подлинный подписали: командир 1-й стрелковой бригады *И. Грязнов.*

Военный Комиссар *С. Кожевников.*

8.

Командир Румынского легиона Трансильванско-Буковинских стрелков начальнику 30-й Советской дивизии. Копия поручику Губ.

В. спешно.

№ 104/оп. 6 февраля 1920 г., ст. Зима.

Во изменение моего сношения от 5-го сего февраля за № 94/оп., извещаю вас об условиях предварительного перемирия между чехо-словацким арьергардом и авангардом Советских войск:

1) Прекращение военных действий в демаркационной полосе по меридианам: со стороны Советских войск—разъезд Харик, со стороны чехо-войск—разъезд Перевоз.

2) Чехо-войска, как и советские войска, в экстренном порядке восстанавливают техническую связь для прямых сношений представителей чехо-войск и Советских войск.

3) Для необходимого взаимного сношения обеих сторон устанавливается пароль: для чехо-словацких войск—«Москва», для Советских войск—«Прага».

4) Перемирие кончается принятием или разрывом предполагаемого соглашения, о чем должны быть предупреждены чехо-словацкий арьергард и Советский авангард.

Подлинный подписали: чехо-словацкой службы полковник *Кадлец*.

Начальник штаба локотенент-колоннель (подпись).

9.

Уполномоченный чехо-войск для подписания договора поручик Губ командарму пятой Советской.

6 февраля 1920 г., 23 час. 35 мин.

Прилагаю полученное о принятии всех ваших пунктов, кроме первого.

Прошу вас согласиться, так как самый важный пункт, 17-й был принят и осуществляется быстрым темпом. Мост уже мною спасен. Не успеваем проехать, так как все против нас. Автомобиль без света, паровоза тоже не можем получить, а связи до сих пор нет, из-за страшного опоздания нашего восстановительного отряда и из-за недостатка паровоза.

Выезжаем поездом — отняли у эшелона.

Поручик *Губ*.

10.

Сообщено по прямому проводу Иркутск — Зима, 6 февраля 1920 года уполномоченному представителю Советской России, тов. Смирнову.

Чехо-словацкое войско желает искренно вернуться на родину и оставаться в самых дружественных отношениях с русским народом. Поэтому считает вполне приемлемыми поставленные вами условия частичными изменениями первого пункта и разъяснениями некоторых других:

П. 1. Вполне соглашаясь с пунктом восьмым, по которому мы должны держать строгий нейтралитет по отношению всех противосоветских сил, находящихся в Сибири, не можем согласиться с частью пункта первого, который противоречит пункту восьмому. Соглашение с Иркутским Ревкомом относительно нейтрализации города Иркутска от прохода остатков колчаковской армии не могло быть, так как мы, по приказу нашего правительства, не можем вмешиваться во внутренние дела русского народа. По категорическому требованию Иркутского Ревкома, наши части, находящиеся в городе Иркутске, сегодня даже выведены из последнего на станцию. С своей стороны принимаем пункт первый до слов: «Зима—Половина—Иннокентьевская» и остаток пункта предлагаем заменить «Слюдянка—Мысовая и следующими деповскими станциями».

П. 2. Без изменений.

П. 3. С добавлениями: «Встречное движение на западе допускается лишь в том случае, если оно не будет нарушать планомерности эвакуации чешских эшелонов на восток».

П. 4. Без изменений.

П. 5. Выполнен.

П. 6. Без изменений.

П. 7. С разъяснением, что под войсковыми соединениями разумеются и румынские, и латышские, и югославянские части, находящиеся под общим союзным командованием, которые подчинятся всем пунктам нашего договора.

П. 8 до п. 15 включительно без изменений.

П. 16. Добавить за словом «чехо-словаки»—«румыны, латыши и югославяне».

П. 17. Хотя этот пункт нарушает соблюдение принятых условий на нейтральной полосе и выражает нам недоверие, мы, желая еще более подчеркнуть наше стремление к мирному соглашению, согласны принять этот пункт полностью. Добавляем: «в случае недостатка воды и угля у паровозов при поездах, находящихся в ленте восточнее моста через р. Ока,—эти паровозы могут свободно вернуться на станцию Зима за водой и углем под чехо-словацким караулом.

П. 18 и 19. Без изменений.

П. 20 (секретный). Ввиду того, что наши отношения с новыми революционными властями на местах везде вполне корректные, считаем этот пункт излишним.

Надеемся, что вы, приняв полностью наши вышеизложенные дополнения и разъяснения, приступите к акту подписания столь желательного для обеих сторон мира, вместе с нашим представителем поручиком Губ, который к этому нами уполномочивается.

Подписали: За командующего чехо-словацкими войсками генерала Сырового, начальник 2-й чехо-словацкой дивизии полковник *Крейчий*.

Начальник штаба подполковик *Бируля*.

Политический уполномоченный Чехо-Слов. республики в г. Иркутске доктор *Благож*.

6 февраля 1920 года
16 часов петроградского времени.

Точную копию с ленты телеграфа прямого провода удостоверяю начальник 3-й чехо-дивизии полковник (подпись).

За начальника штаба подполковник (подпись).

Подлинность подписей удостоверяю

Старший штаба (подпись).

7/II 1920 г.
Зима.

11.

Протокол заседания мирной делегации от 7 февраля 1920 года в с. Куйтун.

Присутствовали: предсибревкома и член Реввоенсовета 5 Смирнов, представитель чехо-войск поручик Губ, член делегации Сурнов, начдив Лапин, военкомдив 30 Невельсон.

Поручик Губ сообщает, что чешским командованием условия перемирия считаются вполне приемлемыми при условии частичного изменения первого пункта и разъяснения некоторых других.

Пункт первый принимается до слов: «Зима—Половина—Иннокентьевская», а остаток пункта предлагается заменить: «Слюдянка—Мысовая и следующими деповскими станциями».

Пункт второй принимается без изменений.

Пункт третий принимается с добавлениями: «встречное движение на запад допускается в том случае, если оно не будет нарушать планомерность эвакуации чешских эшелонов на восток».

Пункт четвертый принимается без изменений.

Пункт пятый, как выполненный, тоже.

Пункт шестой принимается без изменений.

Пункт седьмой принимаем с разъяснением: «под войсковыми соединениями разумеются и румынские, и латышские, и югославянские части, находящиеся под общим Союзным командованием, которые подчиняются всем пунктам договора».

Пункт восьмой до пункта пятнадцатого включительно принимаем без изменений.

Пункт шестнадцатый принимаем с добавлением за словом: «чехо-словаки»—«румыны, латыши и югославяне».

Пункт семнадцатый принимаем полностью и добавляем: «в случае недостатка воды и угля у паровозов при поездах, находящихся в ленте восточнее моста через р. Ока, могут эти паровозы свободно вернуться на ст. Зима за водой и углем под чехо-словацким караулом».

Пункты восемнадцатый и девятнадцатый принимаем без изменений.

Пункт двадцатый отклоняем, ввиду того, что наши отношения с революционными властями вполне корректные.

Тов. Смирнов, соглашаясь со всеми добавлениями, предложенными чешским командованием, с своей стороны предлагает следующий комментарий к пункту первому: «Под понятием нейтральной зоны разумеется промежуток между арьергардом чехо-войск и авангардом Советских войск Красной Армии, определяемый с небольшими уклонениями в ту или другую сторону

дистанцией от депо до депо. Пример: красные Советские войска вступают на ст. Зима, где останавливаются до момента достижения арьергардом чехо-войск следующего за ст. Половина разъезда или станции, после чего доходят до первого за ст. Зима, в сторону чехо-войск, разъезда или станции приблизительно на равное расстояние отойденному чехо-войсками от ст. Половина и т. д. По достижении чехо-словацким арьергардом ст. Иннокентьевская авангард красных Советских войск вступает на ст. Половина и т. д.».

К пункту четвертому: «Присутствие чехо-словацкого уполномоченного на Черемховских копях и участие его в распределении угля принимаются постольку, поскольку это необходимо для снабжения эшелонов чехо-войск углем».

К пункту шестнадцатому: «Разумеются румыны, латыши и югославяне, входящие в состав чехо-войск».

Комментарий поручиком Губ принимается.

После некоторых незначительных редакционных поправок и изменений условия мирного соглашения вылпваются в нижеприводимую форму, каковая обеими сторонами принимается.

12.

Копия.

Условия мирного соглашения правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с чехословацкими войсками в Сибири.

1. При передвижении чехо-словацких войск на восток для следования на родину устанавливается нейтральная зона между арьергардом чехо-войск и авангардом Советских войск на расстоянии от депо до депо, при чем ни Советская, ни чехо-словацкая армии не будут предпринимать боевых действий в нейтральной зоне по линии железной дороги, вне ее по меридиану и в воздухе. Нейтральная зона определяется расстоянием между следующими станциями: Зима—Половина—Иннокентьевская—Слюдянка—Мысовая и следующими деповскими станциями.

2. Скорость передвижения будет происходить в зависимости от технических условий, о которых будет доноситься Советской армии ее представителями, находящимися в чешском арьергарде. Чешское командование обязуется с своей стороны принимать все меры к быстрейшему продвижению своих частей на восток.

3. Для содействия чехо-войскам в передвижении и урегулировании их отношений с железнодорожниками, Революционный Военный Совет пятой Армии командирует своего представителя в город Иркутск для совместной с чехословацкими уполномоченными организации движения по железной дороге, как в смысле продвижения чехо-войск на восток, так и встречного движения на запад. Встречное движение на запад допускается лишь в том случае, если оно не будет нарушать планомерность эвакуации чехо-словацких эшелонов на восток.

4. Для поднятия производительности добычи угля на Черемховских копях и правильного питания дороги Революционный Военный Совет пятой Армии командирует немедленно на Черемховские копи своего уполномоченного, который совместно с комиссаром жел. дор. и уполномоченным чехо-войск распре-

деляет добываемый уголь. Советская власть гарантирует чехо-войскам необходимое количество угля для передвижения на восток. Чехо-войска имеют на Черемховских копях своего представителя, который следит за выполнением данного условия.

5. Чехо-войска оставляют адмирала Колчака и его сторонников, арестованных Иркутским Ревкомом, в распоряжение Советской власти под охраной Советских войск и не вмешиваются в распоряжения Советской власти в отношении к арестованным.

6. Золотой запас, принадлежащий РСФСР, ни в коем случае не вывозится на восток, остается в Иркутске, охраняется смешанными караулами чехо-словацких и русских войск и передается Иркутскому исполкому при уходе последнего чешского эшелона из Иркутска.

7. Чехо-войска следуют на восток только лишь в составе своих войсковых соединений. Войсковыми соединениями разумеются и румынские, латышские, югославянские части, находящиеся под общим Союзным командованием, которые подчиняются всем пунктам настоящего договора. Зачисление русского офицерского состава в ряды чешских войск с подписанием настоящего соглашения не прекращается.

8. Чехо-войска обязуются держать нейтралитет в отношении отрядов, действующих против Советской власти, и не оказывать им никакого содействия.

9. Все мосты, водокачки и железнодорожные постройки, имеющие важное значение, охраняются в нейтральной зоне местными Советскими отрядами и, после ухода чехов на восток, передаются в полной сохранности и целости. Советская власть командирует своих представителей при караулах, охраняющих туннели. Чехо-войска обязуются передать туннели Советским войскам в полной исправности.

Секретный пункт. В целях установления нормальных отношений между населением и чехо-войсками по пути их следования, Реввоенсовет пятой Армии командирует своих уполномоченных по линии следования чехов. Уполномоченным чехи гарантируют содействие и полную неприкосновенность.

Все мосты, водокачки и железнодорожные постройки, имеющие важное значение, охраняются в нейтральной зоне смешанными караулами чехо-словацких и местных Советских войск и, после ухода чехов на восток, передаются русскому караулу в полной сохранности и целости.

10. Чехо-войска обязуются не эвакуировать с собой военное имущество армии Колчака, за исключением военного имущества, принадлежащего чехо-войскам.

11. Чехо-войска обязуются не эвакуировать железнодорожное имущество, за исключением подвижного состава, топлива и смазочных средств, необходимых для их передвижения. Чехо-войска обеспечивают Советской власти возвращение паровозов и подвижного состава по достижении ими конечного пункта. Для наблюдения за исполнением этого пункта Революционный Военный Совет пятой Армии назначает своего представителя.

12. Чехо-войска возвращают Советской власти для восстановления разрушенных железнодорожных сооружений все восстановительное имущество и средства, принадлежащие железной дороге.

13. Для ликвидации могущих возникнуть недоразумений непринципиального характера, назначается комиссия из четырех лиц: два представителя Советских и два—чехо-словацких войск.

14. Для наблюдения за правильным выполнением условий мирного соглашения командование Советских войск имеет двух представителей в арьергарде чехо-войск, а чехо-войска—двух представителей в авангарде Советских войск.

15. Представители обеих сторон пользуются безусловной неприкосновенностью и правом беспрепятственного сношения по телеграфу по прямому проводу со своими штабами.

16. Чехо-словаки, румыны, латыши и югославяне, оставшиеся по независящим от них обстоятельствам на территории Советской России, уходят вместе с последними эшелонами, куда они будут доставлены с места их нахождения.

17. Чехо-войска обязуются передать станцию Зима, депо и железнодорожный мост через реку Ока авангарду Красной Армии седьмого февраля в 12 час. дня московского времени. В случае недостатка воды и угля у паровозов при поездах, находящихся в ленте восточнее моста через реку Ока, могут эти паровозы свободно вернуться на ст. Зима за водой и углем под чехо-словацким караулом.

18. Настоящее соглашение входит в силу с момента его подписания членом Революционного Военного Совета пятой Армии тов. Смирновым и представителем чехо-войск поручиком Губ.

19. Несоблюдение одною из сторон какого-либо пункта настоящего соглашения влечет за собой нарушение мирного соглашения. Об открытии военных действий предупреждаются находящиеся в армии представители за 24 часа. Зачеркнутому в п.п. 14 и 19 слову: «перемирие» и исправленному «мирное соглашение» верить.

Подлинный подписали:

Уполномоченный Совета Народных Комиссаров РСФСР по подписанию условий мирного соглашения председатель Сибирского Революционного Комитета и член Революционного Военного Совета пятой Армии *Смирнов.*

Уполномоченный чехо-словацких войск по подписанию условий мирного соглашения с Советской Красной Армией поручик *Губ.*

1920 года, 7 февраля, 9 часов (московского времени).

Село Куйтун.

Комментарий:

К пункту первому: Под понятием нейтральной зоны разумеется промежуток между арьергардом чехо-войск и авангардом Советских войск Красной Армии, определяемый с небольшими уклонениями в ту или другую сторону дистанцией от депо до депо. Пример: красные Советские войска вступают на ст. Зима, где останавливаются до момента достижения арьергардом чехо-войск следующего за ст. Половина разъезда или станции, после чего доходят до первого за ст. Зима, в сторону чехо-войск, разъезда или станции, приблизительно на равное расстояние отойденному чехо-войсками от ст. Половина и т. д., по достижении чехо-словацким арьергардом ст. Иннокентьевская авангард красных Советских войск вступает на ст. Половина и т. д.

К пункту четвертому: Присутствие чехо-словацкого уполномоченного на Черемховских копях и участие его в распределении угля принимается постольку, поскольку это необходимо для снабжения эшелонов чехо-войск углем.

К пункту шестнадцатому: Разумеются румыны, латыши и юго-славяне, входившие в состав чехо-войск.

Подлинный подписали: *Смирнов.*

Поручик *Губ.*

Если со стороны штаба чехо-войск будет опротестовано сделанное исправление в п.п. 14 и 19 слова «перемирие» на слова «мирное соглашение», то я согласен признать первоначальную редакцию этих пунктов.

Подлинный подписал: *Смирнов.*

С подлинным верно:

начальник полевого штаба 30-й стрелковой дивизии (подпись).

ПАМЯТИ ПАВШИХ

ОБЕЗОБРАЖЕННЫЕ ТРУПЫ.

(Памятка о братской могиле на Сергиевской горе в Уфе.)

Это случилось приблизительно через месяц после занятия нашими войсками Уфы. За городом наши красноармейцы нашли десятка четыре обезображенных трупов. Обнаружили их случайно. При разборе проволочных заграждений какой-то красноармеец ударился сапогом о череп. Стали копать и под мелким слоем земли то там, то тут стали находить эти обезображенные и временем и зверством белых трупы. Откуда они, кто они?—никто не знал. Да и узнать их было трудно. Лежали они под землей в самых неестественных позах с переломанными ребрами, вывернутыми руками и ногами, с пробитыми черепами, с отбитыми носами... У одних на шее болтались обрывки веревок, у других руки и ноги крепко были связаны проволокой военного полевого телефона... Среди мертвецов—две-три женщины, несколько дряхлых стариков... Рядом с одной женщиной, тесно прижавшись к материнской груди, лежал обезображенный труп младенца.

Этих нашли случайно, сваленных в одну кучу, но сколько осталось необнаруженными таких куч и разбросанных одиночками и по советской земле невинных жертв!?

Пьяные и озверевшие офицерские колчаковские банды, отступая, на своем пути не щадили никого. Даже стариков и женщин убивали, даже младенцев расстреливали. Убивали с наслаждением, упивались их кровью и муками... Мучили и пытали, и потом издевались над обезображенными трупами.

Глядя на эти трупы, нетрудно было представить себе, чтò они перенесли при жизни, находясь во власти этих зверей.

Их было около четырех десятков. Но из одной только Уфимской тюрьмы перед отступлением, по ночам, белые выводили за город сотни заключенных. Жители слышали, как с разных сторон в город доносились выстрелы. Тюрьма опустела, но зато обломками человеческих костей запестрели луга, поля и леса.

Сколько их было?

Никто этого не может знать, так как их было очень, очень много. Количество их не поддается учету.

Приходили осматривать эти трупы сотни людей, потерявших своих родных и близких, но признать их никто не мог... Они были страшно обезображены. И похоронены они, как неизвестные жертвы зверства белых.

Кратко и мрачно красные объявили населению:

«Такого-то числа состоятся гражданские похороны жертв гражданской войны на Сергиевской горе. Собраться в парке Свободы».

И больше ничего. Но население само узнало все подробности, и вся красная Уфа забурлила:

«Проклятие убийцам, не пощадившим даже стариков, женщин и детей!..».

А в день похорон улицы запестрели красными и черными знаменами. Дома опустели. Дети, дряхлые старики и старухи, не говоря уже о молодых и сильных, приняли участие в гражданских похоронах.

К парку Свободы тянулись бесконечные колонны организованных демонстрантов, и толпой, густой, как вулканическая лава, шел растерявшийся обыватель с тревожной думой на челе: «Неужели еще вернутся к нам эти люди-звери?..».

Но вот демонстрация выстроилась, оркестр заиграл похоронный марш, и бесконечная колонна медленно потянулась к Сергиевской горе. Такой демонстрации Уфа не видела ни до этого, ни после.

Целый час головной отряд демонстрантов поджидал на Сергиевской горе прибытия последних своих рядов.

Гора загудела, покрылась сплошной человеческой массой, а город в это время совершенно опустел. Только у ворот домов жалобно лаяли собаки, скучая по своим ушедшим на похороны хозяевам.

Мертвая тишина царила кругом. А на горе в это время уже начали раздаваться пламенные речи ораторов, призывающих проклятие на головы палачей...

На краю братской могилы рядами лежали обезображенные трупы.

Вся многотысячная масса демонстрантов застыла, замерла.

Только глаза блестели ненавистью, и из груди вырывался вздох, полный проклятий, после каждого слова ораторов.

Чугунными стали красные всадники на своих конях; даже

Группа расстрелянных отступавшими колчаковцами.

кони их застыли,—и похожи они были все на колоссальный памятник над еще не засыпанной могилой.

«Эти трупы кричат о мщении,—громко и нервно над головами демонстрантов неслась отрывистая речь последнего оратора,—на этих трупах запечатлены все кровавые инстинкты кровавых колчаковских офицерских банд. Их лозунг: «Водрузить над Русью снова власть двуглавого орла» в эти печальные минуты может возбудить лишь глухую ненависть к его носителям. Посмотрите, какие ужасные следы оставили когти этого двуглавого орла на телах граждан Советской России. Эту картину никто из нас забыть не должен, не имеет права. На трупах их поклянемся наказать виновных и освободить землю рабоче-крестьянскую от звероподобных людей»...

Речь оратора была прервана многотысячным шопотом: «Клянемся! Клянемся!..».

Под звуки похоронного марша опускали в братскую могилу мертвецов. Красные и черные знамена отдавали последний привет погибшим и, шелестя на ветре, печально склонялись к земле. Каменистая почва дробью падала в братскую могилу, и скоро на самой вершине Сергиевской горы, под самой Уфой, вырос могильный холм над неизвестными обезображенными трупами.

Эту могилу видно из города. На ней построили временный деревянный памятник, а над ним водрузили красный флаг.

И красный флаг на одинокой горе, ветром бросаемый из стороны в сторону, как будто зорко следит за тем, чтобы к горе не подошли непрошенные люди и не нарушили покоя обезображенных белыми бандитами трупов.

Красный флаг сторожит их!..

ДРАМА НА БАЙКАЛЕ.

13 января 1920 года Политическим Центром в Иркутске была организована особая комиссия, в состав которой, между прочим, вошли также представители военных миссий: французской, японской, британской и чешской. Комиссия того же 13-го числа выехала на ст. Байкал для производства расследования об исчезновении арестованных в дни свержения в Иркутске власти адмирала Колчака, увезенных бежавшими из города сычевцами.

Допрос многочисленных свидетелей установил следующую картину происшедшего:

24 декабря 1919 года в Иркутске был произведен обыск иркут-

ской контр-разведкой в доме № 77 по второй Иерусалимской ул., где и были арестованы 18 человек, принимавших участие в подготовке восстания города. Один из арестованных этой группы выдал место нахождения штаба повстанцев, указав на земельный отдел губернской земской управы. Там тотчас же был произведен обыск, и многие из участников повстанческого движения были тут же арестованы. Захвачено было много совершенно посторонней публики, случайно заходившей в этот день по делу в земельный отдел, не обошли даже служащих отдела.

Все арестованные были препровождены в гостиницу «Модерн», где неоднократно были допрашиваемы. В день наибольшего успеха наступления повстанцев на Иркутск, когда уже повстанцами был занят правый берег реки Ушаковки, арестованные, которых Сычев и правительство Колчака считали одними из первых руководителей и главарей восстания, были переведены в так называемые «Красные казармы» 12-го нолка. На этих арестованных уже смотрели как на заложников.

В эти же казармы во время боя с повстанцами колчаковцы приводили значительную часть арестованных ими в день восстания. Таким образом 4 января, в день бегства сычевцев и колчаковцев из Иркутска, в казармах находилось около 150 человек арестованных.

Когда для Сычева и его армии выяснилась полная картина поражения, они, получив до этого от начальника семеновских войск, генерала Скипетрова, телеграмму о необходимости при эвакуации города вывезти оттуда золото, арестованных и части верных войск, в четыре часа дня выехали по направлению к ст. Байкал, при чем приказали начальнику иркутской контр-разведки Черепанову и всему штату названной контр-разведки увести из города на Байкал наиболее важных арестованных. Такие арестованные, в количестве 31 человека, были отмечены Черепановым совместно с офицером контр-разведки Насоновым, и вечером 4 января отправлены под охраной отряда Особого назначения и всей иркутской контр-разведки по направлению ст. Байкал, где находились в это время семеновские войска под командной генерала Скипетрова.

В дер. Патроны, что в 17 верстах от Иркутска, была первая остановка. Здесь в это время находились начальник Иркутского Военного Округа ген. Сычев и командующий войсками Иркутского Военного Округа ген. Артемьев.

Предполагалось, что они из дер. Патроны переедут на паро-

ходе на ст. Михалево, где был штаб ген. Скипетрова, но так как пароход был поломан, то решено было ехать поездом до станции Листвиничное и там уже переправиться на ст. Байкал.

Начальник иркутской контр-разведки Черепанов был вызван к телефону для разговора с Иркутском, откуда от него кто-то (а кто, он не мог понять) требовал, чтобы увезенные ими арестованные были сданы на ст. Байкал чехам или японцам.

Черепанов доложил об этом разговоре Сычеву и Артемьеву, но те не дали какого-либо определенного ответа.

После этого арестованных повезли дальше на ст. Листвиничное, где для всех бежавших и для привезенных арестованных был подан пароход «Кругобайкалец», который доставил их на ст. Байкал. На этом же пароходе ехали японские солдаты под командой японского офицера, который несколько раз приходил смотреть на арестованных.

Арестованные, в количестве 31 человека, среди которых была одна женщина, привезенные Черепановым на ст. Байкал, были высажены здесь на берег.

На берегу всех их встретили начальник семеновской контр-разведки подполковник Сипайло и комендант ст. Байкал капитан Годлевский. Черепанов доложил этим лицам, что арестованные являются заложниками и что их надлежит передать чешскому или японскому коменданту.

На все это подполковник Сипайло ответил ему, что им уже все известно об этих арестованных и что они знают, что̀ с ними следует сделать.

Принятые от Черепанова подполковником Сипайло арестованные были помещены на ледокол «Ангара» в каюту третьего класса, которая находилась внизу кормовой части парохода. Ледокол «Ангара» рейсировал между ст. Листвиничное и ст. Байкал. 6 января этот ледокол,—имевший на себе, кроме арестованных, воинскую команду, прибывшую с ними из Иркутска, команду 1-го Манчжурского отряда и семеновских офицеров, подполковника Сипайло, капитана Гранд из семеновской контр-разведки, капитана Годлевского, затем казака Лукана, постоянного палача при штабе генерала Скипетрова, двух наблюдателей из контр-разведки (штатских): Молчанова и Бабосова и двух солдат при Годлевском: Каратерова и Лядова, а также исполняющего обязанность генерал-квартирмейстера штаба Скипетрова—подполковника Понтовича,—отправился в 6 час. вечера по направлению к селу Листвиничное.

Во время этого рейса на ледоколе везде были расставлены караулы, при чем вся судовая команда была переведена на носовую часть парохода и совершенно не допускалась на кормовую часть.

В кормовой части ледокола, в каютах третьего класса, в это время происходило следующее: арестованные помещались все в одной маленькой каюте, дверь из которой выходила в большую каюту. Из этой последней был выход по крутой лестнице на корму почти у самого ее конца.

В большой каюте присутствовали попеременно то капитан Годлевский, то подполковник Сипайло, то капитан Гранд и, кроме них, еще солдаты: Куганеров, Шуксин и двое часовых.

Наверху, на корме, у выхода из третьего класса, стояли с револьверами двое из названных офицеров, около них двое штатских—наблюдателей из контр-разведки: Бабосов и Молчанов и у самого борта—казак Лукан, в руках которого была деревянная колотушка для сколки льда.

Арестованных по-одному выводили из маленькой каюты в большую. Здесь они давали подписку о выезде в течение трех суток из пределов Сибири; затем их раздевали, оставляя только в нижнем белье, выводили наверх, на корму, говоря, что идут одевать их в арестантские халаты.

Наверху, на корме, каждый из выводимых встречался с вышеуказанными офицерами, направляющими на арестованных револьверы.

Арестованного подводили к краю кормы, и в этот момент казак Лукин ударял колотушкой арестованного по голове, после чего последнего, уже убитого или потерявшего сознание, сбрасывали за борт.

Убив таким образом всех арестованных, принимавшие в этом участие палачи сошли вниз и здесь часть вещей, принадлежавших убитым, поделили между собой, при чем в дележе принимали участие и офицеры.

Через несколько часов после совершения этого убийства, когда ледокол уже стоял у пристани ст. Байкал, на пароход прибыл генерал Скипетров со своим штабом, и там была устроена пирушка.

Из принимавших участие в убийстве и присутствовавших при этом комиссией были допрошены: наблюдатель Молчанов, солдат Каратеров, солдат Гладышев и солдат Шубщин.

Остальные участники убийства, кроме подполковника Сипай-

ло, ко времени приезда комиссии на ст. Байкал уже скрылись неизвестно куда.

Следствие на ст. Байкал продолжалось с 13 января по 20 января с. г. Дальнейшее пребывание комиссии на ст. Байкал становилось невозможным, так как комиссии стало известно, что семеновцам, которых там было около 15.000, предполагали вернуть оружие.

Производство же следствия, настолько благоприятного по своим результатам, было возможно только потому, что почти все участники убийства оказались в числе разоруженных и арестованных чехо-словаками семеновцев.

Неоднократные попытки комиссии добиться выдачи тех лиц, которые принимали участие в убийстве 31 человека, кончились неудачно.

По прибытии в Иркутск весь добытый материал по этому делу был доложен доктору Благож и генералу Сыровому; при этом и тот, и другой соглашались на выдачу убийц, но указывали, что окончательное решение этого вопроса зависит от генерала Жанена.

Последнему генералом Сыровым была послана об этом телеграмма, но ответа получено не было.

Необходимо указать на следующее обстоятельство:

3-го, 4 января, когда, под давлением союзных миссий, Политический Центр вынужден был установить перемирие с правительством адмирала Колчака, союзники взяли на себя обязательство гарантировать неприкосновенность арестованных.

В дальнейшем, когда стало известно, что арестованные, в количестве 31 человека увезены сычевцами, союзники потребовали от Скипетрова неприкосновенности и освобождения увезенных к нему арестованных, убитых на ледоколе «Ангара».

Партийная принадлежность убитых, по данным иркутской контр-разведки, такова: 13 социалистов-революционеров-максималистов, 6 коммунистов-большевиков, а остальные—сторонники Политического Центра.

(Из доклада комиссии.)

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ КОМАНДИРАМ-ГЕРОЯМ.

Наш полк 9 августа под ст. Куликовка понес крупные потери.

Выбыло из строя много славных, честных и стойких бойцов за коммунизм.

В неравном бою пали доблестные командиры: тов. Органов, командир батальона, тов. Степанов, командир 8-й роты, тов. Борзов, полуротный той же

роты, и погибла с оружием в руках, со своими командирами во главе, вся доблестная 8-я рота.

Дрались, как львы, пали все, немногие и только малодушные сдались на милость победителей. Но и они при ужасных пытках, издевательствах и муках, обезоруженные белогвардейцами, погибли... Каждый красноармеец— герой. Все бились до последнего патрона. Один из красноармейцев 4-й роты, китаец (ротное прозвание Ходя, а настоящее Хут-те) убил 10 казаков, пока не пал, сраженный пулей.

Но особенно велика и незаменима потеря таких командиров, как тов Органов (убитый в начале боя) и т.т. Степанов и Борзов (застрелившиеся в тот момент, когда их окружил враг). Боролись они в рядах Красной Армии с начала ее формирования; претерпели все ужасы плена в Симбирской губернской тюрьме, ежеминутно ожидая расстрела сторонниками учредилки; освобожденные из тюрьмы Красной Армией, они все вступили в ряды нашего славного полка и поклялись, как один, отомстить врагу, разбить его или погибнуть с оружием в руках, но в плен более не сдаваться.

Свою клятву они исполнили свято. Командир батальона был убит в начале боя, а ротный и полуротный, окруженные со всех сторон противником, застрелились на глазах вражьих солдат. Не один раз они проявляли доблесть, отвагу и мужество в борьбе с превосходными силами противника. Смерть они презирали, с опасностью никогда не считались. Тов. Борзов, будучи заместителем ротного командира, был дважды тяжело ранен и оба раза удирал из лазарета еще больным и возвращался в полк. Один раз он получил три раны, бросившись один с одной шашкой на пулемет. Другой раз был ранен осколком снаряда. Он был общий любимец всей роты, его знал весь полк. Степанов, ротный командир, был прекрасный организатор. Стойкий, мужественный, энергичный, работник. Это—человек дела. Мало говорил, но много делал. Оба они пользовались любовью и уважением всей роты. Рота у них была самая сознательная, самая храбрая, самая стойкая, самая организованная. Ни одна из рот не могла так быстро и точно выполнять приказы. И такой ее сделали они, незабвенные герои. Свою ненависть к врагу и любовь к свободе передали они своим подчиненным.

Командир 3-го батальона тов. Органов вышел из 8-й роты, сначала был ее командиром, а потом 8 месяцев командовал батальоном. Трудно было найти более храброго, мужественного и стойкого борца за коммунизм. Всегда спокойный, безукоризненной честности, невозмутимый, всегда справедливый, он сумел заставить уважать и любить себя. Его любили все, от рядового красноармейца до командира бригады. Своей отвагой и неустрашимостью он всех увлекал в бой и всегда побеждал. Его батальон не знал отступлений. Он был убит в тот момент, когда его стойкость, невозмутимость были необходимы, когда более всего было нужно умелое, талантливое распоряжение. Заметив пехоту, заходящую во фланг, и кавалерию, заехавшую в тыл батальону, он не успел отдать распоряжение, чтобы выиграть и этот бой, как шальной осколок снаряда вырвал его из наших рядов.

Вечная слава борцам за свободу с оружием в руках!

Командир N стрелкового полка N железной дивизии *Мигин.*

МЫ ПОМНИМ ВАШИ ИМЕНА.

Семь дней наш полк безвыходно лежал в цепи, семь дней жарких, упорных боев с противником, бросившим все свои последние силы на нас и решившим во что бы то ни стало вернуть Челябинск и нанести нам сокрушительный удар... Густыми цепями наступают белые, численно превосходя нас по меньшей мере в 20 раз. Ураганный огонь нашей артиллерии и пулеметов, нанося громадные потери настойчивому врагу, уже не раз разгонял передовые цепи атакующих, но их сменяли новые густые цепи, и начинались новые атаки...

Видимо, и офицеры, и рядовые белогвардейцы хорошо понимали, что это их последний и решительный бой, что здесь, под Челябинском, решается участь Сибири и всей колчаковщины. Понимали это и мы, видя предсмертные судороги белой армии. Голодные, измученные, стойко дрались товарищи красноармейцы, с твердой решимостью оросить каждую пядь земли своей кровью и кровью белогвардейцев.

И наша общая уверенность в победе, дружные общие усилия полков увенчались успехом: белогвардейские полчища были сломлены и разбиты. Путь, широкий путь в богатую хлебом Сибирь был открыт, тысячи братьев рабочих и крестьян освобождены от самодержавного гнета Колчака... Но радость победы омрачается смертью многих из наших лучших и старых товарищей.

Проклятыми белыми пулями сражены наповал честно исполняющие свой долг в передовой цепи врид. пом. комполка тов. Князев и нач. 1-й пулеметной команды тов. Ляликов. Оба товарища мужественно сражались в рядах красных борцов на Восточном фронте с самого начала контр-революции. Товарищи, вас уже нет с нами, вы спите спокойным сном в широких сибирских равнинах, но ваша честная работа не забыта, ваша энергия, ваша вера в светлое будущее жива в нас и в тысячах красных борцов. Ваша кровь пролита недаром, над вашими могилами теперь свободно веют красные знамена. Светлой памятью останутся для нас ваши имена.

Б. Каврайский, А. Шутемов, Н. Терехин, С. Смирнов, В. Пышкалло.

ТОВ. УСАЧЕВ.

Дело было далеко за Уралом. Наш полк после славной перестрелки занял село О. Уставшие красноармейцы расположились в деревне, чтобы, отдохнувши, снова гнать разложившиеся банды Колчака. Вдруг послышалась команда «в ружье». Вмиг все поднялись и под предводительством командира вышли навстречу неожиданно появившемуся врагу, удивляясь, откуда он мог появиться. Оказалось, что белые, отступавшие за малочисленностью, получив подкрепления, снова начали наступление. Противник, превосходивший нас силами, стал окружать нас со всех сторон. Завязался бой. Особенно в этом бою отличился командир 1-го бат., тов. Усачев, который, не теряя духа, командовал, воодушевляя красноармейцев, и несмотря на свист неприятельских пуль, стрелял стоя, дабы не пропала ни одна пуля даром... Он был ранен в плечо, но остался с нами в окопах. И только вторая пуля заставила его расстаться с любящим его полком. Он был убит. Пуля угодила ему в голову...

И не стало нашего дорогого товарища, не стало верного друга красноармейцев. Он исполнил долг коммуниста и командира. Он шел по твердо

намеченной дороге и твердо знал, что долг, возложенный на него революцией, священен и обязателен. Как питомец революции, как сын ее, как непоколебимый работник на пользу рабочих и крестьян, он не пожалел своей жизни.

Грустно и больно до слез было расставаться с дорогим товарищем. Спи, дорогой тов. Усачев. «Ты честно прошел свой доблестный путь благородный».

Красноармеец *Стеклов.*

С. КАРПУЗИ.

13 ноября в 12 час. дня в 1108-м госпитале умер от сыпного тифа тов. Карпузи.

С тов. Карпузи я впервые познакомился в пути от Кротовки в Мелекес. Помню, с каким интересом мы слушали его рассказы об Октябрьских днях в Петрограде, где ему, как юнкеру, стороннику Советской власти, приходилось разоружать петергофские юнкерские школы.

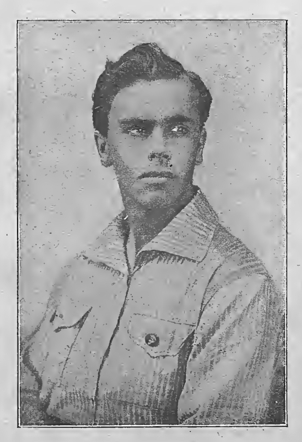
Еще больше мне понравился т. Карпузи, когда он начал говорить о работе Политотдела армии, в котором работал в качестве секретаря.

«Побольше бы таких работников,—думал я. И велико было наше удивление, когда мы узнали, что тов. Карпузи не находится в партии.

— Скажите, почему вы не в партии?—посыпались с разных сторон вопросы.

— Я в партию до сих пор не поступил потому, что теперь в партию многие поступают из-за того, чтобы получить теплое местечко. Я не хочу, чтоб обо мне тоже думали, что я из-за личных целей поступаю в партию. Я хочу показать, что я верую в партию исключительно из-за идеи.

Я не был согласен с доводами тов. Карпузи, я мог бы ему во многом возразить, но я молчал, только дивился замечательной честности его и тому уважению, с каким он относился к партии.



С. Карпузи.

Партия для тов. Карпузи была святыней, и он хотел быть кристально-чистым, чтобы быть достойным высокого звания коммуниста.

Тов. Карпузи происходил из старой революционной семьи. Сам он был и рабочим металлистом и революционером. Он рвался на бой с врагами пролетариата со всей силой своей молодой рабочей души.

Полный сил и энергии, он проявлял во время нашей совместной работы в Политотделе пятой Армии кипучую деятельность. Одно время он был

секретарем Политотдела, но эта работа его не удовлетворяла, и он рвался ближе к фронту, в самый огонь боя... В конце концов, ему удалось попасть в одну из дивизий пятой Армии. В ноябре 1919 года, уже больной тифом, он приезжает из дивизии в Челябинск на предсъездовское армейское совещание, посланный своими товарищами... Но вернуться ему не пришлось, — он умер. Умер близкий, родной...

Во время нашего знакомства я совершенно случайно узнал о его молодом творчестве в области поэзии. Он стеснялся своего таланта и стихи свои прятал от всех. Очень немного его стихотворений увидело свет и то благодаря усиленным просьбам близко знавших его товарищей.

Карпузи — сын заводов и фабрик, и в его стихах слышится настоящий звон металла и стон молота. Он воспевал торжествующий труд, кующий счастье будущих веков.

Узнав о его смерти, я долго рылся в бумагах, надеясь найти какую-либо о нем память, и нашел одно из его по недосмотру в свое время ненапечатанных стихотворений. Стихотворение это одно из худших его произведений, но оно достаточно ярко рисует его и его стремления. Для полноты характеристики привожу это стихотворение:

Люблю котельной перезвоны,
Когда там мерно трелью бьют:
«Проснись! Пора! Настало время!».
А ты, во след гремя, как гром,
Как грохот пушечного взрыва:
«Придем! Пойдем! Сотрем! Возьмем»
Люблю, когда весь в мрак укутан,
Мигая тенью у окон,
Укутан пылью углевою,
Пропитан газом весь завод...
Ждет миг, когда пробьется стенка,
И вдруг, блеснув, бежит поток,
Зардевши в пламени пожара,
И красна цепь, и ряд фигур,
И, расплескавшись в звезд каскады,
Гудит, шипя: «Зальем. Сожжем!
И в формы новые отлива
Для жизни будущей войдем».

В этих строках чувствуется пробуждающаяся сила молодого поэта-борца, рвущегося через угрюмый труд навстречу светлому, счастливому труду.

Первые его стихотворения сулили богатое творчество в будущем. Но Карпузи умер. Нет поэта, — и не будет его песен, славящих молотобойца, кующего новую жизнь и сжигающего старый гнет искрами, летящими из-под ударов могучего пролетарского молота.

Нет поэта. Жестокая смерть не пощадила и его, полного молодых сил и энергии, и вырвав из наших рядов, унесла в холодную могилу.

Спи спокойно, родной и любимый знавшими тебя.

Г. и Д.

НИК. ВЕДЕНЕЕВ.

Колчак был разбит на-голову. Отступающие колчаковские войска находились в самом плачевном состоянии. Голод, холод и грязь привели к тому, что вся армия противника подверглась почти поголовному заболеванию тифом всех видов. Первое время наша армия с ужасом думала о том, какие опустошения приносят эти болезни нашему противнику, совершенно не подозревая, что и нам придется подвергнуться этому же испытанию. И эти болезни не заставили себя долго ждать. Перебежчиками они были занесены в пятую Армию, а оттуда распространились по всему Востоку. Тиф стал свирепствовать и в рядах нашей армии, и каждый день теперь раздавались звуки похоронного марша. Ушло в преждевременную могилу много юных и преданных делу революции товарищей. В список погибших от этой страшной болезни осенью 1919 года в Челябинске было занесено и имя Николая Веденеева.

Н. Веденеев.

Веденеев в армию попал чуть ли не со школьной скамьи, но он уже успел проявить энергию молодого борца и обратить на себя внимание высших военных органов.

Он был инициатором издания армейской газеты «Гражданская Война». Во время отступления нашей армии из Уфы Веденеев был переброшен в Запасный полк пятой Армии, в Сызрань, в качестве политкома. Около 10.000 красноармейцев находилось под его наблюдением, и он сделал все, чтобы подготовить из них сознательных воинов. Под личным наблюдением политкома Веденеева широко была поставлена культурно-просветительная работа, и оттуда армия получила вполне готовых и политически, и культурно красноармейцев в сравнительно короткий срок. В то же время Веденеев организовывает газету Запасного полка и является ее редактором.

Кипучая деятельность, энергия и большая работа над самим собою говорили о большом будущем Николая. Но... В Челябинске он заболел сперва возвратным тифом; не успев еще оправиться от болезни, он заболевает сыпным тифом и... умирает.

Не стало еще одного славного и самоотверженного борца за торжество социализма.

Ф. МАТРОН.

С поэтической душой, незаметная в пятой Армии... Ее мало кто знал, но близко знавшие ее не могли не ценить и не любить эту тихую и незаметную работницу в рядах нашей армии.

В пятой Армии тов. Матрон еще не определилась. Работала она в Политотделе на разных должностях. Самое последнее время она стала про-

бовать свои способности на литературной работе и время от времени, за подписью «Нортам» печатала свои стихотворения и рассказы в газете «Красный Стрелок». Перед отъездом из пятой Армии она была приглашена редакцией в качестве секретаря газеты. С этого момента она, очевидно, решила посвятить себя журнальной работе. Впрочем, она не долго проработала в «Красном Стрелке», так как была откомандирована в одну из армий Южного фронта. Газетная работа там была поставлена слабо, и она, по примеру пятоармейской газеты, приступает к организации походной типографии и самой газеты, редактором которой потом и назначается.

Но работа тов. Матрон была прекращена самым трагическим образом. Со своим поездом-типографией она решила не отставать от передовых рядов красноармейцев, чтобы в первую очередь газету получали не штабы, а бойцы. Во время работы в редакционном вагоне влетел туда шальной снаряд, и редактор армейской газеты тов. Матрон им была разорвана на мелкие куски.

Не стало еще одной молодой, начинающей развиваться пролетарской жизни.

Во имя победы пролетариата, один за другим, безропотно отдавали свою жизнь преданные революции товарищи. Благодаря им войне был нанесен смертельный удар, благодаря им высоко взвилось красное советское знамя. Их заслуги перед революцией громадны, их дела долго будут жить в нашей памяти.

Вечная память погибшим борцам!

Я. Гр.

А. С. КОРЖИКОВ.

Вечно с улыбкой на лице появлялся наш незабвенный друг Саша; он никогда не унывал, с какими бы трудностями ни встречался в жизни. А история его жизни пестрит почти что сплошь трудными моментами. Он—сын бедных рабочих родителей. Отец дает ему кое-какое образование, он проходит сельско-приходскую школу. В дальнейшем он пополняет образование самоучкой. Почти что в школьном возрасте ему с великим трудом удается поступить учеником в контору завода. С этой поры начинается его служебная карьера в качестве канцелярского сотрудника. В 1907 году, во время реакции, он вступает членом в подпольную организацию РСДРП на Миньярском заводе. Он сразу зарекомендовал себя как энергичный революционер, борец за дело рабочих. В неимоверно тяжелых условиях подпольной работы он преодолевал все трудности и являлся хорошим руководителем по транспортированию нелегальной литературы, устанавливал связь с соседними организациями уральских заводов и даже с заграницей.

1913 и 1914 годы являются моментом подъема рабочего движения. На нашем заводе организуется забастовочное движение. Саша наш и тут энергично содействует делу организации борьбы рабочего с капиталом. Октябрьская революция выдвигает его на более ответственную работу; он становится членом коллегии по управлению заводом.

В 1918 году приход чехо-словаков ознаменовался разгромом советских организаций и суровым преследованием советских партийных работников, вынуждая их уйти в тяжелое, душное подполье. Вместе с ними скрывается и наш Саша. В 1919 году, в феврале месяце, ему вместе с другими товарищами

удается пройти белогвардейский фронт и поступить в ряды Красной Армии. Он работает в Реввоенсовете 5. В июле месяце 1919 года, с занятием заводов Красной Армией, товарищ Саша вновь становится на хозяйственную работу в качестве заведующего Симрайонотделом. Немало пришлось нашему Саше положить энергии по восстановлению и организации этого дела. Несколько позднее, в 1921 году, его переводят на работу, в Златоуст в Лесоуправление.

На этом и заканчивается история жизни Саши. Несколько дней предсмертных мучений,—и тиф вырывает его от нас.

N. N.

ВАСЯ ГРАЧЕВ.

Вася Грачев — из той восторженной части рабочей молодежи, которая не имеет и не хочет знать других стремлений, кроме жажды знаний и активного участия в общественной работе. Вдумчивый, всегда серьезный, он внимательно прислушивается к «политическим». В этом отношении Миньярский завод — благодарная среда, и в 18 лет Вася приобщается к партии. После одной из забастовок он должен уехать с завода и работает в Златоусте.

Помню, в 1916 году мы собираем всех земляков-подростков и под вывеской струнного оркестра в подвале, в то время, когда этажом выше предводитель дворянства принимает разъезжающего по «братии» архиерея, организуем своеобразный «марксистский кружок». Сидим три-четыре часа. Прочли уже Баха. Ребятки устали. Но никто не подает вида: Вася пристыдит!

1917 год. Вася—депутат кузнечного цеха. Начало чешского выступления застает его комиссаром артиллерийского склада «на колесах» при Саткинском заводе. Выступают спровоцированные эсерами рабочие. Вася на месте.

— Где комиссар?

— Я комиссар.

— Бей!

— Что вы с ума сошли? Нет! Саткинские не будут бить миньярских. Мы не договорились, но мы свои, а там чужаки, баре.

И накануне прихода чехов начинается первый митинг протеста, который в пылу возбуждения остается в памяти рабочих на все время подполья.

Задержанный позже, он скоро бежит из чешского концентрационного лагеря. Затем 8 месяцев лесной жизни в родных ущельях на положении ежечасно преследуемого зверя. Здесь энтузиазм Васи поддержал не один десяток более слабых товарищей.

Но вот с той стороны требуют бойцов. В тылу Колчака проводится мобилизация в Красную Армию. Вася с первым отрядом благополучно переходит фронт. И его отрядик становится ядром славного в истории пятой Армии отряда лыжников рабочих Симского Горного Округа.

Встретились незадолго до его гибели.

— Где?

— Пулеметчиком. Интересно... Главное — в тебя целятся больше.

В одну из схваток под Бузулуком его наблюдение подтвердилось. «Белая» пуля уложила и мечту об университете и о заводе. Осталась слава красному герою.

Ф. Вдовин.

ТОВ. ПЕТРОВ.

В боях за Златоуст 27-я дивизия потеряла одного из стойких и честных своих бойцов. Тов. Петров пал в том бою, который был решающим для нашей дивизии. Это было в 70 верстах от Златоуста. Противник собрал свои последние силы и повел решительное наступление, желая остановить продвижение частей 27-й дивизии и отбросить ее назад. Главный удар противника пришелся по Волжскому полку. Полк вышел с честью из этих боев, но лишился своего любимого командира. Весть о гибели тов. Петрова быстро облетела всю дивизию... В тот же день его тело, найденное на поле сражения, было доставлено в с. Мясогутово, где находился штаб дивизии, и там похоронено. При опускании гроба все чувствовали необъяснимую боль большой утраты, которую несла наша армия в лице честного и лучшего командира. Когда последний кусок земли упал на свежую братскую могилу, как-то не хотелось уходить. Кучка товарищей из штаба и Политотдела дивизии еще долго молча стояла у могилы, устремив взор на свежую рыхлую землю, под которой погребен «кусок нашей дивизии». Наконец, совсем стемнело... Лица всех стали еще более мрачными; стали уходить один за другим, погруженные в тяжелые думы...

А на другой день, с восходом солнца, вновь двинулись в поход, оставив позади свежую братскую могилу. Сколько этих свежих могил осталось на том огромном пути, который был пройден пятой Армией!

В. Эльцин.

МИША КОЗЛОВ.

Он—сын бедной рабочей семьи. С 12-летнего возраста нужда гонит его на фабрику, чтобы прокормить огромное семейство, оставшееся ему после отца. Тяжелые условия труда на Миньярском заводе заставляют Мишу вместе с другими товарищами искать выхода из этого положения. У него пробуждается страсть к знанию, он ищет книги и старается выяснить корень противоречий человеческого бытия. В 1912 году, в момент подъема революционного движения, начинается революционное брожение и на Миньярском заводе. В этой борьбе наш Миша впервые выдерживает практический урок схватки с капиталом. С этого момента он становится активным защитником интересов рабочего класса. Весной 1912 года, в лесу, под открытым небом, на нелегальном собрании подпольной организации РСДРП Миньярского завода он принимается в члены подпольного кружка. В 1914 году вновь замечается оживление рабочего движения на нашем заводе. Началась забастовка рабочих всего завода и в ней немалую роль сыграл и тов. Миша. Империалистическая война 1914 года отрывает нашего Михаила от родной семьи и от начатого им дела и бросает его в николаевские казармы, и только во время Октябрьской революции он снова вернулся к нам на завод. В это время стала назревать в разных концах республики контр-революция. У нас, на Урале, она ознаменовалась впервые выступлением генерала Дутова, положившего начало уральской гражданской войне. На первые вспышки контр-революции рабочие Миньярского завода ответили вооруженным выступлением под руководством Михаила. (Кстати, он вышел из старой армии не простым солдатом, а старшим унтер-офицером.) Тов. Михаил организует рабочие отряды, обучает их военному делу и во главе обученного им же отряда едет подавлять

выступление дутовских войск. В Уфе он разоружает войсковые части старой армии, которые под влиянием меньшевиков и эсеров противились Советской власти. После захвата чехо-словаками Челябинска и набега на Златоуст, тов. Михаил на скорую руку формирует отряд боевиков и едет с ним туда; но под давлением превосходящих численно сил противника он отступает и с отрядом пробирается на Пермь, где связывается с революционными войсками. Михаил заболевает, и его направляют в Казань на излечение. В Казани он был арестован чехо-словаками. Когда красные войска вновь заняли Казань, Михаил вместе с другими товарищами вышел из тюрьмы и вновь вступил в ряды Красной Армии. Красные войска заняли Уфу; прибыл туда и Михаил со своим отрядом. Чувствуя близость своих заводов, он помышляет об их освобождении. В это время заводы находились в глубоком тылу неприятеля, и там белогвардейские банды правителя Колчака творили неслыханную расправу над рабочими. Из группы бежавших к нам через фронт уральских рабочих в Уфе сформировали отряд охотников-лыжников. Михаил становится во главе этого отряда. 31 июля 1919 года, командуя батальоном 232-го стр. полка под Челябинском, Михаил был тяжело ранен и вскоре умер. Так скончался и ушел от жизни рабочий-борец Миша.

N. N.

ТОВ. В. ПУГАЧЕВ.

25 августа под дер. Кузнецово, Елушевской вол., похоронен Василий Пугачев, лихой пулеметчик 2-й пулеметной команды N полка. Он был молод и храбр. Вся его жизнь—борьба против грабительских белогвардейских банд. Он—сын крестьянина Тверской губ., добровольцем вступил в Красную Армию еще в начале ее организации. В дни нашего зимнего отступления он всегда нас прикрывал своим пулеметом, отражая наступающего врага. Во время панического отступления врага им был замечен обоз, движущийся через дер. Кузнецово на дер. Меньщиково. Не считаясь с тем, что пехота наша далеко, тов. Пугачев с пулеметом выехал вперед и открыл огонь по неприятельскому обозу. В обозе поднялась паника.

Несколько белых бандитов отстреливались, прикрывая обоз. При передвижении пулемета вперед они ранили в спину тов. Пугачева, который тут же умер.

Спи спокойно, товарищ!

Политком 2-го б-на N полка *В. Орлов.*

В ДНИ КОШМАРА.

В ночь на 17 мая 1919 г., во время царствования белогвардейщины в Уфе, в Уфимской тюрьме были расстреляны 34 человека.

Мы приводим список этих борцов, павших за свободу: 1) Полищук, 2) Голубев, 3) Григорьев, 4) Широков, 5) Литинцев, 6) Сипцов, 7) Зыков, 8) Титов, 9) Чипишев, 10) Смаков, 11) Бухарин, 12) Коробцев, 13) Смирнов, 14) Венгров, 15) Скребнев, 16) Пружановский, 17) Сазонов, 18) Сакович, 19) Отриганьев, 20) Микадзе, 21) Замятин, 24) Царегорцев, 25) Батов, 26) Черепанов, 27) Худяков, 28) Сальников, 29) Пересилин, 30) Гнихинов, 31) Гейнижберг и, кроме того, 3 женщины, фамилии которых не выяснены.

Вечная память этим борцам, павшим за свободу, за народное дело!

(«Красный Стрелок» № 77 от 25 июля 1919 г.)

ТОВ. СОЛОВЬЕВ.

Во вторник 16 сентября 1919 г. в Челябинске похоронен командир 3-го батальона N полка, тов. Соловьев, умерший от тяжелых ран, нанесенных ему белогвардейцами в бою на Петропавловском направлении.

Тов. Соловьев был молод и храбр. Вся его жизнь заключалась в борьбе против капиталистического строя и за восстановление власти трудящихся. Тов. Соловьев в Уфе вступил добровольцем в ряды Красной Армии в начале ее организации. Во время отступления из Уфы он был ротным командиром в отряде охотников N дивизии; он везде и всюду служил примером для других; в боях, где бы ни пришлось столкнуться с неприятелем, он не падал духом, стойко и мужественно он защищал дело рабочего класса. Все время тов. Соловьев занимал командные должности и геройски сражался в боях с неприятелем. Под дер. Севастьяновкой, восточнее Челябинска, где неприятель сосредоточил громадные силы, завязался кровопролитный бой, в котором был ранен командир батальона тов. Козлов, и командование батальоном было передано тов. Соловьеву. Деревня переходила из рук в руки, из рядов батальона выбывали самые лучшие товарищи красноармейцы—рабочие Миньярского завода (из бывшего отряда охотников). Положение было серьезное, превосходные силы противника сбивали батальон тов. Соловьева с одной позиции на другую. Казалось, что вот-вот казаки охватят в кольцо и зверски зарубят всех, но тов. Соловьев с жалкими остатками батальона, несмотря на убийственный артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь, перешел в контр-наступление и занял дер. Севастьяновку, захватив у неприятеля 2 пулемета системы «Максим».

Так тов. Соловьев защищал Октябрьские завоевания.

Лишь в боях на Петропавловском направлении неприятельская пуля сразила его.

Советская Республика в лице тов. Соловьева потеряла одного из лучших красных командиров и истинного революционера.

Г.

КАК УМИРАЮТ ГЕРОИ.

Пользуясь нашей родной красноармейской газетой, я выполняю последнюю волю вашего комиссара бригады тов. Стругацкого.

Его уже больше нет. В тяжких мучениях он умер от ран, полученных в бою под Ялымским.

При свидетелях, в присутствии телефониста команды связи 3-й бригады N дивизии тов. Каленова, он, умирая, дважды от меня требовал следующего:

«Передай т.т. красноармейцам, что я с радостью умираю за счастье бедняков и угнетенных, за социализм».

Передаю это вам и выполняю свой долг перед славно павшим моим другом и вашим военным комиссаром.

Урановский.

(«Красный Срелок» № 156 от 4/XI 1919 г.)

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ.

Теперь, когда притупилась острая боль утраты друга, незаменимого товарища, я могу сообщить, кто такой был тов. Стругацкий.

Я считаю необходимым это сделать: неувядаемой славой пусть будет покрыто имя славных борцов, благородно и беззаветно отдавших свою жизнь за бедняков и угнетенных.

Я узнал его, когда ему было всего только 18 лет. Он только сошел со скамьи реального училища, не оконченного им, вследствие того, что царские жрецы науки не терпели его за ретивый дух.

Летом 1917 г. неокрепшими юношескими руками он уже оказывал неоценимые услуги революции.

Редактор «Красного Знамени», председатель Севского совета и комитета нашей партии, он превратил свой уезд в организационный очаг революции.

Затем ЦК поручает ему ответственную работу в Вятской губернии.

Пять месяцев он руководит работой среди рабочих губернии и уездов и затем по своему желанию уезжает для подпольной работы на Украину.

Там гнет, там помещик Скоропадский, там опасность, там нужны борцы,— и мятежный дух его тянет туда на борьбу за свободу.

Его работа на Украине напоминает собою сказку. В матросской шинели, с серебряным кинжалом, он прячется с партизанами вначале в лесах и деревнях. Накопив силы и сорганизовав рабочих, идут на Екатеринослав. Здесь, в уличном бою, он с шестью товарищами загоняется белыми в погреб, обстреливается в течение двух часов и освобождается победившими красными войсками.

Победа одержана. Он редактирует «Известия Екатеринославского Совета», он избирается в Обл. к-т партии и работает как председатель губернского пролеткульта.

В это время Колчак идет на Волгу. Встревожилась рабочая Россия; и он спешит на Восточный фронт. Добровольно он служит конным разведчиком 2-го бат. 3-й бригады N дивизии. Затем он отзывается для политической работы сначала в N див., а затем назначается комиссаром 3-й бригады.

Здесь красивая цепь красочной революционной борьбы обрывается. Его уж больше нет. Он не принадлежал к разряду рядовых борцов ни по своим физическим, ни по духовным качествам. Талантливый поэт, редактор и оратор, революционный боец, природой лишенный чувства страха, он многое сделал бы еще на благо всем трудящимся. Но пал буревестник революции. Человечество потеряло одного из самых прекрасных своих представителей, друзья понесли горькую утрату, пролетариат положил на алтарь революции драгоценнейшую жертву.

Урановский.

ТОВ. ШИЛЬФ.

В бою под дер. «Жидки» 2 сентября 1919 г. пал смертью храбрых тов. Шильф.

Тов. Шильф, как начальник связи, всегда показывал пример телефонистам. Он под пулями и снарядами сам исправлял телефонную линию, шел всегда в цепи и был неустрашимым бойцом.

Слава и честь тебе, тов. Шильф. Спи спокойным сном!

Телефонисты N полка.

ТОВ. Н. ВЕСЕЛОВ.

При наступлении противника на Долго-Деревенскую станицу наш 1-й бат. N стр. полка, стоявший в этой деревне, был внезапно окружен казаками.

Завязался горячий и упорный бой, во время которого пал зверски убитый командир батальона тов. Н. Веселов.

Пробравшись с небольшой кучкой красноармейцев на окраину деревни, тов. Веселов стал задерживать противника, который старался отрезать наш обоз. Под командой храброго командира эта небольшая кучка бросилась с криком «ура» в атаку.

Казаки, увидев его, закричали: «Вот командир красных, берите его!». И мигом к нему подлетело несколько казаков, которые схватили его и увели.

После атаки, когда наши опять заняли Долго-Деревенскую станицу, найден был труп тов. Веселова, который был изуродован до неузнаваемости. Оба глаза у него были выколоты, а шея и грудь исколоты штыками.

Спи, дорогой товарищ Веселов!

Вечное проклятие тем, кто так зверски расправился с тобой.

Добров. кр-ец 1-й роты *С. Малимонов*.

ТОВ. КУТУЗОВ.

Беззаветно преданный партии и Соввласти красноармеец, по первому кличу вступивший в ряды Красной Армии в 1917 году и боровшийся против дутовских банд под Верхнеуральском, товарищ Кутузов переносил безропотно все лишения, невзгоды фронтовой жизни так, как подобает сыну пролетарской семьи. Пал он смертью храбрых под дер. Лопатинской, Тобольской губ. В последний момент он сказал: «Помираю, товарищи, за Советскую власть и за освобождение всех угнетенных от паразитов».

Военком *Е. Волков*.

ТОВ. СКУГАРЕВСКИЙ.

Наш полк в октябре 1919 г. занял позицию под дер. Казашниково, где противник пытался наступать несколько раз, но после каждого раза был отбит нашим пулеметным и ружейным огнем. В бою под этой деревней пал смертью храбрых и честных борцов командир 1-го б-на N сводн. стр. полка тов. Скугаревский, сраженный вражеской пулей в грудь. Тов. Скугаревский—петроградский рабочий. Он шел в рядах нашей доблестной рабоче-крестьянской Красной Армии из-под самой Казани и все время крепко держал винтовку в своих мозолистых руках. Всегда ободряя т.т. красноармейцев, он шел в бой и честно стоял па своем посту, служа примером. Теперь его нет в наших рядах, но память о нем не умрет в сердцах т.т. красноармейцев.

Спи же спокойно, товарищ!

Красноармеец N сводн. полка *Тимохин*.

ПРИМЕР ХРАБРОСТИ.

Рабочие Катав-Ивановского завода, т.т. Борщев и Рудин, скрывались в лесах от преследования белых.

В конце 1919 года белым удалось выследить их, когда они заходили в чей-то дом. Белые окружили дом, но взять их было не так-то легко, так как

т.т. Борщев и Рудин решили лучше умереть с оружием в руках, чем сдаваться белым, и они начали неравный бой, который, к позору белых, длился около 8 часов, несмотря на то, что белых было большое количество. Тогда белые подожгли со всех сторон дом, в котором находились смельчаки. Так пали смертью храбрых мужественные защитники пролетарской революции.

СМЕРТЬЮ МУЧЕНИКА.

По занятии нами ст. Пресновской выяснилась судьба попавшего в плен военкома N полка Раевского.

На все вопросы белых о количестве и составе наших частей Раевский, избитый прикладами, отвечал: «У нас есть два полка, полных мести и злобы против вас. Попробуйте разбить их».

Раевский был закопан живым. Ему отрубили голову, тело закопали, голову же положили поверх могилы расстрелянных одновременно красноармейцев.

Давыдов.

ПАМЯТИ ТОВ. БУРЕНКОВА.

В боях при д. Матаса пал смертью храбрых командир полка имени Облискомзапа (Исполнительного Комитета Западной Области) тов. Буренков, который только что успел вступить в командование полком по прибытии из больницы.

Вражеская пуля сразила его на ответственном посту, в то время, когда он лично руководил боевой операцией полка...

Тов. Буренков—бывший офицер (штабс-капитан) старой армии. В полк поступил добровольцем за 15 месяцев до смерти и с первого же дня прибытия был назначен командиром батальона. На Восточном фронте находился беспрерывно более года и, участвуя во всех боях полка, всегда служил примером своим подчиненным, проявляя храбрость и находчивость в критические минуты боевой страды. Он был одним из немногих оставшихся в живых ветеранов добровольческого полка имени Облискомзапа.

Но и его вырвала смерть из нашей немногочисленной семьи.

Один за другим старые опытные командиры геройски гибли в борьбе за лучшую, светлую, справедливую жизнь.

Спи спокойно, дорогой товарищ!

Петр Казиков.

ТОВ. ПЕТРОВ.

3 июля 1919 г. в бою под Абзаево пал смертью храбрых доблестный командир Волжского пола тов. Петров. Истекая кровью вследствие полученной им смертельной раны, он был еще зверски приколот штыками к земле освирепевшими наемниками Колчака.

Тов. Петров, прибыв на фронт еще под Казанью, все время сражался в рядах Красной Армии, будучи примерным командиром и преданным товарищем. Полученное во время отхода в марте ранение заставило его эвакуироваться, но, еле оправившись и не использовав предоставленный ему отпуск для восстановления здоровья, тов. Петров снова поспешил на фронт, чтобы принять участие в отражении еще наступавшего тогда противника.

Озлобленный паникой и поражением на фронте, враг вырвал из наших рядов одного из лучших командиров-бойцов. Тяжела нам потеря тов. Петрова.

Спи спокойно, дорогой товарищ!

Жестоко мстили противнику твои славные стрелки.

В день твоей смерти они разбили на-голову целый полк, взяв двести пленных и трофеи. А через несколько дней, обратив в бегство два полка, они доставили головы командиров 21-го и 22-го неприятельских полков, более ста пленных и трофеи.

Политком N бригады N стрелковой дивизии.

СЛАВА И ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ!

Я, красноармеец N полка, по прибытии в полк ознакомился с командным составом полка. Ближе всего я знал командира 1-го батальона тов. В. Аверкиева. Тов. В. Аверкиев находился со мной вместе во время боя в цепи. Стойко и храбро командовал он и сражался с бандами Колчака, но пуля противника сразила его. Слава борцу, который пал за идею коммунизма! Но идея его не погибла, она не умерла и не убита, она жива.

Красноармеец N полка 1-го бат., соч. РКП (б) *Леонов.*

ПАМЯТИ ГЕРОЯ.

29 июня 1919 г. под Анинским во время боя геройской смертью пал доблестный пулеметчик Андреев Василий. Несмотря на сильный оружейный и пулеметный огонь противника, он выдвинул пулемет на удобную позицию впереди своей цепи и все время продолжал заглушать пулеметы противника своим пулеметом; этим он дал возможность зайти красным частям во фланг белым. Тогда противник поспешно начал отступать, и мы смогли освободить рабочих и крестьян завода Анинского от белой банды.

Тов. Андреев мужественно сражался в рядах красных борцов, все время не щадя своей жизни, на Восточном фронте с самого начала контр-революции.

Товарищ, тебя уже нет больше с нами, ты спишь спокойно на широких равнинах Сибири.

Но твоя честная работа, твоя энергия и твоя вера в светлое социалистическое будущее живы в нас, и твоего имени революция не забудет.

В. Лукин.

ТАМАРА ВОРОНИНА.

В 1103 госпитале умерла раненая в последних боях под д. Дубровинская красноармейка N полка Тамара Воронина. Совсем еще молодая, она взяла винтовку в руки и пошла защищать свободу от посягательства контр-революции. Безумно любила свободу эта молодая коммунистка.

Тамара Воронина была самым храбрым человеком в полку. Не зная усталости, она, воодушевляя товарищей-красноармейцев, всегда была впереди. Отступать она не хотела, не могла... Раненая тяжело, она вынуждена была покинуть родной полк.

Спи мирно в сырой земле, молодая коммунистка!

Военком госпиталя *Капиляржевский.*

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЮ!

6 августа в боях с противником убит политком Витебского полка тов. Морозов, старый член Российской Коммунистической Партии. Еще в 1903 г. тов. Морозов подвергался преследованию за революционную деятельность. Из рядов борцов вырван один из лучших и честнейших.

Вечная память ему!

ПАМЯТИ ТОВ. Я. ДОЛГИНЦЕВА.

В бою у Саликанских Юрт в конце 1919 г. пал смертью храбрых военком N батальона 7-го полка тов. Яков Долгинцев.

В этом бою белогвардейцы оказывали упорное сопротивление; бой длился несколько часов. Наконец, противник был выбит из Юрт.

Но немного спустя он пошел в контр-наступление с превосходящими нас силами, и мы принуждены были оставить Юрты на очень короткий промежуток времени.

Тов. Долгинцев, видя наши цепи отступающими, с винтовкой в руках и с криком: «Да здравствует мировая революция! Смерть всем белогвардейцам!» бросился впереди своего батальона на неприятельскую цепь. Красноармейцы, увлеченные порывом военкома, ударили в штыки, и белогвардейцы, смешавшись, начали отступать. В это время тов. Долгинцева ранило пулей в руку. Не обращая внимания на это, он продолжал увлекать наступающих. Белогвардейцы, получив подкрепление, оправились и снова потеснили наших. В этот момент тов. Долгинцев был ранен вторично, уже смертельно, в живот. Наши отступившие части не успели его захватить с собой. Третье наше наступление окончательно отдало Саликанские Юрты в наши руки. Бросились искать на поле сражения тов. Долгинцева, но нашли только его труп, с крепко сжатой в правой руке винтовкой и с просветленным лицом, словно он радовался, что пал за революцию с оружием в руках.

Тов. Яков Долгинцев происходил из рабочих Александровского завода, Киселевского горного округа. На войну пошел, будучи мобилизован Областным комитетом РКП.

С. Ж.

СМЕРТЬ КРАСНОГО ОФИЦЕРА.

16 сентября 1919 г. под деревней Могилово погиб смертью храбрых командир 3-го батальона N полка тов. Дембский.

Тов. Дембский—офицер старой армии, но, как истинный защитник трудящихся масс, первым вступил в ряды Красной Армии. Служил он для всех примером. Его отвага и энергия бросались в глаза на каждом шагу. Неутомимый был этот сеятель коммунизма. Не было часа, им неиспользованного. Вот нами занята деревня. Смотришь, он уже собрал кучку крестьян, разъясняет им задачи Советской власти и Красной Армии, или соберет своих солдат и читает им газеты. В 1918 году, 23 декабря, он был ранен под деревней Печенкино в грудь и руку. Молодые силы его тогда поборол смерть.

Жажда борьбы влекла его туда, где борются товарищи. Его не пускали, но он рвался, и вот он снова среди нас и принимает участие в переходе Урала. Мне пришлось видеть его еще раз, раненым в горах. Его ранило в ногу, но он не только не захотел выйти из строя, но, показывая на ногу, говорил,

смеясь: «Нахалы белогвардейцы испортили мои суконные брюки», и, не обращая внимания на боль, снова ринулся в бой.

В нашу коммунистическую семью он вошел незадолго перед смертью. В бою находился он всегда впереди, ободрял товарищей, и если неприятельские пули близко начинали свистать, то он только махнет головой и скажет: «Товарищи, вперед!». Под дер. Бутырское 8 сентября в бою шинель его в четырех местах была прострелена и конь под ним убит, но он не обращал на это никакого внимания. А 16 сентября, в роковой день, вражеская пуля попала ему в ногу и раздробила кость. Под натиском превосходных сил противника пришлось немного отойти. Его не успели вынести. Он имел мужество и самоотверженность раненым уничтожить документы и деньги и в висок из револьвера покончить с собой. Через пять минут мы опрокинули врага и нашли его. Но было уже поздно. Его не стало.

Спи спокойно, наш герой-коммунар! Волжский полк тебя не забудет и не забудет твой клич: «Вперед, вперед!».

ТОВ. ЯШИН.

28 августа 1919 г. от неосторожного выстрела своего же товарища кр-ца пал командир 6-го заградительного отряда тов. Яшин.

Тов. Яшин—старый коммунист, и в лице его РКП потеряла хорошего партийного работника, всю жизнь посвятившего на благо рабочего класса.

Его любили все красноармейцы отряда, потому, что по службе он был требователен, вне же службы относился к товарищам красноармейцам по-товарищески.

Тов. Яшин был стойким и беззаветно храбрым командиром. Как на пример его умения не теряться в самые критические минуты, можно указать на следующий факт:

В бою под Челябинском, у Долгодеревенской станицы, противник врасплох напал на N полк, зайдя ему в тыл. Загорелся жаркий бой, в полку из строя стал выбывать командный состав, был контужен командир полка. Полк, не имея начальства, стал в беспорядке отступать. Тогда тов. Яшин принимает командование полком, приводит его в порядок и, несмотря на оружейный и артиллерийский огонь противника, переходит в контр-атаку, выбивает из поселка в десять раз превосходящего нас силами противника и таким образом задерживает дальнейшее наступление врага.

Тело тов. Яшина 29 августа было перевезено в гор. Курган, где и похоронено.

Мир праху твоему, дорогой товарищ!

Военком отряда *Санкин.*

СОДЕРЖАНИЕ.

Схема № I
ПОЛОЖЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА К СЕРЕДИНЕ АВГУСТА 1918 Г
И ПЕРЕХОД НАШ В НАСТУПЛЕНИЕ В СЕНТЯБРЕ ЭТОГО ЖЕ ГОДА
Условные знаки:
Линия фронта Красной Армии к началу Августа 1918г
Линия фронта противника к началу Августа 1918г
Наступление противника в Октябре 1918г
Линия фронта занятая Красной Армией к нач. Марта 1919г
150 100 50 0 150 300 км
Вологда
Рыбинск
Ярославль
Кострома
Вятка
Котельнич
Пермь
Кунгур
Оса
Сарапуль
Красноуфимск
Екатеринбург
Тюмень
Тобольск
Ишим
Челябинск
Златоуст
Курган
Петропавловск
Уфа
Белебей
Бугульма
Бугуруслан
Бузулук
Стерлитамак
Оренбург
Орск
Илецк
Уральск
Актюбинск
Тургай
Казань
Симбирск
Сызрань
Самара
Вольск
Саратов
Пенза
Тамбов
Кузнецк
Александров Гай
Новоузенск
Сломихино
Калмыково
Царицын
Сарепта
Астрахань
Гурьев
Жилая-Коса
Казалинск
Эмба
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Ростов
Новочеркасск
Екатеринодар
Ставрополь
Владимир
Ив. Вознесенск
Н. Новгород
Рязань
Воронеж
Москва
КРАСНЫЕ АРМИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
ЧЕХО-СЛОВАКИ
УРАЛЬСКИЙ ВОЙСКА
ИСП. С. В. Милюков

Схема №2
ПОЛОЖЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
К НАЧАЛУ МАРТА 1919 г.
И ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КОЛЧАКА
В МАРТЕ АПРЕЛЕ ЭТОГО ЖЕ ГОДА
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Линия фронта Красных войск к началу марта 1919 г
Линия фронта противника
Направление удара противника
Направление отхода частей Красной Армии
Линия фронта, занятая Красными войсками в середине апреля 1919 г.
150 100 50 0 150 300 КМ
исп С.В. Милюков
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Москва
Казань
Самара
Саратов
Царицын
Астрахань
Уфа
Пермь
Вятка
Екатеринбург
Челябинск
Тюмень
Тобольск
Курган
Оренбург
Уральск
Актюбинск
Красноуфимск
Симбирск
Пенза
Тамбов
Воронеж
Ростов
Новочеркасск
Н.Новгород
Владимир
Вологда
Кострома
Ярославль
Рыбинск
Череповец
Орск

Схема № 3
ПОЛОЖЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
К КОНЦУ АПРЕЛЯ 1919 г.
И НАШ ПЕРЕХОД В НАСТУПЛЕНИЕ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Линия фронта Красных войск в конце апреля 1919 г
Линия фронта противника в конце апреля 1919 г.
Направление удара маневренных групп Красных войск
Направление отходящих частей противника
Линия фронта Красных войск к 1 июля 1919 г
Линия фронта Красных войск к 15 августа 1919 г
150 100 50 0 150 300 км
исп С В Милюков
ВОСТОЧН. ФРОНТА
КОЛЧАКА
АРМИИ
КРАСН. АРМИИ
АРМИИ
МАНЕВР ГРУППА
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСК. МОРЕ
Вятка
Пермь
Екатеринбург
Тобольск
Тюмень
Омск
Курган
Челябинск
Красноуфимск
Сарапуль
Казань
Симбирск
Самара
Уфа
Белебей
Бугульма
Бугуруслан
Бузулук
Оренбург
Уральск
Орск
Актюбинск
Саратов
Пенза
Царицын
Астрахань
Гурьев
Акмолинск
Петропавловск
Ишим
Кустанай
Соликамск
Глазов
Златоуст
Стерлитамак
Сызрань
Вольск
Камышин
Иргиз
Тургай
Казалинск

Схема № 4
ПОЛОЖЕНИЯ НА ВОСТОЧНОМ И ТУРКЕСТАНСКОМ ФРОНТАХ К СЕРЕДИНЕ АВГУСТА 1919 г.
НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНЫХ ВОЙСК К РЕКЕ ИШИМУ И КОНТР-НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВНИКА
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
ТУРКЕСТАНСК. ФРОНТ
КОНТРУДАР ПР-КА
Екатеринбург
Тюмень
Тобольск
Курган
Челябинск
Омск
Петропавловск
Ишим
Красноуфимск
Казань
Уфа
Симбирск
Самара
Оренбург
Орск
Уральск
Актюбинск
Акмолинск
Астрахань
Гурьев
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Линия фронта Красных войск к середине августа 1919 г.
Контр-маневр противника в конце сентября 1919 г.
Линия фронта Красных частей к началу октября 1919 г.
Разграничительная линия между Восточным и Туркестанским фронтами
150 100 50 0 150 300 кл.
исп. С.В. Милюков.